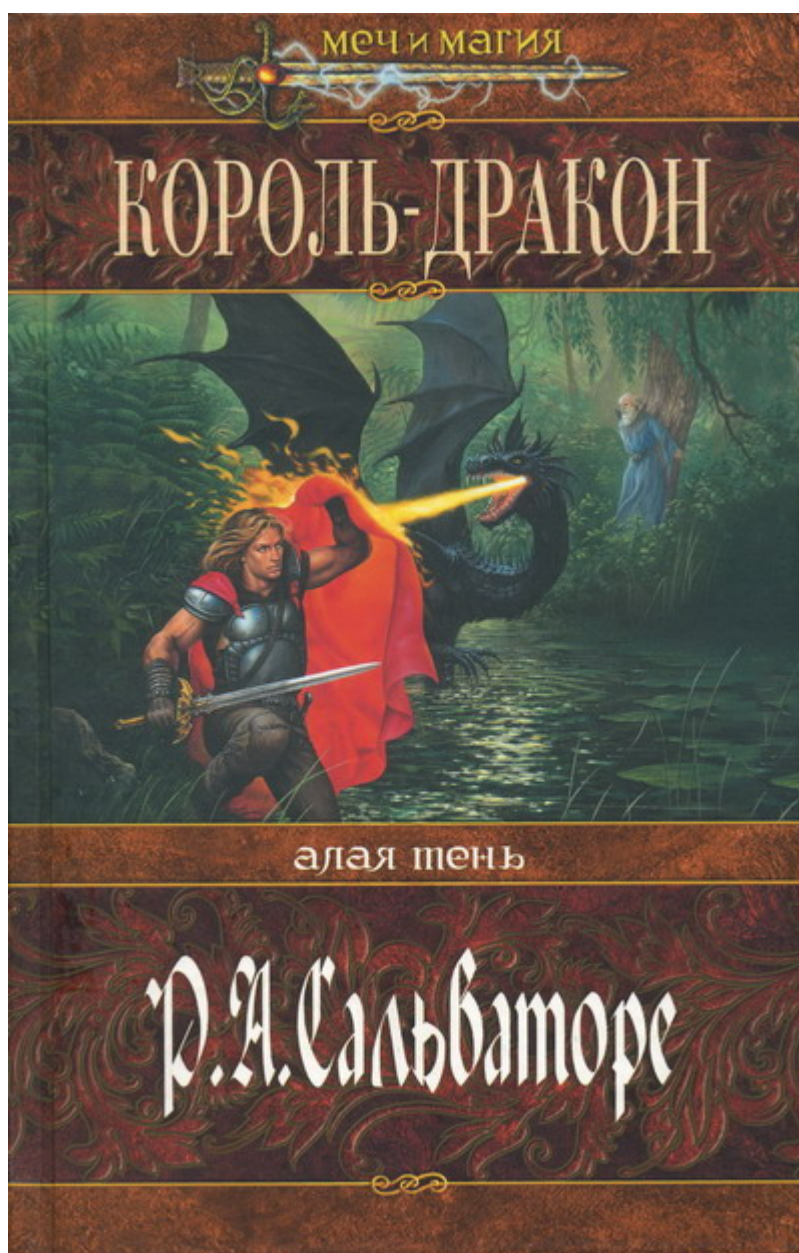

Роберт Сальваторе Король-Дракон

Алая тень – 3

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Vahmurka. <http://oldmaglib.com>
«Р. А. Сальваторе "Король-дракон"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб.; 2004
ISBN 5-699-05904-0

Аннотация

Не желая смириться с потерей части своих владений, жестокий король Гринспэрроу нарушает хрупкое перемирие, достигнутое между королевством Эйвон и северными землями, провозгласившими себя новым королевством Эриадор. С помощью магии он осуществляет одно подлое убийство за другим.

В новой войне против могущественного Гринспэрроу и его демонических союзников правитель Эриадора мудрый чародей Бринд Амор вынужден не только в полной мере использовать свою колдовскую силу, но и призвать на помощь весь народ — от моряков

Порт-Чарлея и свирепых всадников Эрадоха до отважных гномов гор Айрон Кросс и волшебнорожденных эльфов. На его стороне и Лютиен Бедвир, Алая Тень, — герой и символ свободы Эриадора.

Однако никому не известно, что владыка Эйвона — бессмертное исчадие ада и победить его не в силах даже самые искусные маги.

Кроме одного...

Роберт Сальваторе «Король-Дракон»

Пролог

Эйвонские острова познали мир, но мир ненадежный, основанный на соглашении, которого на самом деле не желали ни Эриадор, ни королевство Эйвон. Перемирие было подписано лишь потому, что дальнейшие военные действия могли слишком дорого обойтись беззаконному королю Эйвона и сулили слишком малую надежду на успех обессиленному и истощенному, только что зародившемуся королевству Эриадор.

В северных землях на престол взошел чародей Бринд Амор, и велика была радость всего независимого и мужественного народа. Однако король Бринд Амор, за долгие века

обретший истинную мудрость, не позволял беспочвенным надеждам взять верх над здравым смыслом и осторожностью. Он с горечью сознавал, что в могущественном Эйвоне королем остается жестокий Гринспэрроу. Двадцать лет весь Эриадор и окрестные острова стонали под властью безжалостного владыки, и Бринд Амор понимал, что тот вряд ли смирится с потерей значительной части своих владений, какое бы соглашение ни было подписано. К тому же Гринспэрроу был чародеем не менее могущественным, чем сам Бринд Амор, и мог рассчитывать на помощь демонических союзников, да и в его окружение входили четверо герцогов и герцогинь, обладавших значительными магическими возможностями.

Однако, хотя во всем Эриадоре лишь Бринд Амор мог противопоставить зловещим ратям Эйвона свою колдовскую мощь, новый владыка юного королевства утешался тем, что и у него имелись могучие союзники. И самым известным среди них, безусловно, был Лютиен Бедвир, Алая Тень, ставший народным героем и символом свободы Эриадора. Именно Лютиен победил герцога-чародея Моркнея, возглавил восстание в Монфоре, завоевал город и вернул ему древнее имя: Кэр Макдональд.

Теперь как минимум Эриадор обрел свободу, и весь его народ — моряки Порт-Чарлея и трех северных островов, свирепые всадники Эрадоха, мужественные гномы гор Айрон Кросс, волшебнорожденные эльфы, а с ними и все фермеры и рыбаки, издавна жившие в этих суровых, но прекрасных землях, — в едином порыве встал на защиту своего короля и своей родины.

Если Гринспэрроу пожелает вновь подчинить Эриадор своей незаконной воле, ему придется сражаться с ними, с каждым из них, за каждую пядь древней земли.

1

ВРАГ СТАРЫЙ, ВРАГ НОВЫЙ

Простейшее заклинание помогло ему пройти незамеченным мимо стражи, за главные ворота величайшего города королевства Эйвон, могущественного Карлайла на реке Страттон. Под покровом безлунной ночи человек ринулся прочь, подавляя внутреннее сопротивление, возмущение своего второго «я», нетерпение существа, слишком долго находившегося в плену.

— Сейчас! — безмолвно умолял внутренний голос, выражение воли Дэнсаллигнатоса. — Сейчас!

— Не сейчас, ты, глупец! — взревел Гринспэрроу. Он понимал, насколько опасно подобное путешествие, ведь если он обнаружит свою подлинную природу перед народом Эйвона, люди ужаснутся и отвернутся от него. Дэнсаллигнатос, вторая половина человека, ставшего королем, возражал. Впрочем, как и всегда, на протяжении всех лет правления Гринспэрроу, на протяжении всех предыдущих столетий, с того самого момента, когда они оба — маг и его вторая сущность — стали единым целым. Для Дэнсаллигнатоса обнаружить себя означало заставить всех прочих еще больше пресмыкаться, возвеличить Гринспэрроу в глазах жалких людишек, запугать правителей соседних держав, вынудить их склониться перед несокрушимой мощью, которой являлось королевство Эйвон.

Однако Гринспэрроу понимал, что так может рассуждать лишь Дэнсаллигнатос, поскольку подобные мысли отражают сущность тварей его породы.

Король мчался по полям, его ноги стремительно двигались благодаря несложному заклинанию. Мимо окрестных ферм, мимо крохотных хижин, свечи в окнах которых говорили о том, что их обитатели уже проснулись. Он чувствовал напряжение в позвоночнике, кожа, готовая лопнуть, нестерпимо зудела.

— Еще рано, — умолял Гринспэрроу Дэнсаллигнатоса, но было слишком поздно. Тварь уже не могла сдержаться. Гринспэрроу пытался бежать дальше, но острая боль в ногах вынудила его упасть в густую траву. Тогда он пополз, дюйм за дюймом преодолевая расстояние до гребня горы, надеясь скатиться оттуда в заросшее травой ущелье.

Его вопли заставили фермеров из близлежащих домишек прижаться к окнам, с ужасом

и любопытством вглядываясь в крошечную тьму ночи. Один из них даже взял старый меч предков, заржавевшую железяку, и осмелился выйти из дома. Храбрец медленно пошел в ту сторону, откуда доносились ужасающие вопли.

Никогда в жизни бедному крестьянину не приходилось слышать криков, преисполненных подобной муки, подобного страдания! Кошмарные звуки доносились спереди, из заросшего травой ущелья.

Внезапно наступила тишина, и фермер подумал, что несчастный, должно быть, погиб.

Только тогда он осознал собственную глупость. Нечто за гребнем горы, по всей видимости, только что прикончило человека. Что же заставило его, простого фермера, не умеющего обращаться с мечом, думать, что ему повезет больше? Крестьянин начал медленно отступать назад.

И тут он замер, пораженный.

Чудовищная рогатая голова поднималась и поднималась из тени: на десять футов, на двадцать выше него... Сверкающие выпученные глаза, желто-зеленые, змеиные, уставились на человека, предвещая ему роковую кончину.

У фермера перехватило дыхание. Он отчаянно жаждал повернуться и броситься бежать, но страшное великолепие твари заворожило его. Дракон выполз из-за гребня горы, его гигантские когти вспарывали землю, широко распростертые крылья и огромное тело заслонили собой ночное небо; длина твари от рогатой головы до извивавшегося хвоста была не меньше восьмидесяти футов.

— До чего же славно, Гринспэрроу, — внезапно произнесла тварь.

— Не произноси этого имени! — сказала она тем же самым громовым голосом, но с совершенно другой интонацией.

— Гринспэрроу? — умудрился прошептать потрясенный и испуганный фермер.

— Гринспэрроу, — настойчиво повторил дракон. — Или ты не знаешь своего короля? На колени!

Невероятная мощь ужасающего голоса подействовала на дрожащего фермера как удар. Он рухнул на колени, склонив голову перед самой кошмарной тварью из всех, когда либо рождавшихся в этом мире.

— Видишь? — спросила часть короля, являвшаяся Дэнсаллигнатосом. — Они боятся меня, поклоняются мне!

Едва прозвучали эти слова, как морда дракона причудливо исказилась. Голос Гринспэрроу попытался возразить, но его слова заглушил рев пламени, вырвавшегося из пасти дракона.

Обугленный труп, лежавший рядом с оплавленным мечом, никто теперь не смог бы узнать.

Дэнсаллигнатос пронзительно взвизгнул, недовольный тем, что забава с крестьянином оказалась такой короткой, но Гринспэрроу тут же заставил себя взлететь, и пьянящая свобода прохладного ночного воздуха, обвевавшего кожистые крылья, так обрадовала его, что все остальное показалось не важным.

Толпа фермеров, собравшаяся на следующий день возле обрыва, в ужасе таращилась на выжженную траву и обугленное тело. Вызвали преторианскую гвардию, но от грубых, неприятных циклопов, как обычно, толку было немного. Посмеиваясь над убитой горем семьей погибшего, они обещали, что сообщение о случившемся будет послано в Карлайл.

Несколько крестьян заявили, что видели прошлой ночью парящую в небе огромную крылатую тварь; об этом тоже следовало бы сообщить в Карлайл.

Гринспэрроу своевременно вернулся к изнеженному, почти женоподобному облику, столь хорошо знакомому его подданным, темной, тайной стороной которого являлся Дэнсаллигнатос. Умиротворенный ночью свободы, он отмахнулся от донесений, объявив их плодом разыгравшегося воображения невежественных крестьян.

— Будьте уверены, в эти дни даже рыба ловится лучше! — заявил дородный Шамус

Макконрой, первый помощник капитана «Морского дьявола», рыболовного судна из деревни Гайби, самого северного порта залива Колтуин на северо-восточном, обдуваемом всеми ветрами побережье Эриадора. Названный так за свою способность легко прыгать по высоким волнам, наполовину погружаясь в воду, «Морской дьявол» считался одним из лучших судов немалого рыболовецкого флота залива Колтуин. Судно длиной в тридцать футов, оснащенное единственным прямым парусом, несло на себе команду из восьми старых, просоленных морских волков, среди которых не нашлось бы ни одного, чьи волосы не поседели.

Старому капитану Арану Тумзу это нравилось, и он упорно отказывался заниматься обучением молодой смены.

— Некогда мне возиться с сопляками, — огрызался капитан каждый раз, когда кто-либо замечал, что его судно ожидает роковой конец. «Оно ведь смертно, как человек», — говорили люди. Тумз всегда встречал насмешки многозначительным фырканьем. В заливе Колтуин и в Дорсальском море встречались огромные стаи китов-убийц, а погода резко менялась без предупреждения, и рыбаки часто оставляли своих жен вдовами, а «сопляки» нередко тонули, не успев стать взрослыми. А команда «Морского дьявола» состояла из бесшабашных холостяков, отчаянных пьяниц и отчаянных авантюристов, бросавших вызов могучему Дорсальскому морю, — они словно бы полагали, что Господь, посылая им навстречу волны, испытывает их храбрость. День за днем их корабль скользил вперед, двигаясь быстрее и забираясь дальше всех других судов рыболовецкого флота.

Так было и в этот летний день. «Морской дьявол», распустив парус, несясь по бурным волнам Дорсальского моря. Погода, казалось, была готова меняться каждый час, яркое солнце то и дело закрывали черные тучи, так что людей охватывали то жар, то холод, как это всегда бывает в открытом море. Более молодые и менее опытные моряки стояли бы, вцепившись в леера и распрощавшись с надеждой удержать в себе завтрак, но команде «Морского дьявола» море было домом родным, и она без труда брала препятствия, притопывая косолапыми ногами.

И настроение моряков было в этот чудный денек куда лучше обычного, потому что их родина, любимый Эриадор, вновь свободна. Подгоняемый армией повстанцев, ударным маршем прошедших до самого Принстауна, король Эйвона Гринспэрроу вынужден был выпустить Эриадор из своей железной хватки, вернув его земли народу. Старый чародей Бринд Амор, уроженец Эриадора, был коронован в Кэр Макдональде в начале лета. Нельзя сказать, конечно, что жизнь рыбаков из залива Колтуин от этого особо изменилась, — не считая, разумеется, того, что им больше не приходилось выплачивать грабительские налоги отвратительным циклопам. Обитателям суровых земель северного Эриадора никогда на самом деле не доводилось ощутить на собственной шкуре всю полноту тиранической власти Гринспэрроу, и разве что одному из пятидесяти жителей побережья случалось хоть раз в жизни побывать дальше северных границ полей Эрадоха.

Лишь народ южного Эриадора, живший у подножия величественного горного хребта Айрон Кросс, в полной мере ощутил значительные изменения в повседневной жизни, но дело было совсем не в этом. Эриадор скинул оковы, и радостный клич свободы и независимости эхом прокатился по всей земле, от Айрон Кросса до Глен Олбин, от сосновых лесов на северо-востоке до источенных морем скал залива Колтуин, достиг он и трех северных островов: Марвиса, Кейрита и величественного Бедвидрина. Простая надежда, эта наиболее важная составляющая счастья, пришла в дикие земли, воплощенная в короле, которого мало кому севернее Просеки Макдональда приходилось видеть, а также в ожившей легенде, называемой Алой Тенью.

Когда весть о свободе достигла залива, весь флот вышел в море; моряки пели и плясали на палубах, словно они и вправду ожидали, что воды наполнятся рыбой, а дорсальские киты обратятся в бегство, едва завидев флаги старого Эриадора, словно ярость штормов уменьшится, а сама природа склонится перед новым королем.

Надежда — прекрасная штука, и потому команде «Морского дьявола» казалось, что их

судно подпрыгивает немножко выше и режет темные воды чуть быстрее обычного.

Рано утром Шамус Макконрой заметил первого кита, черный плавник которого, выше человеческого роста, взрезал воду едва ли в пятидесяти футах по правому борту. Восемь морских волков встретили его с привычной беспечностью, осыпав насмешками, проклятиями и градом бутылок из-под виски, а когда плавник скрылся под водой, удаляясь от судна, они бросили ему вслед несколько одобрительных восклицаний и тут же забыли о ките. Наименее опытные из них провели на море как минимум тридцать лет, и их страх перед чудовищными китами давно пропал. Они прекрасно изучили опасных животных и знали, когда можно позволить себе насмешки, а когда следует развернуться и бежать, когда нужно вывалить за борт всю наловленную рыбу в качестве отвлекающего средства, а когда браться за длинные остроги.

Вскоре после того, как последние признаки земли скрылись из вида, Аран Тумз, оставив утреннее солнце за правым плечом, направил «Морского дьявола» на юго-восток, к проливу между побережьем Эриадора и Пятью Стражами, линией островков, больше похожих на простые скалы. Тумз намеревался провести в плавании добрую часть недели, преодолев за это время сотни миль. Он предполагал пройти на север от Колонси, самого большого и северного из Пяти Стражей, а затем вернуться в залив. Вода там была холоднее, и старый капитан знал, что именно это привлекает туда огромные стаи макрели и трески. Впрочем, остальные рыбаки флота Колтуина знали об этом не хуже, но не многие обладали отвагой команды «Морского дьявола» или могли поладить с опасным и вероломным морем так же хорошо, как Аран Тумз.

Тумз сохранял заданный курс в течение трех дней, пока впереди не появились вершины отвесных гор острова Колонси. Затем он начал неторопливый, долгий поворот по дуге в сто восемьдесят градусов, направляя судно к северо-западу. За его спиной яростно работали, не менее яростно пили и орали от восторга семь членов его команды, вытягивая сети, полные рыбы: прекрасной, сверкающей, пахучей, барахтающейся трески и макрели и даже блюзов, отвратительных маленьких хищников. Эти твари только и делали, что плавали и кусались, плавали и кусались, никогда не останавливаясь и не прекращая поглощать невезучих рыб, которым случалось угодить к ним в пасть. Шамус Макконрой работал на страховочном кофель-нагеле, топча головы блюзов, пока полные зубов пасти не прекращали свою безостановочную работу. Один из хищников цапнул его за лодыжку — укус почувствовался даже сквозь толстую кожу сапога, и Макконрой ответил тем, что поднял десятифунтовую рыбку за хвост и приложил ее об леер, под смех и одобрительные возгласы остальной команды.

Вот так морские волки представляли себе рай.

«Морской дьявол» осел в воде до ватерлинии, не пройдя и половины дуги, его трюм почти наполнился. Моряки спустились в трюм, и пока двое вели корабль, остальные пятеро сортировали груз, отбирая мелкую, еще живую рыбу и выбрасывая ее за борт, в надежде заполнить освободившееся пространство более крупными экземплярами. Все это было просто игрой, шуточным соревнованием, поскольку дюжина мелких рыб стоила столько же, сколько восемь крупных, которые позже займут их место в трюме, но опытные моряки знали, что долгий день пройдет быстрее, если занять руки работой. Вот так они и плыли, нагружившись рыбой, в трех сотнях миль от порта, не обремененные заботами, но распустив парус на полную мощь и управляя чертовой лодкой.

— Ага, так мы не единственная посудина, у чьей команды хватило мозгов добраться сюда, чтобы вернуться с полным трюмом, — заметил Шамус Арану. Усмехнувшись в ответ на скептический взгляд капитана, Шамус показал на север, где от сине-серой линии горизонта отделилось темное пятно.

— Жаль, что у нас трюм маловат, — беззаботно ответил Аран. — Мы могли бы очистить от рыбы все море еще до того, как они подойдут! — Суровый капитан подтвердил свои слова, сильно хлопнув товарища по спине.

Шамус лишь усмехнулся в ответ.

«Морской дьявол» продолжал свой веселый бег, погода была свежей и ясной, волны высокими, но не бурными, и рыбачили они теперь больше ради забавы, чем для выгоды. Вскоре после полудня, однако, беспокойство Арана Тумза возросло.

Пятно у горизонта значительно выросло, и, к удивлению капитана, на единственной мачте не виднелось паруса, так что это судно не могло принадлежать рыболовецкой флотилии залива Колтуин.

Однако оно двигалось, и быстро, причем, казалось, наперерез «Морскому дьяволу».

Тумз повернул судно к порту, взяв курс на запад.

Через несколько минут другое судно тоже изменило свой курс.

— В чем дело? — спросил Шамус, подойдя к стоявшему у штурвала Тумзу.

— Я не знаю, — мрачно ответил капитан. — Именно это заставляет меня задуматься.

К настоящему моменту команда «Морского дьявола» уже могла разглядеть пену по бокам приближавшегося судна, что могло означать только одно: ряды больших весел, работавших изо всех сил. Во всем Дорсальском море лишь один народ использовал суда, оснащенные не только парусами, но и веслами.

— Хьюготы? — спросил Шамус.

Аран Тумз не нашел в себе сил для ответа.

— Что они делают так далеко к юго-востоку? — задал риторический вопрос Шамус.

— Мы не знаем наверняка, хьюготы ли это! — рявкнул Аран Тумз.

Шамус застыл, онемев от изумления, уставившись на Тумза. Капитан, который лишь смеялся при виде дорсальских китов, казалось, по-настоящему занервничал при мысли о том, что приближавшееся судно могло оказаться галерой хьюготов.

— Только хьюготы передвигаются с такой скоростью на веслах, — заметил один из моряков. Все уже и думать забыли о переборке рыбы.

Аран Тумз пожевал нижнюю губу, пытаясь найти хоть какой-нибудь ответ.

— Красиво идет, — заметил Шамус, заглядевшись на галеру. И действительно, галеры варваров-хьюготов были самыми изящными судами во всех северных морях. Грациозное судно семидесяти футов длиной выглядело одновременно мощным и проворным и разрезало волны, даже не оставляя ряби.

— Опустошить трюм, — решил Аран Тумз.

Напряжение на лицах остальных семи моряков сменилось недоверием. Кое-кому этот приказ показался просто невозможным, глупым. Они сильно рисковали, забравшись так далеко на юго-запад, на такое расстояние от родного порта, но этот риск с лихвой окупился бы деньгами, вырученными за рыбу. А теперь капитан приказывает выкинуть их добычу?

Но остальные, включая Шамуса Макконроя, которому приходилось ранее иметь дело с жестокими варварами, всем сердцем откликнулись на призыв капитана. Нагруженный несколькими тоннами рыбы, «Морской дьявол» не имел возможности сбежать от галеры. Даже опустошенный, он мог надеяться только продержаться впереди достаточно долго, чтобы утомить гребцов-хьюготов, сидевших на веслах. Но и в этом случае варвары могли распустить парус.

— Выбросить все! — взревел Аран, и команда взялась за работу.

Тумз более внимательно приценился к ветру. Он дул с юга, что было не очень хорошо, если учесть, что варвары, не зависевшие от ветра, шли с севера. Если он попытается сейчас развернуть «Морского дьявола», корабль встанет против ветра, а значит, почти неподвижно застынет на воде.

— Посмотрим, насколько хорошо ты умеешь поворачивать, — пробормотал капитан и повернул назад, к северу. Он собирался перерезать путь хьюготам, пройдя справа. Если «Морской дьявол» уцелеет после этого маневра и избегнет подводного тарана, который, без сомнений, торчит из передней части судна варваров, Тумз поймает попутный ветер, пока галера будет разворачиваться.

С расстояния в несколько сотен ярдов, разделявших суда, Тумз смог разглядеть суету на верхней палубе галеры и огромных людей, бегавших туда-сюда. Он увидел даже высокий

изогнутый полубак, напоминавший волка.

Затем он заметил дым, неожиданно поднявшийся из центра галеры. На мгновение капитан понадеялся, что на галере почему-то начался пожар, например, один из рабов устроил диверсию против налетчиков-варваров. Однако Тумз быстро сообразил, в чем дело, и понял, что его дорогое судно находится в еще худшем положении, чем раньше.

— Всем закрыться! — крикнул капитан команде в тот момент, когда корабль находился менее чем в сотне ярдов, так что он мог разглядеть отдельных хьюготов, перегнувшихся через леера с кровавым выражением на лицах.

К нему подбежал Шамус с огромным щитом, обычно лежавшим в трюме. Шамус поставил щит так, чтобы надежнее прикрыть капитана возле штурвала, а сам присел на корточки рядом.

Тумз намеревался подойти к галере как можно ближе, почти соприкоснуться с кораблем хьюготов, прежде чем совершить резкий поворот, обойдя вражеский корабль справа или слева, в зависимости от того, какой путь покажется легче. Однако ему следовало поспешить. Увидев поднимающийся черный дым, он это понял.

Капитан повернул вправо, и когда левая скамья галеры начала погружаться в воду, перекашивая вражеское судно на левый борт, Тумз переложил руль влево более резко, чем ему когда-либо приходилось делать при повороте «Морского дьявола». Прекрасный корабль, казалось, заколебался, словно застыл на воде, бимсы трещали, мачта стонала. Но судно повернуло, его парус на мгновение повис, затем наполнился ветром и повлек корабль в новом направлении — по счастью, прямо к заливу Колтуин.

Ливень огня хлынул с галеры, десятки зажженных арбалетных стрел оставляли черные линии дыма. Многие стрелы упали в воду, не долетев до цели, многие пронеслись мимо, но одна угодила в нос «Морского дьявола», а другая пылала на палубе по правому борту, угрожая мачте и парусу.

Шамус Макконрой мгновенно очутился там и принялся гасить пламя. Еще двое моряков помчались к нему с ведрами, чтобы залить огонь, пока он не причинил настоящего вреда.

Стоявший у штурвала капитан не сводил глаз с противника. Теперь весла с левой стороны галеры погрузились в воду, застыв, пока гребцы с правой стороны бешено гребли в обратном направлении, вращая семидесятифутовое судно подобно гигантскому вороту.

— Слишком быстро, — пробормотал старый Аран, увидев чудовищный разворот и осознав, что «Морскому дьяволу» придется нелегко, когда он будет проходить мимо вращавшегося тарана. Но Аран вынужден был смириться с нынешним курсом, он не мог развернуть свой корабль в другую сторону и обойти галеру с правого борта.

Это были настоящие гонки, ветер надувал парус «Морского дьявола», весла вспенивали воду по обе стороны галеры. Крохотное рыбацкое суденышко проскочило мимо носа галеры и постаралось оторваться от все еще разворачивавшегося корабля хьюготов. На мгновение всем показалось, что смелый маневр увенчался успехом.

Но затем полетела вторая волна горящих стрел, преодолев почти тридцать футов водного пространства, и больше половины их угодили в самое уязвимое место несчастного суденышка — парус. Шамусу, который все еще пытался ликвидировать последствия первой огненной лавины, стрела угодила прямо в спину, под лопатку. Он сильно пошатнулся, а один из моряков принялся колотить его по спине, чтобы сбить огонь.

Однако огонь меньше всего волновал в тот момент Шамуса Макконроя. Он с трудом дотащился до штурвала, тяжело навалился, почти упал на него и взглянул прямо в мрачное лицо Арана Тумза.

— Похоже, она задела сердце, — произнес Шамус с очевидным удивлением и умер.

Аран осторожно опустил старого товарища на палубу. Он обернулся назад как раз вовремя, чтобы заметить, как пламя охватило парус «Морского дьявола», а гребцы галеры, которой удалось наконец развернуться, дружно вспенили веслами воду, приближаясь с огромной скоростью.

Он взглянул на Шамуса, беднягу Шамуса, — а затем судно резко накренилось, потеряв управление, когда чудовищный таран галеры перебил рулевое весло и застрял в корпусе.

Чуть позже — казалось, не прошло и секунды — Аран Тумз осознал, что его тащат по палубе и перебрасывают на вражескую галеру. Он с трудом открыл глаза и успел увидеть «Морского дьявола», нос которого задрался кверху, а корма уже погрузилась в темную глубину моря. Спустя мгновение его славное судно целиком скрылось под водой, унося с собой в морскую пучину тела Шамуса и Грейзи Соларни, старого морского волка, который плавал с Араном более двадцати лет.

С трудом оторвавшись от кошмарного зрелища, Аран попытался сосредоточиться на происходящем. Он услышал крики хьюготов, требовавших его смерти и смерти остальных членов команды.

Но тут раздался еще один голос, не столь хриплый и глубокий, перекрывший возбужденные вопли варваров и постепенно заставивший их умолкнуть.

— Эти люди не из Эйвона, — произнес незнакомец. — Они эриадорцы. Хорошая порода, и слишком ценная, чтобы их убить.

— На галеру! — взревел один из варваров, крик тут же подхватили остальные.

Пока его тащили по палубе, Аран окинул взглядом своего спасителя. Хотя тот уступал ростом гигантам-хьюготам, он отнюдь не был коротышкой и обладал сильным телом, стройной фигурой и глазами цвета корицы.

Этот человек был эриадорцем!

Аран хотел что-то сказать, но у него не хватило на это сил.

Да и что тут можно было сказать? Его жизнь и жизни членов его команды были спасены, но Аран Тумз прожил на свете немало лет, и ему не раз приходилось слышать рассказы о кошмарной жизни галерных рабов хьюготов. Он не знал, то ли поблагодарить земляка-эриадорца, то ли плюнуть ему в лицо.

2

ДИПЛОМАТИЯ

— Оливер, а ну, вылезай из кровати! — послышался громкий крик, сопровождаемый стуком. — Просыпайся, ты, интриган-недомерок!

Сиоба вновь хлопнула по запертой двери ладонью, затем разочарованно сжала кулаки и наполовину прорычала, наполовину завизжала во всю силу своего голоса:

— Ну почему ты не отправился с Лютиеном? — и снова начала колотить в дверь. Затем сила, казалось, покинула стройную и прекрасную полуэльфийку. Она привалилась спиной к запертой двери, в изнеможении отбросив с лица роскошные пряди цвета спелой пшеницы, и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Время приближалось к полудню, Сиоба встала уже несколько часов назад, приняла ванну, позавтракала, присмотрела за тем, как украшали аудиенц-зал, обсудила их стратегию с королем Бринд Амором, успела даже тайком встретиться с гномом Шаггином, чтобы выяснить, какие неожиданности могут подстерегать их в пути.

А Оливер, оставшийся в Кэр Макдональде, чтобы помочь Сиобе во всех приготовлениях, даже не соизволил до сих пор выбраться из пуховой постели!

— Мне действительно противно это делать, — пробормотала Сиоба, затем покачала головой, осознав, что за несколько коротких дней, проведенных в компании Оливера, она уже привыкла разговаривать сама с собой с удручающей регулярностью. Она повернулась лицом к двери и, опустившись на одно колено, осторожно сунула в замочную скважину тонкий, плоский кусочек металла. Недаром в свое время Сиоба входила в число каттеров, банды эльфов и полуэльфов, которые грабили богатых купцов Кэр Макдональда, когда городом еще правил приспешник Гринспэрроу, герцог Моркней. Сиоба часто хвасталась, что против нее не может устоять ни один замок, так что теперь ей представилась возможность доказать это на деле. Она орудовала отмычкой до тех пор, пока ее слегка заостренные

эльфийские уши не услышали, как замок в двери Оливера открылся с тихим щелчком.

Полуэльфийка понимала, что теперь предстоит самая опасная часть дела. Оливер провел немало лет, избавляя богатых купцов и аристократов от лишнего имущества, его репутация умелого взломщика лишь немногим уступала прославленным каттерам. А фатоватый хафлинг не раз предупреждал окружающих о последствиях проникновения в его жилище без приглашения. Медленно и осторожно Сиоба чуть-чуть, всего на дюйм, приоткрыла дверь, затем провела отмычкой по ее краю. Она прикрыла зеленые глаза и предоставила чувствительным пальцам самим заняться поиском. Так и есть: на середине двери она обнаружила нечто необычное.

Девушка поднялась и улыбнулась, догадавшись о природе ловушки. Простая тонкая бечевка, натянутая между ручкой двери и косяком, без сомнений, соединялась с шестом или иным аналогичным приспособлением, на конце которого болталось ведро, по всей вероятности полное воды.

Ледяной душ для незваного гостя — это вполне в стиле Оливера.

Грациозная взломщица осторожно приоткрыла дверь еще немножко, потом еще, пока не дотянулась до наброшенной на ручку петли. Затем, придерживая ее отмычкой, она очень осторожно сдвинула дверь еще на пару дюймов. Теперь предстояла довольно сложная часть: Сиобе нужно было проскользнуть в комнату, изогнувшись и затаив дыхание, чтобы не задеть дверную ручку и бечеву. Она едва не застряла, так что пришлось открыть дверь еще чуть шире, едва не сместив петлю и не задев ведро, — теперь она убедилась, что там действительно болталось большое ведро, подвешенное к потолку, что могло означать холодный душ, который испортит ее прекрасное платье.

Она застыла на мгновение, решив, что если из-за шутки Оливера пострадает ее наряд — лучшее платье, которое у нее было, — она украдет его драгоценную рапиру, отнесет к приятелю-кузнецу и попросит завязать в узел!

Дверь скрипнула. Сиоба затаила дыхание и медленно шагнула в комнату.

Платье зацепилось за дверную ручку.

С тяжелым вздохом сожаления по поводу того, каким непрактичным на самом деле является этот наряд, Сиоба просто расстегнула пуговицы и выскользнула из платья, оставив его на ручке двери. Очувтившись внутри, она отцепила платье, осторожно прикрыла дверь — и вытаращила зеленые глаза, увидев, что творится в спальне.

Закрываясь, дверь издала тоненький звенящий звук, отвлекший внимание незваной гостьи от комнаты. На ручке двери с внутренней стороны болталась перевязь Оливера, расшитая золотой парчой и украшенная крохотными колокольчиками. На полу, прямо у входа, валялся зеленый чулок с шелковым верхом. Дальше виднелась пара зеленых же краг, одна из них примостилась прямо на знаменитом плаще из пурпурного бархата. Возле плаща расположилась пара начищенных до блеска черных башмаков. Затем следовали голубой камзол без рукавов, второй чулок и белая шелковая нижняя рубаша, приютившаяся возле ножки огромной кровати с балдахином. Широкополая шляпа Оливера, с лихо загнутыми полями, украшенная огромным оранжевым пером, висела на стойке балдахины; как миниатюрному хафлингу удалось забросить шляпу футов на семь в высоту, Сиоба могла только гадать.

Девушка задержалась на секунду, разглядывая перо на шляпе, обвисшее так, будто и оно слишком перебрало предыдущей ночью на молодецкой пирушке.

Со вздохом сожаления Сиоба перекинула платье через руку и подошла ближе. Она прикрыла глаза и фыркнула, обнаружив хафлинга, рухнувшего лицом вниз прямо поверх огромного теплого одеяла, раскинув руки и ноги, обняв подушку, размерами превосходившую самого Оливера. При хафлинге остались только бриджи из пурпурного бархата, под цвет плаща, но они, вместо того чтобы пребывать на положенном месте, обмотались вокруг головы спящего. Полуэльфийка поднялась по пяти ступенькам, без которых маленький хафлинг не добрался бы до постели, и остановилась в задумчивости.

Как же ей разбудить коротышку? Хафлинг громко всхрапнул, и Сиоба фыркнула.

Потом протянула руку и легонько шлепнула по обнаженной блестящей ягодице.

Оливер снова всхрапнул.

Сиоба пощекотала его под мышкой. Хафлинг попытался откатиться в сторону, но Сиоба, угрожающе вскрикнув, схватила его за плечо и вернула на место.

— О мой маленький лютик, — пробормотал Оливер, уставившись на полуэльфийку. — Меня так возбуждают твои груди.

Сиоба решила, что с нее хватит, и на этот раз наградила хафлинга весьма ощутимым шлепком.

Оливер подскочил, одна штанина упала ему на лицо. Он пару раз дунул на нее, но ткань оказалась слишком тяжелой, чтобы сбросить ее таким образом. Наконец бедолаге удалось с трудом поднять руку и убрать с лица неожиданную помеху.

И как же расширились его карие, налитые кровью глаза, когда он увидел Сиобу, одетую лишь в нижнюю юбку, с платьем, перекинутым через руку, стоявшую возле его постели! Оливер медленно опустил взгляд на собственное обнаженное тело, затем вновь посмотрел на Сиобу.

— Лютик? — растерянно спросил хафлинг, и на лице его расплылась сияющая улыбка.

— Даже не думай, — сухо произнесла Сиоба.

Оливер пробежался рукой по холеной бороде, затем по длинным, кудрявым волосам, попутно отшвырнув прочь штаны, и попытался собрать воедино обрывки воспоминаний о событиях прошлой ночи. Большая их часть казалась туманным пятном, но он помнил какую-то горничную...

Глаза хафлинга чуть не выскочили из орбит, когда он понял, что Сиоба пришла к нему в комнату вовсе не по причине каких-либо нежных чувств, ей пришлось разбудить его, и ничего более, и что он был...

— Ох! — взвыл Оливер, резко поворачиваясь и садясь. — Ах ты, бесстыдница... — он даже заикался от смущения. — Ох, где же мой меч?

Взгляд Сиобы скользнул по груди хафлинга, опустился ниже, она злорадно улыбнулась и слегка пожала плечами.

— Моя шпага! — уточнил хафлинг слегка смущенно. — Ах ты... — разъяренный Оливер пулей слетел с кровати, запутался в бриджах и чуть не рухнул, пытаясь натянуть их на ходу. — У нас в Гаскони есть имечко для таких женщин, как ты!

Улыбка Сиобы превратилась в злое оскал.

— Опасность, — сказала она, напоминая хафлингу кое о чем.

Оливер замер, примеряя это слово к прекраснейшей из известных ему женщин. В конце концов он сдался и пожал плечами. «Опасность» — это действительно правильная оценка Сиобы, и далеко не в единственном смысле.

— Ты могла постучать, прежде чем врываться ко мне в комнату, — произнес хафлинг уже более спокойным голосом.

— Постучать?! Да я чуть было не вышибла дверь, — огрызнулась Сиоба. — Ты, должно быть, забыл о встрече с королем Белликом дан Бурсо из Дун Дарроу?

— Забыл? — возмутился Оливер. Он расправил смятую шелковую рубаху и поспешно накинул ее на плечи. — Да я всю ночь к ней готовился! Почему, как ты думаешь, ты застала меня таким слабым и измученным?

— Подушка оказалась весьма требовательной? — с притворным сочувствием осведомилась Сиоба, окидывая взглядом разворошенную постель.

Оливер издал тихое рычание, но не стал вступать в спор. Внезапно он упал на одно колено, отшвырнул в сторону одеяло, обнаружив под ним рукоятку шпаги, затем выдернул клинок, вонзившийся в матрас.

— Я вовсе не отношусь спустя рукава к своему важному положению, — сказал он. — Хафлинги весьма привычны...

— При-ивычны? — насмешливо перебила Сиоба, подражая гасконскому акценту и растягивая слоги.

— Да, привычны, — сердито ответил Оливер. — Хафлинги привычны к любым трудностям и больше похожи на гномов, чем на людей и паршивых эльфов!

— Паршивые эльфы? — пробормотала Сиоба, но не потрудилась ответить громко на выпад Оливера, поскольку тот сел на любимого конька. Он принялся рассуждать о цене дипломатии хафлингов, о том, как презирает он «идиотских человеческих королей» со всеми их «ценностями» вроде семьи и прочего. Продолжая говорить, хафлинг огляделся вокруг, затем поднял глаза, обнаружив свою шляпу, висевшую на столбике балдахина. Не замолкая ни на минуту, он перевернул шпагу, схватив ее за клинок, и подбросил вверх рукояткой. Она подцепила шляпу, сняла со столбика и рухнула вместе с ней вниз. Оливер, поймав шпагу за рукоятку над самой своей головой, удивительно ловко направил ее вниз так, что острие вонзилось в пол возле его босой, заросшей волосами ноги, и принял галантную позу.

— Вот так-то, — закончил хафлинг, чувствуя, что шляпа безупречно обосновалась у него на голове, символизируя таким образом его восстановленное достоинство.

— У тебя есть стиль, — вынуждена была признать Сиоба, но затем, фыркнув, добавила: — И ты неплохо смотришься без одежды.

Оливер моментально оставил свою героическую позу.

— Ох! — взвыл он, поднимая рапиру и еще глубже вонзая ее в пол, но на этот раз задев край собственной ступни.

Пытаясь восстановить вновь рухнувшую репутацию, хафлинг развернулся и ринулся прочь, собирая по дороге камзол, чулки, туфли и краги.

— Я тебе отомщу за это! — пообещал он.

— Я вообще-то тоже сплю без одежды, — поддразнила его Сиоба.

Оливер остановился так резко, что чуть не упал. Он понимал, что девушка просто играет с ним, дразня его любвеобильную душу в тот момент, когда он не может защититься, но богатое воображение, возбужденное ее словами, взяло верх, заставив беднягу задрожать с головы до кончиков волосатых пальцев. Он повернулся, пытаясь найти ответ, но тут же признал свое поражение и бросился к двери, по пути схватив перевязь.

И забыв о своей собственной ловушке.

Шест, на котором болталось ведро, сорвался с места, и на хафлинга обрушился ледяной водопад, окатив его с головы до ног, так что огромные поля знаменитой шляпы печально обвисли.

Оливер, мгновенно остывший, обернулся к Сиобе.

— Именно этого я и хотел, — заявил он и вышел за дверь.

Сиоба покачала головой и рассмеялась. Она некоторое время стояла на месте, размышляя о том, что, несмотря на все доставляемые им неприятности, Оливер де Берроуз отличался невероятным обаянием.

Оливер успел прийти в форму к моменту начала чрезвычайно важной встречи в особняке, еще недавно бывшем частью владений вельможи, преданного Гринспэрроу. Владелец бежал из Эриадора, и Бринд Амор превратил его дом в место официальных приемов в Кэр Макдональде, хотя большинство дел велось в Соборе, огромном сооружении, возвышавшемся над городом. Оливер обсушился и каким-то чудом умудрился вновь придать широким полям своей шляпы надлежащий лихой вид — даже перо гордо реяло над знаменитым головным убором. Сиоба изумилась этой трансформации и даже подумала, не было ли у хафлинга в запасе нескольких одинаковых невообразимых головных уборов с перьями, которые он называл «шапо».

Оливер сел на один из самых высоких стульев слева от короля Бринд Амора. Сиоба заняла место за дубовым столом справа от чародея.

Напротив них расположилась четверка гномов с суровыми лицами. Король Беллик дан Бурсо сидел напротив Бринд Амора, устремив внимательный взгляд голубых глаз на чародея, хотя тот с трудом мог разглядеть их под лохматыми бровями, такими же рыжими, как и знаменитая борода гнома. Эта борода была настолько яркой и пышной, да еще

длинной, до самого пояса, что люди частенько поговаривали, будто король гномов носит наряд из живых языков пламени. Шаглин, друг повстанцев, захвативших Кэр Макдональд, сидел подле Беллика, спокойный и уверенный. Именно Шаглин, гном из Кэр Макдональда, а не с гор Айрон Кросс, являлся инициатором этой встречи и всех обсуждений, которые велись его горными сородичами и новым правительством Эриадора. Шаглин понимал, что любой союз между группами принесет выгоду обеим сторонам, поскольку оба короля, Беллик и Бринд Амор, отличались умом и благородством.

Еще два гнома, широкоплечие генералы, поместились по бокам от Беллика и Шаглина.

Официальные приветствия благополучно закончились, эту часть разговора вел в основном Оливер, как и планировал Бринд Амор. Это, в конце концов, была их вечеринка: именно Бринд Амор, а не Беллик при посредничестве Шаглина просил о встрече.

— Вам известно, насколько мы благодарны за вашу помощь при взятии Принстауна, — начал Бринд Амор тихо. Разумеется, гномы знали, поскольку чародей отослал множество писем и даров в твердыню Дун Дарроу, главную обитель гномов, располагавшуюся в глубине горного хребта Айрон Кросс. Народ Беллика появился на поле боя возле Принстауна, самого северного города Эйвона, как раз вовремя, чтобы отрезать дорогу отступавшему войску Эйвона, разбитому эриадорцами в Глен Дуррич. При помощи войска Беллика, перекрывшего дорогу, была одержана окончательная победа. — Эриадор в немалом долгу перед королем Белликом дан Бурсо и его воинами, — закончил Бринд Амор.

Беллик кивнул и вежливо заметил:

— Принстаун в любом случае пал бы, даже без нашей помощи.

— Да, но если бы солдаты Принстауна вновь укрылись за высокими стенами... — вмешался Оливер, хотя его замечание было явно не к месту.

Бринд Амор только хмыкнул, давно привыкнув к не слишком безупречным манерам хафлинга.

Беллик, впрочем, не выглядел довольным, что заставило мага с любопытством присмотреться к нему. Сперва чародей подумал, что тот счел вмешательство Оливера оскорбительным, но затем понял, что гнома беспокоило что-то другое.

Король горного народа взглянул на Шаглина, кивнул, и тот решительно встал и откашлялся.

— Двадцать волшебнорожденных были убиты вчера вечером у подножия Айрон Кросса, — сообщил он. — Менее чем в двадцати милях отсюда.

Бринд Амор откинулся на высокую спинку стула, бросив взгляд на Сиобу, которая горестно кивнула, закусив губу. До полуэльфийки уже дошли слухи об этой битве, поскольку ее народ, волшебнорожденные, не отличался многочисленностью, и они старались не выпускать друг друга из вида. Теперь, похоже, их стало еще меньше...

— Всадники-циклопы, — продолжал Шаглин. — Их была как минимум сотня.

— Никогда прежде одноглазые не выступали столь организованно, — добавил Беллик. — Похоже, ваша небольшая война выгнала тварей из глубоких горных нор.

Бринд Амор прекрасно понимал ярость гостя и суть обвинения — если именно обвинение хотел предъявить король гномов. Активность циклопов возле северного подножия Айрон Кросса действительно значительно возросла с момента подписания соглашения с Эйвоном. Бринд Амор надолго задержал взгляд на Сиобе, спрашивая себя, каково ей сейчас. Затем перевел взгляд на Оливера и понял, что старый товарищ тоже не считает возросшую сразу после заключения перемирия активность случайностью.

Шаглин подождал, пока Бринд Амор повернется к нему, и лишь после этого снова сел. Чародей заметил слабый кивок чернобородого гнома и расценил его как сочувствие, выраженное королю Эриадора, оказавшемуся в столь тяжелом положении. И надо сказать, тот весьма в нем нуждался.

— Одноглазые разрушили несколько деревень, — объяснил Бринд Амор Беллику.

— Возможно, они решили, что, если эти земли не принадлежат больше королю Гринспэрроу, их можно безнаказанно грабить, — сказал Беллик, но по его тону было ясно,

что он и сам не верит в собственное предположение. Оба короля знали, кто стоит за рейдами циклопов, но не говорили об этом открыто прежде всего потому, что еще не заключили друг с другом официального соглашения.

— Возможно, — согласился Бринд Амор. — Но какова бы ни была причина налетов одноглазых, совершенно ясно, что оба народа — и гномы, и эриадорцы — выиграют от союза.

Беллик кивнул.

— Я знаю, чего вы хотите от меня и моих сородичей, король Бринд Амор, — сказал он. — Вам требуется горная армия, защита от одноглазых и поддержка против Гринспэрроу, если король Эйвона решит вновь заявиться. Но я хочу знать, что вы можете предложить моему народу.

Бринд Амор был слегка удивлен прямоотой и напором гнома. Дипломатическая встреча, подобная этой, могла продолжаться несколько дней, прежде чем подразумеваемые вопросы будут заданы откровенно. Шаглин предупреждал чародея о грубоватом стиле короля гномов, но теперь, когда заварилась такая каша да еще в связи с сообщением о рейдах циклопов, Бринд Амор обнаружил, что ему все больше нравится прямота Беллика.

— Рынки, — ответил чародей. — Я предлагаю вам рынки. И Кэр Макдональд, и Дун Карит будут открыты для вас, а поскольку Эриадор стремится упрочить свою независимость, мы создадим постоянную армию, которой понадобится много оружия.

— И никто не выкует лучшего оружия, чем вы, гномы, — быстро добавила Сиоба.

Беллик поставил локти на стол и скрестил пальцы перед заросшим волосами лицом.

— Вы хотите, чтобы Дун Дарроу вошел в состав Эриадора, — сказал он прямо и как-то грустно.

— Мы рассчитываем на союз двух независимых королевств, — без колебаний ответил Бринд Амор. — Но я от души надеюсь, что...

— Что держа под своим контролем Дун Дарроу, вы получите припасы, в которых столь отчаянно нуждаетесь, гораздо дешевле, — прервал Беллик.

Бринд Амор вновь откинулся назад, устремив внимательный взгляд на короля гномов. После короткой паузы он собрался ответить, но Беллик остановил его, резко подняв руку.

— Это достаточно искренне, — сказал гном. — И я признаю, что сделал бы то же самое, окажись я в столь же слабой позиции. Король Эйвона хочет получить Эриадор, а не Дун Дарроу — благодаря скалам он в любом случае не сможет до нас дойти, а если и дойдет, не достанет! — Голос рыжебородого гнома от возбуждения повысился, а три его спутника одобрительно кивнули.

Оливер, желая высказаться, дернул Бринд Амора за рукав, но Беллик вновь заговорил, прежде чем чародей разобрался, чего хочет хафлинг.

— Так что я вас не осуждаю, — продолжил король гномов. — Мы спустились с гор и подошли к Принстауну в благодарность за то, что вы сделали для моих сородичей, освобожденных из рабства в этом городе, в шахтах и во всем Эриадоре. Мы знаем вас как друга гномов, а это высокая оценка. И, честно говоря, Дун Дарроу тоже выиграет с точки зрения безопасности, заключив такой тесный союз с Эриадором, какого хотите вы.

— Никто, кроме короля Дун Дарроу, не может править в Дун Дарроу, — сказал воин гномов, сидящий рядом с Шаглином.

— И любой, кто будет править в Дун Дарроу, должен принадлежать к роду Бурсо, — добавил другой генерал. — В его жилах должна течь кровь гномов, и только гномов.

Бринд Амор, Сиоба и Оливер поняли, что это вмешательство было запланировано, слова тщательно продуманы. Беллик хотел, чтобы Бринд Амор ясно видел его позицию, но на этот раз Оливер вскочил со стула и вскарабкался на стол.

— Мои дорогие бородатые друзья! — начал хафлинг.

Шаглин застонал, Сиоба тоже.

— Я также гражданин Эриадора, — продолжал Оливер, проигнорировав протестующие возгласы товарищей. — Я служу королю Бринд Амору! — Он произнес это столь

драматично, словно ожидал аплодисментов, но когда таковых не последовало, он несколько растерялся и на мгновение умолк. — Но никто не может управлять Оливером де Берроузом, кроме самого Оливера де Берроуза! — С этими словами хафлинг выхватил шпагу и замер в торжественной позе.

— Ваше предложение? — сухо поинтересовался Беллик.

— Дуократия, — пояснил хафлинг.

Последовал шквал возгласов и вопросов, поскольку никто не имел представления, что же такое «дуократия».

— Эриадор принадлежит Бринд Амору, — продолжал Оливер. — И он правит в Эриагоре. И, однако, он не указывает всадникам Эрадоха, что делать в Меннихен Ди. Не указывает он и Гахризу, который правит островом Бедвидрин, как руководить делами своих владений.

— Если только его не вынуждают к этому, — вмешалась Сиоба, бросая предостерегающий взгляд на хафлинга.

— Сейчас я говорю! — рявкнул на нее Оливер.

Сиоба подмигнула ему, подумывая, не спихнуть ли его со стола, но вместо этого позволила товарищу продолжить.

— Так будет и с гномами, и даже более, — пояснил Оливер. Ему пришлось сделать паузу, пытаясь сообразить, что значили угрожающие сигналы Сиобы. Может, она просто поддразнивает его? Обдумав подобную возможность, редкую красоту и ум самой прекрасной полуэльфийки, Оливер понадеялся, что это не так.

— Ты хотел что-то сказать, — напомнил Бринд Амор.

— Я?

— Так будет и с гномами, и даже более, — повторила Сиоба.

— Ах да! — просиял хафлинг и улыбнулся еще шире, когда Сиоба вновь ему подмигнула. — Дуократия. Дун Дарроу станет частью Эриадора, но король Эриадора не будет вмешиваться в его внутренние дела.

И Беллик, и Бринд Амор выглядели заинтригованными и слегка смущенными.

— Я никогда не слышал о подобном правлении, — заявил Бринд Амор.

— Как и я, — согласился Беллик.

— Как и я! — признал Оливер. — И поскольку раньше такого никогда не было, это сработает еще лучше!

— Оливер не сторонник правительств, — пояснил Бринд Амор, заметив смущенное выражение на лице Беллика.

— Ах вот как? — откликнулся гном, затем повернулся к Оливеру. — При этой дуократии, кем буду я? Слугой Бринд Амора или королем Дун Дарроу?

— И тем, и другим, — пояснил хафлинг. — Хотя я никогда не назвал бы одного из рода Бурсо-молотобойцев слугой. Нет, не так. Союзником Эриадора, позволяющим Бринд Амору определять общий курс посредством великой... то есть сильной, хотя и скучной внешней политики.

— Звучит как слуга, — с отвращением пробормотал один из гномов.

— Ну, это как посмотреть, — ответил Оливер. — Король Беллик вряд ли захочет возиться с такими дипломатическими вопросами, как, например, правила рыболовства или шпионы Гаскони. Нет-нет, король Беллик скорее предпочтет проводить свои дни в кузнице, я уверен, как и положено любому порядочному гному.

— В общем верно, — признал огненнобородый король.

— В этом смысле, мне кажется, король Бринд Амор станет слугой короля Беллика, взяв на себя все беспокойные мелочи правления, пока король Беллик бьет своим молотом, или чем там бьют гномы.

— И, разумеется, в любой ситуации, которая прямо или косвенно касается Дун Дарроу, я первым делом проинформирую вас и буду ждать вашего совета и решения, — вмешался Бринд Амор, стремясь удержать в узде кипучую энергию Оливера.

Четверо гномов попросили сделать перерыв и, отойдя в угол зала, о чем-то возбужденно заговорили. Но они очень быстро вернулись к столу переговоров.

— Имеются детали, с которыми следует определиться, — сказал Беллик. — Мне бы следовало сохранить неприкосновенным суверенитет Дун Дарроу...

Бринд Амор вдруг почувствовал, как его охватила слабость.

— Но, — продолжил Беллик, — я с удовольствием посмотрел бы на выражение мерзкой рожи Гринспэрроу, когда он услышит, что Дун Дарроу и Эриадор стали одним целым!

— Дуократия! — завопил Оливер.

Затем в переговорах был объявлен перерыв. Они достигли такого успеха, на какой Бринд Амор даже не смел надеяться. Чародей остался с Оливером и Сиобой, все трое пребывали в превосходном расположении духа. Хафлинг, разумеется, без усталости хвастался своим вдохновенным вмешательством, безбожно приукрашивая рассказ многочисленными подробностями.

— Я, однако, заметил, — произнес Бринд Амор, дождавшись, пока обессиленный хафлинг сделает паузу достаточно длинную, чтобы хоть кто-нибудь мог вставить слово, — что в своей маленькой речи ты обращался к моему собрату как к «*королю Беллику*», в то время как меня ты именовал просто *Бринд Амором*.

Оливер было захихикал, но тут же умолк, увидев серьезное выражение лица мага. На свете существовало не слишком много людей, с которыми Оливеру хотелось бы враждовать, и могущественный чародей Бринд Амор, безусловно, возглавлял список.

— Это была не речь, — заикаясь, пробормотал хафлинг. — А представление. Да, представление для наших волосатых друзей, малышей-гномиков. Вы заметили мою небольшую ошибку, и Беллик тоже...

— Король Беллик, — поправил Бринд Амор. — И я заметил, что это была единственная оговорка.

Оливер на мгновение замялся.

— Да, но я знал вас задолго до того, как вы стали королем, — нашелся он наконец.

Бринд Амор мог бы еще долго изображать притворную ярость, наслаждаясь заискиванием хафлинга, но уж больно заразительно хихикала Сиоба, и Оливер расхохотался громче всех, сообразив наконец, что чародей просто подшутил над ним. В конце концов, он довольно удачно влез со своей дуократией, так что, похоже, жизненно важное соглашение между Белликом и Бринд Амором оставалось только подписать.

Оливер заметил также странные взгляды, которые бросала на него Сиоба. В них определенно читалось нечто новое.

Быть может, уважение?

Менстер, располагавшийся в юго-западном уголке Глен Олбин, ничем не отличался от сотен подобных крохотных поселений Эриадора. В нем, разумеется, не было войска, ведь Менстер являлся не чем иным, как скоплением домишек, окруженных частоколом из вбитых в землю бревен. Его жители — в основном одинокие мужчины — потихоньку ковырялись в земле, возделывая небольшие огороды, усердно охотились и ловили рыбу в чистой, бурной речушке, сбегавшей со склонов Айрон Кросса. Обитатели Менстера мало общались с внешним миром, хотя двое из них присоединились к армии Эриадора, когда она маршировала через Глен Олбин, направляясь к Принстауну. Оба новоиспеченных воина благополучно вернулись, принеся радостную весть о победе, когда армия шла обратно в Кэр Макдональд.

Радость и ликование надолго поселились в Менстере с тех пор, как война закончилась. В прошедшие годы деревушку часто посещали сборщики налогов Гринспэрроу, и, как и большинству независимых эриадорцев, народу Менстера совершенно не улыбалось жить под мрачной властью чужеземного короля.

Со сменой правительства, с тем, что Эриадор вновь оказался в руках эриадорцев, их

жизнь могла измениться только к лучшему — во всяком случае, обитатели деревни искренне в это верили. Возможно, они так и останутся незамеченными новым королем Эриадора — не беспокоимые ни сборщиками налогов, ни кем бы то ни было еще, — что их вполне устраивало.

Но Менстер не остался незамеченным грозной ордой циклопов, и, хотя жители деревни были народом стойким и мужественным, живущим к тому же почти в изоляции благодаря крутым склонам Айрон Кросса, они не были готовы, просто не имели возможности подготовиться к событиям той роковой летней ночи.

В ту ночь, как и в большинство прочих, на стене, охраняя покой горячо любимой деревушки, находились Тонки Макомер и Мииген Комбер, ветераны принстаунской кампании. Мииген первым заметил циклопов, пробиравшихся сквозь подлесок ярдах в сорока от стены.

— Грациозны, как подвыпивший одноногий медведь, — прошептал долговязый малый Тонки, заметив, куда указывала рука приятеля.

Не происходило ничего необычного — циклопы часто болтались возле Менстера, в основном подбирая павших животных, выброшенных за ограду. Впрочем, иногда они проверяли бдительность жителей деревушки. Поселение располагалось на плоской равнине, а вся растительность на сотню футов вокруг частокола была уничтожена. Учитывая, что циклопы из-за одного глаза весьма плохо умели обращаться с оружием, действующим на расстоянии, а тридцать или около того деревенских охотников все как один являлись великолепными лучниками, защитники Менстера могли положить сотню одноглазых еще до того, как те успеют пересечь открытое пространство. К тому же циклопы отличались столь буйным и скверным характером, что ненавидели всех вокруг, не исключая собственных собратьев, поэтому они редко объединялись в группы хотя бы в сотню особей.

— Опа, вон еще один, — сказал Тонки, указывая вправо.

— И еще один, позади, — добавил Комбер. — Пожалуй, пора поднимать народ.

— Большая часть и так не спит, — заметил Тонки. Оба обернулись и взглянули на центральную постройку деревушки, дом собраний и по совместительству таверну, длинную и низкую постройку, прекрасно освещенную и изрядно шумную.

— Хочется верить, что они не слишком набрались для меткой стрельбы, — заметил Комбер. Впрочем, тон разговора оставался прежним, легким и не особенно тревожным.

Комбер развернулся, собираясь пробежать по периметру стены, спуститься вниз и сообщить жителям деревни о потенциальной опасности. Менстеру приходилось действовать по подобному сценарию как минимум тысячу раз, так что все тридцать охотников (за исключением парочки, которые и в самом деле оказались бы слишком пьяными, чтобы рискнуть взяться за луки) через несколько секунд должны были бы занять свои места, обрушивая смертоносный ливень стрел на одноглазых, которые рискнут высунуться на открытое пространство.

Однако Комбер, успевший пробежать около половины расстояния, вдруг застыл на месте и уставился за стену.

— Что ты видишь? — спросил Тонки, стараясь говорить как можно тише.

Комбер испустил громкий крик.

В то же мгновение в таверне началась суматоха, оттуда выскакивали мужчины и женщины и мчались к стене, держа в руках луки.

Комбер и Тонки стреляли снова и снова, почти не целясь. Впрочем, в этом не было особой нужды, так велика была толпа одноглазых, выскочивших из-за кустов и ринувшихся через открытое пространство.

Все больше жителей деревни взбиралось на стены, сжимая в руках луки, и циклопы валились дюжинами.

Однако отряд циклопов насчитывал не менее тысячи тварей, так что они могли позволить себе подобные потери.

Казалось, стена застонала и закричала, когда кошмарная масса навалилась на нее,

приставляя лестницы и прорубая проходы чудовищными топорами.

Жители Менстера продолжали обороняться, они почти опустошили колчаны и громко требовали новых стрел, в упор поражая лавину одноглазых тварей. Однако в стене уже зияли бреши, нескончаемый поток циклопов лез вверх по приставным лестницам, так что большинству обитателей деревни пришлось отбросить луки и схватиться за мечи, копья и все, что в данной ситуации могло послужить дубиной.

Вблизи, однако, защитники утратили свое преимущество, а это, как хорошо понимали обе стороны, означало потерю Менстера.

Через несколько минут все было кончено.

Вот так, неожиданно, Менстер, а вернее, море крови на том месте, где он некогда находился, перестал быть просто незначительной и незаметной деревушкой для короля Бринд Амора или любого, живущего вдоль южной границы Эриадора.

3

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ

Первые, еще слабые лучи утреннего солнца разбудили Кэтрин О'Хейл. Она окинула взглядом лагерь: серые круги пепла, оставшиеся от костров, горевших предыдущей ночью, две лошади под огромным вязом, скатка, уже свернутая и готовая к навьючиванию. Это вовсе не удивило Кэтрин, она подозревала, что ее товарищу по путешествию не удалось поспать долго.

Молодая женщина заставила себя выбраться из-под одеяла, выпрямилась и потянулась, ощущая боль во всем теле из-за ночевки на твердой земле. Ныли стертые в кровь ноги и ягодицы. Они с Лютиеном пять дней почти не покидали седел, мчась к северу, через весь Эриадор, к самому краю материка. Сейчас, повернувшись спиной к утреннему солнцу, Кэтрин могла разглядеть туманную дымку над проливом, там, где Эйвонское море встречалось с Дорсальским. А сквозь дымку уже проступали призрачно-серые очертания острова Бедвидрин, его округлых, печальных холмов.

Дом. И Кэтрин, и Лютиен выросли на этом острове, самом большом в Эйвонском море, оберегавшем материк и гигантский Барандуин с юга и с запада. Оба провели там почти всю жизнь: Лютиен — в Дун Варне, самом большом городе, средоточии силы, а Кэтрин — на противоположной стороне, на западном берегу, в суровой деревушке Хейл. Достигнув подросткового возраста, девушка отправилась в Дун Варну, чтобы стать бойцом, и там встретила Лютиена.

Она полюбила сына эрла Гахриза Бедвира и отправилась за ним через всю страну, дойдя до Эйвона во главе армии.

Теперь война закончилась, или, по крайней мере, приостановилась, и оба отправились домой. Не ради отдыха, но желая увидеть Гахриза, который, судя по последним сообщениям, лежал при смерти.

Глядя на остров, теперь такой близкий, и размышляя о цели их путешествия, Кэтрин понимала, что Лютиен вряд ли хорошо спал прошлой ночью. Впрочем, как и последние несколько дней. Молодая женщина огляделась вокруг, пересекла небольшой лагерь и взобралась на холмик, пригнувшись, когда приблизилась к вершине.

На соседней поляне стоял Лютиен, обнаженный до пояса, сжимая в руках «Ослепительный», фамильный меч Бедвиров.

Этот меч был настоящим чудом; его безупречный клинок из прекрасно закаленного металла сверкал в лучах утреннего солнца, затмеваемый лишь золотым, украшенным драгоценными камнями эфесом, выкованным в виде фигурки дракона, чьи распростертые крылья образовывали замысловатую крестовину.

Однако сияющие зеленые глаза Кэтрин не задержались на чудесном оружии, гораздо более привлекательным зрелищем являлся сам Лютиен. Его рост на два дюйма превышал шесть футов, широкую грудь и плечи покрывал ровный золотой загар, мускулы на руках

перекатывались при каждом движении. Фигура его изменилась с тех пор, как Кэтрин увидела его впервые на арене в Дун Варне, стала более внушительной и сильной. Внезапно Кэтрин поняла, что прежний юноша канул в прошлое, теперь перед ней стоял могучий мужчина, истинный воин. Изменились даже светло-карие глаза, знак принадлежности к роду Бедвиров. Они сохранили, правда, юношескую ясность, но теперь в них читалась еще и мудрость.

Казалось, «Ослепительный» описывал невидимые фигуры в воздухе, порхая вокруг Лютиена, который то управлялся с ним одной рукой, то сжимал обеими. Лютиен подпрыгивал и наклонялся, грациозно и ловко изгибался в разные стороны, но хотя он часто поворачивался лицом к девушке, она не боялась, что он заметит ее. Он был совершенным бойцом, полностью сосредоточенным на своем занятии. Его не останавливали ни усталость, ни печаль, ни то, что подобные упражнения давно уже стали ежедневной рутинной работой. «Ослепительный», сжатый обеими руками, взметнулся над головой Лютиена, руки и тело молодого человека образовали прямую линию. Лютиен застыл на мгновение, затем медленно повернулся вбок, разжав пальцы правой руки.левой он начал медленно, дюйм за дюймом, опускать меч, а пальцы правой руки при этом скользили по запястью, локтю, предплечью левой, пока не коснулись наконец плеча. Теперь левая рука была вытянута горизонтально, а правая согнулась в локте, кончики ее пальцев лежали на левом плече.

Кэтрин не могла оторвать от него глаз все то время, что он стоял, застыв в этой позе. Меч был очень тяжелым, особенно если держать его на весу, но сильная рука Лютиена не дрожала. Кэтрин всматривалась в мельчайшие детали картины, разглядывая сверкающие глаза и длинные, волнистые волосы любимого, отливавшие в лучах солнца красным золотом.

Кэтрин невольно поднесла руку к собственным ярко-рыжим волосам, откинув их с лица. Как же она любила Лютиена Бедвира! Он всегда присутствовал в ее мыслях, ее снах, неизменно полных наслаждения, если она сжимала его в своих объятиях. Ему пришлось покинуть ее, покинуть Бедвидрин вскоре после трагического происшествия, когда его лучший друг погиб. Лютиен отомстил убийце и отправился в путь — путь, на котором он встретился с Оливером де Берроузом, хафлингом с большой дороги, путь, который привел его к Бринд Амору, волшебнику, все это время жившему отшельником в пещере. Именно Бринд Амор отдал Лютиену алый плащ, возродив таким образом легенду об Алой Тени.

И именно этот путь привел его к Сиобе, прекрасной Сиобе, ставшей его возлюбленной.

Это все еще причиняло боль Кэтрин, хотя они с Сиобой давно уже стали подругами, и полуэльфийка клялась, что Лютиен любит лишь Кэтрин. И в самом деле, Сиоба больше не являлась угрозой для отношений Кэтрин и Лютиена, но гордой женщине не так-то легко было выкинуть из памяти образ этих двоих, сплетающихся в тесном объятии.

Но это следовало забыть. Кэтрин так решила, а она была не из тех, кто отступает от принятого решения. Сиоба стала ее подругой, а Лютиен снова стал ее возлюбленным.

Снова и навсегда, обещал он, и Кэтрин поверила его клятве. Она знала, что Лютиен любит ее столь же сильно, как и она его. И, любя его, Кэтрин сейчас испытывала нешуточную тревогу. Несмотря на гордую позу, Лютиен был абсолютно измучен. Сегодня они доберутся до переправы Даймондгейт, достигнут берегов острова Бедвидрин и окажутся в Дун Варне через три или четыре дня.

Лютиен снова увидит Гахриза. Отца, к которому он питал горячую привязанность, и человека, который некогда страшно разочаровал молодого Бедвира. После гибели своего друга Лютиен узнал ужасную правду о жизни в мире, где царил Гринспэрроу. Юноша также узнал, что Гахриз утратил мужество и уверенность, которых от него ожидали, и отправил старшего брата Лютиена на смерть — из страха перед злобным незаконным королем. Это был удар, от которого Лютиен так и не оправился даже после того, как в Кэр Макдональде появилась Кэтрин, передавшая ему фамильный меч и сообщившая, что Гахриз поднял восстание.

— Если мы хотим попасть на первый паром, следует отправляться немедленно, — крикнула Кэтрин, прерывая сосредоточение Лютиена. Он повернулся, окинул ее взглядом, расслабил напряженные мускулы и позволил острию «Ослепительного» воткнуться в землю.

Ничуть не удивленный ее вмешательством и командным тоном, он ответил простым кивком.

С тех самых пор, как весть о болезни Гахриза, эрла Бедвидринского, достигла Кэр Макдональда, Кэтрин принялась торопить Лютиена. Она понимала, что молодому человеку необходимо заставить отца в живых и примириться с ним, иначе он никогда не обретет мира с самим собой.

Твердо намереваясь попасть на первый паром — в противном случае следующего пришлось бы ждать несколько часов, — Кэтрин начала поспешно сворачивать постель, а Лютиен отправился взглянуть на лошадей. Всего через несколько минут маленький отряд уже мчался на запад.

Переправа Даймондгейт, или Алмазные врата, изрядно изменилась с тех пор, как молодой человек видел ее в последний раз. Это место называли так благодаря плоскому, похожему на бриллиант островку, состоявшему из голых черных камней, — он находился в сотне ярдов от берега, на полпути через канал, отделяющий остров Бедвидрин от материка. Здесь ходили паромы — две баржи, изготовленные гномами, они дюйм за дюймом преодолевали пенистую темную воду благодаря тянущим их веревкам. Эти потрясающие плоские конструкции отличались огромными размерами, но они были столь легкими в управлении, что один-единственный человек мог перегонять их, вне зависимости от того, насколько тяжело они нагружены. Один паром всегда находился в действии, разве что погода была слишком плохой или же в канале замечали огромных дорсальских китов, а другой в это время ремонтировался. Люди не боялись показаться слишком осторожными, когда бороздили темные, опасные воды вокруг острова Бедвидрин.

Все главные приметы этого места остались прежними: паромы, многочисленные камни, гигантские действующие причалы и обломки старых, свидетельство мощи моря. Даже погода стояла прежняя, сырая и хмурая, и вода была черной и опасной, и по ней бежали мелкие белые барашки. Теперь, однако, здесь виднелось гораздо больше военных судов, стоявших на якоре: почти половину флота Эриадора составляли корабли Эйвона, захваченные, когда армия врага высадилась в Порт-Чарлее. К тому же на острове появилось несколько новых строений: огромные бараки, в которых разместились три тысячи пленных циклопов. Впрочем, большая часть их уже исчезла: на Даймондгейте произошло известное восстание, в ходе которого множество одноглазых погибло, а оставшихся Гахриз Бедвир приказал разделить на мелкие группы и поместить в небольшие лагеря, гораздо более приспособленные для содержания военнопленных.

Однако постройки на Даймондгейте по приказу Бринд Амора не стали разрушать и поддерживали в должном состоянии на случай захвата новых военнопленных.

Путники спустились к причалам и направились прямо на баржу вместе со своими скакунами. Кэтрин ехала на светло-сером выносливом Спейтенфере, а Лютиен — на Ривердансере, прекрасном коне породы Горный Морган. Могучий Ривердансер был замечательным жеребцом, ослепительно-белым, с более длинной шерстью, чем прочие лошади его породы. Немногие во всем Эриадоре владели столь приметными скакунами, и, уж конечно, такого коня не было ни у кого на Бедвидрине, так что Ривердансер более чем что-либо, привлекал к Лютиену внимание.

Молодой человек слышал шепот на берегу, еще до отправления парома, и разговоры о сыне Гахриза и Алой Тени.

— Тебе даже не было нужды надевать плащ, — сказала Кэтрин, заметив его смущение.

Лютиен лишь пожал плечами. Его слава опередила его. Он был Алой Тенью, живой легендой, и, хотя молодой человек искренне считал, что не заслужил ничего подобного, простой народ демонстрировал уважение к нему, даже благоговейный страх.

Шепот продолжался на протяжении длинного и медленного путешествия через канал. Когда паром проходил мимо барачных, десятки циклопов выстроились на прибрежных скалах, осыпая его проклятиями и угрозами. Он просто не обратил на них внимания, воспринимая ярость пленных врагов как признание его героизма. Юноша чувствовал себя виноватым перед соратниками не менее храбрыми, чем он сам, и все же встречал угрозы и проклятия с

широкой улыбкой.

Паром причалил к Бедвидрину под гром аплодисментов, раздававшихся из всех доков и адресованных Лютиену. Предыдущая переправа молодого человека, дерзкий побег от разъяренных циклопов, а затем и от гигантского дорсальского кита стали здесь легендой, и путники слышали немало рассказов — весьма преувеличенных, как это знал Лютиен, — о тех событиях. Вскоре Лютиену и Кэтрин удалось ускользнуть от восторженной толпы, и они помчались вперед по мягкой торфяной земле острова Бедвидрин, своей родины. Однако Лютиен все же ощущал некоторую неловкость.

— Неужели все, что я делаю, обязательно должно заноситься в хроники и становиться общим достоянием? — заметил он спустя небольшое время.

— Надеюсь, не все, — игриво ответила Кэтрин, невинно хлопая ресницами в ответ на вопросительный взгляд Лютиена. Женщина из Хейла весело расхохоталась, удивляясь в душе, насколько легко ей удается вызвать краску смущения на щеках любимого.

Три последующих дня пролетели быстро и спокойно. И Кэтрин, и Лютиен знали дороги Бедвидрина достаточно хорошо, чтобы объехать стороной любое поселение, — они предпочитали оставаться наедине друг с другом и собственными мыслями. Что касается юного Бедвира, то его мысли напоминали скорее бушующий ураган чувств.

— Я был в Кэр Макдональде, — решительно сказал он Кэтрин, когда наконец вдали появились Дун Варна и белые стены поместья, много лет бывшего ему родным домом. — Случалось мне бывать в Эрадохе, я проделал весь путь до Принстауна бок о бок с нашим королем. Но теперь весь тот мир кажется таким далеким, таким чужим миру Дун Варны...

— Кажется, будто мы никогда не покидали этого места, — согласилась Кэтрин. Она повернулась к Лютиену, и они посмотрели друг другу в глаза, испытывая одни и те же чувства. Для молодых людей путешествие через остров напоминало прогулку в прошлое, в потайные уголки, хранимые в памяти. Эта прогулка привела их в более простые и, со многих точек зрения, более счастливые времена.

Эриадор, безусловно, зажил теперь более счастливой жизнью, он освободился от Гринспэрроу, и жителей Бедвидрина, как и всех прочих земель, не угнетали больше жестокие циклопы. Однако на протяжении многих лет Гринспэрроу был пустым звуком, именем, лишенным значения, далеким королем, не влияющим на повседневную жизнь Лютиена Бедвира и Кэтрин О'Хейл. До тех пор, пока в Дун Варне не появились два сановника, виконт Обри и барон Виллмон, принеся с собой правду о жестоком короле и заставив Лютиена понять, какова на самом деле была участь его страны.

Глядя на белые стены поместья, стоявшего на обращенном к морю склоне холма, Лютиен понял, что то был мир, основанный на невежестве. Прошло всего полтора года с тех пор, как он узнал правду об этом мире и отправился в дорогу. Всего полтора года, и вся жизнь юного Лютиена перевернулась с ног на голову. Он вспомнил свое последнее спокойное лето в Дун Варне два года назад, когда он проводил дни, тренируясь в борьбе на арене, или рыбака в одной из многочисленных укромных бухточек, или носясь на Ривердансере по полям, свободный и одинокий. Или воркуя с Кэтрин О'Хейл. Они вместе учились и веселились и впервые познали любовь.

Лютиен осознал, глядя на молодую и прекрасную женщину, что даже это чувство теперь изменилось. Его любовь к Кэтрин стала глубже, поскольку теперь он мог честно признаться самому себе, что действительно любит ее, что она стала его спутницей на всю оставшуюся жизнь.

И все же было нечто гораздо более волнующее в тех минувших днях, в неловких словах, в первом поцелуе, первом прикосновении, первом утре, когда они проснулись, сжимая друг друга в объятиях, хихикая и пытаясь придумать какую-либо историю, чтобы Гахриз, отец Лютиена и официальный опекун Кэтрин, не наказал их или не отправил девушку обратно через весь остров в деревушку Хейл.

Это были хорошие времена.

Но затем появились Обри с Авонезой, разукрашенной шлюхой, которая отдала приказ

об убийстве Гарта Рогара, лучшего друга Лютиена. Они оба открыли юноше глаза на подчиненное положение Эриадора, на «благородство», свойственное Авонезе, как и прочим аристократам. Эти претенциозные хлыщи вынудили Лютиена пролить первую кровь — того стражника-циклопа — и выбрать участь беглеца.

— Надеюсь, Авонеза все еще в цепях, — заметил Лютиен, хотя и собирался придержать эти мысли при себе.

— Эрл Гахриз отправил ее на юг, — ответила Кэтрин. — По крайней мере, именно так сказал мне один из рабочих на верфи.

Глаза молодого человека расширились от изумления. Неужто его отец освободил эту тварь, из-за которой погиб его дорогой друг? На мгновение Лютиен ощутил такое же всеобъемлющее презрение к Гахризу, как и в тот миг, когда узнал, что тот из чистой трусости отослал его старшего брата Этана погибать на войне, боясь, что он послужит причиной недовольства приспешников Гринспэрроу.

— В цепях? — осмелился спросить молодой человек, молясь, чтобы было именно так.

Кэтрин уловила его тревогу.

— В гробу, — ответила она. — Похоже, пребывание в подземной темнице Дун Варны не пошло на пользу леди Авонезе.

— В Дун Варне нет подземных темниц, — возразил Лютиен.

— Твой отец построил одну специально для нее, — пояснила девушка.

Лютиен был удовлетворен этим ответом, и все же он миновал городские ворота, проехал по мощеным улицам мимо стен из красного песчаника и приблизился к дому Бедвиров со смешанными чувствами.

Они с Кэтрин встретились у дверей с теми, кого знали в прошлом, с мужчинами и женщинами, которых они не видели более года, — и на всех лицах улыбки смешивались с печалью. Люди были рады возвращению младшего Бедвира, но сожалели, что причиной послужили столь печальные обстоятельства.

Лютиену сообщили, что состояние Гахриза ухудшилось. Войдя в комнату, молодой Бедвир увидел отца, глубоко утонувшего в подушках огромного ложа.

Подойдя к Гахризу, Лютиен заметил, что его глаза цвета корицы утратили свою живость. Густая копна седых волос пожелтела, как и обветренное лицо, лицо человека, который провел бесчисленные часы под солнцем Бедвидрина. Тугие мускулы на руках Гахриза Бедвира ослабели, грудь опала, отчего плечи казались еще шире, хотя и лишились прежней силы. Гахриз был человеком высоким, на три дюйма выше Лютиена, такого же роста, как и старший брат молодого человека, Этан.

— Сын мой, — прошептал Гахриз, и лицо его на мгновение прояснилось.

— Что ты делаешь в постели? — спросил Лютиен. — Вокруг столько дел. Рождается новое королевство.

— Которое будет лучше, чем во времена Гринспэрроу, — ответил Гахриз едва слышным шепотом. — И лучше того, что существовало до Гринспэрроу. Я знаю, так будет, потому что мой сын участвовал в его создании, — говоря это, он протянул руку и взял ладонь Лютиена. Пожатие старика оказалось неожиданно сильным, что внушило молодому человеку некоторую надежду.

— Со мной Кэтрин, — сообщил Лютиен и повернулся, чтобы позвать девушку к постели. Она склонилась над больным, и его лицо вновь посветлело, даже просияло.

— Я надеялся увидеть своих внуков, — произнес Гахриз, вызвав краску смущения на лице сына, но не девушки. — Но вы расскажете им обо мне.

Лютиен собрался возразить, не желая признавать, что отец умирает, но Кэтрин заговорила первой.

— Я расскажу им, — пообещала она решительно. — Я расскажу им об эрле Бедвидринском, которого любил народ и который вышвырнул с острова проклятых циклопов!

Лютиен переводил глаза с девушки на отца во время ее речи и понял, что любые

возражения против очевидного приближения смерти Гахриза прозвучат фальшиво и неестественно. В этот миг молодому человеку пришлось признать страшную правду: его отец умирал.

— Расскажите ли вы им о Гахризе-труссе? — спросил старик. Он попытался издать слабый смешок. — О том, как я склонился перед злой волей Гринспэрроу, — фыркнул он. — И Этан... о мой дорогой Этан. Вы что-нибудь слышали?..

Голос Гахриза затих, когда он взглянул в глаза младшего сына. Он понял, что Этан и в самом деле потерял для него, что Лютиен не нашел брата.

— Если ты когда-нибудь увидишь его, — продолжил Гахриз еще более тихим голосом, — расскажешь ему о том, как я закончил свою жизнь? Расскажешь о том, что в конце я твердо стоял за правое дело, за свободу Эриадора?

Текли мгновения, и Кэтрин пристально смотрела на Лютиена, понимая, что ее возлюбленный находится перед ужасной дилеммой, на перепутье, которое может определить всю его дальнейшую жизнь. Он был здесь, он снова встретился с отцом и получил один, и только один, шанс простить Гахриза. Кэтрин знала, что Гахриз нуждался в этом прощении, но самому Лютиену оно было еще более необходимо.

Не говоря ни слова, молодой человек обнажил «Ослепительный» и положил его на кровать, к ногам Гахриза.

— Сын мой, — вновь прошептал Гахриз, глядя на фамильный меч глазами, полными слез.

— Это меч рода Бедвиров, — произнес Лютиен. — Меч истинного эрла, Гахриза Бедвира. Меч моего отца.

Кэтрин отвернулась и вытерла выступившие слезы. Лютиен с честью выдержал, возможно, самую серьезную проверку в своей жизни.

— Ты займешь мое место, когда я уйду? — с надеждой спросил Гахриз.

Как ни хотелось Лютиену успокоить отца, он не мог пойти на это.

— Я должен вернуться в Кэр Макдональд, — сказал он. — Мое место ныне рядом с королем Бринд Амором.

Гахриз, казалось, на мгновение ощутил разочарование, но затем кивнул в знак согласия.

— Тогда ты возьмешь меч. — И голос его показался более сильным, чем в тот миг, когда Лютиен вошел в комнату, сильнее, чем за все последние дни.

— Он твой... — начал протестовать Лютиен.

— За мной право передать его, — перебил Гахриз. — Тебе, мой избранный наследник. Твой дар прощения принят и оценен, а теперь ты примешь от меня фамильный меч, отныне и навсегда. Война с Гринспэрроу не окончена, и ты найдешь дело для «Ослепительного» лучше, чем я, в твоих руках он принесет большую пользу. Сражайся отважно за весь род Бедвиров, мой сын. Сражайся за Эриадор!

Лютиен почтительно поднял меч с кровати и вложил его в ножны. Столь длинная речь стоила Гахризу огромных сил, и поэтому Лютиен попросил у отца позволения удалиться, чтобы тот смог отдохнуть, обещая вернуться, когда помоется с дороги и поест.

Он сдержал свое обещание и провел всю ночь с отцом, беседуя о хороших, а не о плохих временах, о прошлом, а не о будущем.

Гахриз Бедвир, эрл Бедвидринский, мирно скончался перед самым рассветом. Все уже было приготовлено, и очень скоро гордого воина положили в небольшую лодку и пустили в Дорсальское море, столь важное для всех, живущих в Дун Варне. Его преемник не был назван, напротив, Лютиен назначил временным правителем старого и верного друга семьи, поскольку сам он, как и объяснял отцу, не мог остаться в Дун Варне. Более важный долг призывал его в Кэр Макдональд, его место было рядом с Бринд Амором, его другом и королем.

На следующий день Лютиен и Кэтрин покинули Дун Варну, и оба не знали, доведется ли им когда-либо увидеть это место вновь.

Кэтрин сразу заметила перемены в поведении молодого человека. По дороге на юг, к

переправе Даймондгейт, и позже, на материке, он спокойно спал по ночам и выглядел веселым.

Девушка довольно долго тревожилась, видя, что Лютиен как будто вовсе не скорбит о смерти отца. Сперва она не могла понять этого — ведь когда ее собственный отец погиб во время шторма на Эйвонском море, она целых две недели плакала по ночам. Лютиен, однако, пролил всего несколько слезинок, сложил руки Гахриза на груди и стоически оттолкнул лодчонку от берега, отпуская ее в суровое Дорсальское море, словно выталкивая мертвого отца из своих мыслей.

Но постепенно Кэтрин все поняла и обрадовалась. Лютиен не скорбел об отце, поскольку он уже мысленно похоронил и оплакал его еще тогда, когда вынужден был бежать из Бедвидрина. Для молодого человека Гахриз, или тот человек, которым его считал сын, умер в тот день, когда юноша узнал правду о своем брате Этане и о трусости отца. А потом, когда Кэтрин появилась в Кэр Макдональде, принесла «Ослепительный» и весть о том, что Гахриз возглавил восстание против Гринспэрроу, отец для Лютиена ожил вновь.

Теперь Кэтрин понимала, что молодой человек смотрел на все это как на второй шанс, неожиданную возможность попрощаться с истинным Гахризом, отважным воином, сумевшим избавиться от пелены трусости, застилавшей его глаза долгие годы. Скорбь Лютиена прекратилась задолго до того, как он преклонил колена перед ложем умирающего отца. Теперь глаза цвета корицы больше не туманила боль. Гахриз обрел мир, как и его сын.

4 ГАЙБИ

Проктор Биллевин одиноко стоял на наклонном парапете монастыря Гайби, со своего каменного наблюдательного пункта вглядываясь в воды залива Колтуин. В туманной дымке скользило более сотни серых, призрачных силуэтов, в основном это были колтуинские рыбацьи лодки. Все они поворачивали и маневрировали стремительно, хотя нигде в мире больше не использовали столь устаревшие конструкции. Зрелище это легло тяжелым грузом на плечи старого проктора. Там были его люди, мужчины и женщины, ждавшие от него совета и руководства, готовые по первому его слову отдать жизнь. Именно Биллевин решил отправить рыбацьи суденышки навстречу захватчикам, чтобы попытаться удержать свирепых хьюготов в холодных и темных водах, подальше от деревни.

Теперь Биллевин мог только стоять и смотреть. Капитаны старались держаться поближе к гигантским галерам хьюготов, чтобы стрелы могли поражать врага, однако рыбакам приходилось соблюдать предельную осторожность, чтобы не угодить под удар чудовищных подводных таранов, которыми были оснащены вражеские галеры. Но все равно, к сожалению, слишком часто то одно, то другое суденышко, не проявившее достаточной скорости и маневренности или настигнутое внезапным порывом ветра, напарывалось на таран, и тогда слышался страшный треск расщепленного дерева, эхом разносившийся над водой, перекрывая крики моряков и яростный визг их противников.

— По последним подсчетам, в залив вошло двадцать пять галер хьюготов, — произнес брат Джеймесис, останавливаясь рядом с Биллевином. — Но это только приблизительно, — добавил Джеймесис, поскольку проктор ни единым движением не отреагировал на его слова.

Старик стоял все так же неподвижно, даже не моргая, и только густые седые волосы, собранные в длинный хвост по обычаю тех мест, развевались на ветру. Биллевину приходилось видеть хьюготов ранее, когда он был еще ребенком, и он прекрасно помнил безжалостность и жестокость налетчиков. В придачу к рабам-гребцам, по двадцать вдоль каждого борта, семидесятифутовая галера несла на себе не менее пятидесяти воинов-хьюготов, чьи сверкающие щиты заполняли всю верхнюю палубу. Это означало, что в заливе находилось не менее двенадцати сотен свирепых варваров. Колтуинские рыбацьи суденышки ничего не значили по сравнению со смертоносными галерами, и люди на берегу могли только надеяться, что отважные рыбаки при помощи своих луков нанесут врагу достаточный

урон, чтобы хьюготы раздумали высаживаться на землю.

— На одной из галер видели флаг «Морского дьявола», он висит вверх тормашками на рее, — печально сообщил Джеймесис, и теперь Биллевин вздрогнул. Аран Тумз и вся команда «Морского дьявола» были его давними дорогими друзьями.

Биллевин посмотрел вниз, на юг, в направлении деревни Гайби. Многие ее жители, самые старые и самые юные, уже шагали по вымощенной красным песчаником дороге длиной в милю — на холм, к стенам монастыря. Все, кто был покрепче, давно находились внизу, на причалах, ожидая момента, когда придется поддержать команды рыболовецких судов. Разумеется, небольшой флот даже не надеялся потягаться с галерами хьюготов на море, они просто хотели выиграть время, чтобы мирные жители успели укрыться за надежными стенами монастыря.

— Сколько мы потеряли лодок? — спросил Биллевин. Проктор думал, что теперь, когда все беженцы были уже совсем близко, можно бы и начать звонить в главный колокол Гайби, призывая суденышки обратно.

Джеймесис пожал плечами, не зная ответа.

— Там, на воде, люди из Колтуина, — хмуро сказал он.

Биллевин вновь взглянул на залив, затянутый туманной дымкой. Он надеялся, что туман рассеется хотя бы на мгновение и он сможет получить более четкое представление о ходе битвы, но понимал, что этот покров благоприятствует рыбакам. Уроженцы Колтуина знали каждый дюйм своих вод, могли маневрировать вслепую, не рискуя угодить на мели или напороться на единственный риф в этом районе — длинный ряд зазубренных скал, торчавших из залива к северу от монастыря. Моряки хьюготов, конечно, прекрасно ориентировались в море, но здесь они были чужаками.

Биллевин не стал звонить в колокол. Он доверял рыбакам, истинным хозяевам залива, так что бой продолжался и продолжался.

Шум все усиливался.

Рыбаки упорно сопротивлялись, их гордость, рожденная морем, не отступала; их лодки парами шныряли вокруг больших судов хьюготов, так что если галера внезапно разворачивалась, чтобы нанести удар одной из лодок, со второй мгновенно летел град стрел в открывшихся со стороны скошенной кормы гребцов. И все же рыбакам приходилось признать, что они не смогли нанести варварам достаточно серьезного урона. Дюжина колтуинских судов уже скрылась под темной водой, но ни одна галера хьюготов не затонула.

Лиари, капитан отличного судна «Файнвокер», с большим сожалением отметил этот факт. Конечно, рыбаки заставили хьюготов поработать, осыпая их градом стрел. Возможно, удалось ранить или даже убить часть врагов, но исход битвы казался очевидным. Чем больше судов терял флот Колтуина, тем быстрее он терял следующие. Когда потонула дюжина рыбачьих корабликов, военные припасы на оставшихся значительно уменьшились, и скоро должен был наступить момент, когда флотилии защитников придется вернуться в порт и в суматохе искать убежища за стенами монастыря.

Защитникам требовалась эффектная победа, нужно было во что бы то ни стало отправить на дно хоть одну из этих галер, казавшихся неуязвимыми. Но как? Суда варваров нельзя потопить стрелами, а любая попытка приблизиться приведет лишь к тому, что на дно отправится колтуинское судно.

Пока капитан размышлял, «Файнвокер» проскочил мимо носа галеры, украшенного волчьей головой, настолько близко, что моряк смог разглядеть подводный таран. Галера как раз совершала поворот, и команда «Файнвокера» осыпала противника градом стрел, получив всего несколько в ответ.

Лиари взглянул на женщину, стоявшую у штурвала.

— К северу, — скомандовал он.

Женщина, Джинни Бинз, оглянулась через плечо на галеру и два колтуинских суденышка, действовавших в связке с «Файнвокером». Если она повернет к северу, рыбачьи лодки останутся позади, поскольку одна из них будет вынуждена пойти на юго-восток, а

другая — на запад. И при этом нос галеры смотрел на север, так что она на всех сорока веслах устремится в погоню.

— К северу, — повторил Лиари решительно, и женщина у штурвала повиновалась.

Как и ожидалось, галера хьюготов последовала за ними, и хотя ветер дул с юго-востока, наполняя паруса «Файнвокера», варвары быстро приближались. Более того, как только основная битва и два колтуинских суденышка остались позади, хьюготы поставили свой единственный прямой парус, твердо решив отрезать «Файнвокер» от остальных, настигнуть и потопить.

Лиари не дрогнул. Он приказал лучникам стрелять без передышки, затем объяснил рулевой, какого курса ей следовало придерживаться.

Джинни Бинз недоумевающе взглянула на капитана, когда поняла, чего тот от нее хочет. Лиари приказал ей маневрировать, выйти из залива, а потом повернуть назад, держась с южной стороны как можно ближе к берегу.

Он хотел, чтобы их судно прошло над рифом!

Вода стояла высоко, и скалы казались почти невидимыми. В рифе имелся узкий проход, который называли Брешью Никера, — там во время прилива вполне могла проскочить лодка, но найти крохотную брешь, когда камни скрыты водой, — нелегкая задача.

— Ты бороздишь эти воды десять лет, — сказал капитан Лиари женщине у руля, видя ее сомнения. — Ты найдешь брешь, но варвары, чужаки в этих местах да к тому же увлеченные преследованием, наткнутся прямо на риф и наверняка останутся без правого борта. — Лиари хитро подмигнул женщине. — Посмотрим, насколько хорошо держится на воде половина галеры.

Джинни Бинз расставила ноги пошире и крепче сжала штурвал. На ее обветренном и обожженном солнцем лице появилось выражение решительности. Дважды в жизни ей приходилось проходить через Брешь Никера. В первый раз только потому, что капитан хотел, чтобы она удостоверилась в собственном мастерстве, а второй — во время особенно буйной вечеринки по поводу того, что они прямо в заливе поймали дорсальского кита. Однако в обоих случаях прилив был ниже и скалы виднелись более отчетливо, а лодки являлись гораздо более легкими плоскодонками, имевшими осадку всего в пару футов. У «Файнвокера», одного из самых больших рыболовных судов, осадка достигала девяти футов, и, если бы капитан попытался провести его через Брешь, когда вода стояла ниже, судно, безусловно, зацепило бы дно и треснуло. Впрочем, даже сейчас такая возможность существовала. Хуже всего для Джинни был этот проклятый туман, порой сгущавшийся до такой степени, что полностью закрывал обзор.

Когда темная громада монастыря скрылась за ее левым плечом, Джинни описала широкую дугу, направляясь назад, к югу. Как и предполагал Лиари, хьюготы повернули за «Файнвокером», догоняя его и заходя с левого борта. Теперь лучники варваров находились в более выгодной позиции, и их луки безжалостно осыпали несчастное суденышко ливнем стрел, как простых, так и горящих.

Два моряка упали замертво, третий, пытаясь потушить огонь возле мачты, свалился за борт и без звука пошел ко дну. Самого Лиари ранило в руку.

— Так держать! — крикнул он Джинни.

Женщина старалась не оглядываться на преследователей и не обращать внимания на вопли варваров, раздававшиеся со стремительно приближавшейся галеры. Ветер больше не благоприятствовал «Файнвокеру», теперь он дул в правый борт в результате поворота. Команда старалась развернуть паруса наилучшим образом, чтобы поймать в них хоть немного ветра, но хьюготы дружно взялись за весла, вспенивая темные воды. И галера ринулась вперед с еще большей скоростью.

Ливень стрел усилился, «Файнвокер» лишился еще нескольких человек команды. Джинни слышала крики варваров, слышала даже ритмичные удары весел галеры, на которые налегали послушные рабы.

Хьюготы выкрикивали насмешки и угрозы, не сомневаясь, что судно рыбаков уже у них в руках.

Джинни забыла обо всем, сосредоточившись на линии берега, его очертаниях, едва видимых сквозь туманную дымку. Там был некий скалистый выступ, на который ориентировались рыбаки, — это был их особый знак, предвещавший близость рифа. Джинни вызвала его из своей памяти, стараясь поточнее припомнить, когда именно он появлялся в те два раза, когда она проходила через Брешь Никера. Она сосредоточилась также на колокольне монастыря и шпиле зала собраний в городке, припоминая правильный угол. Ей нужно было увидеть ориентиры так, чтобы между ними оказалось расстояние в три пальца... и именно в этот момент «Файнвокер» должен проскочить сквозь брешь и очутиться за рифом.

Лиари вскрикнул и рухнул на колени возле нее, зажимая кровоточивший лоб. Джинни заметила стрелу, которая, задев капитана, глубоко вонзилась в поручень судна; древко ее дрожало.

— Держись твердо, — подбодрил ее Лиари. — Держись... — и опустил на палубу.

Джинни слышала шум весел, вспенивавших воду; дым вокруг становился все гуще, все больше горящих стрел достигало цели. Она слышала обращенные к ней вопли варваров — хьюготы явно возбудились, обнаружив на борту противника женщину.

Джинни не смогла удержаться и оглянулась назад — и увидела на носу галеры двух здоровенных хьюготов, которые готовились перепрыгнуть на «Файнвокер». Джинни понимала, что галера не рискнет подойти ближе к их судну, поскольку ее весла заставляли корабль варваров держаться на расстоянии. Но если они подойдут немного сбоку, нос галеры может оказаться всего в нескольких футах от рыболовецкого судна...

Сейчас они находились не слишком далеко друг от друга, и Джинни недоумевала, почему ее товарищи не поразят насмерть меднокожих хьюготов. Затем, к своему ужасу, она обнаружила, что никто из команды не в состоянии взяться за луки. Большинство моряков, раненые или мертвые, лежали на палубе, а оставшиеся были слишком заняты борьбой с огнем, чтобы отвлечься на схватку со свирепыми уроженцами Айсенленда.

Джинни вновь взглянула на риф и линию берега, поспешно прикинула угол и слегка повернула штурвал, оставляя между своим судном и галерой несколько необходимых ей футов.

Она увидела скалу, инстинктивно подняла руку, прикидывая расстояние между воображаемыми колокольнями, отогнув большой палец и мизинец.

Три пальца — почти то, что нужно.

«Файнвокер» застонал и вздрогнул, зацепив скалу правым бортом, однако проскочил мимо, и хотя ее репутация морского волка чуть было не оказалась под угрозой, Джинни все-таки проскочила сквозь риф.

Однако галере не так повезло. Ее нос налетел на камни, судно швырнуло вправо, и оно пропахало скалы левым бортом, весла застревали и ломались, закрутив галеру вокруг собственной оси. Брешь Никера была узким проходом, и когда семидесятифутовое судно завертелось на месте, его корма тоже врезалась в острые камни. Огромная галера раскололась на две части и начала погружаться в темную толщу воды, хьюготы тонули дюжинами; не лучше пришлось и несчастным рабам, прикованным к веслам.

Джинни Бинз ничего этого не видела, но слышала радостные крики уцелевших товарищей по команде. Она резко переложила штурвал на правый борт, беря курс к берегу, поскольку знала, что на судне появилась течь и оно не может больше сражаться.

Крохотное суденышко победило в схватке один на один, но гораздо важнее было другое: героический бой «Файнвокера» не остался незамеченным ни для рыбаков залива Колтуин, ни для налетчиков-хьюготов. Лиари решил на это потому, что был уверен в результате, а еще он надеялся, что в залив явились не все силы захватчиков, а лишь отряд, который должен был проверить защитников Гайби. Без сомнения, варвары собирались войти в городок, но Лиари не думал, чтобы у хьюготов достало наглости для штурма монастыря, к

тому же враги явно не собирались задерживаться здесь.

Как выяснилось, он был абсолютно прав. Хьюготы не рассчитывали понести на воде значительный урон и, уж конечно, не верили, что могут потерять галеру, так что вскоре после этого происшествия носы судов захватчиков развернулись в открытое море и они скрылись в туманной дымке.

Однако рыбаки Гайби не могли радоваться победе. Они потеряли почти двадцать судов, еще двадцать получили серьезные повреждения, и более сотни отважных моряков нашли последний приют в холодных водах залива Колтуин. Для городка, население которого насчитывало около трех тысяч, это означало, что почти в каждой семье этой ночью оплакивали погибших.

Но отвага Лиари и мастерская уловка Джинни Бинз дали им необходимое время, чтобы придумать план отражения новой атаки или заблаговременно скрыться.

— Хьюготы вернутся на этот раз во всеоружии, — заявил брат Джеймесис на совещании в монастыре этой ночью.

— Где-то неподалеку у них имеется база, — предположил капитан Лиари голосом слабым и дрожащим, поскольку отважный моряк еще не оправился от потери крови. — Они не могут проделать весь путь от Айсенленда, затем покрутиться здесь, развернуться и уйти обратно, даже не пополнив припасы в нашем городке.

— Согласен, — произнес проктор Биллевин. — И если их лагерь неподалеку от Колтуина, вполне вероятно, что они вскоре вернутся, прихватив побольше народа.

— Нам следует предполагать худшее, — добавил один из монахов.

Проктор Биллевин откинулся на спинку стула, позволяя разговору течь без его участия, и попытался разложить происходящее по полочкам. Такого количества хьюготов у берегов Эриадора не видели много-много лет. Однако теперь, как раз через несколько месяцев после подписания перемирия с королем Гринспэрроу, угроза со стороны варваров возникла вновь. Было это случайностью или закономерностью? В мозгу Биллевина возникла неприятная мысль. Он задавался вопросом, не являлись ли хьюготы тайными союзниками Гринспэрроу? Конечно, все могло обстоять и не так уж сложно, но не менее неприятно: например, обитатели Айсенленда просто пришли к заключению, что, поскольку два народа разделились и нет угрозы возмездия со стороны могучего флота Эйвона или страшного короля Гринспэрроу с его чародеями-герцогами, разбой станет делом гораздо более легким. Проктор Биллевин припомнил инцидент, произошедший несколько лет назад, когда он возвращался из паломничества в Чамберс. Он стал свидетелем того, как галеру хьюготов захватил военный корабль из Эйвона. Галера была полностью разбита, а оставшиеся в живых варвары брошены в воду, где они либо пошли ко дну, либо стали добычей дорсальских китов. А тех нескольких хьюготов, которых все-таки выловили из воды, ожидал гораздо более страшный конец: их протащили под килем. Только одного уроженца Айсенленда оставили в живых. Его усадили в крохотную лодчонку и предоставили самостоятельно добираться назад, чтобы рассказать своему королю о том, насколько глупо грабить цивилизованные побережья. Это воспоминание заставило Биллевина всерьез усомниться в возможности союза короля варваров и Гринспэрроу.

— Насколько известно хьюготам, Эриадор мало смыслит в военных кораблях, — произнес брат Джеймесис, вернув таким образом проктора к текущему разговору.

Биллевин оглядел собравшихся и заметил, что опасные семена начинают давать всходы. Люди начинали задаваться вопросом, а так ли уж хорош был разрыв с Эйвоном и могущественным королем Гринспэрроу? Большинство мужчин и женщин в этой комнате, кроме самого Биллевина и капитана Лиари, были молоды, они не помнили или как минимум не могли оценить жизнь в Эриадоре до Гринспэрроу. Перед лицом столь грозной опасности, которой являлись хьюготы, годы жизни под властью короля Эйвона легко было увидеть в другом свете. Возможно, чрезмерные налоги и присутствие отвратительных циклопов не так уж плохи по сравнению с большим злом.

Биллевин, яростный сторонник независимости, понимал, что это не так, Эриадор всегда вынужден был защищать себя самостоятельно и не нуждался в защите Эйвона. Но его уверенность не могла развеять реальную угрозу, столь внезапно нависшую над суровыми обитателями Гайби.

— Мы должны отправить гонца в Меннихен Ди, в Эрадох, — произнес проктор. — И просить помощи у всадников.

— Если они не крутятся возле Айрон Кросса вместе с добрым королем Бринд Амором, — саркастически заметил кто-то из присутствующих.

— В этом случае, — сказал Биллевин, заставляя замолкнуть поднимавшийся ропот несогласия прежде, чем он закрепится на подходящей почве, — нашим гонцам придется проделать весь путь до Кэр Макдональда.

— Да, — вмешался тот же скептически настроенный рыбац. — Чтобы припасть к подножию трона и молить прислушаться к нашим нуждам.

Проктор Гайби не мог не заметить ярости, звучавшей в этом голосе. Многие возражали против провозглашения таинственного Бринд Амора королем Эриадора, считая, что Биллевин, бессменный проктор Гайби, явился бы лучшим выбором. Эти разговоры эхом прокатились по большей части северо-восточного Эриадора, но заглохли после того, как сам Биллевин решительно положил им конец. Теперь он задавался вопросом, как скоро ему придется возражать против этих идей снова.

— Тогда в Кэр Макдональд! — взревел другой рыбац. — Посмотрим, обеспокоится ли этот новый король?!

— Верно, верно! — раздался дружный хор голосов, и Биллевин печально опустил на стул, прикрыв глаза руками. Он не сомневался, что Бринд Амор — как и любой, кто смог бы совладать с Гринспэрроу, — отнесется участливо к их бедам. Но он был в достаточной мере прагматиком, чтобы понимать: королевство, только что отвоевавшее независимость, могут счесть уязвимым многие старые враги — хьюготы, циклопы. Нашествие варваров станет самым серьезным испытанием для короля Бринд Амора, испытанием, которое тот не имеет права не выдержать.

Проктор Гайби, человек с малыми амбициями и большим сердцем, молился за нового короля.

5

ДОЛИНА САГЛЕСА

— Эх, ну и наедемся же мы, когда денежки потекут из Кэр Макдональда! — воскликнул Саглес Беллбангер, коренастый гном с волосами и бородой цвета крепкого чая. Он поднял свою флягу вверх, в ночную свежую прохладу.

Десять его товарищей, сидевших вокруг весело трещащего огромного костра, сделали то же самое, глядя на звезды, ярко сиявшие над узкой горной долиной и отлично видимые с поляны, где расположилась компания.

— Эй, потише там! — заорал другой представитель бородатого народца, лежавший неподалеку, завернувшись в одеяло. Рядом с ним громко храпел еще один гном, и поскольку пирующая вокруг костра компания оставила без внимания призыв любителя тишины, он крепко хлопнул по плечу спящего товарища, просто чтобы получить хоть какое-то удовлетворение.

— Спать в такую ночь! — насмешливо взревел Саглес. — У нас будет море времени выспаться после того, как мы все продадим!

— Сначала спустим то золото, которое выручили, а потом уже станем продавать! — поправил его один из пирующих, и вновь в воздух взлетели кружки.

— Ну, к тому времени вы слишком ослабеете, чтобы с толком потратить денежки, — пробурчал гном из-под одеяла. — А уж я-то со своими делами сам разберусь, будьте уверены.

Это заявление вызвало новый взрыв крика и шума, и те, кто сидел у костра, зафыркали еще презрительней. Здесь собрались крепкие и закаленные гномы из Дун Дарроу, и они могли пировать всю ночь напролет, намереваясь утром добраться до небольшого поселения, называемого Менстер. Там они надеялись провести остаток дня, продавая свои изделия, а потом возвратить поселянам большую часть полученного у них золота в обмен на эль и хорошую еду, затем отоспаться и отправиться назад в горы, к ближайшему входу в Дун Дарроу. Так они и жили теперь, когда королем стал Бринд Амор, а Беллик дан Бурсо вот-вот подпишет в Кэр Макдональде соглашение, по которому Эриадор и Дун Дарроу станут единым целым.

Так они веселились, пели, пили, отрывали огромные куски оленины и швыряли обглоданные кости в спящего товарища. Пирушка продолжалась почти всю ночь, но завершилась неожиданным образом — в лагере вдруг появился человек в изодранной одежде, с окровавленным лбом, едва державшийся на ногах.

В одно мгновение гномы вскочили, схватив каждый свое оружие, — это были огромные топоры, широкие мечи и тяжелые молоты, способные вращаться в воздухе и поражать цель в тридцати шагах.

Но человек, похоже, ничего не замечал вокруг себя. Он переставлял дрожащие ноги, пока чуть не упал в костер. В последний момент два гнома подхватили его под мышки.

— В чем дело? — резко спросил Саглес.

Человек прошептал что-то, но слишком тихо, его слова заглушили голоса встревоженных гномов. Саглес потребовал тишины и придвинулся ближе, наклонив ухо к губам неизвестного.

— Менстер, — повторил человек.

— Менстер? — громко спросил Саглес, и это слово шепотом повторили его товарищи. — Что случилось в Менстере?

— Они... — пробормотал человек и тяжело опустился на землю.

— Они? — громко переспросил Саглес, поворачиваясь к товарищам.

— Они! — заорал один из гномов в ответ, указывая на темную линию деревьев и на неуклюжие силуэты, выступавшие из тени.

На всех Эйвонских островах, да что там, во всем мире не было двух народов, ненавидевших друг друга так же сильно, как гномы и циклопы. Поэтому, когда одноглазые выскочили из леса, надеясь захватить лагерь гномов врасплох, они натолкнулись на бешеное сопротивление. Несмотря на то что на каждого гнома приходилось не менее десятка циклопов, отважные обитатели гор, когда на них с ревом помчалась орда одноглазых тварей, образовали кольцо вокруг костра, сражаясь бок о бок, рубя и коля с энергией отчаяния да еще и распевая песни, словно наслаждаясь схваткой. Время от времени кому-нибудь из гномов удавалось отступить назад и выхватить из огня пылающую головешку. Ни от чего другого не получали горные мастера такого наслаждения, как от удачной попытки воткнуть раскаленный конец головни в выпученный глаз циклопа.

Держа в каждой руке по мечу, Саглес Беллбангер подрубал колени циклопам, которые имели неосторожность подойти слишком близко к нему. Достаточно часто ловкий гном успевал вонзить свой второй меч в тело циклопа прежде, чем тот падал на землю.

— Отличное развлечение! — часто восклицал Саглес, и хотя многие гномы уже были ранены, а двое упали замертво, остальные вторили предводителю дружными возгласами. Спустя несколько мгновений с десятков циклопов уже валялись мертвыми или умирающими, однако из-за деревьев выскакивали все новые и новые, вступая в бой.

Битва продолжалась и продолжалась. Те гномы, которых захватили без сапог, скользили в лужах крови. Упав, они поднимались на колени и продолжали драться. Спустя полчаса они все еще сражались и все еще пели. Казалось, выпитое спиртное загло огонь ярости в их крови. Каждый раз, когда один из гномов падал, его оттаскивали назад, и кольцо вновь сжималось. Но бойцов оставалось все меньше. Саглес почувствовал, как языки огня лижут ему спину, но в этот миг под руку ему подвернулся новый циклоп, неосторожно

сунувшийся под страшный удар меча, и отважный гном выкинул из головы все прочие мысли. К тому же ряды одноглазых, похоже, редели. Новые циклопы, выскакивая из-за деревьев, уже не решались ввязываться в бой с неутомимым отрядом горных мастеров.

Саглес верил, что им удастся победить, — все гномы верят в то, что они наделены непреходящей удачей в бою. Костер, который уже давно никто не поддерживал, начал затухать, превратившись в груды тлеющих головешек и серого пепла, над которыми в прохладный ночной воздух изредка вздымались одинокие языки пламени. Саглес отчаянно пытался придумать план, которым могли бы воспользоваться он и его товарищи. Возможно, они смогут отступить за линию угасающего костра, используя как оружие угли, которые можно швырять в одноглазых. В конце концов гном решил, что так им и следует поступить: воздвигнуть пылающую преграду между ними и противниками, а затем выскочить из-за нее и с ревом обрушиться на растерянных циклопов.

Однако прежде, чем Саглес успел шевельнуться, огонь, казалось, осуществил свой собственный план. Голубые языки пламени взметнулись высоко в воздух, изменив цвет на ярко-белый, и все оставшиеся угли обрушились на спины гномов, обжигая их, жала, подпаливая волосы. И что было еще хуже, удивление заставило гномов разомкнуть плотное кольцо защиты. Гномы шарахнулись в разные стороны, а циклопы, которые, похоже, вовсе не удивились происходящему, поспешили вклиниться между своими бородатыми противниками, отеснив их подальше друг от друга. Скоро Саглес, как и прочие его соратники, обнаружил, что циклопы насаждают на него со всех сторон, так что ему приходилось действовать одновременно двумя мечами, подпрыгивать высоко в воздух, пригибаться и уворачиваться. Он действовал неплохо, убил еще одного одноглазого. А другому подрубил ноги, однако опытный гном понимал, что он не может сражаться так вечно и что один хороший удар...

Саглес почувствовал, как наконечник копья глубоко вошел ему в предплечье. Как ни странно, он не ощутил сильной боли, лишь тупое жжение, словно его просто ткнули кулаком. Он попытался поднять руку для ответного удара, но, увы, та ему не повиновалась. Заметив его замешательство, второй одноглазый взревел и ринулся вперед.

Наперерез ему взметнулся второй клинок Саглеса, отважный гном умудрился каким-то образом парировать удар и повергнуть одноглазого на землю.

Но затем на Саглеса напали с другой стороны, а копье, нанесшее удар сзади, вошло глубже, толкнув гнома вперед, а затем повалив, когда сверху на него рухнул мертвый циклоп.

В отдалении от места схватки предводитель циклопов перевел взгляд на особу, стоявшую рядом с ним, его единственный взгляд пылал яростью.

— Вам следовало проделать все это раньше, — фыркнул он.

Молодая женщина встряхнула головой, но ее белокурые волосы, плотно прилегавшие к голове, не растрепались при этом.

— Магию нельзя творить на скорую руку, — пояснила она, развернувшись и пошла прочь.

Циклоп посмотрел женщине вслед, не вполне уверенный в ее мотивах. Казалось, герцогиню никогда особенно не беспокоила смерть одноглазых.

Едва вернувшись в Кэр Макдональд, Лютиен поспешил сообщить Бринд Амору о смерти эрла Гахриза, правителя Бедвидрина. Старый маг по-настоящему опечалился и поспешил принести молодому человеку свои соболезнования, однако тот едва кивнул и попросил разрешения удалиться, что чародей охотно позволил.

Покинув Собор, когда солнце уже клонилось к западу, а на небе замерцали первые звездочки, Лютиен не долго колебался, размышляя, куда ему следует пойти, чтобы отыскать Оливера. «Гнэльф», таверна в бедной части города, славившаяся гостеприимным отношением к нечеловеческим расам еще во времена герцога Моркнея, стала сейчас одним из самых популярных мест. По слухам, именно здесь Алая Тень обдумывал планы взятия

города, так что маленькая таверна приобрела огромную известность. Теперь перед входом выстроился ряд суровых гномов, а избранные эльфы прохаживались туда-сюда, решая, кто из клиентов может войти.

Лютиена, разумеется, пропустили внутрь без единого вопроса, и гномы, и эльфы пытались даже салютовать, когда он проходил мимо. Лютиен настолько привык к подобным знакам почтения, что едва обратил на них внимание.

Он нашел Оливера и Шаглина, сидящими на высоких табуретах возле стойки. Гном только что поднял кружку пенистого эля, а хафлинг откинулся назад, изучая оттенок вина в своем стакане на свет ближайшей свечи. Тасман, трактирщик, заметил появление Лютиена и хмуро кивнул ему, затем указал на обоих приятелей.

Лютиен вклинился между ними, положил руки им на спины и тихо сказал:

— Рад вас приветствовать.

Оливер взглянул в карие глаза молодого человека и мгновенно сообразил, что произошло.

— Как дела у твоего отца? — спросил он, полагая, что юноше необходимо выговориться.

— Гахриз ушел, — ровным голосом ответил Лютиен.

Оливер принялся было выражать соболезнования, но, взглянув на лицо молодого человека, понял, что тот в этом не нуждается. Тогда хафлинг снова поднял стакан с вином и громко провозгласил:

— За Гахриза Бедвира, эрла Бедвидринского, верного друга Кэр Макдональда, колючку в заднице у Гринспэрроу. Да удостоится он в лучшем из миров той награды, которой заслуживает!

Прочие посетители «Гнэльфа» подняли свои кружки и ответили дружными возгласами: «Да будет так!», «Ура Гахризу!». Лютиен окинул долгим, пристальным взглядом своего миниатюрного друга, который, казалось, всегда знал, как сделать окружающий мир чуть светлее.

— Подписано ли соглашение о союзнничестве? — спросил он, желая, а точнее, нуждаясь в перемене темы.

Сияющее лицо хафлинга омрачилось.

— Мы были близки к этому, — сказал он, для наглядности сдвигая большой и указательный пальцы так, что между ними осталось меньше дюйма. — Но затем эти проклятые одноглазые...

— Пятнадцать гномов, — добавил Шаглин, — убиты возле деревушки, которую прежде именовали Менстером.

— Прежде именовали? — переспросил Лютиен.

— Слово «пепелище» теперь подходит больше, — пояснил Оливер.

— Соглашение было у нас в руках, — продолжал Шаглин. — Оливер назвал его дуократией, и оба короля, Бринд Амор и Беллик дан Бурсо, сочли это наиболее подходящим названием.

— Гринспэрроу бы это не понравилось, — заметил хафлинг. — Поскольку вскоре он бы обнаружил, что горы заблокированы армией гномов, дружественных Эриадору.

— Но после убийства в долине Саглеса — теперь мы называем то место так — король Беллик решил повременить с соглашением, — сообщил Шаглин и запил горечь сообщения огромным глотком эля.

— Но в этом нет смысла, — запротестовал Оливер. — Эта битва яснее ясного свидетельствует о необходимости союза!

— Подобная битва яснее ясного свидетельствует о том, что, возможно, нам не следует входить в состав другого государства, — пробурчал Шаглин. — Король Беллик подумывает о том, чтобы отступить к нашим шахтам и заняться своими делами.

— Это будет такой несусветной глупостью... — начал было Оливер, но угрожающий взгляд Шаглина дал ему понять, что это не предмет для обсуждения.

— Где Беллик? — спросил Лютиен. В отличие от Оливера, чей ум затуманивала надежда, а также собственные честолюбивые мечты о том, что его предложение о дуократии войдет в историю, молодой Бедвир понимал колебания Беллика. Похоже, король гномов не вполне доверял эриадорцам. Возможно, он даже задавался вопросом, кто стоял за тем убийством: Гринспэрроу или сам Бринд Амор, который хотел использовать сложившуюся ситуацию в качестве политического рычага.

— Все еще в доме Бринд Амора, — ответил Оливер. — Он отправляется в свои шахты завтра, но обещает вернуться через десять дней.

Эти новости отнюдь не удивили Лютиена. Налеты циклопов настолько участились, что многие печально называли это лето сезоном кровоточащих деревушек. Однако сей факт делал союз гномов и народа Эриадора еще более очевидной необходимостью, по мнению Лютиена. Сейчас было нужно лишь уничтожить недоверие, возникшее между двумя народами, возложить вину на истинных виновников — циклопов и тех, кто их науськивал.

— Король Беллик хотел бы отомстить за долину Саглеса? — спросил молодой человек Шаглина, и лицо сурового гнома, почти скрытое пышной иссиня-черной бородой, немедленно просияло.

— Тогда собирай войско наших гномов, я пойду с ними в горы, — продолжил юноша.

— Ты говорил об этом с Бринд Амором? — вмешался Оливер.

— Он не станет возражать, — уверил Лютиен хафлинга.

Оливер пожал плечами и снова принялся за вино, очевидно не убежденный.

Впрочем, Лютиен и сам не чувствовал особой уверенности, но он привык решать очередную проблему только тогда, когда она реально возникала.

Однако, встретившись тем же вечером с Бринд Амором, он обнаружил, что его поджидает еще одна. Чародей стоял на самой высокой башне Собора, наедине со звездами. Маг вежливо выслушал все планы и аргументы Лютиена, кивая головой, пока тот говорил, и Лютиен далеко не сразу понял, что его друг чем-то глубоко обеспокоен.

— Все правильно, — кивнул Бринд Амор, когда Лютиен решил, что сказал уже вполне достаточно. — Прекрасная мысль — включить в экспедицию гномов. В конце концов, они лучше всех ориентируются в горах и жаждут крови циклопов. Если Гринспэрроу стоит за этим — а мы оба знаем, что так и есть, — пусть народ Беллика получит доказательство этому, если они найдутся, и это главное.

Но спустя мгновение улыбка Лютиена погасла.

— Ты не можешь идти с ними, — сказал король.

Лютиен разинул рот.

— Но...

— Ты нужен мне, — пояснил Бринд Амор. — Нам грозит новая опасность, и опасность куда более серьезная, она надвигается с востока.

— Что может быть серьезнее циклопов?

— Хьюготы.

Лютиен начал было протестовать, но внезапно до него дошел смысл сказанного. Хьюготы! Древнейшие враги Эриадора на Эйвонских островах, самый страшный из кошмаров.

— Когда? — пробормотал юноша. — Одинокое судно или запланированный набег? Где? Сколько кораблей?

Иссохшая рука старого мага взметнулась в воздух перед лицом молодого человека, призывая его к молчанию.

— Я говорил с посланцами деревни Гайби, что на берегу залива Колтуин, — пояснил король. — Это был серьезный набег, более двух десятков галер. Они не сошли на берег, хотя и собирались, им помешал героизм жителей Гайби.

Лютиен ответил не сразу, пытаясь прийти в себя после услышанного.

— Мы уверены, что Гринспэрроу подбивает циклопов вносить раздоры в наше королевство, — продолжил Бринд Амор. — И помешать потенциальному союзу Эриадора с

Дун Дарроу. Я подозревал, что король Эйвона в любом случае не оставит Эриадор эриадорцам, что теперь и подтверждается.

— И ты к тому же веришь, что Гринспэрроу вошел в сговор с варварами? — предположил Лютиен.

Бринд Амор с сомнением покачал головой. Он действительно этого опасался, но не понимал, как король Эйвона мог бы заключить подобный союз. Хьюготы уважали физическую силу. Они не видели большого прока в «цивилизованном» народе Эйвона и открыто ненавидели колдунов. Бринд Амор, сам суровый северянин, возможно, и сумел бы поладить с ними, но не Гринспэрроу, франтоватый и слабый, который не делал секрета из своих магических способностей. Таким образом, хотя подобный союз и упрочил бы позиции Эйвона, Бринд Амор сомневался, что Гринспэрроу стал бы иметь дело с варварами Айсенленда.

— Этот человек гораздо охотнее имеет дело с тупыми одноглазыми, — озвучил свою мысль Лютиен.

— Он охотнее правит одноглазыми, — поправил Бринд Амор. — Но король, не являющийся хьюготом, не сумеет согнуть волю свирепых уроженцев Айсенленда.

— Даже при помощи волшебства?

Бринд Амор вздохнул, не зная, что ответить.

— Отправляйся в Гайби, — сказал он Лютиену. — Возьми с собой Кэтрин и Оливера.

Это приказание разочаровало молодого Бедвира, который все еще надеялся отправиться в горы на поиски банд циклопов, но он не стал возражать. Лютиен понимал необходимость обуздать хьюготов, хотя и продолжал надеяться, что нападение на Гайби было одиночным налетом, а не частью большого плана.

— Я уже послал весть всадникам Эрадоха, — пояснил Бринд Амор. — Один их отряд расположился возле Гайби, чтобы обеспечить рыбакам безопасность, а разведчикам приказано наблюдать за всем восточным побережьем, до самого Чамберса на юге.

Теперь Лютиен понял, насколько серьезно король отнесся к угрозе со стороны варваров, и не стал возражать.

— Пойду собираться, — сказал он, поклонился и уже повернулся, собираясь уйти.

— Сиоба и каттеры пойдут с Шаглином в горы, — сообщил ему Бринд Амор. — Чтобы разузнать о циклопах все, что удастся. Они будут ждать твоего возвращения. — Бринд Амор подмигнул. — Я пушу в ход кое-что из колдовских штучек, чтобы ускорить твое путешествие. Так что у тебя еще будет шанс напоить «Ослепительный» кровью циклопов.

Лютиен оглянулся на старого короля и улыбнулся, испытывая искреннюю благодарность. Ответная улыбка Бринд Амора растаяла, едва молодой человек скрылся из виду. Даже если Гринспэрроу и не стоял за набегом хьюготов, у возрожденного королевства Эриадор возникли серьезные проблемы. Бринд Амор приписывал немалую часть успеха в войне с Эйвоном Гаскони, которая отнеслась к Эриадору настолько доброжелательно, что даже выступила в войне на стороне молодого королевства. Это нанесло Гринспэрроу серьезный удар. Однако Бринд Амор получил эту не слишком значительную помощь от обширного южного королевства, пообещав несколько весьма выгодных сделок. Теперь, с появлением хьюготов, новый король вынужден послать на юг сообщение, что ко всему восточному побережью, включая важнейший порт Чамберс, нельзя приблизиться без сильного эскорта мощных военных судов.

Бринд Амор знал, что гасконцы будут недовольны, что они могут даже прийти к заключению, что под защитой Гринспэрроу Эриадор будет более безопасным местом для их торговых кораблей. Одно слово об этом, обращенное к королю Эйвона, может вновь вовлечь Эриадор в открытую войну. И Бринд Амор опасался, что эту войну им уже не выиграть. В Эйвоне гораздо больше жителей, гораздо более обученная и лучше экипированная армия, не говоря уж о союзниках-циклопах. И хотя старый маг считал себя более могучим чародеем, он не мог игнорировать тот факт, что являлся единственным волшебником Эриадора, в то время как при дворе Гринспэрроу находились как минимум четыре герцога-чародея да еще

герцогиня Мэннингтон.

И если еще и хьюготы заключили союз с Гринспэрроу...

С ситуацией в Гайби следовало разобраться немедленно и с полным вниманием. Лютиен, Кэтрин и Оливер были лучшими посланцами для этой миссии, и король уже отправил туда около сорока военных судов, почти половину флота из Даймондгейта. Кораблям следовало пройти вдоль северного побережья Эриадора и встретиться с Лютиеном в Гайби.

Король возрожденного Эриадора провел всю ночь на башне Собора, размышляя и тревожась, ища ответа в звездах, но не нашел ничего, что могло бы помочь устранить возникшую опасность.

6

ГЕРЦОГИНЯ МЭННИНГТОН

Она была миниатюрной женщиной, худощавой, с аккуратно подстриженными золотыми волосами. Она носила много дорогих украшений, включая бриллиантовую заколку для волос и брошь, сверкавшую даже при самом слабом свете. По любым меркам Диана Велворт, герцогиня Мэннингтон, была весьма утонченной, элегантной женщиной, настоящей красавицей. Именно поэтому она выглядела совершенно неестественно в холодных и суровых горах Айрон Кросса, в окружении вонючих и грубых циклопов.

Вожак одноглазых, громила весом фунтов в триста, чей рост приближался скорее к семи, чем к шести футам, нависал над Дианой. Казалось, верзила с легкостью может обхватить и придушить миниатюрную женщину одной рукой, тем более что Диана ругала его на все корки и ему явно хотелось прихлопнуть ее на месте.

Но Диану Велворт это едва ли могло обеспокоить. Она была герцогиней Эйвона, одной из придворных дам самого Гринспэрроу, и наряду с герцогом Парадором Принстаунским, убитым лично Бринд Амором, она, возможно, являлась одной из самых могущественных чародеек, не считая, разумеется, самого Гринспэрроу. Она и сейчас находилась под защитой специального заклинания, и посмей Маклес, вожак циклопов, только протянуть к ней руку, он немедленно вспыхнет ярким пламенем — пламенем, потушить которое можно, лишь прыгнув в Эйвонское море.

— Твои убийцы вышли из-под контроля, — ругалась Диана, ее голубые глаза, из-за неопределенности оттенка иногда казавшиеся серыми, яростно впились в отвратительное лицо Маклеса.

— Мы убиваем, — ответил циклоп просто, поскольку только такой способ ведения беседы и был доступен туповатому одноглазому. Больше всего в этом секретном поручении в богом забытых горах Диану раздражало то, что тупой Маклес являлся, возможно, еще самым сообразительным циклопом из всей группы!

— Беспорядочно, — недовольно добавила Диана, но покачала головой, заметив, что одноглазый не понимает значения этого слова. — Вы должны убивать более выборочно, — попыталась объяснить она.

— Мы убиваем! — настаивал Маклес.

Диана представила себе сладостную картину, как она вызывает Такнапотина, фамильного демона, и тварь из другого мира откусывает по маленькому кусочку от Маклеса. Увы, этого она себе позволить не могла.

— Вы убили гномов, — сказала герцогиня.

Это заявление вызвало бурю восторженных воплей со стороны циклопов, болтающихся поблизости, поскольку именно гномов те ненавидели больше всего на свете. Эта шайка жила в Айрон Кроссе на протяжении нескольких поколений и не раз имела весьма неприятные столкновения с бородатым народцем из таинственного Дун Дарроу. Циклопы решили, что слова женщины являются наилучшим комплиментом из слышанных ими когда-либо.

Диана едва ли имела в виду именно это. Последнее, чего желал Гринспэрроу, так это

союза между Эриадором и Дун Дарроу. По ее представлению, любая угроза государству гномов могла только сильнее подтолкнуть их к союзу с Бринд Амором.

— Если результатом убийства гномов...

— Вы сами помогали! — возразил Маклес, начиная догадываться, что Диану по-настоящему разозлила недавняя резня.

— Мне пришлось закончить то, что начали вы, глупцы, — отрезала женщина. Маклес хотел было что-то сказать, но Диана щелкнула пальцами, и одноглазый отшатнулся назад, словно его ударили по губам. Впрочем, с уголка его нижней губы и в самом деле потекла струйка крови.

— Если ваша глупость подтолкнет гномов к союзу с Эриадором, — резко произнесла Диана, — то знайте, вы столкнетесь с гневом короля Гринспэрроу. Я слыхала, что он питает слабость к коврам из шкур циклопов.

Маклес побледнел и оглянулся на ворчащих циклопов. Подобные слухи о свирепости Гринспэрроу постоянно бродили среди одноглазых.

Диана взглянула на другой конец лагеря, где в дыму костра коптилась дюжина голов гномов. В раздражении она ринулась прочь, оставив перепуганного Маклеса в окружении пары десятков смущенных подчиненных. Герцогиня даже не побеспокоилась оглянуться, проходя через небольшую прогалину, ведущую на более широкую поляну, где ее ожидали.

— Вы действительно думаете, что эта резня подтолкнет Дун Дарроу к союзу с Эриадором? — спросила Селна, служанка Дианы, единственное человеческое существо, сопровождавшее госпожу в дикие горы.

Диана, по-настоящему встревоженная, только пожала плечами на ходу.

— Вы и вправду обеспокоены? — вновь спросила Селна.

Диана застыла на месте, с изумлением рассматривая женщину, которая нянчила ее в детстве. Неужели Селна настолько хорошо ее знала?

— Что значат твои вопросы? — спросила Диана откровенно недовольным тоном.

— Ничего, моя госпожа, — ответила Селна, опустив глаза. — Там, в сосновой рощице, я приготовила вам ванну, как вы и приказали.

Виноватый тон Селны заставил Диану пожалеть о своей резкости по отношению к той, что служила ей столь долго и преданно.

— Большое тебе спасибо, — произнесла герцогиня и подождала, пока Селна поднимет глаза и ответит ей улыбкой примирения.

Диана была рада окружающей полутьме, когда раздевалась возле фарфоровой лохани, от которой шел пар. При мысли о всем известной похотливости циклопов у нее все внутри переворачивалось. Диана всем сердцем ненавидела одноглазых. Она думала о них как о грубых, диких скотах — именно это определение казалось ей наиболее подходящим, и недели, проведенные среди циклопов в горах, стали воистину жестокой пыткой для цивилизованной, утонченной женщины.

Что же такое произошло с ее гордым Эйвоном, думала герцогиня, погружаясь в воду и вздрагивая от ее жара. Она дала Селне зелье, способное нагреть ванну, и испугалась, что служанка плеснула его слишком много, что вода может прожечь ее до костей. Впрочем, Диана быстро приспособилась к температуре воды и затем плеснула в ванну другое зелье. Вода тут же начала пениться и пузыриться, и герцогиня утомленно опустила голову на бортик, глядя на полумесяц, сверкавший между кронами сосен.

Память увела ее на двадцать два года назад, когда она была всего лишь семилетней малышкой, принцессой, живущей в Карлайле при дворце отца-короля. Она была младшей из семи детей, пяти мальчиков и двух девочек, а, следовательно, не имела никаких надежд на трон, но все же принадлежала к королевской семье, а теперь осталась ее единственным выжившим представителем. Она никогда не была близка ни с родителями, ни с братьями и сестрами. Диана-дикарка, называли они ее, поскольку девочка предпочитала одиночество, скрываясь в темных уголках, где она оставалась наедине со своими мыслями, а атмосфера таинственного полумрака давала простор богатому воображению.

Уже тогда Диане нравилось мечтать о магии. Она научилась читать в четыре года и провела еще три, погрузившись в изучение огромных запыленных томов, подробно повествующих о братстве чародеев. Еще ребенком она узнала о Бринд Аморе, который теперь стал ее врагом, хотя давно уже считался покойным, и о Гринспэрроу. Как же затрепетала юная девушка, когда сам Гринспэрроу, загадочное проклятие дворца ее родителей, явился к ней под покровом ночи и предложил учить искусству магии. Какой это был чудесный момент для юной Дианы! И до чего же странно и замечательно, что единственный, как тогда полагали, оставшийся в живых член древнего ордена чародеев выбрал ее своей ученицей!

Каким же образом она, Диана Велворт, единственная законная претендентка на трон, оставшаяся в живых, оказалась в горах Айрон Кросса, служа советником для банды кровожадных циклопов? А как быть с жителями эриадорских деревушек, разгромленных уродами, и как быть с убитыми гномами? Неужели это резня из чисто политических соображений?

Диана прикрыла глаза, но не смогла избавиться от стоящего перед внутренним взором кошмарного зрелища бойни. Она заткнула уши. Но не смогла заглушить вопли, отдававшиеся эхом в горах. И не смогла остановить поток слез.

— С вами все в порядке, миледи? — резко прозвучал вопрос, заставивший Диану вздрогнуть. Она широко раскрыла глаза, увидев Селну, наклонившуюся к лохани. Женщина выглядела обеспокоенной, однако эта озабоченность показалась выбитой из колеи Диане необычной.

— Ты шпионишь за мной? — спросила герцогиня более резко, чем собиралась. Она осознала свою ошибку, поскольку чувство вины, испытываемое ею, стало очевидным для служанки.

— Ничего подобного, миледи, — возразила Селна неубедительным тоном. — Я просто принесла вам полотенце и одеяло и увидела следы слез на ваших щеках... луна-то как ярко светит!

Диана поспешно вытерла лицо ладонями.

— Брызги из ванны, только и всего, — уверила она.

— Вы тоскуете по Мэннингтону? — спросила Селна.

Диана изумленно уставилась на женщину, затем огляделась вокруг, словно ответ был очевидным.

— Как и я, — призналась Селна. — Я рада, что вас тревожит только это. Я боялась...

— Чего? — переспросила молодая женщина еще более резким тоном, в глазах появился опасный блеск.

Селна тяжело вздохнула. Диана никогда не видела ее такой таинственной, и это зрелище ей совсем не понравилось.

— Я только боялась... — вновь начала горничная, но замолкла, подыскивая слова.

Диана выпрямилась, наклонившись вперед.

— Чего? — спросила она вновь.

Селна вздрогнула.

— Скажи!

— Что вы сочувствуете Эриадору, — призналась служанка.

Диана вновь опустила в горячую воду, не сводя глаз с Селны.

— Неужели вам действительно жаль Эриадор? — осмелилась спросить горничная. — Или, избави бог, гномов?

Диана довольно долго молчала, пытаясь понять эту загадочную женщину, которую, как ей казалось, она так хорошо знала.

— Неужели это так ужасно? — прямо спросила она.

— Они наши враги! — воскликнула горничная. — Симпатия к Эриадору...

— Сочувствие нашим собратьям-людям, — поправила Диана.

— Кое-кто может счесть это слабостью, — без колебаний ответила горничная.

И вновь Диана не нашлась с ответом. Что имела в виду Селна? Диана много раз доверялась этой пожилой женщине, но сейчас Селна, похоже, уходила от разговора, словно знала нечто, неизвестное молодой женщине. Внезапно герцогиня поняла, что больше не доверяет этой особе, и испугалась, что и так уже слишком раскрылась.

Вода уже остыла, и Диана выбралась из ванны, позволив Селне укутать ее теплым одеялом. Она оделась под покровом сосновых лап и отправилась в свою палатку. Селна не отставала ни на шаг.

Герцогиня заснула беспокойным сном, полным туманных образов, которые она не могла ни прогнать, ни объяснить. Внезапно она почувствовала, как по коже пробежали мурашки, а тьма вокруг показалась более глубокой, чем ночная.

Она проснулась, вся в холодном поту, и увидела пару светящихся красных глаз, смотревших прямо на нее.

— Мистрис, — послышался свистящий знакомый голос, голос Такнапотина, семейного демона Дианы.

Перепуганная герцогиня сразу расслабилась, однако ее облегчение тут же вновь сменилось тревогой. Диана вдруг сообразила, что и не думала вызывать демона. Похоже, монстр явился из глубин ада по собственной воле!

Она увидела впечатляющий ряд сверкающих зубов, мелькнувший, когда демон, заметив ее тревогу, широко улыбнулся.

Нет, поняла Диана, не по собственной воле. Такое просто невозможно. Демоны были созданиями, которых в этот мир приводило желание человека, но кто, кроме самой Дианы, мог вызвать Такнапотина? На мгновение молодая женщина задалась вопросом, уж не вызвала ли она каким-то образом обитателя ада во сне. Впрочем, она тут же отвергла подобное предположение. Перенос выходцев из ада в материальный мир — не такое уж простое дело.

В таком случае, оставался один-единственный ответ, и он прозвучал в следующих словах Такнапотина.

— Вы освобождены от своих здешних обязанностей, — сообщил демон. — Возвращайтесь обратно, в свое герцогство Мэннингтон.

Гринспэрроу. Только он обладал достаточным могуществом, чтобы вызвать фамильного демона Дианы без ее ведома.

— Ресмор, герцог Ньюкасла, будет руководить набегам отряда циклопов, — продолжал Такнапотин.

— По чьему приказу? — спросила Диана, просто потому что желала, чтобы это имя было произнесено вслух.

Такнапотин расхохотался.

— Гринспэрроу знает, что у вас не лежит сердце ко всему этому, — ответил демон.

Селна, поняла Диана. Горничная, которой она в последние двадцать лет доверяла больше всех, не теряла времени и уже успела сообщить о ее симпатиях Гринспэрроу. Эта мысль взволновала Диану, но женщина была достаточно прагматичной, чтобы отбросить прочь эмоции. Новые знания могли принести определенную выгоду.

— Когда я могу покинуть это отвратительное место? — оживленно поинтересовалась Диана. Она, хотя и с трудом, сумела взять себя в руки, не желая, чтобы проклятая тварь обнаружила ее замешательство и сочла, что молодая женщина и вправду виновна в изменнических мыслях. Разумеется, то, что утонченная придворная дама не была в восторге, мотаясь по горам со сворой отвратительных циклопов, казалось совершенно естественным — она протестовала против этого поручения еще с той минуты, как Гринспэрроу возложил дело на нее.

— Ресмор уже здесь, беседует с Маклесом, — с усмешкой ответил демон.

— Если ты выполнил задание, ради которого тебя вызвали, тогда уходи, — приказала Диана.

— Я помогу вам одеться, — ответил Такнапотин, зловеще ухмыляясь.

— Вон!

Тварь немедленно испарилась во вспышке пламени, на мгновение ослепившей Диану, оставив после себя осязаемый запах серы.

Когда дым развеялся, а молодая женщина вновь обрела ясность зрения, она обнаружила у входа в палатку Селну, державшую в руках одежду герцогини. Молодая женщина задумалась, сколь многое успела пронюхать служанка.

Спустя час Диана пожелала Ресмору удачи и покинула горы при помощи магического туннеля, который предусмотрительно создал для нее герцог Ньюкасла. Пытаясь действовать так, словно ничего необычного не происходило, или, по крайней мере, продемонстрировать, что ее настроение улучшилось с тех пор, как она оказалась в своих личных покоях в мэннингтонском дворце, она отослала Селну и в одиночестве уселась в спальне на огромной кровати под балдахин.

Ее взгляд устремился на бюро, где хранилась драгоценная корона, последнее свидетельство принадлежности Дианы к древнему королевскому роду. Ее мысли вновь вернулись к тому дню, когда много лет назад, опьяненная обещанием магической силы, она сделала свой роковой выбор.

Она заново прошла в памяти весь путь от того дня к сегодняшнему. Диана понимала, что это логический процесс, ведущий к возможным неприятностям, ожидавшим ее впереди. Циклопов не радовали ее действия в горах, и они были правы. Похоже, Маклес за ее спиной жаловался каждому посланцу Эйвона. Когда до Крезиса, герцога циклопов в Карлайле, дошли сведения о недовольном ворчании, он, по всей видимости, обратился к Гринспэрроу, который не задумываясь добрался до Селны и решил проблему.

— Раз так, — громко сказала Диана, и в голосе ее прозвучал хмурый вызов, — пусть Ресмор получает одноглазых и все гадости, с ними связанные.

Она знала, что будет наказана могучим Гринспэрроу, возможно, даже вынуждена отдать на время свое тело Такнапотину, — весьма болезненная и изнурительная процедура.

Диана содрогнулась. Да, сейчас она могла лишь пожать плечами и принять приговор Гринспэрроу, своего короля и повелителя. Но не об этой жизни мечтала Диана Велворт. В тот первый год, когда она лишилась семьи, Гринспэрроу оставил ее в покое, он навещал ее редко и не просил ни о чем, кроме как играть при дворе роль первой дамы, единственной герцогини Мэннингтон, хотя это и было невероятно скучно. И она по-настоящему взволновалась, когда Гринспэрроу поручил ей серьезное дело — заключить перемирие с Бринд Амором в Принстауне. Добившись нужного соглашения, она сказала себе, что теперь ее жизнь изменится. Так и случилось, поскольку вскоре Гринспэрроу послал ее в горы, к циклопам, обагрив ее руки кровью. И затуманив сердце вероломными мыслями.

Она вновь сосредоточилась на своих сверкающих драгоценных камнях, на неисполненных обещаниях.

Гном взвыл от боли и попытался увернуться, но нора, в которую он забился, была неширокой, и дюжина циклопов, тыкавших в него длинными копьями, наносили ему один жгучий укол за другим.

Скоро гнома выволокли на поверхность. Он пытался бороться, стоя на коленях, но копье ударило его в лицо, опрокинув на землю. Несчастный дернулся и застыл, выпрямившись. Циклопы развлекались, заканчивая дело.

— Ах ты хитрец, Маклес! — взревел герцог Ресмор, широкоплечий, тучный мужчина с копной густых седых волос и обманчиво-добродушным лицом. — Ты отлично знаешь, как можно повеселиться!

Маклес вернул смешок и дружески хлопнул огромного мужчину по спине. На взгляд грубого циклопа, жизнь теперь повернула в лучшую сторону.

— Хьюготы! — закричал один из матросов, крик подхватил другой, стоявший на перекладине грот-мачты.

— Они подняли парус наполовину, а обе скамьи у них битком набиты гребцами! — добавил матрос с перекладины.

Лютиен перегнулся через поручни на носу судна, вглядываясь в морскую даль, не переставая изумляться тому, что моряки могут видеть все до мелочей там, где его глаза различают один лишь серый туман.

— Я не вижу, — заметил Оливер, останавливаясь рядом с Лютиеном.

— На то, чтобы глаза привыкли к морю, уходят многие годы, — попытался объяснить молодой человек. (И чтобы привык желудок, хотелось ему добавить, поскольку Оливер по выходе из Гайби провел добрых полторы недели, перевесившись через поручень.) Они находились на борту «Страттонского ткача», одного из самых больших эйвонских галеонов, захваченного в Порт-Чарлее. Теперь судно плавало под флагом Эриадора. При благоприятном ветре трехмачтовый «Ткач» мог обогнать любую галеру хьюготов и при любых обстоятельствах стоил трех судов противника. Длинной почти в сотню футов, с опытной командой, в которую входило более двух сотен моряков, галеон нес на себе огромное орудие, способное потопить галеру с расстояния в триста ярдов. Орудийный расчет, приписанный к катапульте, стоявшей на кормовой палубе, уже принялся нагружать ядра в корзину, в то время как остальные возились с огромной вращающейся баллистой, установленной позади фок-мачты, сосредоточившись на огромных копьях, которые скоро полетят в варваров.

— Я не вижу, — вновь сказал Оливер.

— Ничего страшного, поскольку Лютиен прав, — поддержала друга Кэтрин, чьи глаза больше привыкли к открытой воде. — Необходимы годы, чтобы приучить зрение к морю. Тем не менее перед нами действительно хьюготы, это очевидно даже для меня, хотя я уже много месяцев не выходила в море.

— Доверимся зрению наших спутников, — сказал Лютиен хафлингу, который, похоже, был весьма недоволен подобной точкой зрения и нервно притоптывал по палубе своим черным лакированным башмаком. — Если они говорят, что приближающееся судно принадлежит хьюготам, — значит, так оно и есть.

— Я не вижу, — в третий раз сказал Оливер, — потому что прямо передо мной стоят две огромные обезьяны и все закрывают!

Лютиен с Кэтрин взглянули друг на друга и фыркнули, довольные, что перед неминуемой битвой могут немного развеселиться благодаря присутствию такого замечательного существа, как Оливер де Берроуз. Затем, преувеличенно вежливо, они расступились, дав место хафлингу.

Оливер немедленно вскарабкался на поручень, встал в гордую позу, вцепившись одной рукой в леер, а другую приложив ко лбу, в чем, впрочем, не было ни малейшего смысла, поскольку огромные поля его знаменитой шляпы и так заслоняли глаза от солнца.

— Ах да, — начал хафлинг. — Так и есть, хьюготы. Любопытное судно. Один, два, три... восемнадцать, девятнадцать, двадцать весел с каждой стороны, двигаются дружно. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Лютиен и Кэтрин, раскрыв рты от изумления, вновь уставились друг на друга, затем на крохотное пятнышко у горизонта.

— Эй, а что там за великан стоит на носу? — спросил Оливер, заметно вздрогнув. Демонстративность этого жеста навела Лютиена на определенные подозрения, он вздохнул и с сомнением посмотрел на Кэтрин.

— Не хотел бы я встретиться с ним в бою, — продолжал хафлинг. — Одна только его желтая борода выглядит так, словно способна ободрать всю мою нежную кожу!

— И вправду, — согласился Лютиен. — Но больше всего меня пугает кольцо на его пальце. Видите, оно похоже на львиную лапу? — Теперь уже Лютиен старательно, всем

телом изобразил дрожь. — И так и кажется, что ее когти, повинувшись жестоким и неумолимым хьюготам, могут расцарапать лицо врага! — Лютиен снова демонстративно вздрогнул и собрался было уйти вместе с улыбающейся Кэтрин.

Девушка весело подмигнула ему, полагая, что Лютиен должным образом ответил на розыгрыш Оливера.

— Глупый мальчишка, — крикнул им вслед неугомонный хафлинг. — Ты что, не видишь, что в кольцо на место когтей вставлены драгоценные камни? А серьги?.. — добавил он, подняв в воздух палец.

Лютиен обернулся, собираясь ответить, но заметил, что Кэтрин покачала головой, и понял, что все равно не победит в этом словесном поединке.

— Отличные глаза, — заметил Валлах, капитан «Страттонского ткача», подошедший к Лютиену и Кэтрин вместе с братом Джеймесисом из Гайби. Сарказм капитана был направлен на Оливера.

— Отличное чувство юмора, — поправила его Кэтрин.

— Как скоро мы сблизимся с ними? — спросил Лютиен.

Валлах взглянул в сторону горизонта и неопределенно пожал плечами.

— Может, через полчаса, а может, к концу дня, — сказал он. — Наши друзья на галере идут не прямо к нам. Они движутся к юго-востоку.

— Они нас боятся? — поинтересовался молодой человек.

— Мы превосходим их, — уверенно ответил капитан. — Но я никогда не слыхал, чтобы хьюготы уклонялись от боя. Больше похоже на то, что они хотят перехватить нас возле Колонси, в неглубоких водах. Там они могут посадить нас на мель или, по крайней мере, обойти в маневрах.

Лютиен понимающе улыбнулся Валлаху. Этот капитан из деревни Гайби был выбран для командования «Ткачом», поскольку он лучше, чем кто-либо другой, изучил здешние воды. Валлах добрую часть своих пятидесяти лет жил в поселении Окраина на Колонси и все это время почти ежедневно бороздил воды Дорсальского моря.

— Они считают, что получают преимущество, если мы окажемся возле острова, — с хитрым видом заметила Кэтрин.

Валлах усмехнулся.

— Мы не хотим сражаться с ними, — напомнил Лютиен. — Наша цель — только переговоры, если, конечно, из этого что-то выйдет.

Действительно, их план был именно таков, и именно поэтому «Страттонский ткач» вышел один, отказавшись от поддержки флота из тридцати галеонов, стоявших сейчас в заливе Колтуин.

— Хьюготы не любят много говорить, — заметила Кэтрин.

— И уважают только силу, — добавил Валлах.

— Ну, если нам придется потопить их галеру, значит, так тому и быть, — решительно произнес Лютиен. — Но мы стараемся обойтись малой кровью, и нам ни в коем случае нельзя позволить им ускользнуть.

— Ни в коем случае, — подтвердил брат Джеймесис, чье лицо сохраняло хмурое выражение с тех пор, как в заливе появились свирепые хьюготы, а его мирное существование в монастыре было нарушено.

Лютиен внимательно посмотрел на монаха. Он подумал о том, что народ Гайби находился под слишком сильным впечатлением от недавних событий, чтобы позволить ему осуществить план переговоров. Получив в свое распоряжение тридцать галеонов, они не желали ничего иного, кроме как отомстить за гибель своих сограждан в заливе Колтуин. Но каковы бы ни были их желания, колокол Гайби громко звонил, приветствуя Лютиена и его товарищей, явившихся как ответ на обращение деревни к новому королю. И празднование разгорелось с новой силой, когда с севера на всех парусах подошел флот Эриадора. Именно поэтому проктор Биллевин был вынужден пойти навстречу пожеланию молодого человека, и «Страттонский ткач» вышел в море, вооруженный представитель флота, но в первую очередь

парламентер, а уж во вторую — военный корабль.

— Поднимите парламентерский, — велел Лютиен Валлаху. Взгляд молодого Бедвира не отрывался от брата Джеймесиса, ожидая одобрения монаха. Тот возражал против того, чтобы Лютиен сам отправлялся в плавание, и его поддержали многие, включая даже Оливера и Кэтрин.

— Белый флаг с синей каймой известен даже хьюготам, — хмуро признал Джеймесис. — Это международный сигнал переговоров, хотя варвары известны тем, что пользуются им, чтобы подобраться поближе к противнику.

— Глаза этого человека такие синие! — воскликнул Оливер, самым что ни на есть удачным образом разрядив возникшее напряжение. Джеймесис и Валлах косо взглянули на хафлинга, но Лютиен и Кэтрин лишь понимающе усмехнулись. Оливер не мог разглядеть глаза варвара, впрочем, как и сосчитать весла галеры. Он вообще вряд ли видел судно, скрытое в тумане. Но как замечательно хафлинг разыгрывал свою роль! Лютиен с достаточным основанием мог назвать приятеля величайшим мастером блефа.

Спустя несколько минут флаг переговоров уже развевался на грот-мачте «Страттонского ткача». Валлах и прочие внимательно следили за действиями противников, однако, несмотря на то, что вперёдсмотрящие заверили капитана в том, что хьюготы находятся достаточно близко и наверняка видят сигнал, галера не изменила курса и даже не замедлила хода.

— Идут к Колонси, — повторил Валлах.

— Ну, тогда и мы за ними, — решил Лютиен.

Капитан окинул взглядом юношу и недовольно сдвинул брови.

— Вы боитесь пускаться в погоню? — спросил его Лютиен.

— Я чувствовал бы себя намного уверенней, не находишься у меня на борту правая рука моего короля, — сказал Валлах.

Лютиен ответил ему сердитым взглядом.

Валлах понимал, что его простая логика жалит молодого человека, однако это еще дома не удержало его от того, чтобы высказать свое мнение.

— Если хьюготы, как мы опасаемся, являются союзниками Гринспэрроу, разве Лютиен Бедвир не станет для них ценной добычей? Мне не хотелось бы видеть ликование короля Эйвона, если Алая Тень попадет к нему в руки.

Этот аргумент уже изрядно надоел Лютиену, ему пришлось слышать его еще в Гайби, когда наконец было решено, что прежде всего нужно попытаться поговорить с хьюготами. Лютиен настаивал на том, чтобы в море вышел сначала только один корабль-парламентер и чтобы он сам находился на его борту. Но даже Кэтрин, столь преданная Лютиену, возражала, считая, что молодой человек представляет для королевства слишком большую ценность и не должен рисковать.

— Алая Тень была тем призом, которую Моркней, герцог Монфорский, хотел преподнести Гринспэрроу, — ответил Лютиен. — Именно Алую Тень пообещал в подарок зловещему королю Эйвона генерал Белсен Криг. Именно этот приз предпочитал получить герцог Принстауна Парагор.

— И все они в результате погибли, — закончил за него брат Джеймесис. — И потому вы почувствовали себя бессмертным.

Лютиен начал было возражать, но Оливер пихнул его в бок, заставив умолкнуть.

— Неужели вы не понимаете? — спросил хафлинг, становясь рядом с молодым человеком. — Да, мой иногда столь неразумный друг весьма ценен, но его ценность как раз и заключается в том, от чего вы стремитесь его защитить!

— Оливер прав, — добавила Кэтрин, внезапно превратившись в союзницу Оливера. — Если Лютиен спрячется за мантию Бринд Амора, если его алый плащ не увидят там, где это более всего необходимо, тогда весь смысл Алой Тени будет утерян.

Валлах взглянул на брата Джеймесиса и поднял руки в знак поражения.

— Не нам решать вашу судьбу, — признал монах.

— Тогда идем к Колонси, — сказал Валлах и направился к штурвалу.

— Только если вы сочтете этот курс безопасным для корабля, — резко произнес Лютиен, заставив капитана обернуться. — Я не хочу, чтобы мои слова привели к гибели корабля. «Страттонский ткач» — ваш, и только вы здесь командуете.

Валлах одобрительно хмыкнул в ответ.

— Мы знали об опасности, когда выходили в море, — напомнил он Лютиену. — Каждый человек на борту пришел сюда по собственной воле, и я в первую очередь. Как и все прочие мужчины и женщины, мы понимаем, какая угроза нависла над Эриадором, и мы готовы отдать жизнь, защищая свободу родного края. Если бы вас, друзья мои, не было на борту, я без колебаний пустился бы в погоню за галерой, чтобы настоять на переговорах, даже если бы меня поджидал весь флот варваров!

— Тогда вперед, — подбодрил его Лютиен. Валлах и брат Джеймесис, разом кивнув, удалились.

«Страттонский ткач» начал обходить галеру, поворачивая к востоку, но хьюготы работали веслами изо всех сил, так что галеон не мог перерезать им путь. Но все же они подошли к варварам достаточно близко, и флаг переговоров теперь, без сомнения, видел каждый на галере — и реакция хьюготов служила тому лучшим доказательством.

Галера ни на мгновение не замедлила ход, продолжая держать курс на юго-восток. Гигантский галеон устремился в погоню, и скоро впереди показались серые скалистые пики гор Колонси.

— Вы все еще считаете, что они надеются посадить нас на мель? — чуть позже спросил Лютиен Валлаха.

— Я полагаю, они рассчитывают на поддержку, — пояснил капитан, указывая за правый борт, где показалась еще одна галера, подходившая к острову.

— Похоже, она просто болталась в море, поджидая нас, — заметил Лютиен. — Очень похоже.

— Обычная засада, — пожал плечами капитан.

Третья галера хьюготов вскоре показалась со стороны кормы корабля, за ней появилась и четвертая. Гребцы первого судна подняли весла с одного борта, резко разворачивая корабль.

— Мы не знаем, что они собираются делать, — быстро сказал Лютиен. — Возможно, теперь, когда галера находится под защитой союзников, хьюготы согласятся на переговоры.

— Я могу лишь позволить, чтобы они подошли ближе, — возразил Валлах. — И только если они поднимут флаги согласия на переговоры.

Он окликнул людей возле катапульты, приказав им нацелить орудие на галеру с правого борта. Если начнется битва, Валлах собирался потопить ее в первую очередь, дав «Ткачу» возможность вырваться в более глубокие воды.

Лютиен не мог не согласиться с капитаном, несмотря на свое желание закончить дело миром. Он вспомнил Гарта Рогара, своего лучшего друга, хьюгота, еще ребенком выброшенного на остров Бедвидрин после кораблекрушения. Лютиен невольно стал виновником его гибели, победив великана на арене. Если бы проигравшим оказался сам Лютиен, Гахриз никогда бы не подал знака прикончить побежденного.

С точки зрения логики, в смерти Гарта Рогара не было вины юноши, но в том-то и беда, что чувство вины логике никогда не поддается.

И именно поэтому молодой человек решил ради памяти о погибшем друге отправиться из порта Гайби в открытое море и постараться разрешить конфликт с хьюготами по возможности мирно. Однако, несмотря на свое желание, Лютиен не мог требовать от мужчин и женщин, составлявших команду «Ткача», чтобы они просто позволили четырем галерам уничтожить себя. Валлах и его команда и без того проявили достаточный героизм, добровольно вызвавшись отправиться сюда без мощного прикрытия всего флота.

— Возможно, нам придется вступить в бой, — сказал Лютиен Кэтрин и Оливеру, когда вернулся на нос, к поручню, у которого они стояли.

Оливер посмотрел на галеру, на белые пенистые барашки там, где ее весла врезались в воду, затем окинул взглядом галеон, уделив особенно пристальное внимание команде у катапульты.

— Я надеюсь, они хорошие стрелки, — заметил хафлинг.

В связи с внезапно обнаружившимся численным превосходством врага Лютиен и Кэтрин надеялись на то же самое.

Крик наблюдателя с мачты сообщил им, что показалась пятая галера, а затем и шестая, обе следовали в кильватере судна с правого борта.

— Возможно, это была не самая лучшая идея, ближайшему советнику короля не следовало забираться так далеко, — заметил Оливер.

— Я должен был пойти, — ответил Лютиен.

— Я говорю о себе, — сухо уточнил Оливер.

— Мы никогда не бежали от схватки, — произнесла Кэтрин настолько решительно, насколько могла.

Лютиен взглянул в зеленые глаза девушки и прочел в них тревогу. Юноша вполне понимал ее. Кэтрин не пугала предстоящая схватка, вовсе нет, но на этот раз, в отличие от яростных боев за свободу Эриадора, в отличие от всех тех битв, в которых ей приходилось участвовать вместе с Лютиеном, драться предстояло не с циклопами, а с людьми. Но Кэтрин так же не хотелось убивать их, как и быть убитой самой.

Капитан Валлах беспрестанно мерил шагами палубу, инструктируя команду перед боем.

— Цельтесь вон в ту галеру, — приказал он расчету катапульты, имея в виду судно, подходившее справа, — оно было ближе всех к галеону и шло быстрее других.

— Да спустите же наконец этот чертов парламентерский флаг! — пробормотал капитан, подойдя к носовому поручню, у которого стояли все трое друзей.

Словно в ответ, весла гребцов приближавшейся галеры поднялись в воздух, длинное и изящное судно быстро потеряло скорость. Затем протрубил горн, издав чистый и громкий звук, разнесшийся по воде и достигший ушей встревоженной команды «Страттонского ткача».

— Боевой сигнал, — сказала Кэтрин, обращаясь к Валлаху. — Они не собираются вступать в переговоры.

Звуки горна слышались и с остальных пяти судов, последовав вскоре за боевыми криками и воем. Галеры двинулись вперед — все, кроме первой, за которой гнался «Ткач»; это судно словно бы выжидало, не предпримет ли что-нибудь галеон, первым проявив инициативу.

— Мы не можем ждать, — сказал Валлах явно разочарованному Лютиену.

— Еще три за кормой! — слышался с мачты крик вахтенного.

— Нам отсюда не уйти, — пробормотала Кэтрин, оглядывая море и видя, как вокруг галеона затягивается петля ловушки.

Валлах вернулся назад, к центральной части палубы, приказав приспустить перед боем паруса, чтобы корабль все же мог маневрировать, не представляя при этом слишком уж заманчивой мишени для лучников хьюготов и их горящих стрел.

Лютиен отправился следом за ним и заметил брата Джеймеса, приближавшегося с таким же хмурым, как всегда, выражением лица. Лютиен на мгновение встретился с ним взглядом... но ведь это именно он, Бедвир, принял решение о переговорах, именно из-за него, Лютиена, команда оказалась теперь в таком тяжелом положении. Молодой Бедвир отвел глаза и повернулся к морю; но тут же почувствовал на своем плече руку брата Джеймеса.

— Мы будем делать то, что должны сделать, — неожиданно произнес монах. — И если нам не останется ничего, кроме битвы, мы станем биться с врагом. Но забудьте о страхе, милорд Бедвир, и помните лишь то, что каждое судно, которое мы потопим сегодня...

— А их будет немало, — решительно вмешался Валлах.

— ...уже никогда не сможет терроризировать побережье залива Колтуин, — закончил брат Джеймесис.

Валлах поднял глаза на Лютиена и указал на ближайшее судно, словно ожидая одобрения юноши.

Это был нелегкий выбор для такого человека, как молодой Бедвир, но хьюготы достаточно ясно продемонстрировали, что собираются напасть на галеон. Горны на всех кораблях, окружавших «Страттонского ткача», громко трубили, призывая бога войны хьюготов спуститься к водам.

— Они смотрят на битву как на дело чести, — заметила Кэтрин.

— Черт бы побрал их за это, — отозвался Лютиен.

Пылающее ядро пронеслось по полуденному небу, описало аккуратный полукруг, а затем, подобно хищной птице, спикировало на жертву. Галера попыталась увернуться — гребцы на одном борту опустили весла в мгновенно вспенившуюся воду.

Слишком поздно. У канониров галеона было целых десять минут, чтобы прицелиться в не слишком отдаленную цель. Галера успела развернуться на четверть прежде, чем снаряд врезался в правый борт галеры, чуть не снеся его напрочь.

Лютиен увидел, как несколько хьюготов в пылающей одежде прыгнули за борт. Он слышал вопли тех, которые не смогли увернуться от удара. Но галера, хоть и получившая серьезные повреждения, еще не была прикончена, и весла вновь вспенили воду, понуждая ее двигаться.

Вскоре после того показался сам предводитель варваров, выскочивший на нос своего дымящегося судна; он размахивал мечом и выкрикивал угрозы в сторону галеона.

Лютиен прекрасно видел, что этот человек настолько же горд, насколько и глуп. Остальные десять галер (уже появились еще две, усилившие флот противника) находились еще слишком далеко, чтобы оказать ему поддержку. Возможно, варвары не понимали мощи военного галеона, а скорее, погибавшего в бою человека это и не волновало.

Валлах развернул галеон бортом к галере. В воздухе пронеслось еще одно ядро и возмущенно зашипело, когда, переломав несколько весел, упало в воду. Но галера продолжала двигаться. Капитан варваров вскарабкался на носовую фигуру судна и воздел руки к небу.

Он находился в этом положении, взывая к своему богу войны, когда горящее копье, выпущенное из баллисты, пробило его грудь, отбросив искалеченное тело к середине палубы.

И все же галера приближалась и уже оказалась слишком близко для катапульты, которую Валлах приказал навести на другую цель. Тем не менее обе баллисты продолжали действовать, как и сотня лучников, натягивавших тетиву гигантских луков, наклоняясь назад, осыпая стрелами палубу судна хьюготов.

И все же оно приближалось.

Команда баллисты сконцентрировалась на ватерлинии возле весел, копья глубоко вонзались в корпус галеры.

— Вперед! — крикнул капитан Валлах рулевому, и тот приложил все усилия, чтобы выполнить команду, как и все, работавшие на такелаже. Матросы Эриадора просто не в силах были поверить в решительность хьюготов. Большая часть команды варваров явно уже погибла. Эриадорцы отчетливо видели тела, густо усыпавшие палубу. Но, тем не менее, они слышали ритмичные удары весел рабов, и хотя несчастные пленники теперь во много раз превосходили численностью своих порабитителей, они не знали об этом!

«Страттонский ткач» скользнул вперед на несколько десятков ярдов, и галера, на верхней палубе которой не осталось никого, кто мог бы встать у руля, не смогла свернуть в сторону. И потому галера подошла к корме галеона достаточно близко, чтобы ее весла с правого борта были раздавлены рулевым веслом галеона и трое матросов смогли выплеснуть пылающее масло на ее палубу.

С этим врагом было покончено, однако уже бок о бок подходили другие суда хьюготов,

десять галер, двигавшихся на удивление слаженно. Команда катапульты трудилась с бешеной яростью, баллиста метала одно пылающее копьё за другим, и еще одну галеру отправили на дно, а третьей нанесли такие сильные повреждения, что она уже не могла поддержать своих собратьев.

Лучники облепили поручни, но в ответ на их залпы летели стрелы и копья хьюготов, часто пылающие. Лютиен также схватился за свой лук и поразил одного из варваров за мгновение до того, как тот успел швырнуть в галеон гигантское копьё. Оливер, Кэтрин и многие другие тем временем пытались помочь раненым и одновременно тушили горящие снаряды, пока те не причинили действительно серьезного вреда.

Капитан Валлах, казалось, одновременно был повсюду, ободряя команду, выкрикивая приказы рулевому. Но все же слишком скоро огромный галеон содрогнулся от удара тараном, из открытых люков «Ткача» послышался ужасающий звук затрепавшего дерева.

Через поручни дюжинами полетели abordажные крюки. Лютиен выхватил «Ослепительный» и побежал вдоль борта, с бешеной скоростью обрубая, пока лучники, откинувшись назад, осыпали противника стрелами, почти не целясь.

Молодой Бедвир просто не в силах был осмыслить безумную храбрость и безоглядную ярость хьюготов. Они наступали, ничуть не заботясь о собственной жизни, наступали, уверенные в том, что нет ничего лучше, чем смерть в бою, что об этом можно только мечтать.

Затем корабль вновь вздрогнул, когда вторая галера протаранила его корму, и в третий — когда другое судно зашло на таран спереди, врезавшись в нос «Ткача» и почти развалившись от удара. Скоро на борту галеона, похоже, оказалось столько же хьюготов, сколько и эриадорцев, и еще большее число варваров стремительным потоком преодолеvalo поручни.

Лютиен пытался пробиться к Валлаху, который свирепо рубился на носу.

— Нет! — закричал молодой Бедвир и ринулся вперед, в ужас глядя на то, как один из варваров зацепил капитана крюком «кошки». Веревка немедленно натянулась, перекинув кричащего Валлаха через поручни.

Лютиен с криком прыгнул на хьюгота сбоку. Он знал, что варвар превосходит его в силе и что малейшая неуверенность при столкновении со столь могучим воином будет стоить ему жизни.

Но неожиданно варвар на мгновение замер и с любопытством оглянулся на пышно разряженного хафлинга, балансировавшего на поручне, или, вернее, на рапиру хафлинга, поскольку ее изящное лезвие пронзило ребра варвара.

Хьюгот взревел и подскочил, пытаясь поймать Оливера и прихватить его с собой, но внезапно опрокинулся от резкого удара нок-гафеля под колено. Он перегнулся через поручень, и Кэтрин сумела еще раз ткнуть его, прежде чем он скрылся из виду.

— Мне гораздо больше нравится сражаться верхом на моем дорогом Тредбаре, — заметил Оливер.

— Вспомните лучше о битве в Соборе, — сказал им обоим Лютиен. — Наш единственный шанс — собрать вместе как можно больше защитников.

Кэтрин кивнула, но Оливер покачал головой.

— Друг мой, — ровным голосом сказал он. — Там, в Соборе, мы выжили потому, что убрались оттуда прочь.

Оливер огляделся вокруг, и остальные проследили за его взглядом, осознав, что на этот раз, в открытом море, им некуда отступать.

Героическая команда «Страттонского ткача» сражалась более часа, получив первую передышку лишь тогда, когда они добрались до мостика. Лютиен, Кэтрин, Оливер и еще пятьдесят мужчин и женщин держались на высокой рулевой палубе, пока сотня хьюготов ниже, на главной палубе, стаскивала пленников и груз с опасно накренившегося галеона. Перспективы для хьюготов, если те решили бы проложить себе с боем путь по двум узким трапам, ведущим на рулевую палубу, были мрачными, но им и не было нужды делать этого.

Галеры быстро грузили пленников и трофеи, а «Ткач» должен был скоро наполниться водой.

Лютиен понимал, что приближается конец, и потому они намеревались ринуться на врага с энергией отчаяния. Эриадорцы знали, что у них нет шансов победить и нет шансов сбежать.

Затем на переднюю палубу могучий хьюгот вытащил фигуру в коричневой мантии.

— Брат Джеймесис! — закричал Лютиен.

Монах с усилием поднялся с колен.

— Сложи оружие, мой друг, — сказал он Лютиену. — Реньер из Айсенленда уверил меня, что примет вашу капитуляцию.

Лютиен с сомнением оглянулся на своих товарищей.

— Лучше жизнь раба на галере, чем страшная смерть в воде! — призывал миролюбивый Джеймесис.

— Никогда! — крикнула одна из женщин Эриадора. Она схватилась за канат и героически прыгнула в толпу хьюготов. Прежде чем товарищи успели пошевелиться, чтобы удержать ее или последовать за ней, длинное копье ударило ее, швырнув на палубу. Хьюготы навалились на несчастную, словно стая волков. Наконец она показалась из свалки, в руках у гигантского варвара, который протащил ее до поручней и ударил о них лицом.

Затем он отошел, и несчастная, каким-то образом найдя точку опоры, умудрилась встать, но лишь на мгновение, пока другой варвар не поразил ее в живот трезубцем с длинной рукояткой. Могучий воин высоко поднял женщину над палубой и, приняв угрожающую позу, долгое мгновение держал, прежде чем швырнуть за борт.

— Будь проклят! — закричал Лютиен, шагая к трапу. Костяшки его пальцев, яростно сжимавших рукоять могучего меча, побелели.

— Довольно! — умолял брат Джеймесис. Отчаянный призыв монаха привел Лютиена в чувство. — Я заклинаю тебя, сын Бедвира, ради жизни людей, которые последовали за тобой!

— Бедвир? — с любопытством пробормотал Реньер, слишком тихо, чтобы кто-нибудь мог его услышать.

Оглянувшись на стоявших за ним пятьдесят мужчин и женщин, Лютиен не нашел возражений. Отчасти именно он был виноват в этой катастрофе, поскольку более других настаивал на том, чтобы их корабль зашел так далеко в одиночку. Единственный опыт Лютиена в общении с хьюготами ограничивался дружбой с Гартом Рогаром в Дун Варне, и тот человек был одним из самых достойных и благородных воинов, известных юноше.

Возможно, из-за этой дружбы Лютиен не был готов к жестокости уроженцев Айсенленда. Теперь сотня или даже больше эриадорцев погибли, и еще около полусотни уже погрузили на галеры в качестве пленников. Карие глаза Лютиена увлажнились, он швырнул «Ослепительный» вниз, на главную палубу.

Чуть позже Лютиен и его товарищи наблюдали с палубы галеры хьюготов, как «Страттонский ткач» тихо ушел под воду.

8

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Лютиен слышал поскрипывание галер хьюготов, слышал крики и стоны несчастных эриадорских моряков, которых тащили в трюмы и приковывали к скамьям. С некоторыми пленниками на его собственной галере поступили так же, и похоже, Лютиен и его товарищи не могли надеяться сбежать. Мрачные перспективы жизни в качестве галерного раба встали перед молодым Бедвиром, но он гораздо сильнее тревожился за своих лучших друзей, чем за себя. Что сделают хьюготы с Оливером, который, очевидно, был слишком мал ростом, чтобы управляться с веслом? Станет ли франтоватый хафлинг источником забавы, галерным шутком, предметом грубых шуток варваров? Или свирепые уроженцы Айсенленда просто вышвырнут его за борт, как абсолютно бесполезный груз?

А как же Кэтрин? За Кэтрин и еще полдюжины женщин, захваченных в бою, Лютиен боялся больше всего. Варвары-хьюготы были оторваны от дома подолгу, очень подолгу, их походы длились скорее месяцы, чем недели. Какое удовольствие получают безжалостные варвары, наслаждаясь таким деликатесом, как Кэтрин О'Хейл!

Свирепый толчок оторвал его от мрачных раздумий, заставив сосредоточиться на настоящем, а не на будущем. К счастью, Кэтрин и Оливер оказались на одном с ним корабле. К тому же они, как и Лютиен с братом Джеймесисом, отделались всего лишь царапинами. И молодой Бедвир решительно пообещал себе, что так оно и останется. Он рассчитывал, что, если варвары соберутся прикончить Оливера или попытаются причинить какой бы то ни было вред Кэтрин, он вновь станет сражаться с ними, на этот раз с гораздо более печальным для хьюготов результатом. У него не было никакого оружия, за исключением голых рук, но молодой человек верил, что, защищая Оливера и особенно Кэтрин, эти руки станут поистине смертоносными.

Лютиен скоро понял, что хьюготы оказались весьма профессиональными тюремщиками, поскольку его, как и всех остальных, тщательно обезопасили при помощи крепких веревок, а также двух десятков огромных воинов. Когда всех пленников погрузили на самой большой галере, которую Лютиен считал флагманом эскадры, начался процесс замены гребцов. Старых и слишком утомленных рабов, уже неспособных выдерживать гонку по желанию хьюготов, выволокли на палубу, а вниз, к гребным скамьям, отправили новых пленников и приковали на освободившихся местах. Лютиен прекрасно понимал, что именно затеяли варвары, все его существо кричало, требуя предпринять... ну хоть какие-то действия. Но окончательные намерения варваров оставались тайной и для Лютиена, и для всех остальных, да к тому же рабы, освобожденные от цепей и впервые за долгие недели увидевшие солнце, вроде бы проявляли какую-то надежду на лучший исход... Эта надежда да еще трусливые мысли о том, что послушанием можно купить какие-то поблажки, а при сопротивлении что-то потерять, действовали парализующе.

А потому Лютиен смог лишь закрыть глаза, когда замененных рабов, изношенных и бесполезных по мнению бесчувственных хьюготов, просто-напросто выбросили за борт.

— Меня также постигнет эта участь, — обреченно произнес Оливер. — А я как назло терпеть не могу воду!

— Мы этого не знаем, — прошептал брат Джеймесис дрожащим голосом. В конце концов, именно он способствовал сдаче в плен и теперь наблюдал за плодами своих действий. Возможно, для него, как и для всех прочих, было лучше остаться на палубе тонущего «Ткача», сражаясь до последнего.

— Я слишком мал, чтобы грести, — ответил Оливер. Он искренне удивился, что сейчас его больше всего печалило то, что он не нашел времени испытать свое счастье, попытавшись покорить Сиобу.

— Тише, — шепотом прикрикнул Лютиен на них обоих. — Еще не хватало подать хьюготам подобную идею.

— Как будто они сами не догадаются! — заметил Оливер.

— Они могут посчитать тебя ребенком, — вмешалась Кэтрин. — Хьюготы известны тем, что оставляют в живых захваченных в плен детей, и те вырастают в Айсенленде.

— Ну до чего славная мысль, — саркастически заметил Оливер. — Скажи-ка, а что со мной станет, когда я *не вырасту*?

— Достаточно! — скомандовал Лютиен, от злости повысив голос настолько, что привлек внимание ближайшего хьюгота. Гигант окинул Лютиена недовольным взглядом и предостерегающе заворчал. Юноша ответил надсмотрщику кривой улыбкой.

— Не следовало позволять связывать нас, — прошептал Лютиен одними губами.

— Мы что, могли остановить их? — поинтересовался Оливер.

Приятель затихли, когда группа, возглавляемая Реньером, вождем хьюготов, направилась к ним.

— Я протестую! — немедленно воскликнул брат Джеймесис, обращаясь к огромному

варвару.

Белоснежные зубы Реньера блеснули под пышной светлой бородой. Глумливое выражение его лица говорило о том, что ему случалось слышать подобные речи и раньше, что он повидал «цивилизованных» людей, ставших свидетелями справедливости хьюготов. Он столь решительно направился к брату Джеймесису, что монах отпрянул назад и прижался к поручням. Лютиен и все остальные решили, что Реньер просто отправит Джеймесиса к другим несчастным, барахтавшимся в воде.

— Мы заключили соглашение, — пробормотал монах гораздо менее уверенно, когда вождь хьюготов остановился прямо перед ним. — Вы гарантировали жизнь...

— Твоим людям, — с радостью закончил Реньер. — Я ничего не говорил о тех рабах, которые уже находились на моей галере. Куда бы я поместил вас всех? — Хьюгот обернулся через плечо, одарив своих родичей, одобрительно хихикавших за его спиной, хитрой улыбкой.

Брат Джеймесис отчаянно пытался придумать хоть какой-то разумный довод. Действительно, хьюготы твердо придерживались если не духа соглашения, то его буквы.

— Вы не должны казнить тех, кто служил вам, — пробормотал монах. — Остров Колонси не так далеко отсюда. Вы могли высадить их там.

— Оставить врагов за спиной? — изумился Реньер. — Чтобы они могли снова воевать с нами?

— Вы наживете меньше врагов, если сумеете сохранить человеческие души, — вмешался Лютиен, вызвав тем самым злобный взгляд Реньера. Варвар медленно, угрожающе направился к молодому Бедвиру, однако молодой человек, в отличие от брата Джеймесиса, не отпрянул назад. Лютиен гордо выпрямился, упрямо сжал губы и развернул плечи, а взгляд карих глаз смело встретился с серыми глазами Реньера. Вождь варваров остановился прямо перед Лютиеном, и хотя ростом варвар превышал его на несколько дюймов, не возникало ощущения, будто он нависает над пленником.

Обмен угрожающими взглядами продолжался несколько мгновений, ни один из соперников не произнес ни слова, даже не мигнул. Затем Реньер, казалось, заметил нечто — нечто во внешности Лютиена, — что заставило вождя хьюготов заметно расслабиться.

— Ты не из Гайби, — заявил Реньер.

— Я прошу тебя вытащить тех людей из воды, — ответил Лютиен.

Несколько варваров захихикали, но Реньер вскинул руку, и на лице его не отразилось ни малейших признаков веселья, оно оставалось неимоверно серьезным.

— А ты проявил бы милосердие, если бы в жилах тех, кто сейчас тонет в море, текла кровь уроженцев Айсенленда?

— Проявил бы.

— Правда?

От неожиданного вопроса Лютиен по-настоящему растерялся. Ради всего святого, о чем толкует Реньер? Лютиен отчаянно искал каких-то объяснений, понимая, что от его ответа зависит жизнь несчастных рабов. В конце концов он смог только кивнуть головой, не понимая настойчивости хьюгота.

— Как твое имя? — спросил Реньер.

— Лютиен Бедвир.

— С острова Бедвидрин?

Лютиен снова кивнул, оглянувшись на Кэтрин и Оливера, которые в ответ только и смогли, что пожать плечами, поскольку растерялись не меньше Лютиена.

— Тебе случалось так поступать? — вновь спросил Реньер.

Что-то щелкнуло в мозгу Лютиена. Гарт Рогар! Этот человек имеет в виду Гарта Рогара, лучшего друга Лютиена, который был вытащен им из воды и вырос в доме Бедвиров как брат юноши! Но откуда об этом узнал Реньер? Лютиен не мог не изумиться.

Однако сейчас, в критический момент, это не имело значения, а у Лютиена не было времени на размышления. Он еще шире расправил плечи, взглянул прямо в серые глаза

Реньера и твердо ответил:

— Да.

Реньер повернулся к товарищам.

— Вытащить рабов из воды, — приказал он. — И передайте на остальные галеры, чтобы никого не топили.

Реньер вновь повернулся к Лютиену, на его грубом лице появилось дикое, пугающее выражение.

— Больше я тебе ничего не должен, — заявил он и пошел прочь. Проходя мимо Кэтрин, он окинул девушку похотливым взглядом и усмехнулся.

— Ты еще должен мне место рядом с моими людьми, — крикнул Лютиен, заставив Реньера на мгновение остановиться. — Если они гребут, я тоже буду!

Хьюгот размышлял над этим в течение секунды, затем откинул назад голову и расхохотался от всей души. И ушел к своим товарищам, не потрудившись оглянуться еще раз.

Галера двигалась по широкой дуге вокруг западного побережья Колонси. Это несколько удивило Лютиена и его друзей, которые предполагали, что варвары выйдут в открытое море. Они все поняли только тогда, когда галера скользнула в укромную бухту, пройдя узким проходом, практически невидимым с моря, и очутившись в широком, спокойном заливе.

Сотня галер стояла на якоре вдоль каменистого пляжа. Дальше, на голом берегу, за линией скал, красовались десятки каменных и деревянных хижин, от множества открытых очагов поднимался дымок.

— Когда они успели сюда забраться? — испуганно пробормотал брат Джеймесис.

— И как насчет Окраины Земли? — ни к кому в особенности не обращаясь, спросил Лютиен, имея в виду небольшое эриадорское поселение на восточном побережье острова. Если такое множество хьюготов разбило лагерь на Колонси, это не сулит ничего хорошего сотне поселенцев из суровой, открытой всем ветрам деревушки. Лютиен понимал, какие неприятности могут доставить варвары, и догадывался, что хьюготы не ограничатся небольшими набегами на берега залива Колтуин. У варваров явно имелся большой запас дров, хотя дерево нелегко добыть на скалистом Колонси. Кроме того, Лютиен заметил, что среди тех, кто вышел встретить вернувшихся воинов, оказалось немало женщин. Итак, это было самое настоящее вторжение, и Лютиен угрюмо нахмурился, подумав о многочисленных бедах, которые вскоре обрушатся на его дорогой Эриадор.

Рабов не перевозили на берег даже тогда, когда судно находилось в гавани. Едва галеры добирались до мелководья, часть варваров садилась в лодки, чтобы добраться до берега, а часть просто прыгали через борт и плыли сами, оставив на судах всего нескольких охранников. Лютиен немедленно вернулся к мыслям о побеге, однако юношу тут же постигло разочарование. Лодка Реньера, высадив хьюготов, перевезла на берег его и троих товарищей. Варвары грубо выбросили пленников на скалистый берег.

Ступив на камни, Лютиен едва успел открыть рот, чтобы задать рвавшие наружу вопросы, как Реньер схватил его за воротник и поволок к самой большой хижине поселка.

— На колени перед королем Асмундом! — закричали хьюготы, когда, миновав стражу, Реньер втолкнул пленника в просторное строение, состоявшее из единственного зала.

Поскольку руки его были все еще связаны за спиной, Лютиен споткнулся и упал на одно колено. Он быстро восстановил равновесие, уговаривая себя не оглядываться, слыша, что за ним притащили, возможно, Кэтрин или монаха. Как можно более спокойно юноша выпрямился, пытаясь вернуть себе чувство собственного достоинства, прежде чем поднять глаза на короля хьюготов.

Фигура Асмунда и правда выглядела впечатляюще. Широкая грудь, пышная седая борода, коричневая, обветренная кожа. А светло-голубые глаза настолько ярко сверкали, что, казалось, могли прожечь твердое дерево насквозь.

Но Лютиен едва заметил короля. Юноша застыл, устремив взгляд на человека,

стоявшего рядом с великим Асмундом.

Человека с глазами цвета корицы.

9

РОДСТВЕННЫЕ УЗЫ

— Этан, — недоверчиво пробормотала Кэтрин.

С трудом переведя дыхание, Лютиен начал подниматься, но был немедленно схвачен Реньером. Юноша взревел и рванулся прочь из рук гиганта, твердо решив приблизиться к Асмунду, а в особенности к стоявшему рядом с королем человеку. Без сомнения, это был Этан, но как же изменился его брат! Пышная борода скрывала прекрасные черты Бедвиров, и волосы были гораздо длиннее, чем прежде. Однако самые серьезные изменения коснулись его глаз, сверкавших диким, опасным блеском.

— Ты знаешь его? — прошептал Оливер, обращаясь к Кэтрин.

— Этан Бедвир, — громко произнесла та. — Брат Лютиена.

— А, я так и подумал, — сказал Оливер, обративший внимание на отдаленное сходство, имевшееся между двумя мужчинами, особенно на редкий оттенок глаз. Затем, осознав всю невероятность происходящего, хафлинг изумленно разинул рот.

Асмунд, явно забавляясь, повернулся к Этану и подал знак эриадорцу, позволяя ему говорить.

Лютиен вновь преисполнился надежды.

— Брат мой, — задыхаясь выговорил он, когда Этан направился к нему.

Старший Бедвир толкнул Лютиена на пол.

— Больше нет, — сказал он.

— Что ты делаешь? — закричала Кэтрин, бросившись к упавшему.

— Сильная духом женщина! — проревел Асмунд, когда Реньер мощными руками схватил бьющуюся Кэтрин.

— Что с тобой? — требовательно спросил Лютиен, поднявшись на одно колено и окинув брата тяжелым взглядом. Он посмотрел на Реньера, затем снова на Этана и попросил:

— Останови его.

Этан медленно покачал головой.

— Больше нет, — повторил он, но все же повернулся к Реньеру и жестом приказал отпустить девушку.

— Если ты думаешь, что я буду благодарить, то ты ошибаешься! — выкрикнула Кэтрин прямо в лицо Этану. — Ты встал не на ту сторону, сын Гахриза!

Этан откинул голову назад, его взгляд стал одновременно отрешенным и высокомерным. Он даже не моргнул, не то чтобы ответить Кэтрин.

— Так ты с ними, — утвердительно произнес Лютиен.

Этан насмешливо взглянул на брата, как будто не видел смысла говорить об очевидном.

— Предатель! — воскликнула Кэтрин.

Рука Этана взлетела в воздух, и девушка невольно отпрянула, не сомневаясь, что сейчас ее ударят.

Однако удара не последовало, Этан быстро взял себя в руки.

— Кого я предал? — спросил он. — Гахриза, который прогнал меня, послал на смерть?

— Я искал тебя, — перебил его Лютиен.

— Ты меня нашел, — хмуро ответил Этан.

— С хьюготами, — добавил Лютиен презрительно. Большинство варваров вокруг откликнулись возмущенным ревом.

— С храбрецами, — возразил Этан. — С людьми, которыми не правит чужеземный король, не признающий законов!

Эти слова подали Лютиену некоторую надежду в более широком смысле. Возможно,

вторжение хьюготов совсем не означало, что они вступили в союз с Гринспэрроу.

— Ты — эриадорец! — воскликнула Кэтрин.

— Нет! — крикнул в ответ Этан. — Не считайте меня больше в числе трусов, согнувшихся из страха перед Гринспэрроу. Не считайте меня в числе тех, кто смирился со смертью Гарта Рогара! — Он взглянул прямо в глаза младшего брата и закончил: — Не считайте меня среди тех, кто мог надеть цвета размалеванной шлюхи, леди Авонезы!

Лютиен тяжело вздохнул, пытаясь привести в порядок мысли. Этан здесь! Это слишком невероятно, слишком неожиданно. Но Лютиен напомнил себе, что брат не знает ничего о происшедшем. Похоже, Этан считает, что с момента его отъезда в Эриадоре ничего не изменилось: им по-прежнему правит Гринспэрроу, а Гахриз является одной из пешек в его руках. Но что делать с этим Лютиену? Даже если он сможет объяснить Этану, как обстоят дела реально, сможет ли он сам простить брату союз с жестокими хьюготами против Эриадора?

— Как ты посмел! — взревел Лютиен, вскакивая на ноги.

— Гринспэрроу... — начал было Этан.

— К черту Гринспэрроу! — перебил младший брат. — Те корабли, которые грабили твои новые друзья, принадлежали эриадорцам, а не эйвонцам. На твоих руках кровь собратьев, земляков!

— Черт тебя подери! — рявкнул в ответ Этан, с такой силой налетая на младшего брата, что чуть было не опрокинул его вновь на землю. — Теперь я — хьюгот, а не эриадорец. А все корабли в море Эйвона служат Гринспэрроу.

— Ты убивал...

— Мы воевали! — свирепо выкрикнул Этан. — Что, позволить флоту Гринспэрроу пробиться на север, раз уж мы могли потопить его? А если в битве погибали уроженцы Эриадора, значит, так тому и быть!

Лютиен перевел взгляд с Этана на короля хьюготов, Асмунда. Тот улыбался широко и самодовольно, словно от души наслаждался этим маленьким представлением. Внезапно младшего Бедвира осенило, что, возможно, его брат являлся не столько приближенным советником, сколько пешкой, и ему тут же больше всего на свете захотелось немедленно придушить Асмунда.

Но вновь посмотрев на Этана, Лютиен понял, что брат не нуждается в защитниках. Его манеры слишком изменились, в глазах сверкали огоньки дикой ярости. То, что сотворил Гахриз, изгнав старшего сына, похоже, полностью переломило натуру молодого человека. В отчаянии Этан нашел новую опору: он воспитал в себе несокрушимую ярость. Он казался своим среди хьюготов настолько, что по спине Лютиена, наконец осознавшего это, пробежали мурашки. Он задался вопросом, был ли перед ним действительно его брат, или же тот человек, которого он знал и любил в Дун Варне, давно умер.

— Гринспэрроу не придет на север, — тихо сказал Лютиен, пытаясь хотя бы отчасти восстановить душевное равновесие, в надежде разумно объясниться с братом.

— Но он этого желает, — настаивал Этан. — Он будет посылать свои корабли на север один за другим или все сразу. В любом случае мы будем топить их, отправлять на дно, и таким образом ослаблять чародея, который незаконно захватил трон. Будь он проклят!

Он собрался уйти, но внезапно охвативший Лютиена приступ истерического хохота заставил его задержаться. Этан склонил голову набок, пытаясь понять, почему смеется его брат, но Лютиен хохотал, не глядя в глаза старшему. Тогда Этан повернулся к Кэтрин и прочим товарищам Лютиена, но они не могли ничего объяснить.

— Ты сошел с ума? — спокойно спросил Этан, но Лютиен, похоже, не слышал его.

— Довольно! — неожиданно взревел Асмунд, и Лютиен резко оборвал смех, пристально глядя то на Этана, то на короля хьюготов.

— Ты не знаешь, — произнес младший Бедвир скорее утвердительно, чем вопросительно.

В диких глазах Этана сверкнуло любопытство, он тряхнул головой так, что его ничем

не перевязанные волосы, казавшиеся сейчас даже светлее, чем раньше, рассыпались по плечам.

— Гринспэрроу больше не правит Эриадором, — резко сказал Лютиен. — И его лакеев тоже вышвырнули прочь. Монфора больше нет, поскольку восстановлено древнее имя, Кэр Макдональд.

Этан старался выглядеть равнодушным, но как расширились его глаза цвета корицы!

— Это Лютиен убил герцога Моркнея! — вмешалась Кэтрин.

— С помощью моих друзей, — быстро добавил юноша.

— Ты? — недоверчиво пробормотал Этан.

— Ты, глупец, изображающий из себя варвара! — вмешался Оливер, прищелкнув затылком в зеленые перчатки пальцами. — Ты что, никогда не слышал об Алой Тени?

При звуке этого имени в глазах Этана что-то мелькнуло. Похоже, легенды и мифы разлетались по свету куда быстрее политических новостей.

— Ты? — повторил Этан, указывая пальцем на брата и делая шаг по направлению к нему.

— Я получил это прозвище случайно, — смущенно заметил Лютиен.

— Но уж конечно, ты слыхал об Оливере-хитреце, — вмешался хафлинг и, выскочив вперед и гордо напыжившись, встал перед Лютиеном, так что его голова практически упиралась в живот Этану.

Этан опустил глаза на Оливера и покачал головой.

— Это было задумано для Мальпьюсантовой стены, — начал хафлинг. — Но поскольку стена была взята еще до того, как мы туда пришли, мы испытали эту самую чудесную из стратегий на самом Принстауне. Вот так! — Оливер поднес руку к самому лицу Этана и вновь щелкнул пальцами. — Главная драгоценность Эйвона взята силой хитрости Оливера де Берроуза!

— А ты и есть Оливер де Берроуз? — сухо уточнил Этан.

— Если бы я получил назад свою замечательную рапиру, я бы доказал тебе это!

Опасная гримаса искажила черты Этана, что не укрылось от взгляда Асмунда.

— Это можно устроить, и немедленно! — со смехом заметил король хьюготов, и все варвары, находившиеся в зале, тоже зашлись смехом и загомонили, явно воодушевленные идеей подобного поединка.

Рука Лютиена обвилась вокруг Оливера, стоявшего в театральной позе, и оттолкнула его назад. Юноша прекрасно знал боевую мощь своего брата, и его совершенно не радовала мысль лишиться миниатюрного друга, каким бы надоедливым он ни бывал порой.

— Это все правда, — твердо сказал Лютиен Этану. — Эриадор получил свободу, теперь им правит король Бринд Амор.

Этан обернулся и встретился с вопросительным взглядом Асмунда; король явно желал услышать объяснения по поводу неизвестного имени. Этан смог только пожать плечами, поскольку он тоже никогда не слыхал о человеке, который, по утверждению Лютиена, теперь правил самым большим государством Эйвонского моря.

— Он принадлежал к древнему братству, — пояснил Лютиен, ощущая скептицизм слушателей. — Очень могущественному... — молодой человек помедлил, сомневаясь, можно ли открывать истинную сущность Бринд Амора хьюготам, весьма подозрительно относившимся к магии. — Очень сильный и мудрый человек, — закончил Лютиен, но он уже и так поведал слишком много.

— Древнее братство, — сказал Этан, повернувшись к Асмунду. — Значит, новый король Эриадора тоже чародей.

Асмунд презрительно фыркнул.

То, что Этан с такой небрежностью выдал секрет, окончательно дало понять Лютиену, как сильно изменился его брат и как далеко они ушли друг от друга. Лютиену было необходимо как-то увести разговор в сторону от опасного предмета, и у него оставалась для этого единственная возможность.

— Гахриз мертв, — сказал он спокойно.

Этан слегка поморщился, но потом кивнул, показывая, что ему все ясно.

— Он почил с миром, — сказал Лютиен, но его брата и это вроде бы ничуть не задело.

— Гахриз умер много лет назад, — заметил Этан. — Он скончался, когда умерла наша мать, когда чума, посланная Гринспэрроу, пронеслась по Эриадору.

— Ты лжешь! — резко выкрикнула Кэтрин. — Гахриз сделал так, что на Бедвидрине не осталось ни одного живого циклопа, а леди Авонеза...

— Шлюха, — презрительно бросил Этан.

Кэтрин фыркнула, соглашаясь с этим определением.

— Она умерла в подземной тюрьме дома Бедвиров.

— В доме Бедвиров нет подземной тюрьмы, — с сомнением заметил Этан.

— Эрл Гахриз построил хорошую камеру специально для этой особы, — ответила Кэтрин.

— Что все это значит, Виндальф? — спросил Асмунд.

Этан повернулся к своему королю и вновь пожал плечами, и в самом деле слишком удивленный, чтобы вот так сразу разобраться со всеми новостями.

— Виндальф? — повторил Лютиен. Этан расправил плечи.

— Мое истинное имя, — с вызовом сказал он.

Теперь уже Лютиен не смог сдержать свой гнев.

— Ты Этан Бедвир, сын Гахриза, который был эрлом Бедвидрина, — заявил младший.

— Я Виндальф, брат Торина Рогара, — возразил Этан.

Лютиен дернулся, собираясь ответить, но последнее имя застало его врасплох.

— Рогар? — спросил он.

— Торин Рогар, — пояснил Этан. — Брат Гарта.

Это известие подействовало на Лютиена подобно удару грома. Ему отчаянно захотелось встретиться с этим человеком. Однако он подавил первое побуждение, понимая, что такая встреча должна произойти в более подходящее время. Сейчас перед Лютиеном стояла важная задача, ясная и очевидная. От него прямо сейчас зависели пятьдесят жизней, а если хьюготы продолжат набеги на побережье Эриадора, то и многие сотни. Все то, что Лютиен узнал во время этого разговора, особенно тот факт, что варвары понятия не имели о происшедших на его родине изменениях, свидетельствовало, что они не могли вступить в союз с Гринспэрроу. Следовательно, у Лютиена оставалась некоторая надежда. Эта надежда, однако, уменьшалась из-за призрака человека, стоявшего перед ним, из-за Этана, который больше им не был.

— Тогда приветствую тебя, Виндальф, — торжественно произнес Лютиен, к удивлению Кэтрин, которая стояла в стороне, недовольно нахмурившись. — Я прибыл в качестве посланца короля Эриадора Бринд Амора.

— Мы не просили о переговорах, — заявил Асмунд.

— Но теперь вы знаете, что ваши нападения на корабли и побережье Эриадора не наносили вреда Гринспэрроу. Мы не враги вам.

Это вызвало множество смешков у хьюготов, находившихся в помещении, а потом смех послышался и снаружи, давая Лютиену понять, что встреча братьев, давным-давно потерявших друг друга, превратилась в публичный спектакль.

— Этан, — серьезно произнес Лютиен. — Виндальф, я твой брат, или был им.

— Это было в мире, из которого меня изгнали, — перебил его Этан.

— Я искал тебя, — горячо заявил младший. — Я прикончил циклопа, убившего Гарта Рогара, а затем отправился на поиски на юг, куда, по моим представлениям, ты направлялся.

— Там я его и подобрал, — сообщил Оливер — по той единственной причине, что не в состоянии был так долго молчать.

— Я также много думал о смерти нашего отца, — продолжал Лютиен. — Могу поклясться, перед смертью этот человек искупил все свои грехи.

— Он думал о тебе в ночь перед смертью, — вмешалась Кэтрин. — Вина перед тобой

лежала на нем слишком тяжким грузом.

— Так и должно было быть, — сказал Этан.

— Согласен, — ответил Лютиен. — И я совсем не пытаюсь оправдать тот мир, из которого тебя изгнали. Но того мира больше не существует, клянусь. Теперь Эриадор свободен.

— Какое отношение все мы имеем к вашей маленькой перебранке? — скептическим тоном поинтересовался Асмунд. Насколько Лютиен успел понять этого человека, тот просто опасался, что Лютиен может добиться некоторого успеха. — Ты говоришь о Гринспэрроу и Эриадоре так, словно это не одно и то же. Для нас все вы просто *демдже-алфер*, и ничего больше!

Демдже-алфер. Лютиен знал это слово, на языке островитян обозначавшее любого, кто не являлся хьюготом.

— А я — хьюгот, — решительно заявил Этан, прежде чем Лютиен смог что-либо сказать насчет крови эриадорцев, текущей в его жилах. Этан взглянул на одобрительно кивнувшего Асмунда. — Хьюгот навеки и до смерти.

— Ты — хьюгот, который понимает всю важность того, о чем я говорю, — поспешил уточнить Лютиен. — Эриадор свободен, но если вы продолжите свои набеги, вы можете Гринспэрроу, лелеющему мечту вновь окутать нас своими зловещими крыльями.

Впервые Лютиену показалось, что он пробился сквозь крепкую броню, которой мысленно окружил себя его брат. Он знал, что Этан, какие бы заявления о своей верности другому народу он ни делал, был поражен известием о том, что Эриадор освободился от власти Эйвона. К тому же младший Бедвир понимал: мысль о том, что действия хьюготов, собственные действия Этана служили во благо человеку, который, настав чуму, убил их мать и сломил отца, являлась для Этана поистине мучительной.

— И о чем ты просишь меня? — спросил старший Бедвир после короткой паузы.

— Прекратить набеги, — заявил Оливер, выступая вперед. Лютиену захотелось пристукнуть хафлинга, влезшего в разговор в столь серьезный момент. — Забирайте свои идиотские лодочки и отправляйтесь туда, откуда заявились. У нас восемь десятков больших военных кораблей...

Лютиен отшвырнул Оливера в сторону, а когда хафлинг попытался сопротивляться, Кэтрин сгребла его за воротник и, волоком оттащив в сторону, окинула таким взглядом, что хафлинг послушно уселся на пол рядом с женщиной.

— Присоединяйтесь к нам, — воскликнул Лютиен, повинувшись внезапному импульсу. Он понял, насколько глупо это прозвучало, едва слова успели сорваться с его губ, но понимал также, что ничего не могло быть хуже в разговоре с хьюготами, кроме попытки задеть их гордость, что только что сдуру позволил себе Оливер. Угрожать королю Асмунду восьмьюдесятью галеонами означало вынудить свирепого воина немедленно объявить войну.

— С почти восемью десятками кораблей и вашим флотом мы могли бы...

— Ты просишь об этом *меня*? — произнес Этан, ударив себя кулаком в грудь.

Лютиен выпрямился.

— Ты — мой брат, — сказал он горячо. — И был эриадорцем, кем бы ты ни объявлял себя ныне. Я хочу, чтобы ты попросил своего короля прекратить набеги на побережье Эриадора. После всего, что произошло в нашей стране, мы с вами больше не враги!

Этан фыркнул и даже не потрудился оглянуться на Асмунда.

— Не возлагай слишком больших надежд на мою возможность повлиять на братьев-хьюготов, — сказал Этан. — Король Асмунд, а не я решает, как им поступать.

— Но ты с охотой шел с ними, — обвиняюще заявил Лютиен, и его лицо невольно исказилось от ярости. — Пока эриадорцы умирали, Этан Бедвир сидел сложа руки!

— Этан Бедвир мертв, — ответил человек, которого называли теперь Виндальфом.

— А разве Виндальф забыл все то хорошее, что было у них с Лютиеном Бедвиром в юности? — спросила Кэтрин.

На мгновение широкие плечи Этана сгорбились, и это можно было счесть

свидетельством того, что слова Кэтрин угодили в цель. Этан, однако, поспешно выпрямился и устремил тяжелый взгляд на Лютиена.

— Я буду просить короля о милости по отношению к вам, — ровным голосом произнес Этан. — Повинуясь могущественному слову Асмунда, мы сохраним вам жизнь и даже отвезем тебя, Кэтрин и вашего напыщенного и потешного друга назад, на берег залива Колтуин, к югу от Гайби.

— А остальные? — хмуро спросил Лютиен.

— Останутся у нас, — ответил Этан.

Лютиен выпрямился и покачал головой.

— Всех, — действительно произнес он. — Каждый мужчина, каждая женщина вернутся в Эриадор, к себе домой.

На долгое мгновение все умолкли, почувствовав, что зашли в тупик. Затем Реньер, который, похоже, откровенно наслаждался всем происходящим, пересек комнату и протянул Этану «Ослепительный». Этан окинул долгим и внимательным взглядом меч, самую важную реликвию своей бывшей семьи. Спустя мгновение он хмыкнул и, глядя на Лютиена с откровенным вызовом, засунул прославленное оружие себе за пояс.

— Ты сказал, что не принадлежишь больше к роду Бедвиров, — заметил Лютиен, пытаясь отыскать какой-нибудь выход из сложившейся ситуации и при этом не позволить выплеснуться наружу вскипавшей в нем ярости. Видеть Этана, нет, Виндальфа, прицепившего к поясу этот меч, было слишком, этого Лютиен уже не мог вынести.

— Верно, — небрежно ответил Этан, словно это не имело ни малейшего значения.

— И все же ты готов носить меч Бедвиров?

Теперь пришла очередь Этана расхохотаться. К нему присоединились Асмунд, Реньер и все остальные хьюготы.

— Я готов носить меч, отнятый у побежденного врага, — поправил Этан. — Выигранный, бесспорно, как и люди, которые станут рабами. Прими мое предложение, бывший братец. Уходи и забирай Кэтрин. Я не могу гарантировать ей безопасности здесь. Что же касается твоего маленького дружка, уверяю тебя, его ожидает еще более ужасная судьба в руках людей с Айсенленда, они ведь не любят слабаков.

— Слабаков? — взревел Оливер, но Кэтрин заткнула ему рот прежде, чем он напросился, чтобы его прикончили.

— Всех, — твердо сказал Лютиен. — И еще я заберу меч.

— Почему я вообще должен тебе что-то давать? — поинтересовался Этан.

— Не должен! — взревел Лютиен так, что заставил весельчаков заткнуться и шагнуть к нему поближе. — Я ничего не прошу у человека, столь трусливого, что он отказался от наследства. Но я получу то, что желаю, пролив кровь, которая больше не является кровью моего родича!

Этан резко откинул голову назад, услышав такой откровенный вызов.

— Мы уже сражались прежде, — сказал он.

Лютиен промолчал.

— Я выиграл, — напомнил Этан.

— Я был моложе.

Этан взглянул на Асмунда, но тот не шевельнулся.

— Рабы не твои, ты не можешь их отдавать, — вмешался Реньер. — Пленников взял я.

Этан кивнул, признавая возражение справедливым.

— Тогда сражайся за меч, — предложил Асмунд.

— За все, — твердо повторил Лютиен.

— За меч, — поправил Этан. — И за свою свободу, а также свободу Кэтрин и этого коротышки, и ничего более.

— Все это, за исключением меча, ты уже предлагал, — напомнил Лютиен.

— Все предложения отменяются, — сказал Этан. — Ты вызвал меня на бой. Теперь ты получишь сполна, хотя выигрыш будет не намного больше того, что ты мог бы получить и

без вызова, а проигрыш — а ты проиграешь — обойдется тебе очень дорого!

Лютиен взглянул на Асмунда и понял, что не дождется от того ни сочувствия, ни лучшего предложения. Он осознал, что вступил в реку событий, суть которых не понимал до конца или не понимал вовсе. Лютиену почудилось, что король желал этого поединка с того момента, как узнал, что Лютиен и Этан — братья. Возможно, это проверка лояльности Этана, однако куда более вероятно, что подобный поединок просто кажется грубому варвару отличной забавой.

За спиной Лютиена раздался голос Кэтрин, звучавший так мрачно, что это удивило Лютиена, — он никогда прежде не слышал от девушки подобного:

— Убей его.

Эти слова и вызванная ими картина воображения обрушились на Лютиена, словно камнепад. Он едва не лишился сознания, он задыхался, когда его друзья оттолкнули подальше в сторону, когда Реньер протянул ему меч, а Этан выхватил «Ослепительный» и с решительным и угрожающим видом шагнул к своему брату.

10

ПОЕДИНОК БРАТЬЕВ

Первый же выпад Этана мгновенно прояснил сумбурные мысли Лютиена, сделав их кристально чистыми, инстинкт самосохранения возобладал над безумием последних часов, на первое место выступила страстная жажда жизни. Меч, который дал ему Реньер, был плохо сбалансирован и даже тяжелее шестифунтового двуручного «Ослепительного». Он перехватил незнакомый меч обеими руками и начал вращать, опустив правое плечо и повернув лезвие вниз.

«Ослепительный» мощным ударом обрушился на поставленный им при помощи меча блок, и Лютиен понял, что, не отрази он удар в последнюю секунду, его разрубило бы пополам.

— Этан! — выкрикнул он инстинктивно, когда поток воспоминаний обрушился на него: бои на арене, тренировки мальчика под руководством старшего брата, тихие часы, наполненные душевной близостью с Этаном... там, в полях за Дун Варной...

Но человек, которого ныне называли Виндальфом, не откликнулся на зов. Он отступил на шаг и попытался направить острие «Ослепительного» в бок Лютиена.

Юноша сменил точку опоры, и перехватил меч по-другому, на этот раз опустив левое плечо, и направил тяжелое оружие другим путем, и точно отбил атаку. Левая нога Лютиена скользнула вперед; теперь логично было ожидать прямого удара и следовало предупредить его.

Этан уже двигался, отступил назад, ушел с опасного места, так что у него даже не возникло необходимости парировать короткую атаку. Сделав это, он схватил замечательное оружие, чудесный меч Бедвиров, обеими руками и начал вращать его вправо.

Лютиен развернулся вместе с ним. Он едва мог поверить, что готов был нанести подобный удар собственному брату и что, не оказись Этан столь проворным, он уже валялся бы на полу с выпущенными кишками. Лютиен постарался выбросить из головы эти образы. Все происходило на самом деле, он сражался за собственную жизнь и, что еще важнее, за жизни своих лучших друзей. Он не мог отвлекаться на посторонние мысли, не мог позволить себе думать о противнике как о брате. Теперь он вновь припомнил арену в Дун Варне, пытаясь восстановить в памяти боевой стиль Этана.

Этан опустил плечо и стремительным шагом двинулся вперед, нацелив выпад в левое колено Лютиена. Однако атака быстро прекратилась, еще до того, как «Ослепительный» коснулся парирующего клинка Лютиена, и Этан метнулся в сторону, его другая ступня придвинулась к ведущей ноге, так что он совершил полный разворот. Он упал на одно колено и, схватив меч обеими руками, нанес ужасающий удар.

Лютиену случалось раньше видеть этот трюк, и потому он оказался вне опасности

прежде, чем старший брат завершил маневр.

Когда они сражались в последний раз, Этан уже был матерым бойцом, и Лютиен полагал, что его тактика не сильно изменилась с тех времен. Сам же юноша тогда считался начинающим, и его манеру боя Этан вряд ли мог изучить по единственной схватке.

И в этом было сейчас его преимущество.

Этан вскочил на ноги, опустил одну руку, чтобы лучше сохранять равновесие, и в мгновение ока «Ослепительный» метнулся влево, вправо, вперед, затем опять вправо. Сталь звенела, соприкоснувшись со сталью, Лютиен яростно старался удержать в стороне смертоносный клинок. Когда его атаки были отбиты, Этан перехватил меч обеими руками и обрушил на голову юноши град ударов: один, второй, третий, потом еще и еще.

Лютиен отбил их все, но под яростным натиском был вынужден отступить назад. Он хотел рассчитаться, но его меч, в полтора раза тяжелее привычного, не позволял ответить достаточно быстро. И потому он продолжал отступать, пока Этан, бешено сверкая глазами, забыв обо всем на свете, яростно ломился вперед.

Теперь Лютиен предельно сосредоточился, желая сберечь силы, он старался отбивать выпады максимально короткими и точными движениями. Он охотно отступал, приближаясь к стене помещения, и постепенно продвигался к выходу. Отбив еще один жестокий удар при очередном яростном натиске, он выскочил за дверь, на слепящий солнечный свет.

Толпа хьюготов двинулась за сражавшимися братьями. Лютиен видел, как к двери подошли Оливер и Кэтрин, но были немедленно отброшены в сторону Реньером, освобождавшим дорогу ухмылявшемуся Асмунду.

Лютиен понимал, что этот поединок стал великолепным зрелищем для свирепых уроженцев Айсенленда.

Неровная и каменистая почва лишила Этана, имевшего более легкое и подвижное оружие, части преимуществ. Теперь на первое место вышли стремительность и изворотливость бойцов, а в этом смысле Лютиена мог, пожалуй, превзойти один лишь проворный и миниатюрный Оливер де Берроуз. Лютиен легко прыгнул к самой неровной площадке, искусно действуя тяжелым мечом и отражая атаки преследовавшего его Этана. Младший Бедвир добрался до места, где площадка имела небольшой наклон, и увидел в этом свой шанс. Юноша увернулся от очередного взмаха «Ослепительного», ринулся вверх по склону, а когда Этан оказался под ним, неожиданно яростно накинулся на брата, обрушив на того серию ударов.

Однако Этану, обладавшему прекрасным чувством равновесия, удалось либо отразить их все, либо увернуться. И тут Лютиену, трезво оценившему свои преимущества, пришло на ум, что исход поединка в любом случае будет печальным. Проиграет он или победит, он в любом случае окажется в непростой ситуации. Закончится ли все гибелью Этана? И если так, неужели он может убить собственного брата? И даже если дело не кончится смертью, младший Бедвир понимал, что он многое потеряет, так же, как и Этан, поскольку тот завоевал некоторое уважение среди свирепых варваров только благодаря своему искусству воина. Теперь, если Этан утратит уважение в результате этого поединка...

Лютиена не радовали перспективы, но у него не было времени остановиться и попытаться отыскать другой путь. Старший брат поднимался по склону, пытаясь обойти Лютиена, и тому приходилось прилагать отчаянные усилия, чтобы удержать его.

Внезапно на него обрушился ужасающий удар «Ослепительного». Юноша не успел ни увернуться, ни вовремя подставить свой тяжелый и неудобный клинок. Поэтому он просто упал на землю и покатился вниз по склону. Затем легко вскочил на ноги, оказавшись на двадцать футов ниже своего брата.

Он услышал вой толпы, состоявшей из доброй сотни кровожадных хьюготов, и отчаянный крик Кэтрин и стон Оливера.

Этан, подстегнутый воплями своих соратников, ураганом ринулся вниз, но Лютиен не собирался дарить ему более выгодную позицию. Младший Бедвир помчался прочь, в сторону от склона. Этан взревел и ринулся в погоню, зайдя так далеко, что принялся

обзывать брата трусом.

Лютиен не был трусом, но он научился извлекать преимущество из местности, на которой сражался. Так было и теперь, когда за ним гнался взбешенный Этан. Лютиен повернул к берегу, к небольшому утесу, и легко вскарабкался на его камни. Теперь он оказался на высокой площадке, но Этан, переполненный яростной энергией, даже не притормозил. Он приблизился, рубя воздух «Ослепительным», бросаясь то в одну сторону, то в другую, чтобы отыскать брешь в обороне Лютиена.

Ему это не удалось, блокировка Лютиена была совершенной, однако старший принялся обходить скалу сбоку, пытаясь взобраться на нее, — он рассчитывал оказаться почти на одном уровне с младшим братом.

Конечно, Лютиен без труда разгадал его маневр. Он мог воспрепятствовать брату, поставив прямой блок, но у него было на уме кое-что другое.

Этан приближался. Меч младшего Бедвира нацелился на колени противника, и тот отпрыгнул назад, собираясь нанести жестокий удар сверху вниз.

Однако маневр Лютиена был уловкой. Прежде чем меч хотя бы приблизился к цели, а Этан начал очевидный замах в противоположном направлении, Лютиен отступил на шаг, сменил захват на рукоятке тяжелого меча и передвинул его так, чтобы не блокировать, но отклонить «Ослепительный». Когда клинок Этана скользнул в сторону, Лютиен развернул свое оружие, направил клинок противника вниз, на скалы, а потерявший равновесие Этан не смог сопротивляться. От острейшего конца «Ослепительного» полетели искры, когда он скользнул в щель между камнями.

Этан замер, наклонившись. Он не мог выдернуть застрявший клинок сразу же. Один шаг вверх позволил бы ему извлечь свое оружие, вот только он не мог сделать этого шага. Он потерял всего долю секунды, но для проворного Лютиена и доли секунды было более чем достаточно.

Схватка закончилась.

Лютиен понимал этого, но не знал, что делать дальше. Образы Кэтрин и Оливера в качестве пленников хьюготов вспыхнули в его мозгу, и еще он подумал, что неоперившемуся Эриадору вряд ли пойдет на пользу его победа. Внезапно ноги у него подломились, и он упал с камня, уронив меч. Юноша перекатился на бок и сел, прижимая к себе ушибленную и окровавленную руку.

Этан встал над ним, наставив на брата «Ослепительный». Взглянув в его глаза цвета корицы, те самые, обозначающие принадлежность к роду Бедвиров, Лютиен на мгновение поверил, что брат действительно убьет его.

Этан помедлил, ощущая смесь растерянности и ярости. Он не мог этого сделать, не мог убить родного брата, и чувство это встревожило человека, столь долгое время именовавшего себя Виндальфом.

Острие «Ослепительного» прижалось к шее юноши.

— Я объявляю победу! — вскричал Этан.

— Довольно! — взревел Асмунд прежде, чем Этан завершил положенную фразу. Король хьюготов приказал что-то человеку, стоявшему рядом с ним, и толпа варваров повалила к братьям.

— В королевский зал! — приказал один из них Этану, в то время как еще двое грубо поставили Лютиена на ноги и почти поволокли вдоль берега под сотнями любопытных взглядов, в том числе и Кэтрин с Оливером. Они направлялись в покои короля Асмунда. Там Лютиена швырнули на пол, справа от стоящего рядом брата, а затем все хьюготы, за исключением короля, быстро вышли.

Лютиен некоторое время переводил взгляд с короля на собственного брата, затем медленно поднялся. Этан не смотрел на него.

— Умный мальчик, — поздравил юношу Асмунд.

Лютиен скептически взглянул на него, не понимая, что тот имеет в виду.

— Ты мог побить его, — резко сказал Асмунд.

— Думаю, да, но... — начал было Лютиен.

Его прервал короткий и резкий смешок Асмунда.

— Я победил! — взревел Этан.

Асмунд внезапно оборвал смех и пристально взглянул на Этана.

— Нет бесчестья в том, чтобы проиграть искусному воину, — сказал хьюгот. — А моему, твой брат сражается так же мастерски, как и ты сам!

Этан опустил глаза, затем тяжело вздохнул и повернулся к Лютиену.

— Ты провел меня дважды, — сказал он. — В первый раз, заклинив мой меч между камнями, и затем, когда притворился, что споткнулся.

— Камни были скользкими, — возразил Лютиен. — На них водоросли налипли.

— Ты не спотыкался, — сказал Этан.

— Нет, — согласился Асмунд. — Он упал, потому что посчитал это наилучшим выходом. — Король вновь расхохотался, глядя на изумленное выражение, появившееся на лице Лютиена. — Ты не желал убивать Этана, — пояснил вождь хьюготов. — И ты сохранил веру в то, что он не убьет тебя. К тому же ты боялся, что, если ты побьешь его, мы выполним соглашение, касавшееся твоего меча и свободы твоих друзей, однако не останется шансов на то, что мы прекратим набеги на побережье.

Лютиен воистину потерял дар речи. Асмунд с такой легкостью и полнотой проник в его замыслы! Он не нашелся что ответить и потому просто стоял молча, изо всех сил изображая спокойствие и ожидая приговора свирепого островитянина.

Этан, похоже, еще больше изумился речам Асмунда. Но и он не мог найти слабого места в рассуждениях короля. Когда «Ослепительный» застрял между камнями, младший брат приобрел неоспоримое преимущество, но потом Лютиен упал... Восстанавливая в памяти картину боя, Этан был вынужден признать, что брат, столь хорошо сохранявший равновесие и в совершенстве владевший своим телом, не мог поскользнуться в критический момент.

Асмунд довольно долго изучал стоявшую перед ним пару.

— Вы — единственные эриадорцы, которые, должен признать, пришлось мне по сердцу, — наконец произнес он. — Отпрыски доброго рода.

— Несмотря на то, что я притворно поскользнулся? — осмелился спросить Лютиен и расслабился, когда Асмунд расхохотался вновь.

— Отлично проделано! — взревел король. — Побей ты Этана — выигрыш составил бы твою жизнь и жизни твоих ближайших друзей. И меч, что тоже немаловажно.

— Слишком дорогой ценой, — решительно заявил Лютиен. — Поскольку тогда наши переговоры были бы закончены, а Этан упал бы в ваших глазах.

— Ты согласился бы умереть за Эриадор? — спросил Асмунд.

— Конечно.

— А за Этана, которого ныне именуют Виндальфом?

— Разумеется.

Та простота, с которой отвечал Лютиен, сильнее всего поразила Этана. Он невольно перенесся мыслями в прошлое, в Дун Варну, к своему младшему брату, сначала мальчику, потом юноше, которого он всегда любил. Теперь Этан искренне удивлялся собственным действиям, тому, что он мог даже помыслить о том, чтобы убить собственного брата на поединке. Как он мог позволить ярости взять верх над сердцем и разумом?

— А Этан умер бы за тебя? — спросил Асмунд.

— Да, умер бы, — ответил Лютиен, даже не побеспокоившись обернуться к брату за подтверждением.

Асмунд снова разразился хохотом и сказал:

— Ты мне нравишься, Лютиен Бедвир, и я уважаю тебя, как и твоего брата.

— Я не брат ему! — бросил Этан прежде, чем успел обдумать свои слова.

— Брат, — поправил Асмунд. — Не считай ты все еще его своим братом, победу объявил бы твой меч, а не уста.

Этан опустил глаза.

— А я чуть не стал виновником вашей смерти! — взревел Асмунд, шагнув вперед и сверля взглядом одновременно обоих братьев. Однако король быстро успокоился и отступил назад, на прежнее место. — Когда мы говорили с тобой, до схватки, ты заявил, что мы больше не враги, — напомнил он Лютиену.

— Так и есть, — решительно подтвердил Лютиен. — Эриадорцы сражаются с хьюготами лишь тогда, когда те нападают первыми. Но существует большее зло, нежели любые разногласия между нашими народами, я говорю о темной тени, нависшей над землей...

Асмунд поднял руку, останавливая пламенную речь юноши.

— Тебе нет нужды убеждать меня в виновности короля Эйвона, — пояснил хьюгот. — Твой брат рассказывал мне о Гринспэрроу, да и самому мне приходилось быть свидетелем его зловещих деяний. Чума, пронесшаяся по Эриадору, не остановилась на его границах.

— Айсенленд? — спросил Лютиен еле слышно.

Асмунд покачал головой.

— Нет, она так и не добралась до наших берегов, потому что те, кто заболел в море, так и не вернулись. Наши священники отыскивали источник чумы, и с тех пор имя Гринспэрроу предано проклятию. Ты был лучшим другом Гарта Рогара, — неожиданно сменил тему разговора король, глядя юноше прямо в глаза. — А Торин Рогар числится одним из моих ближайших друзей.

В душе Лютиена вспыхнула надежда, что дела повернули наконец к лучшему. Он был уверен, что он, Оливер и Кэтрин получают свободу. Но ему хотелось перевести разговор на более высокий уровень.

— Гарт Рогар был единственным хьюготом, которого мне случилось узнать близко, — сказал он. — Побег славного древа, говорю я!

И вновь Асмунд разразился хохотом.

— Мы не враги вам, — настойчиво повторил Лютиен, приведя короля в более серьезное настроение.

— Да неужели? — изумился тот, наклоняясь вперед. — А является ли вашим врагом Гринспэрроу?

Лютиен понимал, что ступает на опасную почву. Внутренний голос настаивал, чтобы он ответил «да», однако подобное заявление, сделанное официально в присутствии короля чужого государства, могло привести к серьезным проблемам.

— Ты предлагал союз между нашими народами, чтобы объявить войну Гринспэрроу, — продолжал Асмунд. — Подобный договор мог бы оказаться весьма полезным.

Надежду Лютиена глушили сомнения. Он хотел ответить, пообещать, но не мог. Еще нет.

Асмунд наблюдал за каждым его движением: как сжались кулаки, как он открыл рот, чтобы начать говорить, затем передумал.

— Отправляйся к своему королю Бринд Амору, Лютиен Бедвир, — сказал вождь хьюготов. — Предоставь мне через месяц официальный договор, объявляющий Гринспэрроу нашим общим врагом. — Асмунд откинулся назад, хитро улыбаясь. — Мы пойдем на войну, во имя нашего Бога и во исполнение воли Его, — объявил он, что послужило для Лютиена не столь уж тонким напоминанием о том, что он имеет дело со свирепым народом. — И будем сражаться. Привези договор, или наши галеры продолжат набеги на ваше восточное побережье, как мы и собирались.

Лютиену хотелось ответить на этот вызов, пообещать, что множество военных кораблей Эриадора защитят его жителей от хьюготов. Однако он мудро решил пропустить последнюю фразу мимо ушей.

— Месяц? — спросил он недоверчиво. — За месяц я едва ли успею добраться до Кэр Макдональда и обратно. Неделя до Гайби...

— Три дня на галере, — поправил Асмунд.

— И десять дней быстрой скачки, — добавил Лютиен, пытаясь не думать о страданиях рабов на галере, которым придется везти его так быстро и так далеко.

— Я пошлю твоего брата в Гайби в качестве эмиссара, — заявил Асмунд.

— Пошли его лучше в Чамберс, прямо к западу отсюда, — попросил Лютиен. — Самый короткий путь назад для меня по возвращении из Кэр Макдональда.

Асмунд кивнул.

— Месяц, Лютиен Бедвир, и ни днем больше!

Лютиен не нашелся что возразить.

С этими словами Асмунд покинул его и Этана, который отправился распорядиться насчет возвращения Лютиена, Кэтрин, Оливера и брата Джеймесиса назад в Эриадор. Остальные пятьдесят эриадорцев оставались пленниками, но Лютиен сумел получить обещание, что их не будут угнетать и освободят, если и когда Лютиен привезет договор.

Не прошло и часа, как корабль был готов к отплытию. Три товарища Лютиена поднялись на борт, но юноша медлил позади, надеясь остаться наедине с братом.

Этан казался растерянным, смущенным и всем происшедшим в целом, и своим выбором, и своей ролью в набегах хьюготов.

— Я не знал, — признался он. — Я думал, что все идет по-прежнему, что Эриадором все так же правит Гринспэрроу.

— Это извинение? — спросил Лютиен.

— Объяснение, — ответил Этан. — И ничего более. Я не властен над действиями моих братьев-хьюготов. Совсем нет. Они всего лишь признали меня, благодаря тому что я продемонстрировал воинское искусство и смелость, да еще в память о Гарте Рогаре.

— Я отправился на юг искать тебя, — сказал Лютиен.

Этан кивнул и, казалось, оценил этот факт.

— Но я никогда не был на юге, — ответил он. — Гахриз приказал мне ехать в Порт-Чарлей, затем плыть в Карлайл, где я должен был принять командование небольшим отрядом и отправиться в королевство Дари.

— Чтобы сражаться бок о бок с гасконцами, — перебил Лютиен, поскольку прекрасно знал, о чем шла речь.

Этан кивнул.

— Сражаться и, по всей вероятности, погибнуть в этом отдаленном королевстве. Но я не пожелал признать это изгнание. И взамен выбрал свое собственное.

— С хьюготами? — спросил Лютиен.

Этан покачал головой и улыбнулся.

— Окраинные Земли, — поправил он. — Некоторое время я ехал к югу от Бедвидрина, затем повернул к Гайби и там неплохо заплатил за то, чтобы меня тайком переправили на остров Колонси. Я верил, что смогу тихо провести остаток жизни в Окраинных Землях. Там не задают лишних вопросов.

— Но пришли хьюготы и разрушили поселение, — заключил Лютиен, помрачнев при мысли о вероятной гибели многих эриадорцев.

Этан покачал головой, давая брату понять, что его выводы ошибочны.

— Окраинные Земли не тронуты по сей день, — ответил он. — Ни один мужчина, ни одна женщина там не ранены и не уведены в плен.

— Тогда как?

— Моя лодка так и не добралась туда, поскольку угодила в шторм. И я очутился неподалеку от судна хьюготов, они выловили меня из моря, это просто случайность, невероятная удача, что капитаном того судна оказался именно Торин Рогар.

Лютиен помедлил мгновение, обдумывая рассказ Этана.

— Тебе повезло, — сказал он. — И, похоже, повезло Эриадору.

— Я рад, что ты рассказал о происходящем там, — сказал Этан, отстегивая от пояса «Ослепительный» и возвращая его Лютиену. — И я горжусь тобой, Лютиен Бедвир. Именно

тебе следует носить фамильный меч Бедвиров. — Внезапно лицо Этана стало мрачным и упрямым. — Но пойми, что теперь я — хьюгот и не принадлежу к твоей семье. Привези договор моему королю, или мы — и я — будем сражаться с вами.

Лютиен понимал, что эти слова были обещанием, а не угрозой, и он поверил этому обещанию.

11 ПОЛИТИКА

Пусть это казалось невероятным, но менее чем через две недели после того, как они оставили лагерь хьюготов в Колонси, Лютиен и Оливер увидели великий Собор Кэр Макдональда. Они преодолели сотни миль по суше и по морю, Ривердансер и Тредбар выбились из сил. Кэтрин не вернулась с ними, напротив, она отплыла из Гайби на галере к югу с Этаном и братом Джеймесисом, направляясь в эриадорский порт Чамберс.

— Путешествие обратно будет легче, — заметил Лютиен своему измученному товарищу. — Магия Бринд Амора поможет нам преодолеть сухопутную часть дороги. А может быть, наш король и сам отправится с нами, чтобы лично подписать договор с Асмундом.

Оливер скорчил гримасу в ответ на оптимистическое заявление друга. Всю дорогу хафлинг только и делал, что пытался успокоить своего молодого приятеля, умерить его бурный восторг и обратить внимание Лютиена на реальные обстоятельства, которые тот, очевидно, не учитывал. Тем не менее, Оливер пытался действовать тонко, но, по всей видимости, его тактика не возымела действия.

Он придержал Тредбара, и юноша сделал то же самое с Ривердансером, остановившись бок о бок с хафлингом и проследив за его взглядом, направленным на Собор. Юноша полагал, что Оливер просто хочет задержаться на мгновение, любуясь городом, который стал их домом.

— Бринд Амор не согласится, — резко сказал Оливер.

Лютиен чуть не свалился с коня, изумленно вытаращившись на своего миниатюрного товарища.

— Ты ужасно неотесан, друг мой, — сообщил хафлинг. — Это дело с договором вряд ли выгорит.

Лютиен подумал, что Оливер имеет в виду задержку подписания договора с Асмундом. Не хотел же хафлинг сказать, что Бринд Амор вообще не согласится иметь дело с хьюготами? Юноша попытался обратиться к простой логике, но Оливер просто опустил глаза, пришпорил Тредбара, и тощий желтый пони рысцой потрусил вперед.

Спустя час друзья уже стояли перед Бринд Амором в аудиенц-зале Собора, и юноша с восторгом описывал во всех деталях предложение хьюготов, особенно подчеркивая потенциальные возможности соглашения. Старый маг, ставший королем Эриадора, просиял, услышав, что хьюготы действовали не заодно с Гринспэрроу, но затем широкая улыбка постепенно угасла, и большую часть времени Бринд Амор смотрел на молчащего Оливера, а не на Лютиена, пока рассказ юноши не подошел к концу.

— И все, что требуется, — это доставить соглашение в течение месяца королю Асмунду, — закончил Лютиен, недоумевая по поводу мрачности присутствующих. — И Гринспэрроу не поздоровится!

Если молодой Бедвир ожидал, что Бринд Амор пройдет по залу колесом от восторга, то его ждало горькое разочарование. Король Эриадора откинулся назад в своем огромном кресле, задумчиво теребя седую бороду, устремив взгляд в пространство.

— Набросать для вас проект? — с надеждой спросил Лютиен, хотя уже и начал понимать, что тут что-то не так.

Бринд Амор взглянул прямо на него.

— Если начнешь это делать, то набросай заодно и подробные объяснения для наших

гасконских союзников, — ответил он.

Казалось, Лютиен не понял. Он взглянул на Оливера, который лишь пожал плечами, и напомнил товарищу, что уже существует некое соглашение, которое следует выполнять.

Тут наконец юноша сообразил, что Оливер сомневался не по поводу будущего договора с хьюготами, а по поводу уже подписанного ранее.

— Не всегда все так просто, как представляется нашему неотесанному другу, — сухо пояснил хафлинг.

Лютиен решил непременно в ближайшее время поговорить с Оливером по поводу упоминаний о его неотесанности, в более подходящий, чем сейчас, момент.

— Вопрос в договоре, подписанном мною и герцогиней Мэннингтон, касательно отношений с Гринспэрроу, — пояснил Бринд Амор, подтверждая сказанное хафлингом. — Мы не воюем с Эйвоном, и в нашем договоре нет пункта о поддержке возможных агрессоров.

Сарказм больно ужалил Лютиена. Он понимал прагматизм всего этого, но, по его мнению, Гринспэрроу нарушил договор множество раз.

— Долина Саглеса, — хмуро напомнил он. — И Менстер. Вы забыли?

Бринд Амор резко подался вперед, глаза его яростно засверкали.

— Я — нет! — взревел он, и оглушающая сила его голоса заставила юношу отступить на шаг назад. Но старый маг уже в следующее мгновение взял себя в руки и опустился на прежнее место.

— И то и другое — набег диких циклопов, — сказал Бринд Амор.

— Но мы знаем, что за ними стоит Гринспэрроу, — решительно заявил Лютиен, закипая от ярости.

— То, что мы знаем и что можем доказать, — две абсолютно разные вещи, — заметил Оливер.

— Верно, — согласился король. — Да, с точки зрения морали я полностью с тобой согласен, — сказал он Лютиену. — Я не испытал бы ни малейшей неловкости, объявив войну Гринспэрроу в союзе с хьюготами. Однако с политической точки зрения это навлечет на нас немалые беды. Любое нападение на Эйвон вызовет недовольство гасконцев, поскольку это поставит под угрозу их корабли, которые делают рейсы в оба королевства, и они могут принести нас в жертву в предстоящей войне, лишив своей помощи. На этот раз, боюсь, они нас не поддержат. Вполне возможно, они даже предложат Гринспэрроу свои военные суда, чтобы избавиться от угрозы со стороны хьюготов и поскорее закончить войну.

Лютиен в бессильной ярости сжал кулаки. Он взглянул на Оливера, который лишь пожал плечами, затем перевел взгляд на Бринд Амора. Впрочем, красная пелена ярости, стоявшая у него перед глазами, не давала возможности ясно разглядеть собеседников.

— Если мы не заключим союз с Асмундом, — произнес он медленно, взвешивая каждое слово, — то будем вынуждены начать войну с хьюготами.

Бринд Амор кивком выразил согласие с его заявлением. Затем хмыкнул.

— Горькая ирония, — ответил он. — Возможно, нам придется заключить в данном случае союз с Эйвоном против хьюготов.

Лютиен даже покачнулся от подобного заявления.

— О да, — уверил его Бринд Амор. — Пока вы были в пути, эмиссар короля Гринспэрроу добрался до меня, предлагая союз против доставляющих всем немалые хлопоты варваров с Айсенленда.

— Но как насчет Менстера? — возразил Лютиен. — И долины Саглеса, как и всех прочих кровавых деяний, совершенных...

— Одноглазыми, — перебил Оливер. — Прошу прощения, — быстро добавил он, поймав недобрый взгляд юноши. — Я просто играю роль, становлюсь на точку зрения гасконского посла.

— Циклопов натравливает Гринспэрроу! — взревел юноша.

— Ты это знаешь, и знаю я, — ответил Оливер. — Но гасконцы — другое дело.

— Оливер хорошо играет роль, — заметил Бринд Амор.

Люттиен глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

— Гринспэрроу действительно являлся вдохновителем этих набегов, — успокаивающе произнес король Эйвона.

— Гринспэрроу никогда не смирится с тем, что Эриадор обрел свободу, — ответил Люттиен.

— Так тому и быть, — сказал Бринд Амор. — Мы разберемся с ним, как сможем. Пока вы отсутствовали, мы тоже не сидели сложа руки. Сиоба и каттеры работали с гномами короля Беллика дан Бурсо и добыли сведения о большом лагере циклопов.

— Итак, мы объединимся с Гринспэрроу против хьюготов на море и одновременно будем сражаться с его союзниками в горах, — с отвращением произнес Люттиен.

— Я говорил тебе, что политика — не такая уж веселая вещь, — заметил Оливер.

— А сейчас я не знаю, что нам делать, — признал Бринд Амор. — Но когда речь идет о целом королевстве, приходится весьма тщательно обдумывать каждый свой шаг.

— Разумеется, мы должны напасть на циклопов, — сказал Люттиен.

— Это мы сделаем, — с радостью уверил его Бринд Амор. — Не думаю, что гасконцы станут возражать против войны между Эриадором и циклопами.

— Одноглазые ублюдки! — сплюнул Оливер. — В Гаскони мы считали глаз циклопа прекрасной мишенью для лучника.

Люттиен далеко не был удовлетворен результатом, но понимал, что существуют гораздо более важные вещи, чем его собственные желания. Но он сможет получить хотя бы частичное удовлетворение: по крайней мере, в ближайшее время ему представится возможность расквитаться за жителей Менстера.

Но имелось нечто, беспокоившее его гораздо сильнее. Покидая аудиенц-зал вместе с Оливером, чтобы отправиться на поиски Сиобы, он не мог отделаться от мысли, что до срока, назначенного Асмундом для подписания договора, осталось всего две недели. Через две недели ему придется начать воевать с хьюготами — и с собственным братом.

Оливер держался подле своего впавшего в задумчивость друга весь остаток дня, они долго молча сидели в «Гнэльфе», затем направились через весь город к внешней стене. Люттиен почти ничего не говорил, и хафлинг не понуждал его, понимая, что юноша пережил гораздо большее потрясение, чем он сам, ведь он встретился с Этаном, оказавшимся по другую сторону барьера, и осознал жестокую реальность политических интриг...

Незадолго до заката, когда они узнали, что Сиоба прибудет в город этой ночью, лицо юноши неожиданно просветлело. Взглянув на него, Оливер понял, что у Люттиена родился некий новый план. Оливер лишь молил бога, чтобы он оказался более разумным, чем предыдущий.

— Как ты думаешь, Бринд Амор согласится на союз с хьюготами, если Гринспэрроу первым нарушит договор? — спросил Люттиен.

Оливер пожал плечами.

— Я мог бы найти союзников и лучше, чем работоторговцы, — сказал он. — Но если результатом станет падение Гринспэрроу, тогда, я полагаю, он может и согласиться. — Оливер внимательно взгляделся в лицо друга и особенно в хитрую улыбку, на мгновение тронувшую его губы. — У тебя появилась идея, как подтолкнуть Гринспэрроу к открытым действиям против Эриадора? — спросил хафлинг. — Думаешь, ты сможешь вынудить его нарушить договор?

Люттиен покачал головой.

— Гринспэрроу уже его нарушил, — решительно заявил он. — Просто натравливая на нас циклопов. Единственное, что требуется, — это добыть доказательства, тайно и быстро.

— И как ты собираешься это сделать? — поинтересовался Оливер.

— Мы отправимся к самому истоку, — пояснил юноша. — Сегодня ночью вернется Сиоба и принесет сведения о лагере циклопов. Без сомнения, Бринд Амор прикажет немедленно выступить против этой шайки. Все, что требуется от нас, — это добраться туда

первыми и отыскать доказательства.

Оливер слишком сильно удивился, чтобы немедленно найтись с ответом. Надо сказать, больше всего ему не понравилось употребленное Лютиеном слово «мы».

12

ЖИВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Лютиен и Оливер бок о бок ползли к вершине огромного валуна. Они слышали гудение лагеря циклопов, расположенного немного ниже, на каменистой прогалине, окруженной соснами, валунами и утесами. Приблизившись к краю, Лютиен огляделся по сторонам, затем быстро сорвал широкополую шляпу с головы приятеля.

Тот собрался протестующе завопить, но юноша, предвидевший подобную реакцию, одной рукой зажал ему рот, а другой подал знак соблюдать тишину.

— Я сказал, отдай мою шляпу, — прошипел хафлинг.

Лютиен передал ее другу.

— Имей в виду, — продолжал хафлинг. — И твоей подруги это касается, — добавил он поспешно, припомнив, сколько раз Кэтрин проделывала то же самое. — Если вы еще раз сунете свои грязные руки к моему рту, я вас покусую.

Лютиен прижал палец к сжатым губам, затем указал в сторону лагеря циклопов.

Оба поднялись повыше, причем Лютиену оказалось достаточно просто вытянуться во весь рост, а вот коротышке Оливеру пришлось искать новую точку опоры для ног. Они одновременно выглянули за край валуна, чтобы посмотреть вниз, на своих противников. С этой точки лагерь казался зрелищем почти сюрреалистическим, слишком ярким по сравнению с окружавшей его ночной тьмой. Друзья видели несколько горящих костров, но костры не могли создать тот сильный, похожий на дневной свет, сиявший в лагере, к тому же непонятно было, почему это странное свечение ограничено пределами лагеря и не просачивается в окружающее пространство.

Лютиен быстро сообразил, что источник такого света должен быть магическим, но циклопы магию не использовали. У одноглазых тварей просто не хватило бы ума, чтобы разобраться в хитросплетениях древнего искусства.

Но Лютиен не мог отрицать того, что видели его глаза. Все в лагере — десятки циклопов, расположившихся на отдых, неровные очертания множества камней, пирамида с оружием возле каменной стены напротив его укрытия — было ясным и отчетливым благодаря странному свету, даже издали не составляло труда разобрать мельчайшие детали.

Лютиен вопросительно взглянул на Оливера, но тот, не менее озадаченный, лишь пожал плечами.

— Циклопы-чародеи? — пробормотал он неуверенно.

Оба вновь взглянули на лагерь и тут же нашли ответ на свой вопрос, увидев появившегося неподалеку широкоплечего человека с внушительным брюхом; человек громко расхохотался, обменявшись несколькими словами со здоровенным циклопом. На незнакомце был темный, богато расшитый плащ, свисавший до колен. Даже с такого расстояния Лютиен мог разглядеть блеск его чулок, свидетельствовавший о том, что они были изготовлены из шелка или иного экзотического и дорогого материала, пряжки же на его башмаках сверкали так, как может сверкать лишь чистое серебро.

— У этого я насчитал два глаза, — прошептал Оливер.

Лютиен кивнул. Он не узнал этого человека, но присутствие магии, а также богатое платье заставили юношу подумать, что он сможет с уверенностью угадать титул незнакомца. Это был один из герцогов Гринспэрроу, и именно о таком доказательстве и мечтал Бринд Амор.

Мужчина, все еще смеясь, хлопнул по спине товарища-циклопа, затем надел на седую голову отороченную мехом шляпу с вышитой спереди золотой эмблемой. Еще один циклоп подошел и протянул ему огромную кружку, которую незнакомец поднес к гладко выбритому

лицу и почти опустошил одним глотком.

Часть содержимого кружки пролилась и потекла по мощному подбородку незнакомца. Циклопы снова разразились хохотом, и мужчина присоединился к ним, грохоча не хуже их.

— Бринд Амор будет смеяться еще громче, когда мы приволочем этого типа в Кэр Макдональд, — прошептал Лютиен.

— Но как мы его отловим? — задал сам собой напрашивавшийся вопрос Оливер. Ведь если перед ними действительно стоял чародей, то захватить его в плен обычным способом было бы просто невозможно.

Лютиен хитро усмехнулся и приподнял край своего чудесного алого плаща. Алая Тень могла пробраться в лагерь незамеченным, как бы яркое не было заливавший все вокруг свет!

— Ты собираешься пробраться туда и выкрасть его? — изумленно спросил Оливер.

— Мы вполне можем сделать это, — ответил Лютиен.

Оливер негромко застонал, повернулся, чтобы оказаться спиной к валуну, и соскользнул вниз.

— Почему всегда «мы»? — спросил он. — Возможно, тебе следует найти кого-то другого, кто пойдет с тобой.

— Но, Оливер, — возразил юноша, прыгнув с камня и оказавшись рядом со своим другом. Его улыбка стала еще шире. — Ты единственный, кто поместится под плащом.

— О счастливчик Оливер, — вздохнул хафлинг.

Они двинулись прочь от лагеря, чтобы сообщить ближайшим эльфам о своих планах. Вокруг лагеря затаилось более двух сотен гномов да еще около сорока эльфов и полуэльфов, включая Сиобу, которая теперь возглавляла отряд разведчиков, известных как каттеры. Первоначальный план гномов заключался в том, чтобы стремительно ворваться в лагерь с криками «Долина Саглеса!», убивая всех циклопов без разбора. Лютиен с помощью Сиобы с трудом сумел убедить обозленных гномов в том, чтобы они постарались сдержать свою ярость, пока Лютиен не раздобудет столь необходимые ему доказательства, — он все же сумел втолковать им, что такой вариант более выгоден для будущего.

Вскоре после того Лютиен и Оливер вернулись на свой наблюдательный пост, ожидая, пока большая часть одноглазых погрузится в сон или как минимум огни слегка померкнут. Серб убывающей луны опустился ниже, к западу, а скоро его и совсем поглотили черные гроззовые облака. Далекие удары грома отдались слабой дрожью земли под ногами друзей.

Человек, которого Лютиен считал за герцога, продолжал пить и хохотать, сидя у огня с горсточкой циклопов и обгладывая кости. Даже при помощи волшебного плаща Лютиен вряд ли мог подобраться к нему без схватки.

Но вот наконец пиршество закончилось. Человек громко рыгнул и поднялся, отряхивая пыль и мусор с плаща. Он допил остатки из своей кружки, вновь рыгнул и пошел прочь, к границе лагеря, чуть правее от затаившихся наблюдателей.

— Ну, будь что будет... — прошептал Оливер.

Они с Лютиеном соскользнули с валуна и под покровом ночи двинулись ползком, дюйм за дюймом преодолевая расстояние до противника. Скоро они услышали журчащий звук и обнаружили незнакомца, стоявшего опершись одной рукой о ствол дерева, а другую засунув под плащ. Он находился ярдах в двадцати от лагеря, среди густых деревьев и кустов.

— Не стоит подбираться слишком близко, — предупредил Оливер. — Похоже, у него имеется метательное оружие.

Лютиен издал еле слышный нервный смешок и пополз дальше. Он застыл, наступив на хрустнувшую веточку. Оливер также замер, и на лице его появилось выражение ужаса.

Однако вскоре товарищи поняли, что им не о чем беспокоиться. Подвыпивший мужчина не заметил их, хотя они находились менее чем в десяти футах. Лютиен поспешно обдумал дальнейший план действий. Если он ринется вперед и огреет незнакомца по голове, но тот не потеряет сознания сразу, его крик, безусловно, всполошит всех циклопов в округе. Разумеется, юноша не мог воспользоваться мечом, поскольку пленник нужен был им живым.

Пожалуй, достаточно будет пригрозить ему, решил наконец Лютиен и оглянулся в

поисках Оливера, неожиданно скрывшегося из глаз. Юноша не осмелился окликнуть исчезнувшего товарища. Он выхватил из ножен «Ослепительный», сделал глубокий вздох и, преодолев одним прыжком оставшееся расстояние, приставил меч к груди незнакомца.

— Молчать! — хриплым шепотом потребовал молодой Бедвир и прижал к губам палец свободной руки.

Мужчина с любопытством взглянул на него и продолжил свое занятие, словно возможность пленения даже не приходила ему в голову.

Лютиен взмахнул в воздухе мечом. Человек, неожиданно выйдя из ступора, расширил глаза и выпрямился. Решив, что тот собирается закричать, Лютиен ринулся вперед, собираясь прижать меч к горлу незнакомца.

Но незнакомец действовал быстрее, а его движение оказалось более простым. Его рука оторвалась от дерева и нырнула под полу плаща, чтобы выхватить талисман. Герцог взмахнул им в воздухе сверху вниз, и, откуда ни возьмись, перед ним появилось голубое искрящееся сияние.

Сила инерции оказалась слишком велика, чтобы юноша успел остановиться. Наконечник «Ослепительного» коснулся голубого поля, высек искры и отлетел назад, больно ударив по руке Лютиена. Однако юноша все еще продолжал двигаться вперед и видел, что ему не миновать щита. Он вскрикнул и выставил вперед плечо, пытаясь прикрыться, так что в итоге он едва коснулся голубого свечения. Однако этого оказалось вполне достаточно. И молодой Бедвир полетел спиной вперед, врезавшись прямо в гущу деревьев.

Довольный смех чародея оборвался почти мгновенно, когда тот ощутил укол в живот. Он опустил глаза и увидел Оливера, стоявшего по его сторону голубого щита, уперев ему в живот острие шпаги.

— Ага! — вскричал хафлинг. — Я обошел твою глупую магию, и вот я внутри твоего такого хитрого барьера! — Сияющее выражение на лице Оливера внезапно померкло, и он опустил глаза. — И мои прекрасные башмаки промокли! — взвыл он.

Человек действовал быстро. Но и Оливер не медлил, собравшись более ощутимо уколоть противника. Но к ужасу хафлинга, единственное слово мага превратило лезвие его шпаги в змею, которая повернула к нему голову, явно намереваясь напасть.

Да еще к нему приближались огромные и могучие руки чародея! Прямо к горлу!

Оливер вскрикнул и отшвырнул шпагу, затем попытался увернуться. Однако нападения не последовало, поскольку клинок, превратившийся в змею, ударился о голубой щит, отскочил от него и полетел прямо в лицо чародею. Теперь настала очередь герцога Ресмора кричать, панически шарахнувшись от извивавшейся змеи.

Оливер проскользнул между ног противника и вцепился в полы его плаща. Он вскарабкался по ним, заняв место змеи, когда человек швырнул ее на землю. Оливер схватился за одно ухо человека в поисках поддержки, и голова чародея откинулась назад, а рот широко открылся в крике. Оливер немедленно засунул туда свою свободную руку.

Лютиен обежал вокруг края щита, сжимая в руках «Ослепительный». Некоторые из оставшихся позади циклопов двигались в их сторону, крича: «Ресмор! Ресмор!» Лютиен понимал, что им пора уходить, и быстро, а если этот колдун Ресмор начнет взбрыкивать, Лютиен просто-напросто убьет его.

— Мои перчатки, они кожаные, не так ли? — спросил Оливер.

— Да.

— Но он прокусил их насквозь! — взвизгнул Оливер. Он вытащил руку, и чародей не стал терять времени.

— Та Аррефи! — закричал он.

Почти в двадцати футах от них откликнулась толпа циклопов.

Лютиен в два прыжка подскочил к человеку и ударом в челюсть уложил того на месте, заставив Оливера отскочить в сторону, прямо в колючие кусты.

— Одноглазые! — заорал хафлинг, вскакивая на ноги, однако он обрел некоторую надежду, обнаружив, что змея вновь стала нормальной шпагой. — Хватай его идиотскую

шляпу — и бежим!

Лютиен потряс окровавленной рукой и быстро шагнул вперед, сообразив, что значок на шляпе и вправду может пригодиться. Однако юношу остановила следующая фраза хафлинга:

— Ты чувствуешь, чем тут завоняло?

Лютиен на мгновение замер и действительно ощутил до боли знакомый запах. Серный, ядовитый. Молодой Бедвир взглянул на Оливера, затем повернулся через плечо, чтобы проследить за взглядом приятеля, и увидел вращавшийся шар оранжевого пламени, быстро принявший форму двуногого пса с козлиными рогами и глазами, светившимися красными, демоническими огнями.

— О, только не это, — в отчаянии простонал хафлинг.

Рев монстра потряс ночную тьму.

— Позволь-ка, — сухо поинтересовался Оливер. — Ты и есть Та Аррефи?

Тварь не казалась особенно большой, не более четырех футов с головы до хвоста, но его аура — то чувство, которое окружало, пожалуй, каждого демона, — была почти подавляющей. Лютиен и Оливер достаточно сталкивались с подобными созданиями, чтобы понимать, что они угодили в серьезные неприятности. И факт сей стал гораздо более очевидным, когда чудище разинуло свою отвратительную пасть, достаточно широкую, чтобы проглотить Оливера целиком.

Над ними всеми сквозь плотное черное облако пролетело сверкающее копье, которое показалось недостающей частью этой дьявольской пьесы. Неожиданный отблеск света показал, что вокруг них собрались уже все циклопы. Твари прятались за деревьями, стараясь держаться на почтительном расстоянии, перешептываясь, что здесь Алая Тень.

Лютиен едва заметил циклопов, сконцентрировавшись, как и следовало, на демоне в собачьем облике.

Из огромной пасти высунулся раздвоенный язык, раздалось хриплое шипение, и со скоростью, поразившей друзей, Та Аррефи ринулся вперед, словно танцуя под злобную симфонию яростного шторма.

Оливер заорал. Лютиен также не удержался от крика, выхватывая из ножен «Ослепительный», хотя и понимал, что никакая, даже сверхъестественная, реакция не поможет отразить нападение.

А затем он ослеп, и то же произошло с Оливером, впрочем, как и с циклопами, когда прямо перед ними в землю ударила молния. Лютиен почувствовал, как напряглись его мускулы, как зашевелились и встали дыбом волосы и как его неким чудовищным рывком подняло с земли. Каким-то образом он вновь встал на ноги и даже удержался на них, хотя и шатаясь, но, впрочем, тут же сообразил, что при нападении демона, наверное, гораздо разумнее было бы упасть на бок.

Но ожидаемой атаки так и не последовало, и прежде, чем к Лютиену вернулось зрение, он услышал, что вокруг, среди деревьев, уже кипит схватка. Он слышал звон эльфийской тетивы, громоподобные крики гномов, вопли изумленных циклопов, встречавших скорую гибель.

Наконец зрение Лютиена окончательно прояснилось и он увидел, что Та Аррефи больше не было, — не осталось ничего, кроме раздвоенного языка, валявшегося на земле возле ног младшего Бедвира.

Столь же неожиданно, как и удар молнии, на землю обрушился ливень. Дождевые струйки зашумели среди деревьев. Лютиен машинально натянул на голову капюшон своего алого плаща, совершенно не осознавая, что делает, поскольку был полностью выбит из колеи.

Стон Ресмора вновь вернул Лютиена к действительности. Он мгновенно взял себя в руки и подошел к пленному герцогу. Юноша не смог удержаться от смеха, взглянув на Оливера, сидящего возле пленника: курчавые волосы хафлинга распрямились и стояли дыбом.

— Молния... — пробормотал легкомысленный хафлинг и обессилено повалился прямо

на герцога. Толчок привел пленника в чувство. Лютиен поспешно навалился на него сверху, чтобы удержать на месте.

— Я лично передам вас в руки короля Гринспэрроу, — взревел пьяный и ничего не понимающий Ресмор.

Лютиен ударил его, чтобы заставить замолчать, и, когда пленник затих, прикрыл их всех волшебным алым плащом. Ему хотелось вскочить и ринуться в бой, но он прекрасно понимал, что для него сейчас куда важнее оставаться на месте, оберегая бесценного пленника и не давая ему возможности вновь пустить в ход свою колдовскую силу, которая могла бы повлиять на исход сражения.

Кроме того, Лютиен скоро понял, что эльфы и гномы прекрасно справятся сами. Чаша наполнилась звуком топоров, ударами молотов. Да и кто мог сражаться во тьме лучше эльфов, кто лучше них мог пускать смертоносные стрелы. Циклопов застали врасплох, и, что было куда важнее, они находились в ярко освещенном пространстве и почти ничего не могли разглядеть сквозь ночь, скрывавшую их врагов.

Однако Лютиену показалось, что ему все же придется вступить в схватку, когда один из циклопов проломился сквозь кусты и, шлепая по увеличивающимся лужам, ринулся прямо к невидимой груде тел. Младший Бедвир медленно повернулся, чтобы не нарушить маскировки, и заметил, как циклоп, нервно оглянувшись назад, вломился напрямик в защитное поле Ресмора.

Одноглазого отбросило назад, и он сшиб с ног сразу двух гномов, выскочивших из кустов.

— Вот не думал, что у него хватит смелости напасть! — взревел один из гномов, вскакивая на ноги и поднимая топор, вознамерившись перерубить позвоночник циклопу.

— Да и я тоже, — откликнулся второй, занося молот над черепом ошарашенного циклопа.

— Его детям следовало бы гордиться своим отцом! — объявил первый гном.

— Его дети будут сиротами! — заорал второй, и оба, счастливые донельзя, ринулись искать новых противников, чтобы сполна насладиться местью.

Лютиен отполз назад, как можно более тщательно окутавшись плащом. Он решил, что гораздо лучше оставаться на прежнем месте.

13

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ОШИБКИ ПРОШЛОГО

Возвращение в Кэр Макдональд сопровождалось криками, выражавшими удовлетворенную месть, и звуками труб, триумфально звеневших на стенах города. Слух об их победе предшествовал Лютиену и его отряду, как и пересуды о том, что во время боя был захвачен в плен чародей, один из эйвонских герцогов.

Лютиен и Оливер ни на шаг не отходили от пленника, держась по обе стороны от него с обнаженным оружием наготове. Герцог был не слишком разговорчив, собственно, он вообще не произнес ни единого слова, кроме угроз, нередко включавших в себя имя Гринспэрроу, как будто один лишь звук этого имени должен был повергнуть в трепет его стражей. Герцог был надежно связан и постоянно спотыкался, и все же Лютиен держал «Ослепительный» в опасной близости от горла пленника, поскольку младший Бедвир, приобретя гораздо больший опыт, чем ему бы хотелось, в общении с подобными чародеями, понимал, что у него нет шансов выстоять против этого человека. Лютиен не имел ни малейшего желания встретиться лицом к лицу с Та Аррефи или с каким-либо еще демоном или позволить Ресмору, служившему доказательством того, что Гринспэрроу нарушил договор, ускользнуть.

Мужчины, женщины и множество детей выстроились вдоль улицы, по которой процессия вступила в Кэр Макдональд. Сиоба и Шаглин возглавляли шествие, каттеры шагали следом за своим вождем, а двадцать гномов следовали за Шаглином. Посреди

мощного отряда шли Лютиен, Оливер и их драгоценный пленник. Замыкали шествие еще два десятка гномов, охранявшие дюжину пленных циклопов. Если бы бородатому народцу позволили поступить согласно их страстному желанию, все циклопы простились бы с жизнью еще в горах, но Лютиен и Сиоба сумели убедить товарищей, что пленники могут стать решающим доказательством, а следовательно, они значат очень много для всей их земли. Не считая этих сорока солдат, вернувшихся в Кэр Макдональд, остатки бородатого народа с еще одной дюжиной пленных циклопов остались в Айрон Кроссе и держали путь в Дун Дарроу, чтобы принести весть о победе королю Беллику дан Бурсо.

Процессию на протяжении всего пути по главной улице города встречали приветственными криками, многие швыряли серебряные монеты или протягивали кубки с прекрасным вином, элем, тарелки с едой.

Оливер моментально расцвел, даже в какой-то момент вскочил ногами на седло своего пони, чтобы торжественно раскланяться перед зрителями, размахивая своей широкополой шляпой. Лютиен как ни старался держаться спокойно и равнодушно, все же не мог сдерживать улыбку. Однако шедшие впереди Сиоба и Шаглин почти не обращали внимания на толпу. Эти двое словно бы олицетворяли страдания своих народов под властью Гринспэрроу. Те представители народа Шаглина, которые были захвачены в плен, долгое время оставались рабами и трудились в качестве ремесленников на аристократов и купцов, пока не переставали приносить пользу или не давали повода своим угнетателям отправить их мучиться в шахтах. Народу Сиобы пришлось не многим легче в последние два десятилетия. Эльфов в Эйвонси было не так уж и много — большинство покинуло острова, удалившись в неизвестные земли, за несколько лет до прихода к власти Гринспэрроу; но тех, кого схватили в годы правления злобного тирана, отдали в богатые дома, где они исполняли роль слуг или наложниц. Сиоба, чья кровь не была ни чисто человеческой, ни чисто эльфийской, в глазах приспешников Гринспэрроу занимала самое низкое место и провела много лет в доме богатого купца, который часто избивал и насиловал ее.

Поэтому эти двое не улыбались и не ликовали. Для Лютиена победа пришла, когда Эриадор был объявлен свободным. Для Сиобы и Шаглина свобода означала голову Гринспэрроу, надетую на высокий шест.

И не меньше.

Король Бринд Амор встретил их на площади перед Собором. Король преднамеренно прошел мимо Сиобы и Шаглина, жестом показав им, что он выслушает их рассказ позже. Он прошел вдоль строя, его взгляд был сосредоточен лишь на одном человеке, и король остановился, оказавшись лицом к лицу с пленником.

Бринд Амор протянул руку и вынул кляп из его рта.

— Он чародей, — предупредил Лютиен.

— Его имя Ресмор, — добавил Оливер.

— Один из герцогов Гринспэрроу? — спросил Бринд Амор мужчину, но Ресмор лишь негодуя фыркнул и вызывающе поднял голову.

— Он носил это, — пояснил Оливер, передавая дорогой головной убор с золотой эмблемой королю. — Было не так уж сложно сбить шапку с его головы.

Недовольное выражение на лице Лютиена не стало неожиданностью для хафлинга, и он намеренно впился глазами в лицо короля. Бринд Амор взял шляпу и повертел ее в руках, изучая эмблему: нос корабля с вырезанной на нем фигуркой вздыбленного коня с раздувшимися ноздрями и дикими глазами.

— Ньюкасл, — спокойно сказал король Эриадора. — Ты — герцог Ньюкасла Ресмор.

— Друг короля Гринспэрроу, повелителя всего Эйвонского моря! — возбужденно заявил Ресмор.

— И короля Гаскони, надо полагать, — саркастически заметил Оливер.

— Не соответствует договору, — спокойно ответил Бринд Амор. Старый маг улыбнулся ошибке герцога. — Наше соглашение объявляет Гринспэрроу королем Эйвона, а Бринд Амора — королем Эриадора. Или ты считаешь договор несущественным?

Ресмор явственно растерялся, осознав свою ошибку.

— Я только хотел сказать... — промямлил он, но затем умолк. Пленник сделал глубокий вздох, чтобы сосредоточиться, и вновь гордо вздернул подбородок. — У вас нет права задерживать меня, — объявил он.

— Ты был захвачен честно, — заметил Оливер. — Мною.

— Незаконно! — запротестовал Ресмор. — Я находился в горах абсолютно по праву, на территории, нейтральной для обоих наших королевств!

— Ты находился на стороне гор, принадлежащей Эриадору, — напомнил Бринд Амора. — Меньше чем в двадцати милях от Кэр Макдональда.

— Я не знаю пункта договора, который бы препятствовал ... — начал было Ресмор.

— Ты был с циклопами, — немедленно прервал Лютиен.

— И вновь, согласно договору...

— Черт бы побрал договор! — взревел Лютиен, хотя Бринд Амора пытался успокоить его. — Одноглазые разоряют наши деревни, убивают невинных, даже детей. По наущению вашего злобного короля, я уверен!

Сотня голосов подхватила крик молодого Бедвира, но среди них не было голоса Бринд Амора. Вновь королю Эриадора, искусному политику, пришлось потрудиться, чтобы успокоить своих сограждан, поскольку он опасался, что толпа возьмет верх и пленника вздернут прежде, чем тот сможет дать показания.

— С каких это пор одноглазым требуется наущение короля людей, чтобы убивать и грабить? — саркастически спросил Ресмор.

— Мы можем доказать, что эта конкретная шайка, с которой вас взяли в плен, действовала по наущению, — сказал Бринд Амора.

— О чем я не имею ни малейшего понятия, — холодно ответил Ресмор. — Я был с ними всего несколько дней. И за это время они не покидали гор, пока не явились вы. Так кто же из нас является налетчиком?

В синих глазах Бринд Амора загорелись опасные огоньки при этом последнем замечании.

— Хорошие слова, герцог Ресмор, — мрачно сказал он. — Но бесполезные, уверяю вас. В местечке, именуемом долиной Саглеса, была использована магия, ее следы может определить знакомый с этим искусством.

Не слишком тонкий намек Бринд Амора на то, что он также является колдуном, похоже, взволновал наконец пленника.

— Вашу роль в нападении можно доказать, — продолжил Бринд Амора. — А шея чародея сопротивляется веревке не лучше, чем шея крестьянина.

Толпа вновь взорвалась криками, требуя смерти пленника через повешение, или на костре, или при помощи любого метода, который можно прямо сейчас пустить в ход. Многие, похоже, были готовы смять ряды охраны и прикончить эйвонца. Однако Бринд Амора не стал прислушиваться к ним. Он подал знак Лютиену, чтобы Ресмору и остальных циклопов отвели в Собор, где их следовало поместить в отдельные подвалы. Ресмору выделили двух персональных стражей, эльфов, чувствительных к магии, которые должны были постоянно стоять над ним с обнаженными мечами.

— Нам следует поблагодарить вас за вашу роль во всем этом, — обратился Лютиен к Бринд Амору, следуя по внутреннему проходу в небольшое помещение в огромном строении вместе с Оливером и королем.

— Ох да, — воскликнул Оливер. — Такой замечательный удар!

Бринд Амора замедлил шаг и окинул соратников внимательным взглядом. На его лице читалось непонимание.

— В горах, — пояснил Лютиен. — Когда Ресмор вызвал демона.

— Вы столкнулись еще с одним выходцем из ада? — спросил Бринд Амора.

— Как раз перед тем, как прилетела ваша замечательная грохочущая молния, — ответил Оливер. — К счастью для Лютиена, она отогнала от него чудище, оно, видите ли, не

могло справиться с клинком моей рапиры.

— Та Аррефи — демон, его вызвал колдун, — прервал Лютиен, не желая выслушивать рассказы Оливера.

И все же Бринд Амор, похоже, ничего не понимал.

— Он был похож на собаку, — добавил Лютиен. — Хотя и передвигался как человек.

— И у него был раздвоенный язык, — добавил Оливер, и его двум товарищам понадобилось некоторое время, чтобы разобрать последнее слово, так как из-за сильного гасконского акцента оно прозвучало, как два отдельных. Жестикуляция хафлинга помогла при переводе, поскольку он выставил два пальца перед ртом.

Бринд Амор пожал плечами.

— Ваша молния, — настаивал Лютиен. — Она не могла быть простой случайностью!

— Изъясняйся понятнее, мой мальчик, — попросил маг.

— Демон Ресмора стремительно приближался к нам, — ответил Лютиен. — Он был всего в пяти шагах от меня, когда разразилась буря и на него обрушилась молния.

— Молния!!! — воскликнул Оливер. — Прямо в голову.

— И от Та Аррефи остался лишь почерневший, обугленный язык, — закончил Лютиен.

— Раздвоенный, — добавил Оливер.

Бринд Амор задумчиво теребил свою белоснежную бороду. Он не имел представления, о чем говорят эти двое, поскольку даже не следил за происходившим в горах. Он полностью сосредоточился на событиях на востоке и юге, а потому и понятия не имел о том, что Лютиен, Оливер и Сиоба отправились в горы да еще встретились там с демоном! И все же ему казалось абсолютно невероятным, чтобы такая молния оказалась естественным, природным явлением. Разумеется, эта парочка отличалась необыкновенным везением, но не до такой же степени! Очевидно, вмешался некий неведомый чародей. А может быть, это был даже сам Гринспэрроу, который целился в Лютиена, но по ошибке поразил демона Ресмора.

— Да, конечно, — только и сказал он друзьям. — Действительно, выстрел оказался удачным. Впрочем, в демона попасть нетрудно. Они так же резко выделяются среди смертных, как великаны среди хафлингов.

Лютиен неуверенно улыбнулся, слегка сомневаясь в искренности слов Бринд Амора. Впрочем, у молодого Бедвира все равно не было лучшего объяснения, и потому он решил остановиться на этом. Если произошла какая-то ошибка с магической точки зрения, то это дело Бринд Амора, а не его.

— Идемте, — предложил Бринд Амор, направляясь к боковому проходу. — Возможно, мы обнаружили связующее звено между Гринспэрроу и циклопами, а, следовательно, договор между нами и Эйвоном нарушен. Давайте набросаем проект договора между нами и королем Айсенленда и займемся обсуждением наших планов.

— Мы начнем войну с Гринспэрроу? — жадно спросил Лютиен.

— Еще не знаю, — ответил Бринд Амор. — Я должен поговорить с нашими пленниками и с послами Гаскони. Необходимо еще многое сделать, прежде чем окончательное решение будет принято.

Лютиен понимал, что король прав во всех отношениях, но при этом младший Бедвир отчаянно надеялся, что ему не придется сражаться против родного брата. Предательская натура Гринспэрроу проявилась в полной мере, Ресмор вполне годился в качестве доказательства. В мозгу Лютиена явственно возникли картины флота, поднимавшегося по течению Страттона к Карлайлу вместе с галерами хьюготов.

Это нельзя было назвать неприятным видением.

Бринд Амор, облаченный в богато расшитую голубую колдовскую мантию, решительно вошел в тускло освещенную комнату. В каждом ее углу мягким светом мерцали свечи, стоявшие на особых подставках. В центре комнаты красовался небольшой круглый стол с единственным табуретом рядом с ним.

Бринд Амор сел на табурет. Слегка дрожащими руками он приподнял и убрал кусок

ткани, укрывавший тот предмет, что лежал на столе, — его хрустальный шар. Чувствуя волнение и нервное возбуждение, маг начал творить заклинание. Бринд Амор не слишком-то верил, что Гринспэрроу мог послать молнию, собираясь поразить Лютиена, и вместо того случайно уничтожил фамильного демона Ресмора. Нет, старый маг видел другое и единственно возможное объяснение невероятной истории Лютиена: один из его товарищей по старинному братству чародеев пробудился и помог им. Как еще можно было объяснить эту молнию?

Маг вошел в транс, сосредоточив свой взгляд на шаре, и сквозь шар начал обзирать горы, пустоши и чащобы Эриадора, а потом проник сквозь границу самого времени.

— Бринд Амор?

Вопрос слышался издалека, но звучал настойчиво.

— Бринд Амор?

— Серендай? — спросил старый маг, полагая, что он, наконец, нашел одного из своих собратьев, веселого парня, бывшего одним из его ближайших друзей.

— Лютиен, — слышался ответ издалека.

Бринд Амор порывался в памяти, пытаясь припомнить, кто из колдунов носил столь знакомое имя. Он почувствовал прикосновение к плечу, потом его слегка встряхнули.

Бринд Амор вышел из транса и обнаружил, что находится в своем кабинете в Соборе, а рядом стоят Лютиен и Оливер. Он зевнул и потянулся, полностью истощенный ночной работой.

— Который час? — спросил он.

— Петух прокричал, — заметил Оливер. — Склевал свой завтрак, потоптал нескольких дурочек-курочек и, наверное, уже отправился на насест, чтобы хорошенько отдохнуть после обеда.

— Мы все гадали, куда вы делись, — пояснил Лютиен.

— И где же вы были? — спросил Оливер.

Бринд Амор хмыкнул, услышав прямой вопрос хафлинга. Физически он находился в этой самой комнате всю ночь и, похоже, добрую часть дня, но на самом деле он посетил множество мест. Он нахмурился, припоминая это путешествие. Последним пунктом был остров Далсен Берра, центральный из Пяти Стражей, и это посещение вымотало его окончательно. Видения в хрустальном шаре показали ему прошлое, хотя он и не мог сказать, насколько далекое. Он увидел циклопов, карабкавшихся по скалистым холмам острова. Затем он увидел их предводителя: человека, которого он сразу узнал, хотя тот не был тогда еще таким толстым и не обладал столь внушительным двойным подбородком, человека, которого сейчас Бринд Амор держал в качестве пленника в своем подвале!

В видении Ресмор держал в руке странный предмет: раздвоенный жезл, а точнее, рогатку. Так называемые волшебники в наиболее отдаленных деревнях Эйвона и на всех пространствах дикого Барандуина использовали подобные предметы для поиска воды. Обычно в такой рогатке содержалось чрезвычайно мало магической силы, но жезл Ресмора оказался поистине волшебной вещью. При его помощи герцог со своими одноглазыми приятелями нашел потайную долину и замаскированный вход в пещеру. Сработали защитные заклинания, уничтожив множество циклопов, однако этих тварей было здесь более чем достаточно, чтобы добиться желаемого. Вскоре вход в пещеру был открыт, и циклопы ворвались внутрь. Они вернулись к Ресмору, сидевшему на травянистой полянке, волоча за собой неподвижное тело. Это был Дюпарт, дорогой Дюпарт, еще один ближайший друг Бринд Амора, который помогал строить Собор и научил многих рыбаков Эриадора управляться с дорсальскими китами.

Всю долгую ночь Бринд Амор страдал, наблюдая подобные сцены убийств его товарищей, когда их, беспомощных, погруженных в волшебный сон, извлекали из потайных убежищ и предавали безжалостной смерти Ресмор и Гринспэрроу, Моркней и Парагор, и еще один колдун, которого он не знал.

Бринд Амор ощутимо содрогнулся, и Лютиен заботливо положил ему руку на плечо.

— Боюсь, они все мертвы, — сказал тихо Бринд Амор.

— Кто? — спросил Оливер, нервно оглядываясь вокруг.

— Древнее братство, — ответил старый маг, и в этот момент он выглядел поистине старым! — Только я, совершивший столько деяний, идущих против правил, похоже, избежал вероломного Гринспэрроу.

— Вы сами видели все эти смерти? — изумленно спросил Лютиен, глядя на хрустальный шар. По рассказам Бринд Амора, многие чародеи погрузились в магический сон несколько веков назад.

— Не все.

— Зачем вы заглянули туда? — спросил Оливер.

— Из-за вашего рассказа о поединке с Ресмором, — ответил Бринд Амор.

— Вы не посылали молнии, — догадался Лютиен. — И потому решили, что кто-то из древнего братства пробудился и пришел нам на помощь.

— Но этого не случилось, — сказал Бринд Амор.

— Вы сказали, что нашли не всех, — напомнил Оливер.

— Но никто не пробудился, уж в этом-то я полностью уверен, — ответил Бринд Амор. — Если бы это был кто-то из них, мой шар нашел бы его или хотя бы уловил намек.

— Но если вы не посылали молнии... — начал Лютиен.

Бринд Амор пожал плечами, не находя объяснения.

Глубоко вздохнув, старый маг покачал головой.

— Мы ошиблись, друзья мои, — сказал он. — Жестоко ошиблись.

— Не я, — поспешно возразил Оливер.

— Древнее братство? — спросил Лютиен, помедлив только для того, чтобы покачать головой по поводу бесконечной самоуверенности Оливера.

— Мы думали, что оставляем землю в безопасности и в надежных руках, — пояснил Бринд Амор. — Время магии быстро уходило, а, следовательно, уходили и мы, погружались в сон, чтобы сохранить остатки нашего могущества, пока мы вновь не понадобится миру. Мы все погрузились в сон, — продолжал маг, и голос его упал почти до шепота. — Кроме Гринспэрроу, который, будучи самым слабым из нас, не способен думать о последствиях. Даже великие драконы были уничтожены или замурованы, как я и мои товарищи поступили с Бальтазаром.

Лютиен и Оливер содрогнулись при звуках этого имени, имени дракона, которого они знали слишком хорошо!

— Я потерял свой посох в пещере Бальтазара, — продолжал маг, поворачиваясь к Лютиену и внимательно глядя на него. — Но я не предполагал, что когда-либо он понадобится мне вновь, до тех самых пор, пока я, пробудившись, не обнаружил, что страна окутана зловещей тьмой Гринспэрроу.

— Много из этого мы знали, — сказал Лютиен. — Но если Гринспэрроу такой слабый маг, то как же он возвысился?

— Какая грандиозная ошибка, — пробормотал Бринд Амор, ни к кому не обращаясь. — Мы полагали, что магия слабеет, и так оно и было, согласно стандартам древнего искусства. Но Гринспэрроу нашел иной путь. Он заключил союз с демонами, черпал силы, которых нельзя было касаться, чтобы восстановить источник мощи. Нам следовало предвидеть это и принять меры, прежде чем погрузиться в магический сон.

— Вот это точно! — воскликнул Оливер, который не мог так долго позволять говорить другим, не участвуя в разговоре. Однако он поспешно опустил глаза, заметив сердитый взгляд Лютиена.

— Если бы вы меня видели в молодости! — внезапно воскликнул Бринд Амор, и на его лице отразились отблески давно минувшей юности. — О, насколько моя тогдашняя мощь превосходила нынешнюю! Я мог использовать искусство весь день, спокойно проспать ночь, а затем использовать его весь следующий день. — Его взгляд затуманился, на лоб набежали

морщины. — Но теперь я не так силен. Гринспэрроу и его соратники приобрели свои силы, другие, в основном благодаря помощи из ада — но это источник, которым я не могу, да и не хочу воспользоваться.

— Вы победили герцога Парадора, — напомнил Лютиен.

Бринд Амор фыркнул, но все же слабо улыбнулся.

— Верно, — признал он. — И Моркней мертв, а у герцога Ресмора каким-то образом отняли демона, и теперь он больше не представляет угрозы. — Король вновь окинул взглядом Лютиена, его лицо опять омрачилось. — Но они не принадлежали к древнему братству. Это все просто-напросто смертные приспешники Гринспэрроу, все эти герцоги, да и герцогиня Мэннингтон. Жалкие трюкачи, которые доверились Гринспэрроу.

Лютиен видел, что его старый друг сейчас очень нуждается в поддержке.

— Когда Гринспэрроу погибнет, — торжественно объявил он, — вы, Бринд Амор, король Эриадора, станете самым могущественным чародеем в мире.

Оливер захлопал было в ладоши, но Бринд Амор лишь тихо ответил:

— А вот этого я никогда не желал.

— Оставьте нас, — приказал Бринд Амор, входя в темницу под Собором. Небольшая комната была наполнена чадом единственного факела, укрепленного на стене возле двери.

Два охранника-эльфа нервно переглянулись, потом с сомнением посмотрели на пленника, но не осмелились возразить королю. Они поклонились и вышли, однако остановились у самой двери в камеру, чтобы быть под рукой в случае необходимости.

Бринд Амор запер дверь, не сводя глаз с герцога Ресмора. Несчастный герцог сидел посреди камеры на полу, его руки были связаны за спиной и притянуты к лодыжкам надежной цепью. К тому же во рту у него торчал кляп, а глаза были завязаны.

Бринд Амор хлопнул в ладоши, и запястья узника освободились. Человек медленно пошевелился, затем сорвал повязку с глаз и вытащил кляп, разминая затекшие конечности.

— Я требую лучшего обращения! — взревел он.

Бринд Амор обошел камеру, негромко начитывая что-то и рассыпая по периметру помещения желтый порошок.

Ресмор окликнул его несколько раз, но старый маг не ответил, и герцог умолк, с любопытством глядя на старика.

Бринд Амор завершил линию из порошка, обойдя всю комнату, затем взглянул прямо на пленника.

— Кто уничтожил твоего демона? — прямо спросил старик.

Герцог не мог поверить в свою удачу, ведь он, как и Лютиен с Оливером, полагал, что демона уничтожил сам Бринд Амор.

— Если Та Аррефи... — начал Бринд Амор.

— Чародею следует соблюдать осторожность, произнося это имя, — перебил Ресмор.

Бринд Амор медленно и спокойно покачал головой.

— Не здесь, — пояснил он, показывая на линию желтого порошка. — Твой демон, если он выжил, не может услышать ни твой зов отсюда, ни даже мой. К тому же ни ты, ни твоя магия не выйдете из этой комнаты.

Ресмор откинул голову назад, зайдясь в диком приступе хохота. Он резко вскочил на ноги и чуть было не свалился вновь, поскольку его ноги затекли от длительной неподвижности.

— Тебе следует обходиться более уважительно с равными себе. Ты, претендующий на трон этой забытой богом земли.

— А тебе следует придержать язык, — предупредил Бринд Амор. — Или я его вырву и швырну тебе в лицо.

— Как ты смеешь?!

— Молчать! — взревел старый маг, и вся его мощь прозвучала в голосе. Глаза Ресмора расширились, он отступил на шаг.

— Ты не ровня мне! — продолжал Бринд Амор. — Ты и твои товарищи, лакеи Гринспэрроу, — просто тени былых богатырей, входивших в братство.

— Я...

— Сражайся со мной! — приказал Бринд Амор.

Ресмор фыркнул, но насмешка застряла у него в горле, когда Бринд Амор начал плести заклинание, монотонно напевая. Ресмор затянул собственное заклинание, потянувшись к светильнику, и зачерпнул кусочек огня, язычок пламени, чтобы ужалить старшего чародея.

Огонек по приказу Ресмора полетел к Бринд Амору, разгораясь по пути и нацеливаясь прямо в крупный нос короля. Ресмор щелкнул пальцами, завершая заклинание, добавляя последнюю каплю энергии, которая должна была превратить язычок пламени в миниатюрную шаровую молнию. Но надежды Ресмора не оправдались, его постигло горькое разочарование, когда пламенный снаряд упал на пол и увеличился, хотя он не прилагал к тому ни малейших усилий.

Бринд Амор продолжал плести чары, нацелив свою магию на разгоравшееся пламя, подчиняя его своей воле, увеличивая его силу, трансформируя его. Оно разбухло и постепенно приняло форму льва, огромной и свирепой кошки со сверкающими глазами и развевающейся огненной гривой.

Ресмор побледнел и отступил еще на один шаг, затем развернулся и бросился к двери. Он ударился о магическую стену, столь же твердую, как камень, отлетел назад, на середину комнаты, постепенно приходя в себя, и оказался лицом к лицу с магом и его огненным питомцем.

Бринд Амор наклонился и потрепал гриву огненной твари.

Ресмор тряхнул головой.

— Иллюзия, — объявил он.

— Иллюзия? — эхом откликнулся Бринд Амор. Он взглянул на кошку. — Он назвал тебя иллюзией. Смахивает на оскорбление. Можешь убить его.

Глаза Ресмора готовы были вылезти из орбит, когда львиный рев разнесся по комнате. Гигантская кошка присела перед прыжком — герцогу было некуда бежать, — а затем прыгнула, полетев на Ресмора. Человек закричал и упал на пол, прикрыв голову руками, готовый расстаться с жизнью.

Но он шлепнулся на грязный пол, и никто не навалился на него... а когда герцог наконец осмелился приоткрыть глаза, то увидел лишь Бринд Амора, спокойно стоявшего возле стены комнаты, и не обнаружил никаких следов огненной кошки и даже признаков того, что она вообще здесь появлялась.

— Иллюзия, — повторил Ресмор, отчаянно пытаясь восстановить остатки чувства собственного достоинства. Он встал и отряхнулся.

— А я — иллюзия? — спросил Бринд Амор.

Ресмор изумленно уставился на него.

Старый маг резко взмахнул руками, и на герцога обрушился страшный порыв ветра, завертел его и с размаху швырнул на магический барьер. Ресмор, шатаясь, сделал несколько шагов вперед и поднял глаза как раз в тот момент, когда Бринд Амор хлопнул в ладоши, затем, сложив пальцы, ткнул ими в сторону Ресмора. Черная стрела с треском ударила герцога в живот, заставив его сложиться пополам от боли.

Бринд Амор взревел и опустил руку. Его магия, усиленная яростью, обрушилась зарядом энергии на склоненный затылок Ресмора, снова опрокинув его лицом в самую грязь.

Он лежал там, ослепленный и окровавленный, даже не пытаясь подняться. Но затем он почувствовал нечто. Как будто невидимая рука сжала его горло, заставив подняться, а потом оторвала от земли, лишая дыхания, по капле отбирая саму жизнь.

Его выпученные глаза заматались в поисках противника. Бринд Амор стоял, вытянув одну руку, ладонь сжимала воздух.

— Я видел тебя, — мрачно произнес чародей. — Я видел, что ты сделал с Дюпартом на острове Далсен Берра!

Ресмор попытался сказать что-то в свое оправдание, но не смог набрать воздуха для ответа.

— Я видел тебя! — вскричал Бринд Амор, усиливая хватку.

Ресмор дернулся и подумал, что его шея, безусловно, вот-вот разорвется пополам. Но Бринд Амор разжал руку, и Ресмор перелетел через всю комнату, снова ударился о магический барьер и упал на колени, закричав от боли в сломанной переносице. Ему понадобилось немало времени всего лишь на то, чтобы снова повернуться лицом к этому чудовищу Бринд Амору. Справившись, наконец, с этой задачей, герцог обнаружил, что король стоит спокойно, держа в руках перо и доску с приколотым к ней листом пергамента.

Бринд Амор бросил оба предмета в воздух, и они, словно вися на невидимых веревках, поплыли к Ресмору.

— Это твое признание, — пояснил Бринд Амор. — Твое признание в том, что ты по приказу своего короля Гринспэрроу подбивал циклопов нападать на Эриадор и поселения гномов.

Оба предмета остановились в воздухе прямо перед коленопреклоненным герцогом. Он взглянул на них, затем перевел глаза на Бринд Амора.

— А если я откажусь подписать? — осмелился он спросить.

— Тогда я раздеру тебя на мелкие кусочки, — спокойно пообещал Бринд Амор. — Я сдеру с тебя кожу и вырву твое сердце так, что ты еще сможешь услышать его последние удары. — Спокойствие, с которым он говорил, еще больше напугало Ресмора.

— Я видел, что ты сделал, — вновь произнес Бринд Амор, и несчастный герцог понял: ужасный старый чародей не блефует. Он схватил перо и доску и поспешно нацарапал свое имя.

Бринд Амор подошел к герцогу и сам забрал из его рук бумагу, не прибегая к помощи магических фокусов. Он хотел, чтобы Ресмор увидел его ярость вблизи и ощутил ее, хотел, чтобы этот человек понял: Бринд Амор видел его преступления и никогда не забудет и не простит.

Затем Бринд Амор покинул комнату, пройдя через магическую стену при помощи единственного слова.

— Больше вы там не нужны. — Услышал его слова, обращенные к эльфам, Ресмор. — Герцог Ресмор — бессильный дурак.

Дверь подземной камеры с треском захлопнулась. Единственный факел, освещавший это мрачное место, внезапно зашипел и погас, оставив Ресмора, одинокого и несчастного, в полной тьме.

14

ПРИНЦЕССА И ЕЕ КОРОНА

Она сидела перед зеркалом, расчесывая щеткой свои шелковистые волосы, а мягкий взгляд рассеянно устремился сквозь время и пространство. Перед женщиной на туалетном столике лежала украшенная драгоценными камнями корона, связующее звено с прошлым маленькой принцессы. Рядом с короной находился мешок с порошком, при помощи которого Диана усиливала пламя в жаровне до такой степени, чтобы открыть проход из ада демону Такнапотину.

Она была еще почти ребенком, когда этот мешочек стал для нее важнее, чем корона, когда Гринспэрроу оказался ближе, чем родной отец, король Эйвона. Гринспэрроу, одаривший ее магией. Гринспэрроу, давший ей Такнапотина. Гринспэрроу, который занял трон ее отца и спас королевство от предательского бунта, затеянного горсткой мятежных лордов.

Это была история, рассказанная Диане Велворт теми, кто был предан новому королю, и повторяемая самим Гринспэрроу чуть ли не при каждой их встрече. Гринспэрроу выражал сожаление по поводу того, что с его восхождением на престол Диана лишилась права

наследования власти. По правде говоря, это не имело большого значения, поскольку чародей Гринспэрроу принадлежал к древнему братству, и в этом качестве он был одарен долгими годами жизни, так что обязательно пережил бы и Диану, и всех ее детей, появившись они у нее, и даже детей ее детей. Но Гринспэрроу совсем не был жесток к осиротевшей девочке. Мэннингтон, немаловажный крупный портовый город на западном побережье Эйвона, стал ее владением, ее личным королевством.

Да, эту историю Диана Велворт слышала с детства и на протяжении всей своей взрослой жизни; такова была версия, предложенная ей благосклонным и сочувствующим Гринспэрроу.

Только теперь, дожив почти до тридцати лет, Диана усомнилась, да что там, просто отвергла привычное объяснение событий. Она пыталась вспомнить роковую ночь мятежа, но все смешалось в ее памяти. Такнапотин пришел к ней и стремительно унес прочь под покровом темноты, девочка только и помнила, что затихающие за ее спиной крики родных.

О благородный спаситель... демон.

Почему же Такнапотин, дух ада, обладающий немалым могуществом, не спас также ее братьев и сестер? И почему тот же демон и, что еще более важно, Гринспэрроу, который явно тогда был самой могущественной фигурой во всем мире, просто не остановили мятеж? Король предоставил объяснение, показавшееся очевидным и прямым: «Не было времени, мы были захвачены врасплох».

Эти вопросы часто приводили Диану к непроницаемой завесе тайны, и только много лет спустя герцогиня Мэннингтон стала задавать себе вопросы более важные. Почему ее пощадили? Именно ее? И если уж она осталась жива после того, как предполагаемые убийцы были казнены, почему она не заняла свое место в Карлайле как законная королева Эйвона?

Жесткая щетка резко царапнула кожу на голове, в душе поднималась хорошо знакомая ярость. Вот уже несколько лет Диана подозревала предательство, и каждый раз при мысли о нем в ней вспыхивал гнев, но до недавнего времени она старалась подавлять это чувство. Если то, чего она боялась, действительно произошло два десятилетия назад, тогда вряд ли ей удастся с легкостью простить самое себя за то, что она, по сути, сама виновата в убийстве своих матери и отца, пятерых братьев и сестры.

— Ты так похожа на нее, — раздался голос от дверей.

Диана посмотрела в зеркало и увидела отражение Селны, пожилой горничной, входившей в комнату с ночной рубашкой Дианы, перекинутой через руку. Герцогиня повернулась, чтобы посмотреть в лицо женщине.

— Копия твоей матери, — объяснила Селна с обезоруживающей улыбкой. Она подошла к Диане и нежно провела рукой по ее щеке. — У тебя такие же глаза, мягкие, синие.

Для горничной это было чем-то вроде религиозной церемонии. Как минимум раз в неделю в течение последних двадцати лет Селна, которая была ее няней, еще когда Эйвоном правил отец, проводила рукой по щеке Дианы и говорила, как сильно она похожа на убитую мать. В течение стольких лет Диана сияла улыбкой от этого комплимента и умоляла Селну рассказать ей о Беттиен, ее матери.

Какой ужасной иронией казалось это теперь прозревшей женщине!

Диана встала, забрала свою ночную рубашку и отошла.

— Не бойтесь, моя госпожа, — сказала Селна ей в спину. — Я не думаю, что наш король накажет вас за слабость, проявленную в Айрон Кроссе.

Диана резко повернулась к женщине, заставив ту вздрогнуть от неожиданности.

— Он тебе лично это сказал? — спросила она.

— Кто, король?

— Конечно, король, — раздраженно произнесла Диана. — Ты говорила с ним после того, как мы вернулись в Мэннингтон?

Селна выглядела изумленной.

— Но, моя госпожа, — запротестовала она. — С какой стати его величество король Гринспэрроу стал бы говорить с...

— Так ты говорила с ним после того, как мы покинули Айрон Кросс? — перебила ее Диана, отчетливо выговаривая каждое слово, так что Селна не могла не понять, что кроется за этим вопросом.

Селна глубоко вздохнула и решительно вздернула подбородок.

«Она чувствует себя в безопасности под защитой Гринспэрроу», — подумала Диана. Герцогиня осознала, что гнев может заставить ее переступить соображения здравого смысла. Если Гринспэрроу может быстро откликаться на сообщения Селны — возможно, он дал ей какого-нибудь мелкого демона в качестве курьера, — тогда гнев Дианы мгновенно навлечет на нее всевидящий глаз Гринспэрроу, а этого она решительно не желала, особенно сейчас.

— Прости меня, милая Селна, — сказала Диана и, подойдя к горничной, коснулась ее руки. Герцогиня потупила глаза и глубоко вздохнула. — Единственное, чего я опасюсь, так это того, что моя слабость в деле с циклопами уронила меня в твоих глазах.

— Ну что вы, моя госпожа, — весьма неубедительно ответила служанка.

Диана подняла мягкие голубые глаза, влажные от слез. С самого детства маленькая обманщица с легкостью вызывала на своих глазах слезы, она называла их «капли сочувствия».

— Поздно уже, моя госпожа, — сказала Селна. — Вам следует лечь спать.

— Это было слабостью, — признала Диана, слегка шмыгнув носом. Она заметила, что замкнутое выражение лица Селны сменилось любопытством.

— Я не могла этого вынести, — продолжала герцогиня. — Я не питаю никакой любви к эриадорцам и, уж конечно, к гномам, но даже их бородатый народец кажется гораздо симпатичнее по сравнению с одноглазыми чудовищами.

Селна, похоже, слегка расслабилась, даже сумела улыбнуться, и эта улыбка показалась Диане вполне искренней.

— Я опасюсь только, что мой король и спаситель теперь станет сомневаться во мне, — пожаловалась Диана.

— Никогда, моя госпожа, — твердо заверила ее Селна.

— Он заменил мне родных, он — все, что у меня осталось, — сказала Диана. — Кроме тебя, конечно. Я бы не вынесла его разочарования и все-таки боюсь, именно это и произошло.

— Это была задача, для которой вы, с вашим характером настоящей принцессы, не очень хорошо подходили, — сказала Селна.

Характер настоящей принцессы. В разговоре с Дианой старая служанка часто употребляла это любопытное выражение. Молодой женщине иной раз хотелось завизжать, когда она в очередной раз слышала его. Если ее происхождение так уж сразу бросается в глаза, то почему Гринспэрроу, а не она, королева по праву рождения, сидит на троне в Карлайле?

Диана с трудом взяла себя в руки, чтобы не дать крамольным мыслям отразиться на лице. Она опять увлажнила глаза слезами и крепко обняла Селну, сжимая ее до тех пор, пока женщина не сказала, что ей пора идти.

Герцогиня осушила слезы в одно мгновение, как только служанка вышла из комнаты. Час был поздний, а ей надо было так много сделать этой ночью! Молодая женщина целую минуту глядела на туалетный столик, на корону и мешочек с порошком, собираясь с силами.

Прошло несколько часов. Диана выскользнула из своей комнаты, чтобы убедиться в том, что в ближайших покоях все до единого крепко спят. Потом она вернулась к себе, закрыла и запечатала дверь с помощью магии, а затем подошла к шкафу и из потайного отделения в его дне достала маленькую латунную жаровню.

Вскоре после этого на ее кровати удобно устроился Такнапотин.

— Та Аррефи оказался не таким уж могущественным, — заметил самоуверенный демон.

— Конечно, если учесть тот мощный шторм, который я наслала вместе с тобой, — холодно откликнулась Диана.

— Не такая уж трудная вещь — послать по каналу энергию, — признал Такнапотин. — Так что Та Аррефи исчез, ф-фу — и нету!

— И Ресмор убран с дороги, то ли мертв, то ли находится в темницах Кэр Макдональда или Дун Дарроу, — сказала Диана.

— И мы на шаг ближе к трону, — с энтузиазмом подхватил Такнапотин.

Диана все еще не могла поверить, какой легкой оказалась эта часть плана. Она всего лишь поманила Такнапотина игрушкой верховной власти, и демон просто растаял от мысли о том, чтобы свалить Гринспэрроу. В этом слабость зла, поняла Диана. В союзе с этими дьявольскими созданиями никто не может быть уверен ни в чьей преданности.

Если, конечно, он достаточно умен.

Диана подошла к столику и взяла корону — звено, связующее ее с королевским наследием, единственную вещь, которую Гринспэрроу сумел вернуть после поражения узурпаторов. Единственную вещь, которую Гринспэрроу отдал ей собственноручно, умоляя сохранить ее как воспоминание о несчастной семье.

— Я не думаю, что придется еще кого-то убивать, — заметил Такнапотин. — Безусловно, ты теперь ближе всех к трону, когда Парагора и Ресмора не стало.

— Да, но как насчет герцога Макленни из Эорн Фаста в Барандуине? — спросила Диана. — Он самый мудрый в этом мире, малыш. Уж так мудр... — Герцогиня тихо хихикнула, осознавая всю иронию этого заявления.

— Он что-то подозревает?

Диана пожала плечами.

— Он наблюдает за всем из своих диких земель, — сказала она. — Он далеко от места основных событий и со стороны может лучше судить о действующих лицах.

— Тогда он представляет для нас опасность, — решил демон.

Диана покачала головой.

— Это не так. — Она отвернулась от зеркала, держа в обеих руках изящную корону. — Не для нас.

Такнапотин окинул молодую женщину любопытным взглядом. Особое внимание он уделил рукам, сжимавшим корону.

Внезапно голос Дианы изменился, стал ниже на целую октаву. Герцогиня начала творить заклинание.

— Демона отзываю... — мелодично произносила она.

Глаза Такнапотина вспыхнули, тварь ощутила всю энергию заклинания, страшные слова, которые пронизывали болью любое адское создание до глубины его черного сердца.

— Что ты делаешь? — воскликнул демон, но он сам прекрасно знал ответ. Диана произносила слова изгнания, могучее заклинание, которое изгоняло Такнапотина из этого мира на сотню лет!

Она храбро продолжала распевать, хотя демон резким движением поднялся с кровати и его клыки блеснули. Заклинание было могущественным, но не всемогущим. Диана не могла быть стопроцентно уверена, что оно сработает, частично потому, что в глубине души, как и любой другой волшебник, изведавший подобное могущество, она не могла полностью желать избавления от союзника-демона. Однако женщина продолжала творить чары, и когда Такнапотин, борясь с заклинанием и дрожа, ухитрился шагнуть к ней, она высоко подняла корону, которая была ее наследством, даром Гринспэрроу, предметом, который, как она сейчас понимала, был ценен не только драгоценными камнями, украшавшими ее, или воспоминаниями. С понимающей улыбкой Диана резко сжала металл.

С шипением и треском из короны вырвался заряд черной энергии, изумив Диану и на секунду прервав ее заклинание. Но на Такнапотина случившееся произвело еще большее впечатление. Именно корона по-настоящему связывала демона с этим миром. Гринспэрроу, истинный мастер, наделил корону могуществом и вручил Диане отнюдь не из желания потешить ее.

— Ты не можешь этого сделать! — зарычал Такнапотин. — Ты сама себя лишаешь

могущества, ты лишаешься шанса взойти на трон!

— Убирайся в ад! — закричала Диана в ответ и вновь, воодушевленная зрелищем извивающейся в агонии твари, стала творить заклинание, проговаривая отчетливо каждый слог сквозь стиснутые зубы.

Вскоре от Такнапотина осталось только черное пятно на толстом ковре, покрывавшем пол комнаты. Диана бросила изуродованную корону и раздавила ее ногой. Это был символ ее глупости, узел, связывавший ее с королевством — ее королевством — и семьей, которую она невольно предала.

Хотя она совершила, возможно, самый трудный и мощный в смысле магии поступок за всю свою молодую жизнь, и хотя Такнапотин, демон, который давал ей большую часть могущества, покинул ее навсегда, Диана Велворт чувствовала себя до странности полной сил. Она подошла к зеркалу и взяла флакон, похожий на флакон с духами, но на самом деле содержащий должным образом замороженную жидкость. Молодая женщина щедро обрызгала этой жидкостью зеркало, вызывая своего самого близкого друга.

Зеркало затуманилось, и туман, казалось, проник внутрь стекла. Постепенно середина очистилась, оставив в туманной рамке отчетливое изображение.

— Дело сделано? — спросил красивый мужчина средних лет.

— Такнапотина больше нет, — подтвердила Диана.

— О Ресморе позаботится Бринд Амор, как мы и надеялись, — сказал мужчина, герцог Эшаннон Макленни Барандуинский.

— Жаль, что ты не здесь, — сказала Диана.

— Ну, я не так уж и далеко, — ответил Эшаннон, и это, в общем, было правдой. Герцог Барандуин жил в Эорн Фасте, городе, который находился непосредственно напротив Мэннингтона на другом берегу пролива Мэн. А их духовная связь делает их еще ближе, — напомнила себе Диана, и хотя она была сейчас больше напугана, чем когда-либо в своей жизни, исключая ту ужасную ночь двадцать лет назад, молодая женщина постаралась улыбнуться.

— Теперь наш путь определен, — решительно сказала Диана.

— А что Бринд Амор? — спросил Эшаннон.

— Он ищет какого-нибудь старого друга, — ответила Диана, которая слышала призыв волшебника. — Он невольно ответит на мой зов.

— Примите мои поздравления, принцесса Диана Велворт, — произнес Эшаннон с церемонным поклоном, и в голосе его слышалось искреннее уважение. — Спокойной вам ночи.

Затем они прервали связь, оба нуждались в отдыхе, ведь использование любой магии требует огромного количества энергии, а демонов-союзников у них больше не было. Диана действительно была польщена уважением, оказанным ей мужчиной, к тому же она чувствовала себя в неоплатном долгу перед ним. Именно Эшаннон раскрыл ей глаза. Он стал герцогом Барандуина и правителем крупнейшего клана на острове, еще когда отец Дианы был королем Эйвона, и именно он рассказал всю правду о заговоре.

Теперь Диана верила ему, верила каждому его слову. Эшаннон также рассказал молодой герцогине правду о короне: именно она являлась ключом к Такнапотину, связующим звеном в том нечестивом треугольнике, который включал в себя Гринспэрроу и давал королю возможность держать Диану под неусыпным наблюдением. Эта корона была тем звеном, которое позволило Гринспэрроу так легко вызвать демона той ночью в Айрон Кроссе. Эта корона как в силу заклинания, так и из-за тончайшего чувства вины, которое непрерывно поддерживалось в бедной Диане, была ключом, помогавшим Гринспэрроу держать ее запертой в границах его заклинания.

— Нет, — вслух напомнила сама себе Диана. — Корона была только одним из ключей.

Она решительно прошла через комнату и подобрала свое платье. Комната Селны располагалась всего через три двери от ее собственной, дальше по коридору.

В своих личных покоях в Эорн Фасте герцог Эшаннон Макленни, наблюдая, как затуманивается его зеркало, глубоко вздохнул.

— Назад теперь нет дороги, — произнес за его спиной голос, принадлежавший Шемусу Хею, его другу и доверенному лицу.

— Если бы я когда-либо думал о том, чтобы повернуть назад, то не рассказал бы Диане Велворт всю правду о Гринспэрроу, — спокойно ответил герцог.

— И все-таки страшно, — заметил Шемус.

Макленни не мог не согласиться с ним. Он, возможно, лучше всех других людей в мире понимал, сколь огромна мощь Гринспэрроу, как велика сеть его шпионов, как людей, так и дьявольских порождений. После мятежа в Эйвоне Эшаннон Макленни надеялся освободить Барандуин из-под восточного соседа, но Гринспэрроу положил этому конец раньше, чем что-то успело начаться, использовав собственного демона Эшаннона Макленни против него же. Только значительный ум и личное обаяние герцога позволили ему пережить эти события, и следующие десятилетия он провел, доказывая королю Эйвона свою ценность и преданность.

— Я все еще не понимаю, почему Гринспэрроу оставил девочку в живых, — пробормотал Шемус. — Мне представляется, что он должен был стереть всех Велвортов с лица земли.

— Она была нужна ему, — ответил Макленни. — Гринспэрроу не знал, как пойдут дела после мятежа, и если бы ему не удалось захватить трон, он мог посадить на него девочку. В таком случае, оставаясь в тени, он все равно являлся бы истинным правителем Эйвона.

— То есть в свое время он поступил достаточно умно, но, похоже, сейчас его уже трудно назвать мудрецом, — заметил Шемус со смешком.

— Хочется надеяться, что это так, — отозвался Макленни. — Гринспэрроу поскользнулся, мой друг. Он утратил часть своего искусства правителя, возможно, просто расслабился от скуки. События в Эриадоре являются достаточным тому доказательством, и, возможно, предвестником и нашей свободы.

— Опасный путь, — заметил Шемус.

— Гораздо более опасный для Дианы, чем для нас. И если она преуспеет в своих чаяниях, если она сумеет всего лишь нанести рану Гринспэрроу и отвлечь его внимание на достаточное время, тогда Барандуин наконец узнает вкус независимости.

— А если нет?

— Тогда нам хуже не станет, хотя я, безусловно, буду скорбеть о потере Дианы Велворт.

— Ты готов вот так запросто прервать отношения с ней и забыть о ее маленьком замысле?

Эшаннон Макленни кивнул, однако лицо его омрачилось при мысли о возможной неудаче.

Шемус Хей не стал допытываться дальше. Он полностью доверял суждениям Эшаннона — этот человек пережил мятеж Гринспэрроу в Эйвоне, в то время как все остальные дворяне, занимавшие крупные посты, погибли. И Шемус понимал, что Макленни, каковы бы ни были его личные чувства к Диане (а судя по всему, он отнюдь не остался равнодушным к чарам молодой красавицы), на первое место ставил интересы Барандуина. Он видел, как просветлело лицо Эшаннона, как вспыхнула в его глазах надежда, когда они впервые узнали от Дианы, что волшебник Бринд Амор из древнего братства жив и противостоит Гринспэрроу.

Да, Шемус понимал, что Макленни был одним из тех редкостных людей, которых больше заботит то, что они оставят после себя, а не то, чем они обладают сию минуту. А Макленни хотел оставить после себя свободный Барандуин.

— Да, мой дорогой де Жюльен, — рассеянно сказал Бринд Амор, откидываясь на спинку своего трона и подпирая подбородок ладонью. «Де Жюльен», — едва слышно повторил он. Вообще-то этого человека звали просто Жюль.

Его собеседник, разодетый в шелка и кружева и уделявший больше внимания своим наманикюренным ногтям, чем новому королю Эриадора, продолжал жаловаться.

— Они отпускают такие безвкусные замечания, — говорил он с ужасом. — На самом деле, если вы не можете заставить этих свиней вести себя цивилизованно, тогда, возможно, нам стоит установить вдоль стены широкую полосу — зону молчания.

Бринд Амор кивнул и выпрямился на троне. Спор был уже не новым, если иметь в виду период времени после образования нового эриадорского королевства. Гринспэрроу прислал к Мальпьюсантовой стене преторианскую гвардию, чтобы она охраняла границу со стороны Эйвона, и с первого же дня начались жестокие словесные распри между циклопами и эриадорской стражей, находившейся по северную сторону стены.

— Не цивилизованно, — небрежно повторил Бринд Амор. — Да-да, Жюльен, возможно, это удачное слово для нас, эриадорцев.

Щеголь, посол Эйвона в Кэр Макдональде, закинул голову и принял высокомерную позу.

— И если вы еще когда-либо назовете моих людей свиньями, — закончил Бринд Амор, — я докажу и подтвержу подобную точку зрения, прислав вашу голову обратно в Карлайл в почтовой посылке.

Раскрашенное лицо вытянулось, но Бринд Амор, увидев, что в тронный зал входят его друзья, вряд ли заметил это.

— Лютиен Бедвир и Оливер де Берроуз, — сказал король. — Позвольте представить вам нашего почтенного посла из Карлайла, барона Гая де Жюльена.

Друзья подошли ближе. Оливер поспешно направился к послу.

— Де Жюльен? — переспросил хафлинг. — Вы гасконец?

— С материнской стороны, — ответил щеголь.

Оливер подозрительно оглядывал его, не поверив ни одному слову. Среди эйвонских дворян было принято менять имена, чтобы они звучали больше по-гасконски, такое происхождение сейчас было самым модным. Для истинного гасконца, каким и являлся Оливер, такое подражание вовсе не казалось уместным.

— Понятно, — протянул Оливер. — Значит, ваш отец был насильником-циклопом.

— Оливер! — воскликнул Лютиен.

— Как вы смеете! — завопил де Жюльен.

— Истинный гасконец вызвал бы меня на дуэль, — заметил Оливер, положив руку на рапиру, но Лютиен схватил его за плечи, мягко оторвал от земли и оттащил в сторону.

— Я требую, чтобы этот коротышка был наказан, — обратился де Жюльен к Бринд Амору, который с трудом удерживался от смеха.

— Острием своей рапиры я напишу мое весьма длинное имя на твоей толстой эйвонской груди! — закричал Оливер.

— Он пострадал на войне, — прошептал Бринд Амор де Жюльену.

— Липовый гасконец! — вопил Оливер. — Если ты хочешь выглядеть воистину великим, почему бы тебе не упасть на колени и не притвориться хафлингом?

— Я бы сбил его с ног одним ударом, — заявил де Жюльен.

— Конечно, — ответил король. — Но будьте милосердны. Оливер лично убил около сотни циклопов в одном бою и, боюсь, все еще переживает это.

Де Жюльен кивнул, а затем, когда смысл последней фразы полностью дошел до него, стал еще бледнее, чем размазанные по его лицу белила.

— Тогда я пощажу его, — быстро сказал он.

— Я полагаю, что ваше дело завершено? — спросил Бринд Амор.

Эйвонский посол коротко поклонился, повернулся на каблуках и вылетел из комнаты.

— Жюль! — крикнул Оливер ему вслед. — Эй, Жюль!

— Ты действительно не мог без этого обойтись? — спросил Бринд Амор, когда Оливер и Лютиен подошли и снова остановились перед ним.

Оливер задумчиво склонил голову набок.

— Нет, — не сразу ответил он. — Но это было забавно. Кроме того, я сразу понял, что вы хотели, чтобы дурень убрался восвояси.

— Для этого его достаточно было просто отправить прочь, — сухо заметил Бринд Амор.

— Барон Гай де Жюльен, — фыркнул Лютиен, недоверчиво качая головой. Лютиен навиделся напыщенной эйвонской аристократии, и его не забавляли такие претенциозные дураки. В первую очередь он вспомнил женщину из Дун Варны, из-за которой он в свое время оказался на большой дороге, супругу еще одного барона-самозванца — она очень походила на де Жюльена, выглядела такой же раскрашенной и надушенной. Она называла себя Авонезой, хотя на самом деле мать дала ей имя Авон. Встреча с посланцем Эйвона вновь подтвердила, что Лютиен правильно поступил, уступив трон Бринд Амору. После войны легендарный герой, носивший имя Алая Тень, мог бы справедливо претендовать на трон, и многие призывали его сделать это. Но Лютиен уступил трон Бринд Амору для блага Эриадора и, как напомнили ему сейчас вид и запах де Жюльена, для блага самого Лютиена.

— Мне следовало ударить его по надутой груди, — вновь пробормотал Оливер.

— И к чему бы это привело? — спросил Бринд Амор. — Этот, по крайней мере, безвреден. Слишком глуп, чтобы шпионить.

— Возможно, это только видимость, — предупредил Лютиен.

— Я скармливал ему информацию с тех пор, как он прибыл, — объяснил Бринд Амор молодому человеку. — Или правильнее сказать, я скармливал ему дезинформацию. Де Жюльен уже сообщил Гринспэрроу, что почти весь наш флот вовлечен в войну с хьюготами и что более двадцати эриадорских галеонов потоплены.

— Дипломатия, — сказал Лютиен с видимым отвращением.

— Правительственная политика, тьфу! — поддержал его Оливер.

— Обратимся к другим делам, — сказал Бринд Амор, откашлявшись. — Вы молодцы, я вновь поздравляю вас и выражаю благодарность от имени всего Эриадора.

Лютиен и Оливер посмотрели друг на друга с любопытством, сразу не сообразив, что за перемена произошла с Бринд Амором. Затем их лица просветлели — друзья все поняли.

— Герцог Ресмор, — сказал Лютиен.

— Этот наш волшебник признал правду, — добавил Оливер.

— Полностью, — подтвердил Бринд Амор. Затем король дважды хлопнул в ладоши, и старик, одетый в коричневое, вышел из-за гобелена.

— Примите вновь мои приветствия, Лютиен Бедвир и Оливер де Берроуз, — сказал он.

— Примите и вы наши приветствия! — ответил молодой человек. Проктор Биллевин из Гайби! Одного присутствия этого человека было Лютиену достаточно, чтобы понять: договор с хьюготами подписан.

Бринд Амор встал с трона.

— Пойдемте, — поманил он остальных. — Я уже говорил с Этаном и Кэтрин, а затем отослал весть в Дорсальское море. Король Асмунд, должно быть, к этому времени уже прибыл в Чамберс, так что я открою проход, чтобы они с Этаном могли присоединиться к нам.

«И Кэтрин», — мысленно молил Лютиен, ведь он так соскучился по своей возлюбленной!

Это стало серьезным испытанием, почти подвигом для подозрительного короля Асмунда. Ему пришлось пройти сквозь магический туннель, который Бринд Амор создал между Собором Кэр Макдональда и отдаленным городом Чамберсом. Даже после того, как Кэтрин и брат Джеймесис прошли сквозь него, даже после того, как король хьюготов дал свое согласие, Этану пришлось практически тащить беднягу сквозь вихрь синих огней.

Проход был бодрящим и очень эффектным, каждый шаг в туннеле означал ровно милю

в реальном пространстве. Чамберс находился в добрых трехстах милях от Кэр Макдональда, но с помощью заколдованного прохода, сотворенного Бринд Амором, шесть человек (включая двух сильных стражников-хьюготов, старых знакомых, Реньера и Торина Рогара) вошли в Собор через считанные минуты.

— Я не одобряю вашу магию! — заявил Асмунд, отмахиваясь от всех приветствий еще до того, как они были произнесены.

— Время поджигает, — ответил Бринд Амор. — У нас срочное дело.

Реньер и Торин Рогар заворчали.

— Тогда почему вы сами не пришли по голубому мосту к нам? — подозрительно спросил Асмунд.

— Потому что эйвонский посол находится в Кэр Макдональде, — ответил Бринд Амор. — Так что центр событий здесь, вне зависимости от того, захотят хьюготы присоединиться к делу Эриадора или нет.

Лютиен посмотрел на старого волшебника с истинным удивлением — резкая речь Бринд Амора вряд ли была подходящим способом приветствовать хьюготов, особенно потому, что они предлагали союз, который шел вразрез с традициями обоих народов.

Однако Бринд Амор не собирался отступить ни в малейшей степени.

— Я устал, — заявил Асмунд. — Я хочу отдохнуть.

Бринд Амор кивнул.

— Проводи наших гостей в их покои в северо-восточном крыле, — сказал он Лютиену, делая жест в указанном направлении. Лютиен понял его совершенно правильно — покои де Жюльена находились в юго-восточном крыле, и старый король решил держать послов Эйвона и Асмунда как можно дальше друг от друга.

— Я провожу, — предложил Оливер, опережая Лютиена. Он повернулся и подмигнул юноше, затем прошептал:

— А ты проводи леди Кэтрин в ее покои.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — тихо спросил Лютиен.

Кэтрин отвернулась, пряча лицо от молодого человека.

— А что, разве есть необходимость спрашивать? — поинтересовалась она со смешком.

Лютиен не шутил. Он положил руку на плечо Кэтрин и нежно, но твердо повернул ее лицом к себе. Молодой человек не произнес ни слова, но, взглянув в его лицо, девушка моментально оборвала смех.

— Этан был со мной все время, — ответила она совершенно серьезно. — Он все еще твой брат, несмотря на все его заявления, и мой друг. Он помог бы мне, но, по правде говоря, мне не понадобились ни помощь, ни защита. На мой взгляд, какими бы неотесанными они ни были, хьюготы обладают чувством чести.

— Там, на Колонси, ты рассуждала по-другому — напомнил ей Лютиен, и девушка вынуждена была признать, что это правда. Когда их впервые захватили в плен, когда «Страттонский ткач» был пущен на дно, Кэтрин ни на секунду не усомнилась, что отныне ей суждено влачить жалкое существование бесправной рабыни у диких обитателей Айсенленда.

— Я совершенно не понимаю этих людей, — призналась девушка. — Но их поведение изменилось, как только Асмунд предложил заключить союз. Я провела много времени с Этаном и хьюготами в Чамберсе, много часов на их судне, и мне ни разу не угрожали, ни разу даже не попытались оскорбить, — ни в малейшей степени. Нет, мой любимый, хьюготы — яростные враги, но преданные друзья. Если союз будет заключен, им можно довериться.

Лютиен перекатился на спину и лежал неподвижно, глядя в потолок. Он всегда доверял суждениям Кэтрин, и потому душа его переполнилась радостным волнением.

Но его также одолевала и тревога, ведь предстоящая война окажется жестокой, гораздо более тяжелой, чем те битвы, которые вел Эриадор, чтобы завоевать независимость от Эйвона. Силы процветающих южных королевств значительно превосходили числом эриадорцев, даже заключивших союз с хьюготами. Несмотря на галеры Айсенленда и

захваченные эйвонские галеоны, эриадорский флот не будет владычествовать в морях.

Молодой человек тихо усмехнулся, осознав иронию своих нынешних страхов. Когда Принстаун пал, этой же весной, всего несколько коротких месяцев назад, Лютиен хотел идти с войсками дальше, на Карлайл. Бринд Амор предостерег его от столь опасного курса, напомнив своему юному другу о мощи Гринспэрроу.

— Успокой свое сердце, любимый, — сказала Кэтрин, поворачиваясь так, что ее лицо оказалось над лицом Лютиена, а шелковистые рыжие кудри каскадом упали на его обнаженную шею и плечи.

Лютиен прижал ее к себе и крепко поцеловал.

— Ты мое сердце, — сказал он.

— Как и Эриадор, — быстро добавила Кэтрин. — Свободный от Гринспэрроу и войны.

Лютиен потерся подбородком о ее плечо. Постепенно на лице девушки вновь возникла улыбка, а в его глазах цвета корицы разгорелся огонь.

— Ну, практически дело сделано, — заметил Лютиен, когда они с Бринд Амором встали из-за стола после длинного приватного разговора с Асмундом и Этаном.

— Твой брат выказывает гораздо большую мудрость, чем свойственно его тридцати годам, — заметил чародей. — Это он убедил Асмунда заключить союз с нами.

— Но именно Асмунд первым предложил заключить союз, — напомнил Лютиен.

— И с того времени Этан сделал все, чтобы превратить смутное желание Асмунда в реальность, — ответил Бринд Амор. — Он предан своему королю.

Это замечание укололо юного Бедвира, которому не хотелось думать о старшем брате как о хьюготе, что бы ни заявлял сам Этан. Юноша остановился в коридоре, пропуская Бринд Амора вперед на пару шагов.

— Обоим королям, — сказал он, и маг остановился и вопросительно взглянул на своего юного соратника.

Бринд Амор секунду обдумывал слова Лютиена, вспоминая участие Этана в обсуждениях, и, наконец, кивнул в знак согласия. Действительно, старший Бедвир сослужил Эриадору неплохую службу. Несколько раз он открыто выразил свое несогласие с Асмундом и даже пару раз сумел убедить хьюгота изменить свое мнение.

Кивок Бринд Амора заставил Лютиена шагнуть вперед. Он поравнялся со своим королем и даже перегнал старого мага, погруженного в свои мысли, по дороге в комнату военного совета, где их в тревоге поджидали Сиоба, Кэтрин, Оливер и Шаглин.

— Все будет закончено и подписано сегодня вечером, — сообщил им Бринд Амор.

Сидевшие вокруг овального стола, на котором была разложена карта Эйвонси, обменялись улыбками. Однако их радость несколько увяла, когда они взглянули на Оливера, — хафлинг решительно взгромоздился на табурет, явно готовясь произнести отнюдь не хвалебную речь.

— Что тебя огорчает? — прямо спросил Лютиен. — Союз с хьюготами дает нам хороший шанс.

— А вы знаете, сколько невинных людей — этих балбесов из Эйвона — уничтожат варвары-хьюготы? — спросил хафлинг, напоминая всем, каковы на самом деле их новые друзья. — И сколько уже сейчас приковано к веслам на их судах? И скольких бы они бросили в воду, когда взяли вас в плен, если бы тот, кого зовут Реньер, не оказался должником Лютиена?

Что ж, приходилось признать горькую правду. Похоже, они собирались лечь в постель с самим дьяволом.

— Мы не можем изменить образ жизни хьюготов, — наконец сказал Бринд Амор. — Помните, однако, что Гринспэрроу является более серьезной и близкой угрозой нашей независимости.

— Вы имеете в виду Эриадор в целом, — возразил Оливер, не собираясь отступать. — Но я бы не советовал торопиться с суждениями, если речь идет о следующем человеке,

который будет сброшен в воду, потому что жизнь в качестве раба на галере Асмунда высосала все его силы.

Кэтрин в гневе ударила кулаком по столу. Шаглин, который не имел опыта общения с хьюготами и считал рабов несчастными людьми, но слишком далекими, чтобы принимать их во внимание, во все глаза уставился на разгневанного хафлинга.

Однако Лютиен кивнул своему маленькому другу, немного удивленный гуманностью его взглядов. Оливер раньше никогда не колебался, если представлялась возможность избавить богатого купца от его кошелька, но именно Оливер, мысленно напомнил себе Лютиен, имел обыкновение покупать множество зимних плащей, а затем находить в них какие-то крошечные недостатки, чтобы тут же выбросить якобы негодную одежду на улицу, где ее проворно подбирали бездомные сироты.

Сиоба тоже не могла не признать правоту слов верного товарища. Она подошла к нему и поцеловала у всех на виду.

Оливер покраснел и покачнулся, чуть не свалившись с табурета. Однако, как обычно, хафлинг быстро восстановил самообладание.

— Хьюготы — не лучшие союзники с точки зрения морали, — согласилась Кэтрин. — Но мы можем положиться на то, что они будут честно соблюдать условия договора.

— Но стоит ли нам вообще связываться с ними? — спросила Сиоба.

— Да, — немедленно ответил Бринд Амор, и его тон не оставлял никакого места для споров. — Я тоже презираю многие обычаи хьюготов, и в первую очередь рабство. Возможно, через некоторое время мы сумеем как-то повлиять на них. Но в настоящий момент наша главная проблема — Гринспэрроу и его циклопы, которые — и с этим должен согласиться даже Оливер — гораздо хуже хьюготов.

Все посмотрели на хафлинга, и тот с важным видом кивнул, подтверждая слова Бринд Амора.

— Мы не можем победить Гринспэрроу без помощи хьюготов, — продолжал король Эриадора. Даже принимая во внимание помощь свирепых воинов с Айсенленда, Бринд Амор сомневался в исходе войны, но не высказывал эту мысль вслух. — Когда Эриадор будет действительно свободен, когда Гринспэрроу падет, тогда наша мощь и влияние увеличатся во много раз.

— Но мы воюем не за власть, а за свободу, — заметил Лютиен.

— Истинная свобода даст нам могущество и за пределами нашего государства, — объяснил Бринд Амор. — Но в качестве союзников мы сможем сильнее повлиять на Асмунда. Не в наших силах изменить обычаи хьюготов, разве что вступить с ними в войну, а я не думаю, чтобы кто-то из вас захотел бы пройти с боями по Айсенленду. — Чародей помедлил, наблюдая за присутствующими. Все до единого молча покачали головами, соглашаясь с его мнением.

— Я тоже предпочел бы хьюготам каких-нибудь других союзников, будь перед нами богатый выбор, — продолжал Бринд Амор. — Твоя родная Гасконь, Оливер, никогда не станет открыто помогать нам, хотя лорд де Жильбер пообещал в случае войны дать Эриадору кредиты на выгодных условиях.

— Полагаю, что такое же обещание он дал и Эйвону, — фыркнув, признал Оливер, и эта фраза разрядила всеобщее напряжение.

— Итак, мы пришли к соглашению, — подвел итог Бринд Амор, когда нервный смех замолк. — Асмунд — наш союзник?

Лютиен присоединил свой голос, лишь на секунду опередив Шаглина, затем подняла руку Кэтрин, следом Сиоба, и наконец, с тяжким драматическим вздохом, Оливер. Бринд Амор знал, что при обсуждении следовало учесть еще один голос, но решил разобраться с этой проблемой позже.

Чародей придвинулся к столу поближе и взял в руки указку.

— Этан очень помог нам, — заметил волшебник, который внезапно перестал казаться Лютиену слишком старым. — Он тоже понимает, что хьюготов надо держать как можно

дальше от суши.

— Мой брат теперь осознал правоту Эриадора, — вставил Лютиен.

— Следовательно, и Асмунд пока с этим согласился, корабли хьюготов в боевом строю отправятся восточнее эриадорского дорсальского флота, который обойдет Пять Стражей с востока, — Бринд Амор обвел указкой восточные берега острова.

— А как насчет Бангира, Леммингбери и Корбина? — спросила Кэтрин, имея в виду три прибрежных эйвонских города, четко обозначенных на подробной карте волшебника. — И как насчет Ивершорпа, на северной окраине Солтуоша? Если корабли должны плыть вокруг Пяти Стражей, то как мы должны вести войну со всеми восточными городами Эйвона?

— Никак, — без колебаний ответил Бринд Амор. — Эйвон — это Гринспэрроу. Эйвон — это Карлайл. Когда падет Карлайл, падет и все королевство! — он ткнул концом указки в ту точку, где реки-близнецы, обе носящие имя Страттон, сливались в юго-западной части южного государства.

— Пять Стражей далеки от Карлайла, — заметила Сиоба. — Круговой поход, и этот путь, безусловно, длиннее и опаснее, чем простое плавание вдоль побережья Эйвона.

— Но этот курс удержит хьюготов на воде, вдали от суши, — возразил Оливер.

— И вдобавок, — хитро прищурился Бринд Амор, — это уменьшит шансы на столкновение с эйвонским флотом.

— А я думал, что мы хотим с ним встретиться, — с озадаченным видом заметил Шаглин.

Бринд Амор покачал головой и взмахнул свободной рукой, ведя указку вдоль широкого пролива между Пятью Стражами и восточным побережьем Эйвонси.

— Если мы сразимся с флотом Гринспэрроу здесь, — объяснил он, — и они победят, у них все еще останется достаточно времени проделать весь путь на юг и столкнуться с нашим вторым флотом прежде, чем он войдет в реку Страттон.

Все остальные тоже придвинулись поближе к столу, стараясь не упустить ни слова из речи волшебника, который, похоже, тщательно продумал план предстоящей кампании.

— Кроме того, — объяснял король, — следует пока что держать наш союз с варварами в секрете от Гринспэрроу. Уж конечно, присутствие кораблей хьюготов так близко заставит его понервничать. А нервные полководцы обычно совершают ошибки!

Бринд Амор сделал паузу, видя, как слушатели согласно кивают; это явно ободрило короля. Было ясно, что волшебник одновременно и старался заразить всех азартом, и просил о поддержке.

— Атака пойдет в четырех направлениях, — объяснял он. — Половина нашего флота и хьюготы поплывут вокруг Пяти Стражей, огибая внешние острова, а затем свернут на запад к устью Страттона. Второй флот, который будет уже на пути к Порт-Чарлею от Даймондгейта, пойдет на юг, через пролив Мэн, и зайдет в Страттон с востока.

Вот тут Лютиен и Кэтрин обменялись нервными взглядами. Оба понимали опасность этого второго маршрута, ведь флот мог угодить в ловушку, оказавшись в узком проливе между двумя крепостями — Мэннингтоном и Эорн Фастом.

— Самый большой сухопутный отряд, — продолжал Бринд Амор, взмахнув указкой, — ударит от Мальпьюсантовой стены, возьмет Принстаун, затем двинется по открытым фермерским землям между Девервудом и южными отрогами Айрон Кросса — это прямой путь до Карлайла.

— А не могут они задержаться у Принстауна? — спросил Оливер.

— Судя по последним донесениям, город оставлен практически без защиты, — уверенно сказал Бринд Амор. — Ни герцога-волшебника, ни гарнизона не заменили.

— А четвертое направление? — нетерпеливо спросил Лютиен, догадываясь, что этот последний и, вероятно, самый важный рывок произойдет под его, Лютиена, руководством.

— Прямо на юг от Кэр Макдональда, — ответил Бринд Амор. — Нужно будет соединиться с гномами короля Беллика и ударить с гор.

Лютиен рассматривал линию на карте. Айрон Кросс сам по себе являлся нелегким отрезком пути, даже если дорогу будет прокладывать армия гномов, но что еще хуже, всем известно, что основная часть циклопов — союзников Гринспэрроу, включая прекрасно обученную и экипированную преторианскую гвардию, расположилась лагерем как раз где-то в этих местах. Даже если удастся преодолеть все препятствия, то, спустившись с гор, армия Эриадора все равно окажется в нелегком положении. Часть Эйвона, размещавшаяся между проливом Мэн и южными и западными отрогами Айрон Кросса, была самым населенным и укрепленным районом во всем Эйвонси. Города и селения теснились на берегах всех трех рек, стекавших с гор и впадавших в озеро Спейтенфергюс, и среди них красовался могучий Уорчестер, второй по величине город Эйвона, окруженный такими же высокими стенами, как и сам Карлайл! Наконец, смирившись со своей участью, Лютиен взглянул на Кэтрин, пожал плечами и выдавил улыбку.

Женщина только покачала головой. Теперь, когда их взору открылся истинный масштаб всего предприятия, оно внезапно показалось отчаянным и даже почти безнадежным.

16 ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Все снова собрались в комнате военного совета в этот же день позднее, причем в этот раз к ним присоединились еще и проктор Биллевин и брат Джеймесис. Оба человека из Гайби возбужденно говорили о перспективах войны с Эйвоном, однако у обоих, особенно у проктора Биллевина, как казалось Лютиену, имелись какие-то серьезные соображения и оговорки. Младший Бедвир не знал, что рассказал им Бринд Амор о предыдущих совещаниях, но мог догадаться, что именно их беспокоит.

Все глаза обратились на дверь. Вошел Бринд Амор — с замкнутым и отрешенным выражением лица.

— Это наше последнее совещание, — сказал он, и в голосе его прозвучала непоколебимая уверенность. — Следующее состоится, когда мы вновь соединимся у ворот Карлайла.

Над столом прокатился рокот одобрения. Лютиен взглянул на людей из Гайби — улыбка проктора Биллевина показывала, что он немало заинтригован.

— Я скоро приглашу послов из Гаскони и Эйвона, — объяснил Бринд Амор. — О наших намерениях следует объявить открыто.

— Не следует объявлять войну, пока наши армии не будут готовы к маршу, — вскользь заметил Биллевин.

— Но они уже готовы, — настаивал Бринд Амор. — Даже войско из Гайби.

Выражение лица Биллевина стало суровым.

— Нам с вами еще многое надо обсудить, — спокойно заметил он.

— Ну, не так уж и много, — ответил Бринд Амор. — При всем моем уважении к вашей позиции и при том, что я отчетливо осознаю, как отчаянно необходимо нам ваше влиятельное сотрудничество, я не могу отказаться от того, что уже сделано.

— Вы подписали договор с Асмундом? — резко спросил Биллевин.

«Вот в чем дело, — подумал Лютиен. — Люди из Гайби, которые совсем недавно претерпели осаду хьюготов, вовсе не пришли в восторг от перспективы заключить союз с королем Асмундом».

Бринд Амор отрицательно покачал головой, и его пышная белая борода качнулась из стороны в сторону.

— Разумеется, нет, — ответил он. — Моя подпись появится на этом документе только после подписи проктора Биллевина.

— Вы хотите сказать... — начал проктор.

— Что вы, безусловно, выберете то, что принесет наибольшую пользу Эриадору, — перебил его Бринд Амор. Биллевин откинулся на спинку стула, не зная, как реагировать на

это неожиданное заявление.

Бринд Амор повернулся, свистнул, и дверь немедленно отворилась. В зал вошла высокая женщина, в красоте которой было что-то неприятное, с черными как смоль волосами, черными глазами и уверенной походкой истинной воительницы.

— Кэйрин Калтуэйн, вождь всадников Эрадоха, — сообщил Бринд Амор, хотя она не нуждалась в представлении. Она была хорошо известна всем присутствующим, и особенно двоим мужчинам из Гайби.

— Мои приветствия, — произнес Биллевин, поднимаясь, чтобы поздороваться с воительницей, близким союзником народа залива Колтуин. Биллевин встречался с Кэйрин множество раз в Меннихен Ди на больших ярмарках и карнавалах, и они питали друг к другу чувство дружбы и уважения.

— Кэйрин Калтуэйн, — опять произнес Бринд Амор. — Герцогиня Эрадоха.

Титул заставил всех на минуту изумленно затихнуть.

— Герцогиня? — наконец недоверчиво повторила Кэтрин.

— Пришло время определить линию наследования в нашем королевстве, — объяснил Бринд Амор. — Разве вы не согласны со мной, герцог Биллевин, являющийся вторым на пути к трону Эриадора?

Биллевин ошеломленно рухнул в свое кресло. Брат Джеймесис, улыбаясь от уха до уха, утешающе положил руку на его плечо. Лица всех остальных, сидевших за овальным столом, приобрели самые разные выражения — от восторженных до смущенных.

— Вполне логичный выбор, вы не находите? — обратился ко всем Бринд Амор. — Кто в стране более опытен в государственных делах, чем наш дорогой проктор Биллевин из Гайби?

— Лесть, чтобы скрепить необходимый союз? — хитро прищурился Биллевин.

— Не лесть, а заслуженное уважение, — уверил его Бринд Амор. — Хотя я признаю, что этот союз нам действительно необходим.

— Никто в этом зале, никто во всем Эриадоре не стал бы оспаривать этот выбор, — поддержал Лютиен, и его слова сыграли, пожалуй, самую важную роль. Ведь их произнес именно этот человек, Алая Тень, возможно единственный в Эриадоре, который имел больше прав, чем Биллевин, унаследовать трон. Лютиен понимал значение происходящего не хуже Бринд Амора, поскольку большая часть северного Эриадора рассматривала Гайби как духовный центр королевства.

— Я требую, чтобы хьюготы находились под неусыпным надзором, — наконец сказал проктор. — Я не допущу, чтобы они убивали и обращали в рабство невинных людей, будь то жители Эриадора или Эйвона!

— Именно это мы имели в виду, разрабатывая наши планы, — заверил его Бринд Амор, прекрасно понимавший, что Гайби навсегда останется оплотом морали в государстве. — Хьюготы будут находиться вдали от суши так долго, насколько это будет возможно, а если им все же придется выйти на берег, их будут сопровождать войска Эриадора, по меньшей мере равные им по силе.

Некоторое время Биллевин обдумывал услышанное.

— Мы встретимся с Асмундом по окончании нашего разговора, — наконец согласился он. — Однако мои люди не поплывут бок о бок с хьюготами!

Бринд Амор кивнул, соглашаясь.

— Я надеюсь, что ополчение Гайби отправится вместе с всадниками Эрадоха в наступление от Мальпьюсантовой стены, — объяснил Бринд Амор. — Если их поведут Биллевин и Кэйрин Калтуэйн, марш на Карлайл пройдет гладко.

Биллевин кивнул в знак одобрения, и Бринд Амор вместе с Лютиеном облегченно вздохнули, осознав, что им только что удалось преодолеть главное препятствие к началу войны, которая должна навсегда освободить многие народы от зловещего владычества Гринспэрроу. Без поддержки Гайби вряд ли можно было рассчитывать и на поддержку Эрадоха. Теперь, когда проктор Биллевин и Кэйрин Калтуэйн полностью выразили свое

согласие, независимый и гордый народ северо-восточного Эриадора примет активное участие в военной кампании.

— Этан будет моим связующим звеном с хьюготами, — объяснил Бринд Амор. — И с восточным эриадорским флотом.

— Я думаю, что вы слишком рассчитываете на человека, который дал клятву верности королю Асмунду, — вмешался Оливер. Бринд Амор, однако, не стал спорить.

— Он Бедвир, — ответил король Эриадора так, будто одного этого слова было вполне достаточно.

— Я отправлюсь с хьюготами, — неожиданно вызвался брат Джеймесис. — Я хорошо знаю их обычаи, — объяснил он, видя сомнение на лицах людей. — И знаком с их понятиями чести.

Бринд Амор взглянул на Биллевина, тот утвердительно кивнул.

— Ну что ж, очень хорошо, — согласился король. — Таким образом, состав двух восточных армий определился. — Он сделал паузу и обратил свой взор на Кэтрин. Женщина понимала, чего он попросит от нее. В предыдущую войну Кэтрин была его представителем в Порт-Чарлее. Кэтрин лучше всех присутствующих знала моряков западного Эриадора, ведь она и сама вела свой род от столь же гордых и суровых тружеников моря.

— Я прямо сегодня выеду в Порт-Чарлей, — согласилась она, стараясь не смотреть на удрученное лицо своего возлюбленного.

— Я доставлю тебя туда быстрее любой лошади, — улыбнулся ей Бринд Амор.

— Я поеду с ней, — заявил Лютиен, и его слова отнюдь не удивили Бринд Амора. Чародей улыбнулся и постарался скрыть усмешку.

— Ты отправишься на юг, — ответил ему король. — Ты пойдешь со мной, Шаглином и его гномами, с Сиобой и ее эльфами, с ополчением Кэр Макдональда. Преторианская гвардия поджидает нас, мой молодой друг, и у них, безусловно, испортится настроение, когда они узнают, что Алая Тень, человек, победивший легендарного Белсена Крига, сражается против них.

Лютиен не мог ни опровергнуть логику этого высказывания, ни отвергнуть зов своей страны.

— Тогда Оливер отправится с Кэтрин, — решил он, и это было не лишено смысла, потому что хафлинг сопровождал Кэтрин во время ее первого путешествия в Порт-Чарлей.

Оливер попытался протестовать, но Сиоба, сидевшая рядом с ним, стукнула его по лодыжке. Хафлинг внимательно посмотрел в глаза прекрасной воительницы и умолк, понимая, что в ее сердце первое место занимает Эриадор, а лишь на втором находится он.

— Я ненавижу корабли. — Это была единственная жалоба, которую присутствующие слышали от бедняги. Его синие глаза, полные тоски, не отрывались от прекрасной Сиобы.

— Значит, решено, — сказал Бринд Амор. — Теперь давайте обсудим встречу с послами, она предстоит нам очень скоро. Каждому из нас придется сыграть в ней определенную роль.

Фелиз Реймарис де Жильберт оказался высоким и изящным человеком с мягкими серыми глазами и темными волосами, очень аккуратно причесанным, с гладко выбритым невозмутимым лицом. Его осанку можно было назвать безупречной, этот человек выглядел подтянутым и собранным, но отнюдь не чопорным. Модная и дорогая одежда не делала его фатом. И в отличие от многих гасконских (и эйвонских) лордов, от него не разило духами за целую милю. Его руки, хотя и со свежим маникюром, не выглядели руками богатого бездельника.

Гасконские лорды выбрали Фелиза в качестве своего представителя перед несговорчивыми эриадорцами именно по этим причинам. Гасконец обладал внешностью лорда и здравым смыслом трудящегося человека — сочетание редкостное, но как нельзя более подходящее ко двору Бринд Амора.

Сейчас он стоял рядом с напыщенным Гаем де Жюльеном в аудиенц-зале Бринд Амора,

напряженно вглядываясь в угрюмого короля Эриадора. Впрочем, взгляд де Жюльена был скорее обращен на приближенных короля, державшихся позади трона. Особенно пристально он разглядывал пышно разодетого хафлинга, который стоял рядом с прекрасной полуэльфийкой по имени Сиоба. Оливер тоже поглядывал на щеголеватого эйвонца, время от времени подмигивая ему и посылая воздушные поцелуи.

Эта сцена казалась странной двум послам, но Фелиз был достаточно светским человеком, чтобы понимать: происходит нечто важное. Бринд Амор, как обычно, сидел на троне, но рядом с ним было поставлено большое кресло. Оно пока пустовало, и Фелиз, встревоженный и томимый подозрениями, надеялся, что Бринд Амор собирается объявить о своем предстоящем бракосочетании или о чем-нибудь в этом роде, столь же безобидном.

Но, глядя на приближенных короля, выстроившихся по-военному за двумя креслами, он понимал, что дело не в этом. Замыкая ряд, слева от Бринд Амора стоял коренастый гном с косматой иссиня-черной бородой — гном, которого звали Шаглин. Рядом с гномом посол увидел проктора Биллевина из Гайби, а это была весьма значительная фигура в Эриадоре, а возле проктора стояла грозного вида черноволосая женщина, явно воительница. За левым плечом короля посол заметил Кэтрин О'Хейл, страстную женщину, которую Фелиз был бы не прочь узнать поближе. Но, поглядев направо от Бринд Амора, посол напомнил себе, что его мечты тщетны, потому что там стоял Лютиен Бедвир, знаменитая Алая Тень, победитель герцога Моркнея и герой последней войны.

А также возлюбленный Кэтрин.

Рядом с Лютиеном стоял Оливер де Берроуз, соотечественник-гасконец, самый любопытный из всех соотечественников. Фелизу нравился Оливер, в основном потому, что он дразнил де Жюльена, которого Фелиз изрядно недолюбливал. Замыкала ряд справа от Бринд Амора полуэльфийка Сиоба, бывшая рабыня, вождь легендарных каттеров — банды эльфов, которые долгие годы словно заноза торчали в боках незаконных правителей Эриадора. Фелиз еще раз внимательно оглядел всех, пытаясь разгадать их намерения. Именно присутствие Кэйрин Калтуэйн, единственной, кого он не знал, наконец подсказало ему решение. Фелиз понял, что речь пойдет вовсе не о представлении будущей королевы Эриадора, потому что перед ним стояли военачальники армии Бринд Амора!

— Я очень благодарен за то, что вы явились сюда столь спешно, — небрежно сказал Бринд Амор.

— Мы ждем высокого гостя? — спросил его де Жюльен, кивая на пустое кресло.

— Короля, нашего союзника, — ответил Бринд Амор.

— Хьюгота? — с надеждой спросил Фелиз, поскольку новость об окончании войны на восточных берегах пришла бы весьма кстати для Гаскони.

От Бринд Амора не укрылось его волнение, он также заметил, что де Жюльен отнюдь не выглядит довольным.

Король Эриадора покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Не хьюгота.

Затем, не желая больше продлевать тревогу ожидания, чародей подал знак одному из стражников, стоявшему перед боковым входом. Тот распахнул дверь, и гном с бородой апельсинового цвета, одетый в пышный пурпурный плащ, ниспадавший поверх блестящей серебряной кольчуги, решительными шагами вошел в комнату.

Оба посла опустились на одно колено, и гном с апельсиновой бородой величественно прошествовал в зал и занял свое кресло рядом с Бринд Амором.

— Я полагаю, вы оба знакомы с королем Белликом дан Бурсо из Дун Дарроу? — спросил Бринд Амор и постарался спрятать улыбку, увидев, как скривились уголки рта Гая де Жюльена.

— Я весьма польщен, добрый король Беллик, — искренне сказал Фелиз.

— Мой друг Бринд Амор хорошо отзывался о вас, — ответил Беллик, и оба посла оценили всю важность того факта, что Беллик не назвал правителя Эриадора королем Бринд Амором.

— Для меня это большая честь, — сказал де Жюльен. Беллик презрительно фыркнул и взглянул на Бринд Амора.

— Я собрал вас здесь, чтобы сообщить о заключении мирного договора, — объяснил Бринд Амор, затем взглянул на своего друга-гнома. — Больше чем мирного договора, — поправился он. — Знайте же, что отныне королевства Эриадор и Дун Дарроу составляют одно целое.

Фелиз дипломатично улыбнулся, хотя и понял, что положение в Эйвонси вскоре может измениться к худшему. Де Жюльен, однако, откровенно вытаращил глаза, явно не обрадованный перспективой сообщить такую неприятную новость своему безжалостному королю!

— Под флагом Эриадора? — спросил Фелиз.

Бринд Амор взглянул на Беллика, и оба пожали плечами.

— Возможно, у нас будет новый флаг, — усмехнувшись, заметил Бринд Амор, потому что они еще не думали о таких незначительных деталях.

— Но вы, ваше величество, будете выступать и от лица Дун Дарроу в торговых сделках Эриадора с Гасконью? — настаивал Фелиз, думая, что это может принести выгоду его меркантильному государству.

— В разумных пределах, — ответил Бринд Амор.

Гай де Жюльен уже с трудом сдерживался, его нервно заколотившееся сердце подсказывало ему, что здесь кроется нечто большее.

Бринд Амор заметил тревогу посла и продолжал, искренне наслаждаясь спектаклем.

— Все товары, которыми будут обмениваться Гасконь и Дун Дарроу, пойдут через Порт-Чарлей, — объяснил он. — Затем в Кэр Макдональд, а оттуда будут доставляться в поселения гномов в Айрон Кроссе.

Гай де Жюльен заметно содрогнулся.

— А что на востоке? — нажимал Фелиз. — Когда Чамберс будет открыт для торговли с Гасконью?

— Сражения на востоке закончены, — объявил Бринд Амор, и ему показалось, что де Жюльен с трудом переводит дыхание. Король Эриадора получал от этого истинное удовольствие! — Люди Айсенленда не станут выступать против эриадорского флота.

— Украденного флота! — выпалил де Жюльен, прежде чем успел сдержаться.

Бринд Амор пожал плечами и усмехнулся, не собираясь обсуждать это.

— Каким бы путем он нам ни достался, этот флот теперь ходит под эриадорским флагом, и воинственные хьюготы не станут сражаться с нашими кораблями, потому что у них нет никакого желания оказывать помощь Гринспэрроу, врагу Эриадора.

Эти слова вызвали волнение всех собравшихся, в строю приближенных эриадорского короля возник шепот, который дошел даже до стражников, стоявших у трех входов в зал. Все эти волны, казалось, тяжело опустились на плечи щеголеватого дипломата из Эйвона.

Барон Гай де Жюльен с превеликим трудом овладел собой, постарался выровнять дыхание. Не означало ли происходящее, что Бринд Амор только что объявил войну его государству?

— Конечно, раз уж мы собрались здесь по такому славному поводу, незачем обмениваться оскорблениями, — сказал Фелиз, пытаясь смягчить обстановку. Новость о союзе между Кэр Макдональдом и Дун Дарроу была превосходной, известие о прекращении военных действий с хьюготами — еще лучше, и Фелиз не хотел, чтобы постоянная вражда между Эриадором и Эйвоном испортила такое замечательное положение. С точки зрения финансовых интересов Гаскони, этим двум государствам следовало как можно скорее заключить мир.

— Оскорблениями? — заикаясь произнес де Жюльен. — Или угрозами?

— Ни тем, ни другим, — резко ответил Бринд Амор, вставая со своего места и нависая над щеголем. Фелиз попытался вмешаться, но могучий волшебник просто отмахнулся от него. — Так вот, знайте, что не будет мира между Эриадором и Эйвоном, пока на троне

сидит Гринспэрроу, — объявил Бринд Амор, и более открытого провозглашения войны невозможно было представить.

— Как вы смеете? — задыхаясь спросил де Жюльен.

— Мой добрый король Бринд Амор, — попытался урезонить его шокированный посол Гаскони.

Бринд Амор, видимо, расслабился, но не сел снова, и его нахмуренное лицо не разгладилось.

— Мы просили мира, — объяснил он. — В надеждах на лучшее некоторое время назад в этом же году мы подписали в Принстауне документ, обязывающий обе стороны хранить мир, — от лица короля эйвонского Гринспэрроу документ подписала герцогиня Диана Велворт.

— Обязывающий хранить мир! — громко повторил де Жюльен, обвиняюще подняв палец и, казалось, готовый рвануться вперед.

Оливер послал ему воздушный поцелуй, эта мелочь на мгновение отвлекла внимание посла, чем немедленно воспользовался Бринд Амор.

— Договор разорван! — взревел король Эриадора, сделал шаг вперед, и ошеломленный Жюльен отступил, споткнулся и чуть не упал. Бринд Амор остановился, но его слова пронесли по залу подобно могучему урагану. — Договор разорван, нарушен циклопами, которые служат вашему вероломному королю! Договор разорван из-за невинных эриадорцев, погибших в деревушках у подножия Айрон Кросса!

— Разорван! — бушевал Бринд Амор, делая жест в сторону гнома с суровым лицом, спокойно сидевшего на втором троне. — Из-за крови, пролитой гномами Дун Дарроу!

— Не будьте дураком! — взмолился де Жюльен. — Нам надо еще сражаться с хьюготами и многими другими...

Бринд Амор взмахнул рукой, и напуганный посол умолк.

— Мы, эриадорцы, столкнулись ныне с более опасным врагом.

Затем, решив продемонстрировать свой главный козырь, Бринд Амор снова подал знак двум стражникам, стоявшим у бокового входа в зал.

Дверь вновь отворилась, и два эльфа втащили жалкого Ресмора.

Фелиз задумчиво отступил назад, теребя свою модную бородку.

— Теперь ты знаешь своих врагов, глупая пешка в руках Гринспэрроу, — сказал Бринд Амор де Жюльену. — Возвращайся к своему королю. Война стоит у тебя на пороге!

Эйвонский посол в ужасе выбежал из зала, но Фелиз остался, действительно очень заинтригованный.

— Это друг Гринспэрроу? — спросил он, указывая на Ресмора, который скорчился на полу, почти теряя сознание от страха.

— Это герцог Ньюкасла, — ответил Бринд Амор. — Которого Гринспэрроу послал в горы, чтобы побудить циклопов начать войну против Эриадора и Дун Дарроу. Я передам вам полное признание герцога Ресмора, чтобы вы показали его вашим лордам.

Посол кивнул. У него не было никакого желания втягивать Гасконь в войну, но Бринд Амор и не просил этого, да и не ожидал от посла такого обещания. Королю Эриадора нужно было только, чтобы Гасконь поддерживала его морально или хотя бы сохраняла нейтралитет.

— Я сейчас же pošлю своих гонцов, — сказал Фелиз, поклонился и повернулся к выходу, но прежде взглянул на Бринд Амора и кивнул. Ничего другого королю Эриадора не требовалось. Посол вышел из зала, поспешно обдумывая открывшиеся возможности. Для Гаскони такое положение дел вполне могло оказаться прибыльным. Каков бы ни был исход войны, обеим сторонам скоро понадобятся тонны всяческих припасов.

А в аудиенц-зале Бринд Амор махнул стражнику, стоявшему у дверей в противоположном конце, и когда тот отпер ее, она с треском распахнулась и в зал ворвались король Асмунд и Этан.

— Вы не представили еще одного своего союзника, — объяснил Этан. — Мой король считает, что им пренебрегают.

— Я не мог открыть секрет самого мощного своего оружия, — ответил Бринд Амор, жестом приглашая Асмунда занять трон рядом с Белликом — собственный трон Бринд Амора.

Гордый хьюгот выпятил грудь и занял почетное место, вполне удовлетворенный и оказанной честью, и определением своих воинов как «самого мощного оружия» Бринд Амора.

17 ПЕРВЫЕ ШАГИ

— Я удержу Асмунда и моих людей от лишнего кровопролития, — негромко уверил Этан Лютиена. Они стояли вдвоем у стены маленькой пустой комнаты. В нескольких футах от них Бринд Амор творил магию, открывая туннель в камне на много миль вперед, чтобы быстро добраться до Чамберса. Король Асмунд, проктор Биллевин и брат Джеймесис стояли рядом со старым волшебником, причем мужчины из Гайби терпеливо ждали, тогда как король хьюготов явно нервничал.

Этан взглянул на Асмунда и с трудом подавил улыбку. Ему пришлось долго убеждать своего повелителя отправиться через туннель в Кэр Макдональд. А теперь, хотя Асмунд отчаянно рвался попасть назад к Дорсальскому морю и своему флоту, казалось, придется снова выдержать сражение с ним.

Лютиен слишком внимательно вглядывался в лицо брата, чтобы обращать внимание на зрелище, вызвавшее улыбку на лице Этана. Младшего Бедвира очень радовало то, что старший вновь возвращается в их семью. Добровольное обещание Этана сдерживать кровожадность хьюготов во время войны показывало, что этот человек глубоко озабочен судьбой Эриадора. Но насколько глубоко? Лютиен спрашивал себя об этом, но не находил ответа. Этан говорил о хьюготах «мои люди», и Лютиен понимал, что пока не может позволить себе оспаривать это заявление.

Они подошли к остальным в тот момент, когда Бринд Амор, явно измотанный частым использованием магии в последние дни, завершил сотворение туннеля. Это был уже второй магический туннель, который старый волшебник создал сегодня, поскольку раньше он таким же образом перенес Кэйрин Калтуэйн обратно в Эрадох, где ей предстояло собирать свое войско.

— А мои люди присоединятся ко мне в Чамберсе, — объяснил проктор Биллевин.

— Они уже плывут из Гайби, — добавил Джеймесис. — И их сопровождают тридцать галеонов дорсальского флота.

— Наши рыбацкие суда останутся там, в доках, — продолжал проктор. — Расстояние не так уж велико — придется пройти маршем из Чамберса до Мальпьюсантовой стены, где мои люди из Гайби соединятся с войсками Дун Карита и Глен Олбин, а также с Кэйрин и ее воинственными всадниками.

— Тогда отправляйтесь, — сказал Бринд Амор. — Капитан Лиари возглавляет эриадорский флот и ждет вашего возвращения.

Проктор Биллевин и брат Джеймесис коротко поклонились, попрощались, обещая победу, и без колебаний вошли в туннель.

— Один из боевых кораблей ждет вас в доке Чамберса, — сказал Бринд Амор королю хьюготов, нервно переступавшему с ноги на ногу.

— Я надеюсь, он дождется, пока я дойду туда? — спросил Асмунд, выдавив смешок. Реньер последовал за ним, от души смеясь, но другой телохранитель короля хьюготов задержался.

— Лютиен Бедвир, — позвал Торин Рогар, подходя к Лютиену и Этану. — Мы так и не имели возможности поговорить о моем брате, который был твоим другом.

— Мы еще встретимся, — пообещал Лютиен.

— На праздновании победы, — решительно сказал Торин. Он хлопнул Лютиена по

плечу, затем кивнул Этану и направился к своему королю. Два отважных воина плечом к плечу шагнули в вихрящийся голубой туман, прокладывая дорогу для Асмунда.

— Я буду ждать нашей встречи, когда война кончится, король Бринд Амор, — сказал Асмунд. — У нас есть чему поучиться друг у друга.

Бринд Амор твердо и искренне пожал руку огромного мужчины. Лютиен и Этан при этих обнадеживающих словах обменялись взглядами.

— Не мешкай, — приказал Асмунд Этану, и, глубоко вздохнув, чтобы успокоить нервы, король хьюготов вошел в магический туннель.

— Свобода Эриадора, — торжественно произнес Лютиен, когда они с Этаном подошли ко входу в туннель.

Старший повернулся к нему сперва с любопытством, но затем выражение его лица изменилось, оно отразило настоящее волнение.

— Свобода Эриадора, — откликнулся Этан и добавил: — Брат мой.

Они крепко обнялись, и в этот короткий миг Лютиен ощутил, что Этан так же близок ему, как в те годы, когда они оба жили в Дун Варне. В это мгновение юноша понял, что Этан может провозглашать себя кем угодно, но истина состоит в том, что он и Лютиен одной крови, что они действительно братья.

— До встречи, — коротко произнес Этан.

— У ворот Карлайла! — закончил Лютиен, глядя, как брат исчезает из виду в вихре голубого тумана.

— Жаль, что вас не больше! — негромко усмехнулся Бринд Амор. Лютиен с любопытством взглянул на него, не понимая, что он имеет в виду.

— Твой отец произвел на свет двух прекрасных сыновей, — объяснил старый волшебник. — Жаль, что не больше. — Бринд Амор прошел мимо Люти-ена, попутно хлопнув его по плечу, утешая, затем вышел из комнаты — ему необходимо было отдохнуть.

Юноша еще долго стоял, глядя, как тает сотворенный волшебником туннель. Ему уже не доставало Этана! С тех пор как они с Оливером ввалились в уединенную пещеру Бринд Амора в горах, молодого человека захватил вихрь событий столь стремительных, что ему не часто удавалось выкроить минутку даже для того, чтобы вспомнить о пропавшем брате. Они с друзьями начали мятеж против герцога Моркнея, и мятеж быстро перерос в открытое восстание против Эйвона. Этан, как он думал, находился далеко, в королевстве Дюрей, где дрался с наемниками Гринспэрроу в рядах армии Гаскони.

Только когда Лютиен наконец вернулся в Дун Варну и обнаружил Гахриза на смертном одре, у него нашлось время обратиться мыслями к прошлому, к своему потерянному брату и искупившему свои ошибки отцу.

Затем Этан вновь возник в жизни Лютиена. Чувства юноши бурлили и перемешивались, как туман в магическом туннеле, двигаясь не менее быстрыми скачками, но было совершенно непонятно, к чему они придут в конце. Возможно, Этан вернется, но Гахриза уже не вернуть. Это было совершенно ясно.

Отец Лютиена мертв.

Младший Бедвир закусил губу, стараясь сдержать слезы. Он напомнил себе, что Эриадор нуждается в нем. Он — Алая Тень, герой прошлой войны, и ему предстояло стать полководцем в нынешней. Он не мог позволить себе стоять, уткнувшись лицом в стену в пустой комнате, и оплакивать прошлое. Он не мог...

Но делал это.

— Я доставлю вам голову Бринд Амора, — пообещала женщина.

Король Гринспэрроу удобно прислонился к спинке своего обитого бархатом трона, перекинув обе ноги через подлокотник и пристально изучая ногти на своей холеной руке. Однако его поза не развеяла подозрений Дианы — король, несомненно, пребывал в сильном возбуждении. Он вызвал ее через магическое зеркало, и герцогиня сперва решила не откликаться на его зов. Однако тревожный тон и срочность вызова нельзя было

проигнорировать, и Диана быстро сообразила, что, если она не подойдет к магическому зеркалу в своих личных покоях, Гринспэрроу, вероятно, сам появится в Мэннингтоне, а этого герцогиня решительно не хотела!

— Где Такнапотин? — спросил Гринспэрроу. Этого вопроса Диана опасалась больше всего.

На лице женщины появилось недоуменное выражение.

— А где, собственно, может находиться демон? — ответила она.

— Вот это я и хочу знать.

— Полагаю, в аду, где и есть его настоящее место, — ответила Диана. По кислому выражению королевского лица герцогиня поняла, что Гринспэрроу не поверил ее объяснению. Он поддерживал тесную связь с демоном, которого, как она и подозревала, приставил к ней в качестве наблюдателя. Теперь король загнал ее в угол, потому что он не мог вступить в контакт со своим демоном-шпионом.

Диана мысленно поздравила себя с той ловкостью, с которой она сумела избавиться от Такнапотина. Ее заклинание и сломанная корона явно изгнали демона из этого мира и навеки отправили туда, откуда даже Гринспэрроу было трудно его извлечь.

«Если только король не блефует, — внезапно испугалась Диана. — Если Такнапотин не спрятался где-то в тронном зале Гринспэрроу, вне поля ее зрения, забавляясь этой дьявольской шуткой вместе с безжалостным королем Эйвона».

Диана поняла, что страх отчетливо отразился на ее лице. Она быстро взяла себя в руки и постаралась обернуть это невольное выражение в свою пользу.

— Я не могу вступить с ним в контакт с тех пор... с тех пор, как Селна...

Глаза Гринспэрроу расширились — слишком расширились, поняла Диана. Похоже, произнесенное ею имя глубоко задело его, подтверждая подозрения герцогини. Да, ее горничная была на самом деле еще одним шпионом Гринспэрроу.

— ...с тех пор, как Селна сломала мою корону, — солгала Диана. — Я боюсь, что Такнапотин обиделся, потому что демон находится где-то вне досягаемости для меня...

— Сломала твою корону? — перебил Гринспэрроу, медленно и ровно выговаривая каждое слово.

Несколько мгновений Диана ожидала, что сейчас он впадет в ярость, но чародей взял себя в руки и опять расслабился, удобно усевшись в кресле.

Диана сказала себе, что маг разгневан из-за Селны и короны. По всей вероятности, он поверил в историю, рассказанную молодой герцогиней, и по-прежнему считает ее своей марионеткой.

— Корона действительно является связующим звеном между тобой и твоим демоном, — подтвердил Гринспэрроу.

«А также между тобой и моим демоном», — мысленно уточнила Диана.

— Я заколдовал ее много лет назад, когда ты впервые получила ее.

«Когда ты убил мою семью», — гневно подумала Диана.

— Я найду другой способ вернуть Такнапотина, — предложил король, — или другого демона, не менее злобного.

Диана хотела отказаться, но сообразила, что вступает на скользкую почву.

— Я не стану ждать, — сказала она. — Я могу уничтожить Бринд Амора без Такнапотина, потому что я могу призвать на помощь моих братьев-волшебников и их демонов.

— Тебе нельзя потерпеть неудачу! — внезапно с силой сказал Гринспэрроу, подаваясь вперед на троне и так близко придвинувшись к зеркалу, что его внешность исказилась, заостренный нос и щеки увеличились и стали выпуклыми. — Все разрешится, когда Бринд Амор погибнет. Армии Эриадора впадут в панику и беспорядок, и мы уничтожим их одну за другой.

— В течение недели Бринд Амор погибнет, — пообещала Диана, опасаясь в душе, что она может оказаться права.

Затем, к несказанному облегчению Дианы, взмах руки Гринспэрроу разрушил контакт.

У себя в тронном зале Карлайла король махнул рукой двум огромным и безобразным циклопам, которые держали заколдованное зеркало, приказывая им удалиться, затем повернулся к герцогу Крезису. Де Жюльен, вернувшийся из Кэр Макдональда, стоял рядом с чудовищем, нервно передергиваясь. В конце концов, он принес плохие новости, а это при дворе Гринспэрроу могло означать серьезные неприятности!

Смех Гринспэрроу позволил послу чуть расслабиться, даже воинственный Крезис, казалось, слегка успокоился.

— Вы ей не доверяете? — решил уточнить циклоп.

— Диане? — легко откликнулся Гринспэрроу. — Безобидной Диане? — Последовал еще один взрыв смеха, и де Жюльен тоже подхихикнул, но тут же замолчал и нервно откашлялся, когда Гринспэрроу резко выпрямился, и его лицо стало суровым. — Диана Велворт слишком исполнена чувства вины, чтобы представлять собой угрозу, — объяснил Гринспэрроу. — И поделом. Чтобы восстать против меня, она должна исследовать свое прошлое и открыть там правду о себе самой.

Де Жюльен заметил, что Крезис кивает на каждое слово, и понял, что звероподобный герцог Карлайла явно слышал подобные разговоры раньше. Однако де Жюльен столкнулся с этим впервые и теперь озадаченно соображал, на что намекает король.

— Диана была моим связующим звеном с тронном, — прямо заявил Гринспэрроу, глядя в глаза де Жюльену. — Она невольно предала членов своей семьи, дав мне предметы, принадлежавшие каждому из них, личные вещи.

Де Жюльен чуть было не задал напрашивавшийся вопрос, но удержался, понимая, что если то, на что намекает Гринспэрроу, говоря о прошлом Эйвона, действительно правда, то тогда его король — узурпатор и убийца.

— Единственное, что меня напугало в связи с Дианой, — это исчезновение Такнапотина, — объяснил Гринспэрроу, снова глядя на Крезиса. — Но если дура горничная сломала корону, тогда ясно, почему я не смог вступить в контакт с ним, и положение легко исправить.

— А что насчет грядущей войны? — спросил Крезис. — Эриадорцы скоро выступят и на суше, и на море.

— Ты боишься Эриадора? — усмехнулся Гринспэрроу. — Оборванных фермеров и рыбаков?

— Которые выиграли последнюю войну, — напомнил де Жюльен и тут же пожалел о своих словах, поскольку на ястребином лице Гринспэрроу появилось опасное выражение.

— Только из-за моего отсутствия! — гневно взревел король. Гринспэрроу выпрямился, весь дрожа, костяшки его костлявых ладоней побелели, когда он сжал подлокотники трона.

— Конечно, мой могущественный король, — сказал де Жюльен с униженным поклоном, но было уже поздно. Гринспэрроу выбросил кулак в воздух, затем разжал длинные пальцы. Лучи света, целая радуга оттенков, вылетели из каждого пальца, сливаясь и скручиваясь в один белый луч длиной и шириной с лезвие меча.

Король резко махнул рукой вниз, луч последовал за жестом.

Левая рука де Жюльена упала на пол, отрубленная по плечо.

Посол взвыл от боли и ужаса.

— Мой король! — задохнулся он в крике, зажимая истекающий кровью обрубок.

С рычанием Гринспэрроу провел рукой в воздухе горизонтальную линию ниже.

Левая нога де Жюльена была отсечена, и он рухнул на пол, кровь хлестала из ужасных ран. Несчастный пытался выкрикнуть слова мольбы, но в горле у него забулькало. Он приподнял оставшуюся руку в слабой попытке защититься от следующего удара.

Рука тут же была отсечена до локтя.

— Только мое отсутствие было причиной поражения, — заявил Гринспэрроу Крезису, не обращая внимания на дрожащий, извивающийся обрубок на полу. — Это да еще

некомпетентность тех, кто должен был отвечать за дело!

— И, пожалуй, из-за Гаскони, — продолжал рассуждать Гринспэрроу. — Гасконцы сочли, что свободный Эриадор выгоднее для них; они не понимали, насколько важна защита Карлайла от хьюготов и тому подобных напастей.

— Но теперь, — продолжал Гринспэрроу, вставая и назидательно помахивая пальцем, — теперь гасконцы узнали всю правду о жалком Эриагоре и не станут просить нас заключить мир. — Король равнодушно переступил через уже мертвого де Жюльена. Затем он взглянул на Крезиса, отметив встревоженное выражение безобразного лица своего герцога.

— Именно этого мы и хотели! — воскликнул Гринспэрроу и разразился смехом. — Мы подтолкнули Эриадор, и глупец Бринд Амор объявил войну.

Крезис немного успокоился, припомнив, что именно к такому результату они и стремились, когда вместе с Гринспэрроу посылали племена циклопов в набеги на поселения Эриадора и Дун Дарроу.

— У них, возможно, осталось пятьдесят наших кораблей, — продолжал Гринспэрроу, — считая и те двадцать, которые, по сообщениям, хьюготы пустили на дно. Сам факт, что такое множество прекрасных военных кораблей было потоплено дикарями, говорит о том, что рыбаки Эриадора просто не умеют управляться с огромными галеонами. — Гринспэрроу опалил Крезиса диким, безумным взглядом. — Однако у нас осталось еще больше сотни, и на них плывут опытные моряки и воины-циклопы. Половина флота Эриадора вскоре войдет в пролив Мэн. У меня есть нужное количество боевых кораблей, которые встретят их и обратят в позорное бегство.

— Эта битва дорого обойдется, — осмелился вставить практичный Крезис.

— Не так уж и дорого! — взревел Гринспэрроу. — Когда к ней присоединятся корабли Барандуина, то есть еще сотня, тогда никакой угрозы больше не останется. — Король распалялся с каждым словом, смакуя предвкушение полной победы. — Тогда Бринд Амор поймет, что наиболее уязвимое место для него — западное побережье, и он вынужден будет повернуть свои войска на Монфор еще раньше, чем выйдет из горного района.

Это казалось достаточно несложным и логичным, и Крезис позволил себе немного расслабиться. Гринспэрроу подошел к нему, положил руку на плечо.

— Это в том случае, если старый волшебник к этому времени будет еще жив, — прошептал он в ухо циклопа. Затем он отскочил, стараясь не ступить в запекшуюся лужу крови того, кто еще недавно был его послом в Кэр Макдональде.

— Не следует недооценивать Диану Велворт, мой одноглазый друг, — объяснил Гринспэрроу. — С помощью моих герцогов и их демонов, которые будут в ее распоряжении, Диана поймает старого волшебника и покажет ему, что время его магии давно прошло.

Внезапно Гринспэрроу остановился и замолчал. Ему надо еще раз попытаться вступить в контакт с Такнапотинном. Или раздобыть Диане другого демона, если контакт не получится.

— Это несложно! — вдруг воскликнул он, хотя Крезис не имел понятия, о чем он говорит.

Но циклоп все же успокоился. Крезис был с Гринспэрроу все двадцать два года правления короля. На самом деле, именно Крезис, будучи когда-то послом от племен циклопов у законного короля Эйвона, способствовал восхождению Гринспэрроу на престол. Одноглазый лично убил четырех из пяти сыновей короля, братьев Дианы Велворт. В награду он получил титул и пост герцога Карлайла и за годы своей службы научился верить в безжалостное могущество Гринспэрроу. Мудры были те, кто боялся короля Эйвона.

Судьба де Жюльена стала очередным подтверждением этой истины.

Когда Лютиен вновь увидел Бринд Амора, волшебник занимался сотворением очередного магического туннеля. В этот раз он был направлен не на восток, а на запад, в Порт-Чарлей.

Это расставание оказалось для юноши не менее трудным, чем предыдущее. Оливер и

Кэтрин терпеливо ждали, пока серая стена превращалась в голубоватый туман и постепенно закручивалась вихрем. К удивлению Лютиена, хафлинг держал в руке поводья Тредбара, своего безобразного желтого пони, также не проявлявшего ни малейшего нетерпения.

Взгляд Оливера постоянно обращался к дальней стене комнаты, возле которой стояла Сиоба, — полуэльфийка выглядела спокойной и бесстрастной. Хафлингу довольно долго не удавалось даже привлечь ее внимание. Наконец он с покорным видом поднял руку, в которой держал свои зеленые перчатки, к широким полям шляпы, приветствуя ее.

Сиоба слегка кивнула, и сердце Оливера подпрыгнуло, потому что он поймал отблеск настоящей боли в зеленых глазах Сиобы. Ей было грустно оттого, что он уезжает!

Подбодренный этой мыслью, хафлинг выпрямился и решительно взглянул на расширявшийся туннель. Кэтрин заметила это и слегка смущенно улыбнулась. Она отошла от Оливера к Лютиену и увлекла его за собой в дальний угол комнаты.

— Оливер и Сиоба? — недоверчиво прошептала она.

— Я ничего не знаю, — честно ответил тот.

— Но как она посмотрела на него! — заметила Кэтрин.

— Точно так же, как я смотрю на тебя, — ответил Лютиен.

Кэтрин умолкла. Она была так занята многочисленными и беспорядочными событиями, предшествовавшими началу войны, что даже не успела осознать, какую боль испытывает ее возлюбленный. Изучая лицо Лютиена, сейчас она наконец поняла. Он нашел Этана только для того, чтобы снова разлучиться с ним, — а теперь и ей самой предстояла разлука с любимым, — и всех их ожидали опасные битвы.

— Тебе нет необходимости уезжать, — взмолился Лютиен, — Оливер мог бы служить глазами Бринд Амора.

— Тогда наш король не увидел бы ничего, кроме поручней корабля и воды под его килем, — ответила Кэтрин, напоминая Лютиену о том, что хафлинг не слишком-то жалуется корабельную качку.

Возникла долгая пауза, в течение которой они стояли, пристально вглядываясь друг в друга. Можно было найти другого представителя Бринд Амора, они оба знали это, и Кэтрин осталась бы рядом с Лютиеном. Но это могло повредить общему делу. Среди небольшого числа приближенных Бринд Амора Кэтрин больше всех подходила для выполнения столь важной миссии. Узкий круг близких к королю людей состоял из вождей недавней революции, и теперь они по праву должны были стать полководцами в грядущей войне. Им предстояло в очередной раз выполнить свой долг перед Эриадором, а личные чувства приходилось оставить для времен более мирных.

И Лютиен, и Кэтрин молча пришли к полному пониманию сего печального факта.

— Возможно, тогда я мог бы отправиться с тобой, — предложил Лютиен, повинувшись внезапному порыву. — Я ведь тоже с острова Бедвидрин и знаком с морем не понаслышке.

— И тогда рядом со мной опять будет сын Бедвира, чтобы защищать меня, — заметила Кэтрин, и в ее мягком голосе прозвучала легкая насмешка. — Может быть, Бринд Амору следует снова вызвать Этана, потому что он тоже родом с нашего острова.

Укол ревности пронзил Лютиена, и это отчетливо отразилось на его лице.

— И Этан, безусловно, гораздо проницательней, — продолжала Кэтрин.

Глаза Лютиена расширились, он так и не понял, что его дразнят, пока Кэтрин не расхохоталась и не поцеловала его в щеку.

Однако ее лицо стало серьезным, когда она сделала шаг назад.

— Твое место — рядом с нашим королем, — твердо сказала она. — Ты — Алая Тень, символ свободного Эриадора. По правде говоря, я думаю, что и Оливеру, твоему лучшему другу, тоже следовало бы остаться с тобой и Бринд Амором, но, возможно, твоего присутствия здесь будет достаточно, а его присутствие на борту поможет мне постоянно напоминать прибрежному люду о нашем короле.

Ее слова подвели итог, ясно обозначив долг и самой Кэтрин, и Лютиена. Однако лицо девушки слегка омрачилось, когда она бросила взгляд на Сиобу, неподвижно стоявшую у

двери.

— Ты пройдешь всю страну вместе с ней, — произнесла Кэтрин.

Лютиен вздохнул и попытался понять чувства, которые должна была испытывать его возлюбленная. В конце концов, некогда их с Сиобой связывали особые отношения, и Кэтрин прекрасно знала об этом. Но Лютиен считал, что болезненность этой ситуации уже канула в прошлое, думал, что теперь и для него, и для Кэтрин Сиоба является просто верным другом.

Он попытался осторожно возразить, но Кэтрин опять рассмеялась и крепко поцеловала Лютиена, подойдя вплотную и дотянувшись до его губ.

— Будем надеяться, что ты не окажешься таким же доверчивым, встретившись с представителями Гринспэрроу, — прошептала женщина.

Лютиен крепко обнял ее, прижал к себе и не отпускал до тех пор, пока Бринд Амор не объявил, что туннель готов и Оливеру с Кэтрин пора отправляться.

— Ты собираешься взять с собой пони? — спросил Бринд Амор Оливера, и по усталому тону короля Лютиену показалось, что он уже много раз задавал этот вопрос упрямому хафлингу.

— Мой Тредбар очень любит корабли, — ответил Оливер. Он взглянул на Лютиена и щелкнул пальцами в воздухе. — А ты не верил мне, когда я говорил, что проделал на своем коне весь путь из Гаскони! — заявил он. Затем он взмахнул рукой и шепнул что-то на ухо желтому пони. Тредбар послушно опустился на колени, чтобы маленький Оливер мог забраться в седло. Бросив последний взгляд на Сиобу, хафлинг въехал в туннель, и Кэтрин, в последний раз посмотрев на Лютиена, последовала за ним.

Вот так все и началось: в один прекрасный день, словно могучие грозовые тучи, войска союзников двинулись каждый в своем направлении — к востоку от Пяти Стражей, вдоль Мальпьюсантовой стены, из южных ворот Кэр Макдональда и от доков Порт-Чарлея.

Официальное объявление войны состоялось, началось вторжение в Эйвон.

18

ИДУЩИЕ ПЕРВЫМИ

Из всех дорог, по которым двигались войска Эриадора, та, по которой направился отряд Лютиена, была, пожалуй, самой неприятной. На востоке и западе армия передвигалась вдоль моря по хорошо наезженным дорогам, где проходило великое множество путников. От Мальпьюсантовой стены всадники Эрадоха и ополчение проктора Биллевина стремительно передвигались по открытой, легко проходимой местности. Но уже через час после выхода из южных ворот Кэр Макдональда авангард отряда Лютиена, включая его самого, Сиобу и других каттеров, очутился в опасных местах. Их поджидали каменные завалы и предательски осыпающиеся тропы, по одну сторону которых часто поднималась вверх отвесная голая скала, а по другую — точно такой же обрыв.

Отряд, состоявший почти из шести тысяч воинов, двигался не как единое целое, но скорее напоминая с трудом бредущую толпу, направляемую с флангов координирующими патрулями. В такой ситуации организованность имела первостепенное значение. Если бы высланные вперед маленькие отряды разведчиков проявили небрежность, если бы они пропустили хоть одну из едва заметных тропинок в пересекающих друг друга горных кряжах, могла произойти катастрофа. Основная группа, примерно треть воинов во главе с самим королем, все повозки с припасами и лошади, включая блистательного жеребца Ривердансера, принадлежавшего Лютиену, в случае засады врагов оказалась бы особенно уязвимой. Опытные воины гораздо больше беспокоились о том, как провести лошадей и снаряжение по немыслимым тропам и как построить временные мосты и укрепить осыпавшиеся камни, чем о встрече с врагом. Большинство из них несли не мечи, а лопаты и молоты, а если бы какой-нибудь отряд циклопов, особенно из хорошо обученной преторианской гвардии, ухитрился просочиться мимо передовых групп, то марш всего войска мог на том и закончиться.

В обязанности Лютиена входило наблюдение за тем, чтобы ничего подобного не произошло. Он разделил оставшиеся четыре тысячи на группы разной численности. Пятьсот воинов составили головной отряд основного войска, они отмечали те тропы, по которым должен был следовать Бринд Амор. Другие пятьсот воинов следовали за основным отрядом, прикрывая его. На еще более сложных участках, где и вовсе не было троп, марш организовывали несколько иначе. Патрульные группы состояли из разного числа воинов — от разведчиков-одиночек (в основном это были угрюмые, замкнутые горцы, много лет жившие среди скал и лесов Айрон Красса) до отрядов поддержки, насчитывавших до ста воинов, — они прочесывали район перед войском, будучи готовы к любой неожиданности в этой малопроезжимой части гор. Лютиен и Сиоба двигались вместе, с ними было двенадцать эльфов — каттеров. Иногда они находились в пределах видимости друг для друга, но время от времени Лютиен и Сиоба чувствовали себя в совершенном одиночестве перед лицом обширных, величественных гор.

— Я почувствую себя гораздо лучше, когда мы встретимся с людьми Беллика, — заметил Лютиен. Сейчас отряд пересекал открытое место, петляя между россыпями огромных камней. Взглянув наверх, на гору, Лютиен увидел, как примерно в ста футах над ним из маленькой рощицы появились двое эльфов и легко побежали по крутому склону. Он подивился их грации и, споткнувшись в сотый раз, пожалел, что в нем нет ни капли эльфийской крови.

Сиоба, следуя за младшим Бедвиром, ничего не ответила, но Лютиену показалось, что Сиоба совсем не в восторге от такой перспективы. Он остановился и внимательно взглянул на спутницу. Она тоже остановилась и посмотрела ему в лицо.

Почти двести эльфов, шедшие в составе армии Кэр Макдональда, совсем не скрывали своего беспокойства касательно маршрута, которым, возможно, им придется идти, когда они объединятся с армией гномов. Король Беллик объяснил, что его гномы упорно работают, пытаясь открыть туннели, чтобы войско могло без труда пройти прямо сквозь Айрон Красс. Но несмотря на то, что вообще-то эльфы и гномы хорошо ладили между собой, рожденные от фей имели мало желания пробираться сквозь темные, глубокие туннели. Это было просто не в их характере.

Сиоба выдвинула этот аргумент, когда шли последние приготовления к маршу, и сумела убедить всех в своей правоте. Даже если войско Беллика сможет открыть туннель, было решено, что только основная группа, вместе с повозками и снаряжением, пойдет под землей, остальные же отправятся на юг поверху. Поэтому Лютиена удивило то, что сейчас Сиоба показалась очень мрачной.

— Оливер? — спросил младший Бедвир.

Сиоба не ответила, только сделала движение своим изящным подбородком, показывая, что Лютиен должен идти вперед. Он подчинился, уверенный, что попал в точку. Юноша помнил, какую боль он испытывал, когда ему пришлось разлучиться с Кэтрин, особенно когда он понял, что его любовь плывет навстречу большой опасности. Возможно, Сиоба чувствует что-то похожее из-за разлуки с Оливером?

Эта мысль вызвала смехок у Лютиена. Он откашлялся и даже нарочно споткнулся, чтобы замаскировать смех, не желая раздражать полуэльфику.

Однако Сиоба разгадала его уловку. Прекрасная воительница поняла, что смехок Лютиена показывает ей, как другие отнесутся к подобной новости. Она приняла это стоически и продолжала идти, не сказав ни слова.

Солнце опустилось за вершины, быстро сгущались тени. И хотя август еще не закончился, ночной воздух стал гораздо холоднее и послужил всем воинам напоминанием о том, что они не могут позволить себе застрять в горах или быть загнанными назад в Айрон Красс после того, как ворвутся в северные области Эйвона.

Лютиен и Сиоба вновь объединились с другими каттерами, находившимися в этом районе, и договорились о том, как именно им следует прикрывать отряды с флангов и как действовать, чтобы убедиться, что каждая проходимая тропа в окрестностях взята под

наблюдение. Примерно в ста ярдах за ними группа из семидесяти воинов разбивала лагерь.

Сиоба нашла для себя и Лютиена небольшую лощинку, окруженную с трех сторон высокими камнями и частично прикрытую сверху нависающим земляным козырьком. В ней они были укрыты от ветра. Лютиен даже отважился развести маленький костерок в самом дальнем углу, зная, что из глубокой лощины он будет практически не виден.

Молодой Бедвир и его спутница ощущали некоторую неловкость, оставшись наедине в этот тихий летний вечер. Когда-то они были любовниками, страстными любовниками, и между ними оставалось притяжение, которое невозможно было отрицать.

Лютиен сидел, прислонившись к камню, напротив входа в лощину, плотно закутавшись в свой алый плащ, чтобы защититься от ночной прохлады. Он старался смотреть только на темную линию тропы внизу, но время от времени бросал быстрые взгляды на прекрасную Сиобу, которая наклонилась над тлеющими в костре ветками. Он вспоминал те времена, когда они с Сиобой были вместе в Кэр Макдональде, и город еще назывался Монфором. Во времена герцога Моркнея жизнь казалась проще. Лютиен широко улыбнулся, вспомнив свою первую встречу с Сиобой. Он отправился спасать ее, считая, что она — бедная, забитая рабыня, и обнаружил, что бесправная невольница богатого купца — предводитель одной из самых известных воровских банд во всем Монфоре! Одно воспоминание о том, как он принял Сиобу за беспомощное создание, заставило Лютиена почувствовать себя дураком — никогда в жизни он не встречал никого, менее нуждающегося в спасении!

Теперь она стала его другом и одним из самых дорогих существ на земле.

Просто другом.

— Они не сунутся в горы в такой поздний час, — заметила Сиоба, отвлекая его от печальных мыслей.

Лютиен согласился:

— Горные тропы слишком опасны ночью. Разве что одноглазые зажгут столько факелов, что все солдаты Эриадора схватятся за оружие. Да, можно считать, что наше дежурство на сегодня закончено.

Сиоба кивнула и отвернулась.

Опершись на холодный камень, Лютиен Бедвир думал о том, как ему повезло. Кэтрин знала, что они с Сиобой будут путешествовать вместе, и все-таки она отправилась в Порт-Чарлей, хотя и опечаленная разлукой с Лютиеном, но не проронив ни слова касательно его отношений с Сиобой. Кэтрин полностью доверяла ему, и в глубине сердца Лютиен понимал, что ее доверие абсолютно обоснованно. Его чувства к Сиобе были по-прежнему сильны, он не мог отрицать ни ее красоту, ни то, что раньше он по-настоящему любил ее. Но теперь Сиоба была другом, дорогим и проверенным товарищем — и никем более. Потому что для Лютиена Бедвира единственной женщиной в мире стала Кэтрин О'Хейл.

Он знал это, чувствовал, не испытывая никаких сожалений о прошлом, а Кэтрин знала его достаточно хорошо, чтобы полностью доверять.

На самом деле, сидя здесь этой ночью в полной тишине, нарушаемой изредка только треском ветки в костре и завыванием ветра, глядя на красоту звезд и прекрасную Сиобу, Лютиен Бедвир полностью оценил ту удачу, которая выпала ему в жизни. С теплыми мыслями о Кэтрин, наполнявшими его душу, он погрузился в сон.

Сиоба была вовсе не так спокойна. Она безмолвно наблюдала за Лютиеном, и только убедившись, что тот спит, она вынула из кармана сложенный пергамент. Все еще наблюдая за Лютиеном, полуэльфийка развернула его и поднесла к огню, чтобы прочитать еще раз.

Моей драгоценной полуэльфийке Сиобе
От хафлинга, такого галантного и верного.
Дует ветер войны, значит, я должен идти,
Больше я не вижу мою прекраснейшую розу.
Но не бойся, потому что ни мили, ни море,
Ни горы, ни реки, ни одноглазые
Не могут помешать нам думать друг о друге

И чувствовать сердцем друг друга.
Летний ветерок щекочет мой заросший подбородок,
Которым я оперся на ладонь, чтобы лучше видеть твою красоту.
Если бы я не был так нужен сейчас стране!
Увы! Герой должен выполнить свой долг.
Я уйду, но ненадолго!

Оливер

Полуэльфийка аккуратно сложила письмо и снова спрятала его в карман.

— Глупый Оливер, — прошептала девушка и встряхнула головой, удивляясь сама себе. Она взяла палку и пошевелила угольки, ухитрившись вновь раздуть костерок из почти прогоревших веток.

Она задавалась вопросом, о чем думает Оливер, и глубоко вздыхала, понимая, что ухаживания хафлинга могут заставить ее казаться смешной. Оливер пользовался заслуженной репутацией обаятельного любителя женщин среди судомоек и других менее опытных и умных женщин, но те, кто лучше знал мир, кто знал истинную цену хвастовству хафлинга и украденной роскоши, видел в этой стороне характера Оливера нечто большее, чем просто повод для шуток. Его обрывочные стихи, наподобие тех, что содержались в письме, могли произвести сильное впечатление на юную девушку или женщину, занятую тяжелой, грязной работой, которая не читала стихов признанных бардов. Но Сиоба не была глупой школьницей. Она видела хафлинга насквозь.

Почему же тогда она так сильно скучает по Оливеру?

Полуэльфийка взглянула на Лютиена и хмыкнула, услышав его оглушительный храп. Огонь окончательно угас, костер превратился в горку светящихся оранжевых угольков, но от него исходило успокоительное тепло. Сиоба улеглась, бросила последний взгляд на тропу и, убедившись, что она пуста, позволила сну завладеть собой.

И снился ей некий веселый хафлинг, грабитель с большой дороги.

Следующий день обрушил на усталых путников холод и проливной дождь. Тяжелый туман окутал горы, поднявшись от горных рек до низко висящих облаков, так что весь мир казался серым. Плотная пелена заглушала звуки и затрудняла передвижение. Лютиен и Сиоба потратили немало времени, чтобы найти каттеров, которые разбили свой лагерь поблизости.

Один из эльфов предложил подождать, пока туман рассеется, но Лютиен не мог согласиться с этим.

— Корабли плывут вперед, — напомнил он. — И всадники отправились в путь от Мальпьюсантовой стены. Пока мы здесь болтаем попусту, они приближаются к Принстауну.

Других аргументов не понадобилось, и группа, тщательно разработав пробные маршруты, разделилась, оставив двух эльфов у основной тропы поджидать передовую часть отряда, поддерживавшего тылы.

Лютиен и Сиоба упорно шли вперед, их друзья-разведчики пропали из вида, как только они отправились в путь. Они чувствовали себя очень одинокими, оторванными от всех, хотя и понимали, что кругом немало друзей, готовых прийти на помощь в любую минуту. Они уже зашли глубоко в Айрон Кросс, гораздо дальше, чем тогда, когда Лютиен захватил герцога Ресмора. Другие отряды разведчиков находились неподалеку. По всей видимости, где-то рядом бродили и банды циклопов.

Вскоре опасения подтвердились. Лютиен поднялся на скалистый утес, осторожно подобрался к его краю и огляделся.

Под ним был короткий крутой склон, уводивший к окруженной скалами долине; и в этой долине устроили свой лагерь циклопы. Горстка одноглазых суежилась вокруг почерневших остатков костра предыдущей ночи, собирая снаряжение. Один из них чистил огромный меч, другой точил острие тяжелого копья, а еще двое, чуть в стороне, облачались в черную с серебром форму, во многих местах подбитую щитками и накладками, — эта форма

была очень хорошо известна и Лютиену, и Сиоба.

— Преторианская гвардия, — прошептал младший Бедвир, когда Сиоба с луком в руках встала рядом с ним. — Жаль, что они нам не попались, когда мы искали доказательства предательства Гринспэрроу. Это лучше, чем иметь дело с волшебником!

— Наличие преторианской гвардии в нейтральных горах ровно ничего не доказывает, — заметила Сиоба. Она замолчала и пригнулась, когда один из циклопов направился в их сторону с ведром грязной воды. Он выплеснул воду на камни у подножия склона и вернулся назад в лагерь.

Лютиен кивнул, соглашаясь с умудренной опытом воительницей, затем лукаво взглянул на полуэльфийку.

— Но теперь-то мы официально в состоянии войны, — заметил он. — И враг перед нами.

Сиоба внимательно осмотрела лагерь.

— Их как минимум семеро, — ответила она. — А нас только двое.

Она осмотрелась, Лютиен сделал то же самое, но никого из друзей не было видно.

Их взгляды наконец встретились, и оба одновременно улыбнулись и пожали плечами.

— Убей их быстро. — Это было все, что посоветовала Сиоба.

Лютиен вынул из ножен «Ослепительный» и оценил расположение циклопов. Один находился у костра, собирая теплые угольки в кисет, а остальные рассредоточились по периметру долины и казались не более чем серыми теньями в тумане.

— Скоро их будет шесть, — пообещал молодой Бедвир и, перебравшись через гребень утеса, быстро и бесшумно спустился по склону вниз.

Циклоп справа от него взревел, и Лютиен бросился в атаку. Он прыгнул на одноглазого сверху, тот отскочил и вытащил меч, чтобы отразить нападение. Стрела просвистела прямо над мечом младшего Бедвира, заставив его вздрогнуть и отклониться влево. Ошеломленный циклоп в панике выбросил вверх руки, попытался увернуться, завопил, и стрела глубоко вонзилась ему в плечо. Лютиен ловко использовал его замешательство. Младший Бедвир, держа «Ослепительный» обеими руками, сделал полный оборот, одновременно опускаясь на колено. Прекрасный меч угодил одноглазому под ребра и прошел через всю грудь, нанеся ужасную широкую рану.

Циклоп забился в предсмертных судорогах, но Лютиен вряд ли даже заметил это. Он вскочил на ноги и отлетел в сторону, сделав несколько молниеносных шагов вправо, и высоко поднял меч, чтобы отразить удар боевого топора другого циклопа. Лютиен быстро повернул лезвие меча по диагонали, широким движением отбивая оружие врага, затем сделал резкое движение вперед, так что искусно выточенная рукоять «Ослепительного» ударила циклопа в лицо. Легендарная крестовина меча, заостренные концы крыльев дракона, врезалась в лицо противника рядом с его единственным глазом, и тот, спотыкаясь, отступил на пару шагов, кровь хлынула ручьем, ослепив его.

У Лютиена не было времени наблюдать за ним, потому что еще один одноглазый яростно вступил в бой, заставив юношу стремительно повернуться налево, резко взмахнув мечом, чтобы защититься от удара копья.

Сиоба, держа наготове следующую стрелу, последовала за Лютиеном направо, думая опередить его убийственным выстрелом. Однако боковым зрением она уловила какое-то движение и подняла лук, нацелив его так, чтобы выстрелом защитить товарища сзади. Еще один циклоп появился из-за скал и теперь бросился к Лютиену, намереваясь напасть на него со спины.

Враг попал в поле обстрела, и полуэльфийка выпустила стрелу, понимая, что выстрел должен быть точен, — она не успеет выстрелить второй раз, чтобы спасти друга.

Стрела глубоко вонзилась в голову циклопа, и он рухнул на землю, не успев издать ни звука. Руки Сиобы двигались с безупречной точностью. Она натянула тетиву и выпустила еще одну стрелу, в этот раз лишь оцарапав грудь шатавшегося циклопа, которого Лютиен ранил в лицо. Он отлетел назад на несколько шагов, что дало юноше драгоценное время.

Но на этом поддержка Сиобы закончилась. Полуэльфийка резко повернулась налево, заметив движение по другую сторону лагеря. Парочка циклопов пересекала открытую площадку, направляясь к склону, над которым затаилась Сиоба. Полетела стрела, попав прямо в брюхо одному из них, и заставив его согнуться от боли.

Сиоба даже не успела усмехнуться тому, как его сотоварищ в панике нырнул под укрытие каких-то скал, — она увидела еще одного циклопа, выскользнувшего из тумана и остановившегося прямо над ней, высоко подняв топор.

— Восьмой, — сокрушенно заметила полуэльфийка.

Острые копыта нанесли подряд три быстрых удара, но Лютиену удалось парировать их и уклониться, каждый раз уворачиваясь все с большим трудом. Теперь он стоял спиной к Сиобе, но понимал, что она не может помочь ему, потому что сзади появился еще один одноглазый. Лютиен отскочил в сторону в самый последний момент, едва избежав удара копыта. Циклоп, потеряв равновесие, полетел вперед, чуть не сбив с ног своего товарища.

Младший Бедвир бросился за ними, рассчитывая нанести пару ударов, но это была преторианская гвардия, хорошо обученные ветераны. Пока споткнувшийся циклоп восстанавливал равновесие, его товарищ выступил вперед, размахивая копьём, чтобы отразить серию ударов Лютиена.

Юноша несколько раз парировал удары противника, затем резко взмахнул мечом вниз и в сторону, отражая выпад копьём второго одноглазого. Он бросился назад и влево, заставив первого отступить, затем откинулся назад, широко размахнувшись.

Удары копыта не достигли цели, и Лютиен сделал полный круг в другую сторону, низко наклонившись, пытаясь нанести удар мечом ниже оборонительных ударов одноглазого. В ответ циклоп вонзил свою пику прямо в землю и бросился за блокирующее оружие. Лютиен прокатился направо, уходя из-под удара, используя свой меч, чтобы сдержать вытянутую руку циклопа. Другой циклоп быстро возвратился, и молодой Бедвир нанес ему сильный и молниеносный удар свободной рукой, сломав врагу нос.

Затем Лютиену пришлось отскочить назад и принять боевую стойку, снова сражаясь против двоих. Они пошли в атаку, на этот раз отнесясь к противнику с гораздо большими уважением и опаской. Они пытались измотать его, нанося удары, которые Лютиен мог легко отразить, но не давая ему перейти в атаку. Циклопы теснили его и загоняли в угол. Постепенно одноглазые наращивали темпы, работая очень слаженно, не давая Лютиену никакой возможности изменить ситуацию и преследуя его по пятам.

Тем временем Сиоба вскинула лук в воздух и схватила обеими руками за один конец. Она размахивала им, словно необычной изогнутой дубиной, затем изо всех сил ударила циклопа по лицу, заставив того отклониться назад. Не мешкая ни секунды, быстрая, как молния, полуэльфийка снова вскинула лук, перехватив его одной рукой, тогда как другая метнулась к колчану и вытащила стрелу.

Прежде чем циклоп с топором успел сделать шаг вперед, чтобы добраться до нее, Сиоба отклонилась назад и пустила стрелу почти в упор.

Циклоп упал назад в туман.

Сиоба резко обернулась и увидела другого циклопа, выходившего из-за скалы в полной боевой готовности. За ним вылезал его сотоварищ, все еще держась за брюхо в безуспешной попытке распрямиться.

Сиоба поняла, что у нее нет времени выхватить следующую стрелу, поэтому она бросила лук и рванулась вперед, выдергивая из ножен свой короткий, тонкий меч. Она подбежала к краю обрыва и одним длинным, изящным прыжком перескочила через взметнувшийся меч противника. Встречным движением она изо всех сил опустила свой собственный меч, попав одноглазому по плечу. Однако удар оказался слишком слабым, так что рану циклопа нельзя было назвать серьезной.

Сиоба бросилась бежать, с легкостью передвигаясь по осыпающемуся склону. Она

двигалась так быстро, что одноглазый, еще не выпрямившийся после полученного удара, не успел даже оценить опасность, и Сиоба на бегу прикончила его одним ударом меча в затылок.

Другой циклоп кинулся было в погоню, но предпочитал держаться на почтительном расстоянии. Тем временем стремительная полуэльфийка выскочила в долину, слева от неустанно сражавшегося Лютиена.

К тому времени юноша успел осознать, что ему надо предпринять что-то решительное — и быстро, поскольку третий одноглазый, оглушенный и истекающий кровью, но не убитый, скоро присоединится к своим друзьям. Лютиен совершил «Ослепительным» целую серию хитроумных и сложных выпадов и взмахов, все они были отражены, но ловкий юноша использовал силу инерции, чтобы оторваться от наседавших циклопов и броситься вперед, к другому концу маленькой долины. Он взобрался на огромный валун, доходивший ему до пояса, затем прыгнул с него далеко в сторону, с трудом избежав выпада одного из преследовавших его циклопов. Лютиен оказался рядом с одноглазым, а впереди лежало открытое пространство. Он бросился назад — циклоп растерялся, поскольку не ожидал ничего подобного. Но одноглазый быстро пришел в себя и, не веря собственному счастью, замахнулся копьем, собираясь пронзить им Лютиена.

Не слишком сообразительный циклоп слишком поздно распознал ловушку. Лютиен резко повернулся, и копьё пролетело мимо, не нанеся ему никакого вреда. Молодой Бедвир прыгнул, «Ослепительный» сделал движение по диагонали, нанеся сильный удар по бедру циклопа. Тот прыгнул в сторону, перелез через валун, на который вскарабкался Лютиен, и скатился с другой стороны, опасаясь, что яростный меч вскоре найдет его здесь для смертельного удара.

Но Лютиен не мог преследовать его, потому что рядом возник второй одноглазый и младшему Бедвиру снова пришлось обороняться.

Во всем Эйвонси мало кто мог сравниться с волшебнорожденными в умении передвигаться вслепую. Недаром они так часто ночи напролет танцевали среди деревьев в своих лесах. Поэтому густой туман лишь помогал Сиобе, когда ей наконец удалось оторваться от преследовавшего ее циклопа и уйти вперед. Девушка тут же сделала круг, мрачно улыбнувшись, когда увидела тело циклопа, которого она застрелила в упор. В нескольких футах от него на земле валялся ее лук.

Полуэльфийка услышала, что хриплое дыхание преследующего ее циклопа приближается. Она схватила лук, поспешно наложила стрелу, и когда циклоп, сопя, показался из тумана, он лицом к лицу столкнулся со своею роковой судьбой.

Циклоп беспомощно вскинул толстые руки, прося пощады, и, если бы бой уже закончился, если бы Лютиен находился не в столь отчаянном положении всего в нескольких ярдах отсюда, Сиоба, возможно, не выпустила бы стрелу. Но сейчас было не время проявлять жалость. К тому же она не сомневалась, что стоит хоть на секунду отвести глаза от «пленника», тот не замедлит броситься в атаку и вышибет из нее дух.

Стрела просвистела между поднятыми руками, ударила в тяжелую нагрудную броню, отскочила и рикошетом угодила прямо в горло циклопу. Еще секунду он стоял, глупо размахивая руками, затем упал на колени и что-то неразборчиво булькнул.

Сиоба немедленно перенесла свое внимание на Лютиена, сражавшегося с двумя циклопами, к которым явно собирался присоединиться третий. Она хотела снова бросить лук и взяться за меч, но побоялась, что не успеет.

— Ложись! — закричала она, молясь, чтобы друг понял, в чем дело.

Лютиен не был до конца уверен, что правильно понял Сиобу, но размышлять было некогда, и он упал на землю и резко перекатился назад. Он едва успел: перед его лицом, прямо над головой, воздух разрезала стрела и с силой ударила в грудь одного циклопа. Тот сделал несколько шагов назад, странно дергая руками, как обезглавленная курица крыльями, и рухнул в грязь.

Другой циклоп, рванувшийся было за Лютиеном, совершил роковую ошибку, отвлекшись на своего товарища. Эта секунда колебания и дала младшему Бедвиру необходимый шанс. Он вскочил на ноги и, низко пригнувшись, взмахнул мечом, целя ниже, чем проходила линия обороны отвлекшегося циклопа. «Ослепительный» погрузился в брюхо одноглазого, затем двинулся под прямым углом вверх, через диафрагму и легкие.

Циклоп упал назад, и Лютиен, не успев выдернуть меч, свалился на уже мертвое тело.

Стрела, просвистевшая сбоку, подсказала молодому Бедвиру, что оставшийся в живых циклоп готов сражаться до последнего. Он заметил с тревогой, что Сиоба промахнулась, но, к счастью, стрела пролетела достаточно близко, чтобы заставить циклопа отчаянно дернуться и потерять равновесие. Лютиен изо всех сил потянул «Ослепительный», но безрезультатно — меч застрял всерьез. Зарычав от разочарования, юноша вскочил на ноги, готовый драться голыми руками.

Вновь обретя равновесие, одноглазый попытался нанести сокрушительный удар, но Лютиен схватился за рукоятку его тяжелого топора и резко отвел его в сторону. Затем он нанес ему целую серию резких ударов, слева и справа, снова слева и справа, и циклоп попятился.

Упрямый одноглазый держал сверху топор, пытаясь защищаться им от ударов Лютиена, и тряс головой, чтобы прийти в себя. Злобная ухмылка появилась на его лице, когда он понял, что человек безоружен.

Лютиен не заметил выстрела, не слышал ни свиста стрелы в воздухе, ни треска кости при ударе. Просто в колене циклопа вдруг появилась стрела, словно бы возникшая из ниоткуда, и ее древко торчало невинно и скромно. Циклоп с ревом пошатнулся, а Лютиен бросился вперед и легко вырвал у него топор. Нанеся несколько тяжелых ударов, Лютиен поверг одноглазого в грязь.

Сиоба встала рядом с ним, с усмешкой озирая поле битвы.

— Шесть мертвых и один пленный, — заметил Лютиен, подмигивая и обнимая свою изящную спутницу за плечи.

Сиоба вывернулась из-под его руки.

— Семь мертвых, — поправила она, указывая на линию утеса, — еще один вылез там из тумана.

Лютиен кивком выразил свое одобрение.

— Четырех убила я, — объявила Сиоба, — а троих и пленного мы должны разделить между собой.

Улыбка Лютиена увяла.

— Значит, шестерых я могу приписать себе, — продолжала подсчет полуэльфийка. — И всего двое достанутся легендарной Алой Тени! — Она отбежала в сторону, очень довольная собой.

Ошеломленный Лютиен смотрел, как она оглядывает лагерь. Улыбка медленно вернулась на его лицо.

— Вызов принят! — громко объявил он, совершенно уверенный, что в ходе этой кампании у него будет возможность сравнять счет и даже перегнать Сиобу.

Пленный циклоп был по цепочке передан в головной отряд, где Бринд Амор, погрузив его в транс, с легкостью раздобыл необходимые сведения. Другие передовые отряды тоже доставили несколько пленных, которые только подтвердили сведения, сообщенные первым: большой отряд циклопов, в основном преторианская гвардия, движется по широкой долине примерно в двадцати милях отсюда к югу.

Имея только общее представление о враге, Бринд Амор использовал свой хрустальный шар, чтобы увидеть происходящее впереди. Он определил местонахождение войска циклопов и остался доволен. Эриадорцы должны встретиться с армией гномов Беллика на полпути до одноглазых, и тогда циклопов ожидает действительно теплая встреча!

Лютиен и Сиоба были отправлены вперед как представители Бринд Амора. Они вскоре увидели своих союзников — пять тысяч мрачных гномов в сверкающих доспехах и со

щитами, вооруженных в основном боевыми топорами и молотами; они расположились на просторном, открытом каменистом плато. Беллик тоже был там вместе с их другом Шаглином. У Лютиена и Сиобы перехватило дыхание при виде этого зрелища. Надежда наполнила душу молодого Бедвира — с такими союзниками поражение Эриадора просто невозможно!

— Наверняка одноглазых ожидает веселенький сюрприз, — прошептала стоявшая рядом с ним Сиоба.

— Воины-гномы, — ответил Лютиен, имитируя сильный гасконский акцент Оливера. — Но, о боже, как же ужасно они пахнут!

Он повернулся, чтобы подмигнуть своей спутнице, но при виде печального лица полуэльфийки веселье оставило его.

Лютиен откашлялся и ничего больше не сказал, в очередной раз задав себе вопрос, что же, собственно, происходит между Сиобой и Оливером.

19

ДОЛИНА СМЕРТИ

— Их вождь умен, — заметил Бринд Амор, осматривая неровную местность к югу от них. Никто из собравшихся вокруг старого волшебника не возразил ни словом. Циклопы быстро передвигались даже после заката солнца и не стали разбивать лагерь, пока крутые стены долины не оказались за их спиной.

Бринд Амор сел на камень, поглаживая густую белую бороду, и принялся обдумывать план атаки.

— Их не так много, — предположил гном Шаглин. — Мы сосчитали костры, и, если у каждого их было даже штук по пятьдесят, их все равно в два раза меньше, чем нас.

— Их все-таки достаточно, — вмешался Лютиен.

— Ба! — фыркнул рвущийся в бой гном. — Да мы их сровняем с землей!

Бринд Амор рассеянно прислушивался к их разговору. Он не сомневался в том, что его прекрасное войско, да еще вдвое превышающее врага по численности, победит преторианскую гвардию, но во что обойдется открытое сражение? Эриадор не может позволить себе потерять даже четверть своих воинов здесь, в горах, когда им нужно преодолеть еще столько укреплений территории, прежде чем они доберутся до Карлайла.

— А если мы сильно ударим по ним прямо в лоб и с обоих флангов? — предложила Сиоба. — Мы можем растянуть нашу линию нападения так, чтобы они решили, что нас вдвое больше, чем на самом деле. Что бы они предприняли в таком случае?

— Они тут же нарушат строй и бросятся бежать, — без колебаний ответил Шаглин. — Одноглазые всегда были трусами!

Лютиен покачал головой; то же самое сделал Беллик. Бринд Амор выразил их мысли вслух:

— Эта группа хорошо обучена, и ею хорошо командуют, — сказал старый волшебник. — Они оказались достаточно умны и дисциплинированы, чтобы не разбивать лагерь, пока не выйдут из этой долины. Их нелегко будет обратить в бегство.

Едва заметная искра сверкнула в голубых глазах волшебника.

— Но они вернутся, — добавил он.

— В эту долину, — подхватила Сиоба.

— Используем скалы вокруг долины, чтобы спрятать наши отряды, — согласился Беллик, развивая идею.

— Они вернутся в долину, — эхом откликнулся Лютиен, — где их будут ждать команды стрелков.

Наступила длинная пауза, собравшиеся обменялись полными надежды улыбками. Они знали, что эти циклопы дисциплинированы, но если удастся заставить их отступить в долину, а затем дать им понять, что они попали в ловушку, хаос, который начнется сразу

после этого, может подтолкнуть их к бегству, а враг, бегущий в панике, представляет наименьшую опасность.

— Но если они не отступят после первой атаки, наших сил может не хватить, — вставил Бринд Амор, просто желая напомнить, что их план может оказаться не столь легко выполнимым, как это представляется в теории.

— Мы опрокинем их в любом случае, — сурово пообещал Шаглин, хлопая молотом по ладони, чтобы подчеркнуть свои слова. Посмотрев на его мрачное лицо, Бринд Амор поверил гному.

Осталось только расставить войско соответствующим образом. Лютиен и Сиоба собрали большую часть разведчиков, включая всех каттеров, и бесшумно направились на юг двумя отрядами, проскользнув мимо лагеря циклопов и двигаясь по краям долины, чтобы занять оборонительные позиции на склонах. Беллик и Шаглин распоряжались на передовой линии, состоящей из девяти тысяч воинов, — больше половины из них составляли гномы.

Бринд Амор потребовал спланировать все в деталях, потому что волшебник понимал, что ему придется найти для себя наиболее подходящее место. Магия должна была стать необходимой составляющей, особенно при первом ударе, если они хотели заставить одноглазых двигаться. Но волшебник также понимал, что должен быть осторожен, потому что, если он полностью раскроет себя, те циклопы, которым удастся выбраться из ловушки, распусят слухи, которые полетят перед его войском на всем пути до Карлайла.

У старого волшебника имелось в запасе одно заклинание, тонкое, но дьявольски эффективное. Ему нужно было только сообразить, как наиболее полно использовать его.

Два отряда воинов по пятьсот человек вышли в путь этой ночью, обходя циклопов с флангов. Безмолвные лучники передвигались стремительно. Лютиен и Сиоба держались вместе. Они вели тот отряд, который обходил лагерь циклопов с востока. Союзники обогнули долину перед рассветом, осторожно спустились по склонам и заняли позицию как раз в тот момент, когда на севере раздались первые звуки битвы.

Около двух тысяч воинов Эриадора наступали справа, еще две тысячи — слева, но именно центральный отряд атакующих — пять тысяч мрачных, яростных гномов, налетевших на циклопов как лавина, — довели преторианскую гвардию до безумия. Передовые отряды циклопов были просто ошеломлены, похоронены под весом топающих башмаков, но, как и предполагал Бринд Амор, войско оказалось хорошо обученным и быстро перегруппировалось, подготовившись к решительному отпору.

Вот тут Бринд Амор и начал действовать. Циклопы понимали, что враг превосходит их численностью, но явно были готовы сражаться насмерть. Держа две кружки, наполненные чистой водой, волшебник откинул одну руку влево, другую вправо, ни на миг не прерывая заклинание и слегка пританцовывая, — его ноги двигались так, как это было предписано законами магии.

Вода выплеснулась из кружек и, казалось, рассеялась в воздухе, но на самом деле она распространилась таким тонким слоем, что стала невидимой.

Завеса расширилась, когда Бринд Амор вложил в нее еще больше магической энергии, и охватила всю линию гномов и эриадорцев. В пыли и сутолоке магическая жидкость приняла форму неразличимого глазом зеркала, иллюзорно удвоившего численность наступающего войска.

Вожди циклопов не были дураками. Конечно, они не могли посчитать нападавших, но им быстро стало ясно, что наступающая армия в три, а то и в четыре раза превосходит их числом и они будут просто сметены. Как ожидали и надеялись нападавшие, в рядах циклопов раздалась команда: отступать через горловину долины к югу.

Те циклопы, что не успели повернуть и обратиться в бегство с достаточной скоростью, очень скоро оказались вовлеченными в схватку с яростными гномами, обычно с двумя или тремя одновременно.

Но большинство преторианских гвардейцев, наклонив головы, пустились наутек и успели вырваться из навязанной им схватки. Приказы передавались командирам групп

быстро и эффективно, как и ожидали Бринд Амор и его друзья. Когда одноглазые добрались до входа в глубокую долину, план вырисовался целиком. Две трети войска циклопов образовали линию обороны у входа в долину, чтобы задержать яростного противника, тогда как остальные одноглазые начали карабкаться вверх по западному и восточному склонам, подыскивая высоты, с которых можно было бы обороняться, — это поставило бы эриадорцев и гномов в очень невыгодное положение.

Находившиеся в засаде Лютиен, Сиоба и тысяча лучников терпеливо ждали, давая одноглазым перестроиться, создать линию обороны и одолеть часть склона.

Яростная битва почти немедленно завязалась у горловины долины, где сошлись в одной точке три отряда эриадорцев. Однако впереди по-прежнему оставались свирепые гномы, бесстрашно нападавшие на циклопов, бывших гораздо выше их ростом. Циклопы и гномы погибали в равной мере, но объединенный удар передового отряда заставил преторианскую гвардию медленно отступить.

Одноглазый военачальник, стоя на склоне чуть ниже, не так далеко от Лютиена, выкрикивал приказы, призывая своих солдат укрепить каменистый выход горной породы, который должен был послужить первым оборонительным препятствием здесь, на восточной стене.

Лютиен взял лук и наложил на него стрелу. Сегодня предводитель-военачальник станет его первым убитым врагом.

— Свобода Эриадора! — крикнул он, подавая сигнал, и выпустил стрелу, безошибочно угодившую в спину врагу; циклоп рухнул со склона вниз головой. Вокруг Лютиена и по всему склону эриадорские лучники выскочили из своих укрытий, и рой смертоносных стрел обрушился на ошеломленных циклопов.

— Свобода Эриадора! — опять выкрикнул Лютиен, выскакивая из-за камня. Он выхватил меч и прыгнул вниз, на площадку. Сиоба, выпустив вторую стрелу и убив второго циклопа, хотела спросить его, куда это он помчался, но не стала и лишь громко рассмеялась над своим взволнованным другом.

Дождь стрел продолжался, кое-где циклопы и эриадорцы перешли в рукопашную. Однако люди удерживали более высокие позиции, и при поддержке лучников основная часть схватки закончилась тем, что множество циклопов были убиты, а другие бросились бежать вниз.

Но дно долины тоже оказалось не лучшим местом для ошеломленных одноглазых. Отряд у горловины продержался некоторое время, но так как ему неминуемо пришлось отступить под напором гномов и эриадорцев и войти в долину, вся видимость порядка тут же нарушилась, перемешалась в плавильном котле подлинного хаоса. Облака пыли поднимались со дна долины, камни с грохотом срывались с окружающих ее скал, и победные крики вместе с воплями агонии эхом отдавались от суровых камней.

Вскоре Сиоба обнаружила, что не в состоянии прицелиться, ей закрывали обзор густая пыль и циклопы, валившиеся вниз со склонов. Она подняла лук и перебралась через каменный козырек, осторожно спускаясь вниз и зовя Лютиена.

Внезапно полуэльфийка заметила группу циклопов, которые упорно лезли вверх. Они находились в нескольких ярдах сбоку от нее и в десятке ярдов ниже. Сиоба немедленно вскинула лук и натянула тетиву, но помедлила мгновение, обшаривая взглядом тропинку перед одноглазыми в отчаянной попытке найти Лютиена. Безусловно, циклопы поднимались как раз по той тропе, по которой он спускался, и следовательно, эти твари неизбежно наткнутся на него, и очень скоро!

Первый одноглазый, огромный, трехсотфунтовый мускулистый циклоп, ухватился рукой за камень, затем забросил туда ногу и подтянулся, чтобы стать во весь рост на высоком валуне. Но тут же он пошатнулся и яростно вскрикнул, и Сиоба без труда поняла причину его бешенства, потому что из-за валуна показалось лезвие знакомого меча. «Ослепительный» проткнул одноглазого насквозь, и наверху быстро очутился Лютиен; он выдернул меч из тела циклопа и столкнул одноглазого вниз.

Тот упал на следующего, который, в свою очередь, повалил третьего.

Младший Бедвир бросился наверх, опустил меч и поднял лук. Три стрелы вылетели одна за другой, и каждая нашла свою цель в копошащемся клубке тел.

— Черт побери, — пробормотала Сиоба, выпуская стрелу, которая немедленно пригвоздила одного из циклопов, отделившегося от группы. Затем полуэльфийка с изумлением и восхищением увидела, как Лютиен снова поднял меч и, издав боевой клич: «Свобода Эриадора!», прыгнул через каменную бровку вниз, в самую гущу копошащихся циклопов, щедро раздавая удары.

Сиоба быстро поняла, что ее беспечный молодой друг вполне справляется с положением, поэтому принялась высматривать другие цели. Впрочем, она скоро поняла, что это не самая легкая задача, потому что бой был в самом разгаре. Обе линии обороны циклопов к тому времени не выдержали, поскольку умелые воины-гномы Беллика организовали тесные боевые группы, больше похожие на живые изгороди, которые разрезали на части любые формирования одноглазых. На отставших циклопов, отделившихся от своих рядов, немедленно налетали эриадорцы, входившие в отряды поддержки, и враги попадали под удары мечей и боевых топоров, их пронзали копьями или же просто сминала своей массой армия эриадорцев.

У входа в долину за всем происходящим удовлетворенно наблюдал Бринд Амор. Он хорошо потрудились — они все хорошо поработали, — и теперь те циклопы, которым удастся унести ноги из этой бойни, будут бежать без остановки до самого Эйвона, распространяя слухи о вступившей в их земли армии, причем вдвое большей, чем на самом деле.

«В несколько раз больше», — тут же подумал волшебник. Уж он-то знал, что в панике отступления солдаты имеют обыкновение увеличивать количество вражеских воинов как минимум вдвое, а если добавить к этому незамысловатый трюк волшебника...

Чародей обратил внимание на схватку, завязавшуюся на нижних склонах западной части долины, где группа циклопов укрылась в кольце больших валунов. Небольшой отряд эльфов пытался справиться с ними, но позиция одноглазых была более выгодной.

Бринд Амор вновь начал творить заклинание, раскинув руки, и когда его слова породили магическую энергию, свел руки вместе, хлопнув в ладоши.

Камни оборонительного кольца циклопов внезапно сдвинулись и покатались, придавив парочку одноглазых, а других оставив без прикрытия.

Эльфы тут же налетели на них, тонкие шпаги пробили отчаянную оборону пораженных циклопов, уложив их на месте за несколько секунд. Один из эльфов выпрямился на упавшем камне, покачивая головой. Он взглянул на восток, увидел спокойно стоявшего Бринд Амора и отсалютовал старому волшебнику шпагой.

Затем он и его товарищи бегом бросились вниз, потому что еще не все циклопы были уничтожены.

Бринд Амор вздохнул и спустился в долину, цитируя про себя старое стихотворение, весьма возвышенное, которое он запомнил в дни своей юности, много веков назад, когда использовал магию, чтобы помочь построить легендарный Собор.

Стихотворение называлось «Долина Смерти», и буквально через несколько шагов волшебнику пришлось переступить через тела циклопов, гномов и людей.

Подходящее название.

Лютиен бежал по узкому карнизу над долиной, ища какую-нибудь другую тропу или площадку, потому что следом за ним продвигалась группа убежавших циклопов. Одноглазые не подозревали о его присутствии, но скоро они это обнаружат. Лютиен взглянул налево, на отвесную стену, куда нечего было и пытаться вскарабкаться. Затем он посмотрел направо, вниз, на дно долины, надеясь увидеть Сиобу или кого-нибудь еще из друзей-лучников, которые могли бы пристрелить тех, кто топал за ним. Однако юноша увидел только густое облако пыли. Как назло никого из друзей было не рассмотреть.

Тропинка, петляя, вела дальше, узкая и опасная.

Лютиен не знал, сколько циклопов за его спиной, но, в любом случае, у него не было ни малейшего желания принимать неравный бой здесь, наверху, где практически не было места для маневра. Однако ему, похоже, было не избежать этого, так что следовало прикинуть шансы: он должен ударить сильно и быстро, чтобы хотя бы немного уравнять возможности. Выстрел из лука мог бы убить первого, а если повезет, то первый, падая, прихватит с собой второго или хотя бы замедлит продвижение вражеских солдат, так что Лютиен успеет выпустить еще пару стрел. Но что, если он промахнется или если первый выстрел не свалит циклопа, а лишь слегка ранит его?

Лютиен миновал еще один поворот и решил, что будет драться только мечом, не используя лук. Он остановится и примет бой. Тем более что в этом месте карниз наконец-то расширился, образовав каменистую площадку в несколько квадратных футов.

Со вздохом облегчения Лютиен прижался спиной к стене, надвинул на голову капюшон своего волшебного плаща и замер. Через несколько секунд он услышал топот циклопов, те неуклюже двигались по карнизу, обмениваясь замечаниями о том, как бы перевалить через край долины и сбежать.

Одноглазые завернули за поворот. Выглядывая из-под капюшона, Лютиен сосчитал их, когда они проходили мимо него. Седьмой и последний появился в поле зрения, когда первый уже дошел до противоположного края небольшой площадки.

Юноша подумал, что ему, пожалуй, следовало прибавить ходу и не останавливаться, чтобы сразаться с этой отчаянной командой. Однако эта мудрая мысль мгновенно исчезла, когда храбрый молодой Бедвир сообразил, что задний конец цепочки циклопов представляет собой легкую мишень. Едва осознав, что делает, Лютиен выскочил из расщелины в стене и плечом столкнул последнего циклопа вниз. И тут же отважный воин развернулся с «Ослепительным» в руке и ударил следующего циклопа в бедро, когда изумленный одноглазый повернулся посмотреть, что происходит.

Лютиен удвоил силу удара, вцепившись в меч обеими руками, и сбросил с карниза и второго циклопа. Третий, стоя уже на узкой части тропы, заревел и повернулся, держа меч наготове. Лютиен бросился вперед, не давая ему ступить на более широкий участок, где к нему могли бы присоединиться товарищи. Двое шедших впереди одноглазых, думая, что их преследуют злобные эриадорцы, только ускорили бег, исчезнув так быстро, как только позволял им бежать узкий карниз. Другие двое остановились и повернулись, крича что-то своему сражавшемуся товарищу. Лютиен быстро работал мечом, не давая циклопу ни секунды передышки.

— Они здесь! — заорал он, оглядываясь через плечо, как будто ожидая подкрепления.

Его выпады и хорошо знакомый плащ дали понять циклопу, с кем он столкнулся.

— Алая Тень! — завопил глупец. Его товарищам этого оказалось достаточно. С типичной для циклопов преданностью они бросили своего друга сразаться одного и удрали.

Ужас заставил одноглазого, дерущегося с Лютиеном, очертя голову ринуться в атаку. Он отступил на полшага, затем бросился вперед, опустив плечо, в надежде, что его смелая тактика застигнет противника врасплох.

Этого не произошло. Лютиен всего лишь отступил назад и в сторону и выскочил на более широкий участок. «Ослепительный» легко пронзил ребра циклопа, когда тот, спотыкаясь, отступил назад.

Молодой Бедвир быстро отдернул меч и, отпрыгнув, занял оборонительную позицию. Циклоп постоял неподвижно, стенав и пытаясь повернуться лицом к противнику. Наконец ему удалось сделать это как раз вовремя, чтобы увидеть ступни Алой Тени, потому что молодой человек подпрыгнул и ударил его обеими ногами, спихнув с карниза.

В следующую секунду Лютиен уже стоял на ногах.

— Да, ты прав, именно Алая Тень, — сказал он вслед летевшему вниз циклопу. Юноша восстановил дыхание и побежал по узкой тропе, преследуя четверых сбежавших циклопов. Уверенный, что они не станут стоять и дожидаться, Лютиен сунул «Ослепительный»

обратно в ножны и достал из-за спины лук, на бегу наложив на тетиву стрелу.

Испуганные циклопы и думать забыли о том, что на опасной тропе следует соблюдать осторожность, и у Лютиена возникло некоторое преимущество. Он успел выпустить одну стрелу и попал последнему циклопу в голень как раз в тот момент, когда тот пытался скрыться за поворотом тропинки. Циклоп споткнулся и исчез из поля зрения, но Лютиен понимал, что он не мог убежать дальше. Юноша достал меч и пошел вперед, замедлив шаги у поворота.

Он обнаружил, что циклоп, тяжело привалившись к скале и согнувшись, одной рукой держит меч, другой зажимает кровоточащую рану на ноге. Его товарищ, в десяти футах впереди, на карнизе, с тревогой ожидал дальнейшего развития событий.

Лютиен осторожно шагнул вперед и сделал выпад. Раненый одноглазый отбил прямое нападение, но чуть не упал от сильного удара. Его товарищ взревел и сделал шаг вперед, но младший Бед вир положил этому конец, всего лишь перехватив «Ослепительный» левой рукой, а правой потянувшись к луку, висевшему на плечах. Второй циклоп обратился в бегство.

— Твой товарищ сбежал, — сказал он раненому циклопу. — Я советую тебе сдаться.

Циклоп опустил оружие и хотел было встать, затем внезапно бросился вперед, храбро размахивая мечом.

Одним движением Лютиен повел луком справа налево, затем наверх и назад, отведя меч нападавшего в сторону. Вновь «Ослепительный» появился в руке Лютиена и ударил потерявшего равновесие циклопа прямо в сердце. Тот тяжело упал на каменную стену и медленно сполз по ней вниз, его безжизненный глаз холодно уставился на Лютиена.

Молодой Бедвир посмотрел вперед и увидел, что узкая часть карниза кончается, выводя на более широкую тропу. У него явно не было шансов догнать убежавших циклопов прежде, чем они отыщут подходящее местечко для драки на широкой тропе. Лютиен со вздохом глянул на дно долины, затем обвел взглядом тропу, которая могла привести его туда. Однако непонятный шум быстро заставил его повернуться: к его изумлению, два сбежавших циклопа сломя голову неслись назад по карнизу, то и дело оглядываясь назад и совсем не обращая внимания на то, что могло оказаться перед ними.

Лютиен отпрыгнул от тела одноглазого, которого он убил минуту назад, и вжался в стену, опять используя волшебный камуфляж своего великолепного плаща. Выглянув из-под капюшона, он увидел, как последний циклоп споткнулся, затем, мгновением позже, упал лицом вниз.

Оставшийся циклоп опустил голову и в ужасе завопил, перепрыгивая через тело товарища, которого он оставил лежать мертвым у стены.

Лютиен прыгнул вперед, одноглазый на секунду замешкался, затем бросился на нового врага.

Крепко сжимая «Ослепительный» обеими руками, Лютиен сделал выпад назад и упал, пронзив циклопа, оказавшегося над ним. Тот сделал кувырок и соскользнул с окровавленного лезвия. Циклоп рухнул спиной на карниз и уже не смог подняться, потому что Лютиен бросился к нему и его меч погрузился в тело циклопа, закончив начатую работу.

Лютиен ничуть не удивился, когда из-за поворота карниза с луком в руке появилась именно она.

— Сегодня я убила восьмерых, — гордо объявила Сиоба.

— Значит, ты отстаешь, — сообщил ей усталый Лютиен, поднимая меч, с которого капала кровь. — Мой сегодняшний счет — четырнадцать, стало быть, шестнадцать — четырнадцать в мою пользу.

Полуэльфийка сурово взглянула на молодого человека.

— Путь до Карлайла еще долог, — мрачно заметила она.

Друзья обменялись улыбками.

— Они отступают, — сообщил Шаглин двум королям, Беллику и Бринд Амору, когда

обнаружил их среди группы эриадорцев и гномов в середине длинной долины.

— В полном беспорядке, — добавил другой гном. — Бегут, как и следовало ожидать от таких трусов, как они!

— Значит, полный разгром, — констатировал Беллик, и все согласились с ним. Потери у объединенной армии людей и гномов были на удивление невелики, но циклопы, судя по сообщениям, потеряли убитыми около двух тысяч.

Король гномов повернулся к Бринд Амор.

— Мы должны поскорее начать преследовать их, — сказал Беллик, — настичь их, пока они бегут в полном беспорядке, прежде чем эти твари успеют занять оборонительные позиции.

Старый волшебник долго обдумывал его слова. Существовало множество различных соображений, и не последним из них был тот факт, что основная часть их припасов все еще находилась на пару миль северней долины. Однако доводы Беллика казались весьма существенными, потому что, если они позволят панике разгрома улечься, преторианская гвардия быстро перегруппируется и тогда ее невозможно будет застать врасплох.

— Я поступлю так, как вы скажете, — клятвенно произнес Беллик, понимая сомнения старого волшебника. — Но я молю вас позволить моим гномам довершить то, что они начали.

Все гномы, слышавшие эти слова, разразились криками, и Бринд Амор понял, что если он станет удерживать на месте страстных воинов Дун Дарроу, это вызовет у них чувство негодования, совершенно ненужное в данный момент и даже опасное для армии.

— Ведите свое войско, — сказал он Беллику. — Но не слишком спешите. Пусть одноглазые побегают как следует. Мои солдаты подберут раненых и доставят припасы, и мы станем лагерем вот там, — Бринд Амор указал на южный конец долины. — Возвращайтесь к ночи, чтобы мы могли обсудить планы на завтра.

Беллик кивнул, скрывая под огненной бородой широкую ухмылку. Он, хотя и с трудом, дотянулся до плеча Бринд Амора и хлопнул по нему, а потом отошел в сторону, и его обступили рвущиеся в бой подданные.

— Наш путь ведет в Карлайл, — запели в толпе, и негромкое пение постепенно перешло в грозный рокот.

20 ВИДЕНИЕ

В этот день Лютиен командовал основным отрядом солдат Эриадора — они разбивали лагерь, перевязывали раненых, хоронили мертвых. Хотя юноша сомневался, что циклопы перегруппируются и вернутся, чтобы напасть на них, он предпочитал проявить максимум осторожности. К узкой части долины были высланы разведчики, лучники заняли позиции на склонах, над лагерем.

Бринд Амор провел остаток дня в своей палатке один, хотя солдаты, проходившие мимо, слышали, как волшебник негромко разговаривает с кем-то. Он вышел только после заката солнца и обнаружил, что Сиоба и Лютиен расставляют ночные патрули по периметру лагеря. Многие из гномов Беллика, включая Шаглина, вернулись переполненные рассказами о нападениях на бегущего врага.

— Все идет хорошо, — обратился Бринд Амор к Лютиену и Сиобе, когда все трое улучили наконец минутку, чтобы поговорить.

Лютиен с любопытством посмотрел на волшебника, подозревая, что Бринд Амор провел день в магическом контакте с другими армиями вторжения, и секундой спустя тот подтвердил его предположения.

— Проктор Биллевин со своим отрядом спустились со стены и окружили Принстаун, — сказал волшебник. — И осажденное население, у которого с прошлой войны по-прежнему нет ни гарнизона, ни герцога-волшебника, близко к тому, чтобы сдаться. Сегодня ночью

полномочный мэр Принстауна встретится с проктором Биллевином и Кэйрин Калтуэйн, чтобы обсудить условия.

Лютиен и Сиоба обменялись удовлетворенными кивками, на это они и рассчитывали. Принстаун, окажи он серьезное сопротивление, мог стать основным препятствием для войск восточных земель. Стоило задержаться даже на несколько дней — и они могли бы не успеть к Карлайлу вовремя.

— Восточный флот находится у берегов острова Далсен Берра, — продолжал Бринд Амор, — третьего из Пяти Стражей.

— Потери? — спросила Сиоба.

— Ничего существенного, — ответил волшебник. — Похоже, что гораздо больше независимых островитян встали на нашу сторону, чем взялись за оружие против нас.

— К недовольству хьюготов, без сомнения, — саркастически заметила Сиоба.

Лютиен укоризненно взглянул на нее, не одобряя подобный пессимизм, но полуэльфийка оставалась непоколебимой.

— Должны же они пополнять запас рабов, — произнесла Сиоба как нечто само собой разумеющееся. Младший Бедвир понял, что отважная воительница вторит Оливеру. «Оливер де Берроуз, моя совесть», — подумал Лютиен и передернулся от этой мысли.

— Не совсем так, — возразил Бринд Амор на слова Сиобы. — Хьюготы держатся далеко в море, следуя за нашими судами и надеясь остаться незамеченными Гринспэрроу. Пока они не участвовали ни в каких операциях и не подали ни единой жалобы на капитана Лиари.

Новости были удивительными, но благоприятными. Даже Лютиен, хранивший веру в перемирие, не ожидал, что хьюготы будут так хорошо себя вести в течение длительного времени.

— Твой брат, конечно, знает правду, — продолжал Бринд Амор. — Он понимает наше стремление оградить ни в чем не повинных мирных жителей от жестоких варваров. Но Этан убедил короля Асмунда, что кружной курс придуман для его галер лишь затем, чтобы Гринспэрроу не заметил раньше времени новых союзников Эриадора.

— И Асмунд верит ему? — несколько скептически поинтересовался Лютиен.

— Хьюготы свято блюдут договор, — ответил Бринд Амор, и на этом обсуждение закончилось.

— А как насчет западного флота? — спросила Сиоба, и в ее голосе ясно слышалась тревога, хотя девушка и пыталась ее скрыть. Лютиен представил миниатюрного хафлинга рядом с величественной воительницей и с трудом скрыл ухмылку. Однако это видение исчезло раньше, чем успело принять четкие формы, потому что одно упоминание об их флоте на западе всколыхнуло воспоминания о Кэтрин. Лютиен быстро напомнил себе о своем долге и расправил плечи, но так и не смог избавиться от страха за свою любовь. Лютиен никогда не пытался удержать Кэтрин в стороне от битвы, особенно сейчас, когда победа была так важна, но он хотел, чтобы она хотя бы находилась рядом с ним, чтобы он каждую минуту мог знать, что с ней все в порядке. Лютиена поразила мысль, что, возможно, Бринд Амор намеренно отослал Кэтрин так далеко от него. И молодой Бедвир вынужден был признать, что, может быть, это не так и плохо. Как бы он мог воевать, как бы он мог бросать свой отряд в рискованное сражение, зная, что Кэтрин — среди его воинов? Она стала храбрым и умелым бойцом, и за ней не было нужды присматривать, но если у него так болит сердце за нее, разве Лютиен смог бы не охранять ее поминутно?

— От северо-восточных земель и Трех островов подошли все силы, — сообщил им Бринд Амор. — Они уже готовы и выйдут из Порт-Чарлея утром, когда начнется прилив.

Да, для них обоих сейчас лучше быть врозь, признался себе Лютиен, но это отнюдь не успокоило его страхи.

— Все на месте, отличное начало для военной кампании! — бодро сказал Бринд Амор, и его заросшее бородой лицо озарилось белозубой улыбкой.

На этом встреча завершилась. Когда они с Сиобой вышли, Лютиен заметил выражение

лица полуэльфийки и понял, что она скрывает ту же тревогу за далекого друга, что и он сам. Однако, без сомнения, Сиоба более сдержанна в своих мыслях об Оливере. Лютиен не стал упоминать об их общем волнении — какой смысл?

— Наш путь ведет в Карлайл, — внезапно сказал он, повторяя строку песни гномов.

Сиоба удивленно взглянула на него, а затем на ее лице появилось выражение благодарности за напоминание о неотложном деле.

— Я пойду на восток, — сообщила она. — И проверю посты.

— А я на запад, — сказал Лютиен, и, кивнув друг другу, они расстались.

Каждый был признателен другому за то, что остался в одиночестве.

Улыбка Бринд Амора исчезла, как только он вошел в свою палатку. Обстоятельства действительно выглядели благоприятными и вдохновляющими, первые победы достались легко. Разгром преторианской гвардии в горах превзошел их самые смелые ожидания, равно как и поведение их союзников хьюготов. Но волшебник успел приобрести достаточный опыт, чтобы умерить свое ликование. Ни один из эриадорских флотов еще не сталкивался с боевыми кораблями Эйвона, и хотя Принстаун вот-вот сдастся (если уже не сдался), этот северный город вражеского государства никогда не рассматривался как серьезный фактор, от которого зависел их дальнейший успех. В конце концов, перед последним перемирием Эриадор уже захватывал Принстаун, и тогда там тоже не было ни гарнизона, ни кого-либо из волшебников-герцогов, приближенных Гринспэрроу.

Первые, легко доставшиеся победы... но ведь именно на это они и рассчитывали еще до вторжения. Однако было бы глупо со стороны эриадорцев и их союзников преисполниться самоуверенности теперь, когда эти запланированные победы стали явью.

Волшебник хорошо знал, что предстоящий путь с каждым шагом будет становиться труднее и опаснее.

Скоро основному отряду Бринд Амора предстоит нелегкий спуск по реке Данкертн, в самом сердце Эйвона, к Уорчестеру.

— Уорчестер, — вслух произнес Бринд Амор. Он знал этот город, потому что бывал в нем множество раз в далеком прошлом. Он больше походил на крепость, а стены — такой же высоты, как у самого Карлайла.

По сравнению с этим участком пути недавняя битва с преторианской гвардией покажется всего лишь пустяковым столкновением, потому что, когда они встретят организованное сопротивление, враг будет сильно превосходить численностью армию Бринд Амора. Даже если они пробьются, эриадорцам придется пройти еще двести миль по враждебной территории, прежде чем они достигнут высоких стен укрепленного Карлайла.

И перспективы западного эриадорского флота представлялись равно сомнительными. Смогут ли сорок галеонов с эскортом рыбацких судов благополучно пройти через узкий пролив Мэн, прямо между мощными укреплениями Мэннингтона и Эорн Фаста? Барандуин мало учитывался при всех военных приготовлениях, но, говоря по правде, дикий зеленый остров обладал гораздо более сильной флотилией, чем Эриадор, если даже собрать воедино все их боевые корабли.

Еще хуже, по расчетам Бринд Амора, выглядело магическое противостояние. Он был один, а его вид магии — могущество, приобретенное путем использования природной стихии: яркого солнца и ветра, силы шторма или крепости дерева, — миновал стадию наивысшего расцвета много веков назад. Бринд Амор вступил в схватку с герцогом Парагором и его демоном и едва уцелел. Как сможет он выступить против других союзников Гринспэрроу, полных дьявольской силы? И как он сможет противостоять самому Гринспэрроу, который был так же стар, как он, но бодрствовал все эти века, набираясь могущества?

Исход предстоящей войны внезапно показался Бринд Амору почти безнадежным, но он понимал, что у него нет выбора. После того как его открыто провозгласили королем в Кэр Макдональде, в то время как на троне Эйвона восседал злобный чародей Гринспэрроу,

сохранить мир все равно стало невозможно. Теперь, когда герцоги Моркней и Парагор погибли, а Ресмор сидел в темнице Кэр Макдональда, когда Принстаун дрогнул, обессиленный недавней войной, именно теперь настало время, может быть, последний истинный шанс для Эриадора стряхнуть власть мрачного короля Гринспэрроу.

Бринд Амор сел на раскладную кровать и потер усталые глаза. Минутой позже ему показалось, что у него начались галлюцинации, — большая птица резко сложила крылья и безмолвно проскользнула сквозь складки полога палатки.

Сова?

Птица порхнула к перекладине столба в центре палатки, на которой висел фонарь. Она прямо смотрела на Бринд Амора, как будто узнавая его, и маг догадался, что это не случайная встреча.

— Ну, и что же тебе надо? — спросил волшебник, задаваясь вопросом, не нанес ли ему визит Гринспэрроу собственной персоной, желая отомстить.

Сова слегка повернула голову, и Бринд Амор замолчал, прочитав нечто странное в огромных глазах ночной птицы. Не отражение, а образ каменной башни, высокой и узкой, с плоской площадкой наверху, стоявшей среди диких гор. Величественная колонна из выветренных камней.

— Бринд Амор!..

Зов был отдаленным, очень отдаленным, подобным шепоту ночного ветерка.

— Что тебе надо? — снова спросил старый волшебник у птицы, на этот раз почти беззвучно.

Сова сорвалась с перекладины и вылетела из палатки, не издав ни звука.

Бринд Амор снова потер глаза и оглядел палатку, размышляя, не задремал ли он. Волшебник посмотрел на свой хрустальный шар, думая, что, возможно, там он найдет какие-то ответы, но затем покачал головой. Он провел много часов, вступая в контакт со своими военачальниками на западе и востоке, и был сейчас слишком утомлен, чтобы снова посылать свои мысли в хрустальный шар.

Он лег на кровать и вскоре заснул глубоким сном.

Проснувшись на следующее утро, он почти поверил, что случай с совой был не более чем сонным видением усталого старика.

21

СЕМЯ БУНТА

Как прекрасно чувствовал себя Лютиен — ветер бьет в лицо, земля стелется под копытами Ривердансера! Отряд наконец покинул горы, и теперь перед ним расстиралась местность, где Лютиен мог скакать во весь опор на своем бесценном коне!

Ривердансер, после того как ему пришлось много миль тащиться по мучительной каменистой дороге, теперь, казалось, наслаждался галопом еще больше, чем его хозяин. Юноше постоянно приходилось сдерживать могучего белого жеребца, иначе он легко перегнал бы всех остальных всадников, спускавшихся со склонов гор вместе с ним, даже Сиобу и остальных каттеров.

Как обычно, они составляли авангард, острие эриадорской армии, и единственный ее кавалерийский отряд. Из-за трудностей пути через горы взяли только двести лошадей, и более трети из них сейчас не могли нести всадников из-за разных проблем, возникших на тяжелой дороге, многие лошади повредили копыта.

Однако Ривердансер находился в прекрасном состоянии и рвался скакать галопом. Лютиен натянул поводья и пустил лошадь спокойной легкой рысью, когда они выехали на последний, пологий участок склона. Сиоба, верхом на высоком и изящном гнедом, поравнялась с ним и тут же указала на дымок, поднимавшийся над поселением к югу от них. Рядом с ней извивалась огромная серебряная змея — река Данкерн.

— Согласно карте Бринд Амора, перед нами Пипери, — сообщил ей Лютиен. — Самое

северное из поселений на берегах Данкерн.

— И наша следующая цель, — мрачно заметила Сиоба. Она оглянулась по сторонам на сотню всадников, скачущих рядом, затем вновь повернулась к Лютиену.

— Надо ли нам разделить на более мелкие отряды или остаться вместе?

Лютиен секунду обдумывал ее слова. Сперва он собирался разделить отряд на несколько разведывательных групп, но когда Пипери замаячил впереди, путь для армии казался очевидным.

— Вместе, — решил он наконец. — Мы отправимся к югу, затем свернем на северо-восток, чтобы подойти к Данкерн там, где она стекает с гор. Затем опять на юг вдоль реки, чтобы разведать дорогу до города.

Сиоба взглянула на простирающиеся перед ними южные земли, проверяя маршрут, и кивнула в знак согласия.

— Циклопы не станут ждать, пока мы войдем в город, — заметила она.

Эта мысль, казалось, нисколько не обеспокоила Лютиена.

Пару миль отряд двигался на юг, заходя к Пипери с запада. В тени сосновой рощицы они дали лошадям долгожданный отдых, пока Лютиен отправил нескольких всадников разведать местность, особенно путь на северо-восток, по которому им предстояло вскоре направиться.

Разведчики, ушедшие прямо на восток, к городку, вернулись очень скоро — с сообщением, что к ним быстро приближается отряд численностью от двухсот до трехсот циклопов, включая сорок кавалеристов верхом на яростных вепреконях.

— Мы могли бы обогнать их и вернуться в горы, — напомнил разведчик.

— Мы могли бы обогнать их и ворваться в Пипери, — предложила Сиоба.

Мысли Лютиена склонялись к чему-то среднему. Его отряд был меньше, но имел огромное преимущество маневренности. Вепрекони, напоминавшие кабанов-бородавочников размером с пони, были злобными животными с сильными ногами и хищными мордами, а циклопы — хорошими наездниками, но все же свирепые скакуны уступали в скорости настоящим лошадям.

— Мы не можем позволить себе потерять ни одного всадника, — сказал Лютиен Сиобе. — Но если это часть ополчения Пипери, тогда лучше столкнуться с ними здесь, на открытом пространстве, чем дать им вернуться в укрепленный город.

— Нет сомнения, что они считают нас разведывательным отрядом, — ответила Сиоба. — Который не решится ввязаться в драку.

— Придется преподать им урок, — решил Лютиен.

Затем младший Бедвир послал примерно половину своего отряда на север, в обход, тогда как они с Сиобой повели оставшихся навстречу циклопам. Лютиен выстроил всех в цепочку поперек горного кряжа, так что, когда вражеский отряд приблизился, циклопы увидели их, но и он смог оценить силы противников.

Сведения, принесенные разведчиками, оказались верными. Оба кавалерийских отряда были примерно равными по силе, по подсчетам Лютиена. Однако циклопы не знали, что отряд эриадорцев в основном состоит из эльфов, которые повсеместно слыли лучшими наездниками и лучниками.

Лютиен обвел взглядом зеленые поля на севере, но второй отряд еще не появился в поле зрения. Ему оставалось только надеяться, что они не встретили противника, иначе весь его план мог провалиться.

— Кавалерия впереди, — заметила Сиоба, глядя на быстро перестраивающиеся ряды циклопов: наездники на вепреконях заняли первый ряд, пешие воины шли за ними. Полуэльфийка улыбнулась, потому что именно такое развитие событий и предсказывал Лютиен.

Молодой Бедвир понял, что пора начинать атаку. Он выхватил из ножен «Ослепительный» и высоко поднял его над своей головой. В ответ в воздух взлетели более пятидесяти мечей.

Пролетело несколько долгих мгновений, и казалось, сам воздух дрожит от напряжения. Лютиен взмахнул мечом, и они ринулись вниз с холма.

Циклопы взревели в ответ, и грохот копыт бегущих лошадей слился с топотом вепреконеи.

Эльфийские мечи и «Ослепительный» неожиданно опустились, умелые эриадорские всадники молниеносно вложили их в ножны. Оружие ближнего боя было в данном случае не чем иным, как ловушкой, чтобы раззадорить диких циклопов, поскольку эриадорцы не собирались биться с ними врукопашную. По команде Лютиена вверх взлетели луки.

Глаз циклопа и так представлял собой нечто огромное и выпуклое, а глаза преторианских гвардейцев еще и расширились, когда они осознали, что попались на уловку и теперь окажутся под сильным обстрелом гораздо раньше, чем поравняются с врагом.

В течение последующих нескольких секунд Лютиен Бедвир чувствовал себя просто новичком среди опытных воинов. Он вскинул лук и выпустил стрелу, которая прошла в непосредственной близости от цели, но все же мимо. Хотя юноша считался прекрасным наездником и замечательным лучником, к тому времени, как он был готов выпустить вторую стрелу, большинство эльфов, скакавших рядом с ним, уже выпустили по три стрелы, а то и по четыре.

И большая часть попала в цель.

Хаос воцарился в рядах циклопов, когда вепреконы стали спотыкаться и падать или в ужасе попятиться. Жалющие стрелы попадали и в животных, и в их седоков, ломая строй наступления циклопов. Некоторые одноглазые продолжали двигаться вперед, другие повернули и обратились в бегство.

А затем новая волна шума и топота коней прокатилась через поле, когда вторая половина эриадорских всадников вылетела с севера, стреляя из луков в пеших циклопов.

Лютиен вновь выхватил «Ослепительный», приближаясь к первому ряду циклопов. Он направил Ривердансера к одному из вражеских командиров, но стрела опередила его, свалив одноглазого. Лютиен легко изменил направление, проскочив мимо оставшегося без седока вепрекона, и направился к другому циклопу. Одноглазый повернулся в седле, пытаясь выхватить меч и отбить удар, но юноша отвел «Ослепительный» в сторону и, пролетая мимо, ударил врага по почкам.

Со стоном циклоп рухнул вперед, тяжело ударившись о мускулистую шею вепрекона.

Лютиен заметил еще одну цель и бросился к ней; его алый плащ, развеваясь на ветру, летел за ним. Циклоп, как и большинство его товарищей, не захотел вступить в схватку и обратился в бегство.

Лютиен пустил Ривердансера в галоп и помчался вдогонку. Спустя несколько мгновений он опустил меч на толстый затылок одноглазого. Затем пришлось поспешно отскочить в сторону, чтобы не столкнуться с вепреконеи, хозяин которого соскользнул на землю.

Многие из пеших циклопов бросились бежать, но другие выстроились квадратом, закрывшись со всех сторон тяжелыми щитами и выставив длинные пики, готовые проткнуть любого всадника, который рискнет приблизиться к ним. Этот квадрат решительным маршем отправился прямо туда, откуда они появились, к Пипери.

Эриадорцы продолжали атаковать одноглазых, особенно заинтересованные в уничтожении каждого всадника, который отбился от основной группы, но когда эльфы-разведчики, наблюдавшие за дорогами дальше к востоку, сообщили, что на помощь первому отряду из Пипери идет подкрепление, Лютиен понял, что нужно остановиться и дожидаться подхода основных сил.

Он окинул поле удовлетворенным взором, отправляясь со своими всадниками на запад. Погибла пара лошадей, три всадника были ранены, но лишь один из них — серьезно. Циклопы же так легко не отделались. Более десятка вепреконеи лежали мертвые или умирающие на траве, и еще двадцать бродили без всадников. Меньше четверти из сорока циклопов-кавалеристов смогли уйти, почти половина лежали на поле мертвые, рядом с

несколькими пехотинцами.

А самое главное, отряд Лютиена еще раз встретился с врагом на чужой территории и обратил его в бегство. Теперь Лютиен снова был готов выполнять свою разведывательную задачу, но у него не оставалось сомнений, что армия Эриадора с легкостью проделает этот путь. Дорога до Пипери, во всяком случае, будет несложной.

В маленькой церкви Пипери брат Соломон Кейз опустился на колени, склонил голову и сложил руки, погрузившись в молитву. Сильно отличаясь от огромных соборов крупных городов Эйвонси, церковь имела всего два помещения: небольшой зал для молитвенных собраний и келью самого Соломона Кейза. Квадратное каменное строение не могло похвастаться пышным убранством: церковные скамьи были на самом деле простыми деревянными лавками, алтарь представлял собой стол, пожертвованный церкви после смерти одной из наиболее состоятельных вдов Пипери. Однако для многих в крошечном городишке церковь служила таким же источником гордости, какими были великолепные соборы для жителей Принстауна и Карлайла. Несмотря на то что циклопы — сборщики налогов для Гринспэрроу, включая одного особенно отвратительного по имени Аллаберксис, использовали церковь для сбора налогов, Соломон Кейз изо всех сил старался сохранить святость этого места.

Он надеялся, он молился, что теперь его усилия будут вознаграждены, что вторгшаяся армия, которая, если верить слухам, приближалась с невероятной скоростью, пощадит набожных людей из его небольшой паствы. Кейзу было всего двадцать пять лет. Практически всю свою жизнь он прожил при царствовании короля Гринспэрроу и, следовательно, как и большинство жителей Пипери, никогда раньше не встречался с эриадорцами. Они слышали истории о диких жителях севера, о том, как эриадорцы едят детей в покоренных деревнях прямо на глазах их родителей. Кейз также слышал рассказы о злобных гномах — головорезах, как их звали в Эйвоне, хотя, по слухам, они не резали голов, но имели склонность давить своими башмачищами головы мертвых и раненых врагов. И он слышал об эльфах, рожденных от фей, «дьявольской икре», которые маскируют свои рога под уши и бегают голыми при свете звезд, вознося нечестивые дары дьявольским силам.

А еще Кейз слышал шепот об Алой Тени, и эти рассказы, более чем какие-нибудь другие, заставляли жителей городка дрожать от страха. Алая Тень — ночной убийца, приходивший безмолвно, как сама Смерть.

У Соломона Кейза хватало ума понять, что большинство слухов, которые распространялись о злейших врагах его королем, были, скорее всего, враньем или как минимум сильным преувеличением. Однако повсюду говорили, что около десяти тысяч этих страшных врагов приближаются к Пипери, а все ополчение городка, включая немногих представителей преторианской гвардии, спустившихся с гор, составляло не более трех сотен. Так что из каких чудовищ ни состояла бы вражеская армия, Пипери все равно нечем было обороняться от ужасного вторжения.

Размышления Кейза были грубо прерваны, так как дверь церкви распахнулась и группа одноглазых ворвалась внутрь. Священник сразу понял, что это преторианская гвардия, а не регулярное ополчение Пипери.

— Все готово, чтобы развернуть здесь госпиталь, — спокойно сказал священник, не поднимая глаз.

— Мы пришли за десятиной, — объявил Аллаберксис, врываясь вслед за своими здоровенными стражниками. Вся группа, не замедляя шага, пересекла молитвенную комнату, пинками отшвыривая скамьи к стенам.

Соломон Кейз окинул недоуменным взглядом старого морщинистого циклопа, самого старого и морщинистого из всех, кого видели люди в этих краях. Его глаз был налит кровью и выпвел, обычная похоть циклопа давно покинула иссохшее тело. Однако сейчас в глазу Аллаберксиса сверкала какая-то особая искра, и Соломон Кейз распознал в ней простую жадность.

— У меня есть бинты, — растерянно произнес Кейз. — Какой сейчас прок от денег?

Один из преторианских стражников подошел прямо к нему и, оттолкнув священника, свалил его на пол.

— Там есть коробка, за алтарем, — дал указание Аллаберксис. — А ты, — велел он другому циклопу, — обыщи жилье этого дурака-священника.

— Но это деньги паствы, на покупку семян! — запротестовал Кейз, вскакивая на ноги. Однако он получил удар от другого циклопа, который сшиб его с ног и несколько раз пнул в ребра беднягу, беспомощно скорчившегося на полу.

Соломон Кейз осознал, что слухи были правдивы. Эта группа, как и многие преторианские стражники, спустившиеся с Айрон Кросса, собиралась бежать на юг, возможно, по приказу треклятого Аллаберксиса.

Кейз не мог сопротивляться циклопам, поэтому он лежал очень тихо и молился, прося Бога наставить его. Он глубоко вздохнул, когда вся команда убралась из церкви.

Однако чувство облегчения было недолгим, потому что священник быстро понял суть действий Аллаберксиса.

Пипери был отдан в жертву. Гвардия короля Гринспэрроу не считала, что стоит спасать крошечный городишко.

Армия Эриадора стала лагерем неподалеку от Пипери, растянув свои ряды далеко на восток и запад. Кавалерийский дозор был выслан на юг от городка, чтобы убедиться, что немногие оставшиеся одноглазые бежали. У Бринд Амора не было намерений позволить разбитой северной армии Гринспэрроу пробежать весь путь до Карлайла или, возможно, до Уорчестера, где они могли перегруппироваться под прикрытием высоких городских стен.

В одной из таких разведывательных вылазок быстрый кавалерийский отряд Лютиена наткнулся на странную группу преторианских гвардейцев, которой руководил самый старый одноглазый из всех, что когда-либо видел молодой Бедвир. Циклопы были убиты, и, пробираясь между их тел, Лютиен нашел кошель, на котором было помечено, что это вклад в общинную казну.

Младший Бедвир счел это обстоятельство немаловажным и усмотрел здесь некую возможность, благодаря которой его надежда на успех похода увеличилась. Он ничего не сказал об этом по возвращении в лагерь, желая обдумать все получше, прежде чем доложить о своих соображениях Бринд Амору, который по неизвестной Лютиену причине казался в этот вечер каким-то рассеянным.

— Вы опасаетесь за исход предстоящей битвы? — спросил Лютиен, пытаясь прощупать мысли своего старого друга, когда они вдвоем обходили территорию огромного лагеря.

Бринд Амор усмехнулся в ответ на эти слова.

— Если бы я боялся Пипери, я бы никогда не отправился на юг, зная, что впереди находятся Уорчестер и Карлайл! — ответил волшебник. Он остановился у маленького водоема и наклонился, чтобы освежить лицо водой. Он сделал паузу, прежде чем его рука коснулась воды, и замер, потому что на воде вдруг появилось любопытное видение, уже знакомая ему узкая и высокая каменная колонна с плоским верхом.

— Бринд Амор.

Зов принесло ветром. Бринд Амор оглянулся, пытаясь понять, что за скалы отразились в воде, но нигде поблизости не было видно такой башни.

— Что это? — встревожившись, спросил Лютиен. Он тоже огляделся, хотя не имел понятия, что он ищет.

Бринд Амор отмахнулся, и на этот раз Лютиен ничего больше от него не услышал. Волшебник обдумывал призыв, тонкий и сугубо личный, вспомнил о сове и о видении в водоеме и внезапно понял, что он знает ответ.

Он надеялся, что не ошибся, поскольку, если его догадка подтвердится, эти любопытные события вполне могут изменить ход предстоящей битвы.

— Хорошенько следите за периметром лагеря, — сказал старый волшебник и быстро зашагал прочь от Лютиена.

Лютиен окликнул его, но без толку, Бринд Амор даже не замедлил шага.

Вернувшись в палатку, волшебник поспешно достал хрустальный шар. Образ странной каменной башни отчетливо проступал в мыслях, и примерно через час утомительнейшего, сосредоточенного блуждания он смог восстановить его в хрустальном шаре. Затем Бринд Амор позволил сотворенному образу стать реальным местом действия и медленно изменил перспективу внутри хрустального шара, ища какие-нибудь приметы около башни, которые могли бы помочь ему определить ее местонахождение. Вскоре он был уверен, что башня находится в горах Айрон Кросса, не слишком далеко на северо-восток и наверняка ближе к побережью.

Волшебник убрал изображение из хрустального шара и расслабился. Он тщательно обдумал свои действия, понимая, что все происходящее может оказаться ловушкой. Да, возможно, это один из его друзей, равных ему, из давно прошедших веков, который вновь бодрствует и готов присоединиться к справедливому делу Эриадора. А возможно, это Гринспэрроу, который хочет заманить его в ловушку, и тогда Эриадор останется без короля и без волшебника, способного противостоять магии герцогов, герцогини и самого короля Эйвона.

— Сейчас не время проявлять чрезмерную осторожность, — вслух произнес Бринд Амор, собираясь с силами. — Не время праздновать труса!

Бринд Амор мысленно прикинул их шансы в предстоящей войне, вспомнил, как рисковали все храбрые люди Эриадора, поставив на карту свою истинную свободу.

Старый волшебник знал, что он должен сделать.

22

ЛОВУШКА ДЛЯ ОХОТНИКА

Той же ночью Бринд Амор тихо выскользнул из палатки. Луна уже зашла, и звезды чуть поблескивали там, где их можно было разглядеть сквозь разорванный полог густых черных туч. Волшебник, возбужденный мыслями о сложной задаче, стоявшей перед ним, энергично прошагал через весь лагерь, мимо спящих воинов, слыша богатырские раскаты храпа нескольких тысяч гномов, и вышел за внешнюю границу лагеря, по пути сотворив простое заклинание, чтобы даже особенно бдительные часовые-эльфы не смогли обнаружить его. Сейчас у Бринд Амора не было ни времени, ни желания отвечать на какие-либо вопросы.

Он прошел еще около полумили, направляясь к каменистому плоскогорью, к некоей поляне, окруженной кленами, вязами, березами и соснами. Внезапно маг заметил, что некоторые листья на деревьях уже слегка пожелтели, — осень быстро приближалась.

Глубоко вздохнув, Бринд Амор вызвал в памяти заклинание — на этот раз отнюдь не простое. Затем он закружился в медленном танце, тщательно выверяя каждое движение. Каждый его жест был символичен и характерен для того, во что он собирался превратиться. Вскоре его руки широко раскинулись, чародей начал вращаться быстрее, наклоняясь и распрямляясь при каждом повороте. Теперь его руки изгибались в плавных взмахах — возможно, слишком плавных для человека.

Тьма вокруг Бринд Амора постепенно рассеивалась, пейзаж стал четким и ирреальным. Обострилось не только зрение, но и слух: он услышал шуршание мыши в траве, наверное, футах в двадцати от него, а пение сверчков внезапно загремело так, словно этот звук усиливался огромными трубами органа в Соборе.

Обе его руки словно вдруг кто-то принялся колоть булавами, колдун взглянул на них и увидел, что его роскошное одеяние превращается в густые мягкие перья. Через секунду уколы перестали ощущаться, так как все тело волшебника стало изменяться и перья оказались естественной частью его новой анатомии.

Земля стремительно ушла вниз, и огромная сова помчалась прочь, беззвучно разрезая

воздух мощными, но мягкими крыльями.

Теперь Бринд Амор ощущал свободу, истинную свободу. Как он любил подобные трансформации! Особенно ночью, когда весь мир людей спит, когда все это кажется просто чудесным сном.

Двигаясь совершенно естественно, волшебник повернулся на бок, так что концы крыльев стали перпендикулярно к земле, и пролетел между двумя близко растущими деревьями. Вылетев с другой стороны, он взмыл вверх, сильно работая крыльями, перья на животе встопорщились от мягкого порыва ветра: приближались горы. Широко раскинув крылья, волшебник медленно поднимался в ночном воздухе, поживаясь от смены воздушных потоков и их температур. Он парил в ночи, стараясь поймать теплые струи воздуха. Бринд Амор направлялся к северо-западу, где горы были наиболее суровыми и непроходимыми, — только волшебная сова могла добраться туда.

Еще час промелькнул почти незаметно, волшебная птица не ощущала ни малейшей усталости. Затем маг оказался среди отвесных склонов и изломанных, иссеченных всеми ветрами каменных колонн. Чародей узнал эту местность, именно ее он ясно видел в своем хрустальном шаре.

Теперь волшебник замедлил полет и постарался держаться ближе к скалам. Именно такой пейзаж проступил сквозь сверкающие грани магического шара, поэтому маг ничуть не удивился, когда, завернув за скалу и поднявшись над зубчатым утесом, он увидел одинокую каменную колонну, похожую на башню с плоской крышей. Она напоминала голый ствол старого узловатого дерева, если не считать того, что углы, изгибы и повороты на протяжении всех пятисот футов ее высоты выглядели более четкими и острыми. Да и вся конструкция в целом производила впечатление неестественности, как будто какая-то огромная неведомая сила выдернула ее из недр земли и поставила в центре скалистой площадки.

Бринд Амор поднялся до середины колонны и пролетел мимо, предпочитая для начала осмотреть все плато с другой стороны. Потом поднялся выше, и оказался почти на одном уровне с плоским верхом загадочной конструкции.

На камнях, в центре небольшой круглой площадки диаметром примерно в пятьдесят футов, виднелась одинокая фигура. Незнакомец смотрел на тлеющие угольки догоравшего костра, съежившись под темным плащом, низко надвинутый капюшон которого полностью скрывал лицо.

Бринд Амор пролетел не более чем в тридцати футах над съежившейся фигуркой, но она не шевельнулась, не подала никакого знака.

«Спит? — удивился старый волшебник. — А почему бы и нет? Чего можно бояться в таком неприступном месте?»

На этот раз волшебник снизился совсем резко, сделав крутой поворот в воздухе. Бринд Амор размышлял, стоит ли еще раз облететь площадку, и попытаться выяснить, что его там ожидало.

В конце концов он решил, что не может позволить себе тратить время на подобные предосторожности, собрался с духом и спикировал вниз, на камень, приземлившись по другую сторону костра от укутанной фигуры.

— Отлично проделано, король Бринд Амор, — произнес знакомый женский голос, когда волшебник начал превращение обратно в человека. Фигурка распрямилась и отбросила назад огромный капюшон. — Я знала, что ты сумеешь найти меня.

Сердце Бринд Амора упало, когда он узнал герцогиню Диану Велворт. Он даже не слишком удивился, поскольку уже почти смирился с тем, что никого из древнего братства чародеев нет в живых. И все же он ощутил укол уязвленного самолюбия: это надо же, с такой охотой ринуться в расставленную ловушку! К тому же на плечи тяжелым грузом опустилось чувство одиночества.

— Приветствую тебя, — спокойно произнесла Диана, и ее тон дал Бринд Амору время прийти в себя. Кроме того, чародей осознал, что она обратилась к нему как к королю Бринд Амору, но он пока не знал, как это следует понимать. Маг оглянулся, размышляя, не следует

ли ему вновь превратиться в сову и убраться отсюда, пока не поздно.

Однако старый маг решил довериться собственным силам и посмотреть, к чему приведет эта встреча. В конце концов, рано или поздно нечто подобное должно было произойти. Возможно, лучше покончить с этим сейчас, прежде чем слишком много жизней будут отданы напрасно.

— Тебя приветствуют также герцог Эшаннон Макленни из Эорн Фаста на Барандуине, — продолжала Диана, — и герцог Мистигал из Ивеншорна, и герцог Тередон Риз из Уорчестера.

Диана называла имена, и их владельцы появлялись в поле зрения, словно выходя из-за завесы ночного неба.

Бринд Амор почувствовал себя глупцом. Почему он не рассмотрел их сквозь такую простую магическую маскировку? Конечно, от совы, пусть даже волшебной, трудно ожидать способностей провидца, но ведь он просто мог долететь до ближайшего горного пика и вновь превратиться в человека, а затем оглядеть плато сверху, прежде чем спуститься туда. Его нетерпение, его отчаянная надежда на то, что один из его собратьев присоединится к нему, привели к такой ужасной ошибке.

Три герцога стояли на равном расстоянии друг от друга. Бринд Амор окинул их взглядом, выискивая слабое звено, которое даст ему возможность спастись. Однако Диана Велворт вновь удивила не только его, но и трех своих товарищей. Она подняла перед собой круглый сосуд с голубой жидкостью, произнесла всего одно слово и бросила его вниз. Сосуд угодил прямо в костер, разлетелся вдребезги, огонь изверг сноп белого пламени. Потом пламя почти исчезло, но из шипящих угольков поползла волна густого тумана. Волна распространилась во всех направлениях, обойдя четырех изумленных людей. Затем она достигла края плато и двинулась вверх и назад, к центру.

Туман исчез, но вместо него возник светящийся синий полог, энергетический колпак, который охватил все плато. Теперь оно было ярко освещено мрачным светом.

На Бринд Амора это действительно произвело впечатление, он понимал, что Диана, должно быть, провела много дней, а возможно, и недель, изобретая такое заклинание. Он не был уверен в свойствах колпака, но полагал, что это нечто вроде барьера, который нельзя разрушить ни физически, ни при помощи магии и который не даст ему уйти. Однако насколько он окажется эффективным — ну, это уже другое дело, волшебник не сомневался, что он может противостоять любому трюку, сотворенному любым из приближенных Гринспэрроу.

Но сколько у него осталось времени?

— Вы прибегли к вероломству? — сказал Бринд Амор, и в его голосе явственно прозвучало презрение. — Как низко может пасть волшебник, забыв о своей чести. Вы что же, превратились в обычных воришек?

— Уж конечно, ваше древнее и святое братство никогда бы на это не пошло, — саркастически откликнулся Тередон Риз из Уорчестера.

— Никогда, — ровным голосом подтвердил Бринд Амор. Старый король долгим, пристальным взглядом окинул выскочку-волшебника. Тередон оказался плотным, мускулистым мужчиной средних лет. У него были густые, вьющиеся, черные волосы, темные глаза смотрели напряженно. По правде говоря, мужчина скорее напоминал воина, чем мага, как внешне, так и по характеру. Бринд Амор подумал, что, возможно, он сумеет обернуть это качество против Тередона.

Он перевел взгляд на Мистигала. Мистигал! Какие амбиции заставили его поменять имя? А ведь он, разумеется, поменял его, потому что никакому ребенку в век, последовавший после гибели братства волшебников, не дали бы имя Мистигал! Казалось, он старше Тередона, изящный и воспитанный, с ястребиными чертами лица. Судя по некоторым признакам, этот человек частенько злоупотреблял магией. Бринд Амор определил его как ричера, вспомнив старый термин, который использовался в братстве для определения тех волшебников, которые стремились к большему могуществу, чем им позволяли интеллект и

магические способности. Любые нападения со стороны такого волшебника, как правило, грандиозны по своему характеру, на вид весьма впечатляющи, но реальной силы за ними кроется очень немного.

Герцог Барандуина выглядел самым спокойным и, следовательно, наиболее трудным противником из трех мужчин. Эшаннон Макленни был красивым мужчиной, а если судить по глазам, он отличался ровным характером, любопытством и спокойствием. Ясно мыслит; возможно, в прошлые века он был бы принят в братство. Бринд Амор помедлил, окинув Эшаннона оценивающим взглядом, затем посмотрел на Диану. Он достаточно хорошо знал ее, чтобы относиться к ней с уважением. Диана обладала всеми необходимыми качествами: она была умна, хорошо воспитана, прекрасна собой, опасна, и у волшебника не оставалось сомнений, что в древние времена она рвалась бы к высшим магическим доблестям и вполне могла их достигнуть. Возможно, эта женщина окажется самым сильным противником, и не случайно Бринд Амор, составляя план военной кампании Эриадора, не стал посылать войско против города Дианы, Мэннингтона.

В те несколько секунд, что он провел, обводя взглядом своих противников, Бринд Амор беззвучно шептал заклинания, творя скромную магическую защиту. Моток проволоки оказался у него в руке и стал постепенно раскручиваться в рукаве, затем под туникой, и вот наконец проволока впилась в башню рядом с его башмаком, зацепившись за камень. Затем волшебник беззвучно вызвал и собрал всю влагу из воздуха вокруг себя, но не стал концентрировать ее. Еще не время. Бринд Амор наложил условное заклинание, чтобы завершить то, что он начал, и ему оставалось только надеяться, что магические приемы при названных условиях сработают достаточно быстро.

— А где Гринспэрроу? — внезапно спросил Бринд Амор, когда заметил, что все остальные, особенно Тередон и Мистигал, обменялись кивками, как будто приготовившись к первой атаке.

Тередон презрительно фыркнул.

— Зачем нам беспокоить нашего короля по такому пустяку, как выдернуть занозу — этого короля-самозванца из пустыря, называемого Эриадором?

— Парагор тоже так говорил, — спокойно ответил Бринд Амор. Это на мгновение сдержало заносчивого Тередона.

— Но нас четверо! — зарычал Мистигал, подбадривая Тередона и самого себя этим заявлением.

Теперь Бринд Амор сотворил заклинание, которое слегка изменило его зрение, так что он смог видеть магическую энергию. Сила шатра, созданного Дианой, вновь поразила его, когда он увидел частоту магического плетения. Однако больше всего волшебника удивило то, что он не обнаружил иных магических завес, за которыми могли прятаться новые противники. Не было ни Гринспэрроу, ни, к его изумлению, демонов.

Затем он уловил в глазах Дианы лукавую искорку, значение которой осталось для него неясным.

— Бежать невозможно, — сказала она, а затем добавила, как будто читая его мысли. — Никакая магия и никакое вызванное магическое существо не смогут пройти через синий барьер. Вы не можете уйти или вызвать союзников.

Как будто бы в подтверждение слов Дианы, жуткая фигура прижала насекомообразную физиономию к верхней части колпака и яростно уставилась на всех выпученными глазами.

Бринд Амор узнал в существе демона и недоуменно почесал в затылке, размышляя, почему выходец из ада оказался по ту сторону колпака.

— Диана! — внезапно вскрикнул Мистигал.

Бринд Амор перевел взгляд с демона на ястребообразного волшебника.

— Ваш друг? — осведомился он с широкой улыбкой.

И Мистигал, и Тередон слегка передернулись, очевидно, они испугались, что главный заговорщик совершил ошибку, отгородив их непроходимым барьером прежде, чем их союзники, их могущественные помощники, успели присоединиться к ним.

— Демон ада, — ответила Диана Бринд Амору, — мои товарищи стали сильно полагаться на подобных духов зла.

«Мы вовсе не друзья короля Гринспэрроу, и мы больше не можем считать справедливой его власть, порожденную злом», — услышал вдруг Бринд Амор чье-то мысленное сообщение. Он взглянул на Эшаннона, герцога Эорн Фаста, догадавшись, что это он отправил сообщение, а затем маг осознал, что Диана вовсе не сделала ошибки! Да, женщина действительно действовала коварно, но у нее имелась иная цель — вовсе не та, которую первоначально предположил Бринд Амор.

Второй демон, похожий на ящерицу с двумя головами, появился рядом с первым, оба прижались к пузырю и бешено зацокали по нему когтями — безрезультатно.

— И в этом их ошибка, — мрачно ответил Бринд Амор Диане.

Мистигал взглянул вверх на купол, на его лице появилось выражение глубочайшей тревоги.

— Что все это значит? — требовательно спросил он у Дианы, которая теперь стояла, покачиваясь, опустив голову и плечи, как будто сотворение чудесной сферы истощило все ее силы.

Конец заданного вопроса утонул в шипящем взрыве синей молнии, запущенной Тередоном, — наиболее распространенная форма атаки, известная любому волшебнику.

Но Бринд Амор предвидел это. Старый волшебник выбросил руку вперед, по направлению к Тередону, в момент зарождения удара, ощутил покалывание в пальцах, когда его защитная магия начала противодействовать, принял молнию Тередона концом сотворенной им проволоки и пропустил ее вниз, в камень под ногами. Бринд Амор почувствовал, как все волосы на его теле встали дыбом от удара, сердце забилося в несколько раз быстрее, но потом сердцебиение выровнялось. Говоря по правде, удар был не слишком силен, больше хвастовства, чем дела.

— Щекотка — и ничего больше, — сказал Бринд Амор Тередону. Старый волшебник посмотрел вверх, на купол. — Похоже, заклинание герцогини Мэннингтон вполне подействовало. Ты не можешь воспользоваться могуществом своего демона, или, возможно, твой демон не так уж могуч.

— Но я-то принадлежу к старой школе, к школе истинной магии, — продолжал Бринд Амор, решительно шагнув к Тередону. Он бросил несколько взглядов сбоку на Эшаннона и Диану, размышляя, что они предпримут дальше. — Мне не нужны дьявольские союзники!

— Диана! — взревел Тередон, быстро отскакивая в сторону, чтобы оставить между собой и опасным Бринд Амором как можно большее расстояние.

Старый волшебник остановился и закрыл глаза, тихо творя нараспев заклинание.

— Диана! — взвизгнул в ужасе Тередон, понимая, что Бринд Амор собирается поразить его каким-то магическим трюком.

Когда Бринд Амор открыл глаза, никакая энергия не выплеснулась наружу, но хитрая улыбка старого волшебника не принесла утешения Тередону. Крепкий мужчина отступил к заднему концу сферы. Он увидел своего помощника-демона, прижавшего обе свои чудовищные головы к неподатливому пузырю. Тередон поднял к нему руки, стараясь коснуться его, зарядиться его мощью. Прошло несколько секунд, и волшебник в отчаянии начал колотить кулаками по магическому куполу.

Бринд Амор снова сделал шаг по направлению к Тередону, затем, замерцав, исчез и внезапно вновь появился прямо за спиной коренастого волшебника. Король Эриадора схватил Тередона за плечо и резко повернул его, затем, прежде чем более молодой и сильный мужчина успел даже крикнуть, неожиданно ударил его открытой ладонью. Трескучие красные искры мгновенно вылетели из пальцев Бринд Амора и вонзились в лицо противника. Тередон закричал и дрожащими руками вцепился в руку Бринд Амора.

Двуглавый демон Тередона отлетел, затем вернулся на полной скорости, со страшной силой ударившись о прозрачный купол, но купол устоял, а демон отпрыгнул, как мяч.

За своей спиной, сквозь вопли демона и Тередона, Бринд Амор услышал, как Мистигал

творит заклинание, и секундой позже огненный шар взорвался в воздухе прямо между Бринд Амором и его противником.

Огонь, та единственная стихия, против которой успел принять меры Бринд Амор, являлся одним из самых предсказуемых средств нападения волшебников. В ту же секунду, когда появился огненный шар, вся влага, которую собрал Бринд Амор, образовала защитный покров вокруг него. Когда пламя не очень мощного огненного шара исчезло, старый волшебник даже не обжегся, однако дым поднимался сразу из нескольких мест на теле бедного Тередона и таял в водяных испарениях, которые теперь окружали обоих.

Бринд Амор оглянулся через плечо и увидел, что Диана и Эшаннон устремились к бедному Мистигалу. Старший, похожий на ястреба чародей пятился, выкрикивая имя Дианы.

Боковым зрением Бринд Амор поймал движение, когда подобный жуку демон бросился к куполу, затем упал, явно ударившись о камни. Секундой позже земля под ногами Дианы дрогнула, и женщина отшатнулась в сторону, благодаря чему Мистигал получил некоторое пространство для маневра. Безумный демон Тередона присоединился к сотоварищу, и вскоре площадка зашаталась, как на бурных волнах, так что все пятеро внутри купола с трудом удерживались на ногах.

Но заклинание Дианы было сотворено на совесть, так что защитный купол уцелел и демоны не смогли причинить ему сколько-нибудь значимый ущерб.

К этому моменту Тередон стоял на коленях, слабо цепляясь за руку Бринд Амора, почти не в состоянии сопротивляться гораздо более могущественному истинному волшебнику. Зная, что тот находится полностью в его власти, Бринд Амор обратил свой взгляд на Мистигала, который по-прежнему взывал к Диане, требуя, чтобы она пришла в себя. На всякий случай маг постарался держаться подальше от нее и Эшаннона.

Бринд Амор начал творить другое заклинание и протянул свободную руку в сторону Мистигала.

Диана и Эшаннон теперь работали вместе, так что вскоре они загнали в угол и стали медленно приближаться к человеку с ястребиным лицом; Эшаннон заходил справа, Диана — слева.

Земля вновь покачнулась под ногами Эшаннона, и он отлетел к Диане, а Мистигал с воплем бросился направо, чтобы спрятаться за спиной оступившегося герцога. Однако он успел сделать только пару шагов, до того как Бринд Амор завершил свое заклинание и щелкнул пальцами. Словно привязанный к невидимой веревке, Мистигал внезапно полетел вперед, так что его ноги почти не касались земли. Он пронесся прямо между Дианой и Эшанноном, сбив их с ног, и продолжил свой невольный полет через всю площадку, упав лицом в открытую ладонь поджидающего его Бринд Амора.

Из ладони чародея снова вылетели красные искры, и Бринд Амор, не тратя даром времени, заставил ослабевшего человека опуститься на колени у задней стены купола.

Диана и Эшаннон вновь обрели равновесие и теперь с безопасного расстояния наблюдали за проявлением могущества Бринд Амора. Эшаннон вопросительно кивнул в сторону этой троицы, но Диана покачала головой и не стала приближаться.

Старый волшебник склонил голову набок и закрыл глаза, полностью сконцентрировавшись на выбросе энергии. Тередон все еще цеплялся за его руку, но хватка этого крепкого мужчины была уже не так сильна. Мистигал вовсе не оказывал никакого сопротивления, лишь беспомощно взмахивал руками, когда красные искры попадали ему в голову.

Бринд Амор настроил себя на магию противников — внутреннюю область волшебного могущества. Он чувствовал здесь линию энергии, связь с яростными демонами. Он чувствовал, как эта линия начала прогибаться и затем, сперва у Мистигала, а следом и у его товарища, распалась окончательно.

С жутким воем, эхом отдававшимся от окрестных скал, демон-насекомое отправился обратно в ад, и земля под куполом Дианы перестала трястись так сильно. Тередон, казалось, стал меньше ростом, но все же зарычал и заставил себя встать на ноги.

Бринд Амор выпустил Мистигала, который немедленно рухнул на каменистую площадку, и сосредоточил все свое внимание на более сильном противнике. Оба замерли на какое-то время в напряженных позах, но затем стержень энергии Тередона, как и Мистигала, развалился. Бринд Амор отпустил его, и тот стоял, покачиваясь, недоверчиво уставясь на старого волшебника. Затем, когда вся его сила, физическая и магическая, покинула тело, Тередон упал лицом вниз на землю.

Камни под ногами старого волшебника неожиданно перестали качаться, так как двухголовый демон исчез, как и его похожий на жука товарищ, — их связь с этим миром явно оборвалась.

Бринд Амор повернулся лицом к герцогу и герцогине, не вполне уверенный в том, чего следует от них ожидать. Он старался сохранить угрожающее выражение лица, но на самом деле опасался, что Эшаннон, Диана, или они оба, теперь бросятся на него, а сил для сражения у престарелого мага почти не осталось.

Двое переглянулись, затем сделали осторожный шаг вперед. Диана высоко подняла открытые ладони, демонстрируя мирные намерения.

Мистигал жалобно застонал. Тередон лежал беззвучно и неподвижно.

— Он не придет в себя, — твердо сказал Бринд Амор. — Я лишил его магии, уничтожив того убогого волшебника, которым он был! — Бринд Амор постарался, чтобы его слова звучали угрожающе, но Диана только кивнула, как будто ожидала чего-нибудь подобного.

— Мы не враги тебе, — сказала она, правильно поняв тон и язык жестов старого волшебника. — Наш общий враг — Гринспэрроу, а он, похоже, потерял еще двоих из своих герцогов-волшебников.

С шипением и хлопком синий купол исчез.

— Удачное заклинание, — похвалил Бринд Амор.

— Оно оттачивалось годами, — ответила Диана. — В ожидании того дня, который, как я знала, обязательно придет.

Бринд Амор с любопытством взглянул на нее.

— И ты сумела сотворить такую могущественную магию без помощи своего демона? — подозрительно спросил он.

— У меня нет демона, — спокойно ответила она.

— У меня тоже, — добавил Эшаннон.

Бринд Амор скептически оглядел герцога Эорн Фаста, чувствуя, что этот человек не так уверен в своем положении или, возможно, не так хорошо себя в нем чувствует, как Диана.

— Я предпочитаю старые методы, — сказала молодая женщина. — Методы братства.

Бринд Амор понял, что верит ей, хотя если бы и не поверил, все равно ничего прямо сейчас не смог бы изменить. Он слишком устал как для нападения, так и для побега с плато. Диана тоже выглядела измученной. Она медленно подошла и низко наклонилась, рассматривая двух лежащих на земле герцогов.

— Тередон мертв, — сообщила она без каких-либо чувств в голосе, оглянувшись на Эшаннона. — Но Мистигал жив.

Эшаннон кивнул, подошел к краю плато и прыгнул прямо в ночное небо. Бринд Амор уловил трепет воздуха, когда мужчина превратился в какую-то большую ночную птицу, а затем исчез.

Чародей вопросительно взглянул на Диану.

— Разговорчивый парень, — заметил он.

— Герцог Макленни многим пожертвовал ради этого дня, — ответила она. — Возможно, слишком многим, и вы должны быть довольны тем, что он не присоединился к Тередону и Мистигалу против вас.

— Но он не присоединился и ко мне, — подчеркнул Бринд Амор. Диана не ответила, она просто вернулась в центр площадки и вылила какую-то жидкость в угасающий костер.

Огонь немедленно возродился, омывая женщину своим теплым оранжевым свечением.

— Подтащите Мистигала к огню, — попросила она Бринд Амора. — Он не заслуживает смерти от холода в таком отдаленном безымянном месте.

Это были последние слова, произнесенные молодой женщиной за эту ночь. Диана долго сидела, глядя на огонь, казалось, даже не замечая Бринд Амора, который, уложив Мистигала у костра, сел напротив нее.

Старый волшебник не стал задавать ей вопросов. Он понимал, сколь противоречивые чувства терзали Диану, понимал, что молодая женщина только что отбросила верования, которые поддерживали ее большую часть жизни.

23 ЗНАЙ СВОИХ ВРАГОВ

В прохладной предрассветной темноте Лютиен и Беллик вместе подошли к палатке Бринд Амора. Оба были полны энтузиазма и готовы к новым битвам. Фонарь на столбе у входа в палатку почти прогорел, а внутри было абсолютно темно. Они вошли внутрь, собираясь разбудить Бринд Амора. Атака на рассвете стала привычным делом, тогда у армий впереди имелся целый день на сражение.

Слабый свет фонаря проник в палатку вместе с ними, но его было достаточно, чтобы увидеть, что волшебника здесь нет.

— Должно быть, уже вышел и бродит поблизости, планирует атаку, — сказал Беллик, но Лютиен внезапно усомнился. Что-то было не так, он это сразу почувствовал.

Лютиен подошел к койке волшебника и понял, что на ней не спали предыдущей ночью, что подтвердило его подозрения. Одного этого обстоятельства уже было достаточно, но Лютиена не покидало ощущение, что еще что-то выглядит не так, как всегда. Он осмотрелся, но не увидел ничего необычного. Вся мебель была в порядке, стол посередине, рядом табурет, на столе лежал хрустальный шар. Маленький письменный стол Бринд Амора стоял в глубине, напротив кровати, и на нем грудились пергаменты, в основном карты, и несколько мешочков, наполненных снадобьями и компонентами для заклинаний.

— Пошли, — сказал Беллик от входа. — Нам надо отыскать старика и выработать единый план.

Лютиен кивнул и медленно двинулся за ним, продолжая оглядываться через плечо, уверенный, что здесь что-то не так. Он вышел из палатки на слабый свет догорающего фонаря, Беллик опережал его на несколько шагов.

— Хрустальный шар! — внезапно сказал молодой Бедвир, разворачивая гнома к себе.

— Что?

— Хрустальный шар, — повторил Лютиен, уверенный, что он подметил что-то важное. — Хрустальный шар Бринд Амора!

— Он был там, я уверен в этом, — сказал Беллик. — Прямо на виду, на столе.

— Вот именно. Он же никогда не оставляет его просто так, — сказал Лютиен, быстро возвращаясь в палатку. Он услышал ворчание Беллика, но гном последовал за ним и вошел как раз в тот момент, когда Лютиен уселся на табуретку и сосредоточенно уставился в шар.

— Слушай, может, не стоит? — спросил Беллик. Как и многие из его народа, Беллик всегда настороженно относился к тому, что касалось магии.

— Я не понимаю, почему он не закрыт, — ответил Лютиен. — Бринд Амор никогда...

Лютиен замолчал, когда в шаре внезапно появилось знакомое бодрое лицо старика, обросшее огромной белой бородой.

— А, ну хорошо, — произнес Бринд Амор. — Значит, уже утро, и вы готовитесь к взятию Пипери. Поторопитесь, друзья мои. Я не сомневаюсь в исходе схватки. Не знаю, сколько мне придется отсутствовать, но я удалился, твердо зная, что войско Эриадора в безопасности. Действуйте быстро, но не теряйте головы!

Образ истаял так же внезапно, как и появился. Лютиен взглянул на Беллика, чей

коренастый силуэт четко вырисовывался на фоне откинутого полога палатки.

— Итак, волшебник удалился, — сказал гном. — Не сомневаюсь, что по важному делу.

— Бринд Амор никогда бы не оставил нас, не будь в этом необходимости, — согласился Лютиен.

— Возможно, дело в хьюготах, — размышлял Беллик. При мысли о том, что беда могла случиться с Этаном, у Лютиена сжалось сердце. Или, возможно, беда подошла с другой стороны, с запада, где сейчас находились Оливер и Кэтрин.

Лютиен снова уставился на потемневший хрустальный шар. Он напомнил себе, что выражение лица Бринд Амора было бодрым, а вовсе не мрачным.

— Ну, не важно, — продолжил король гномов. — Нам уже приходилось сражаться под предводительством сразу двух полководцев!

Лютиен понимал, что Беллик имел в виду координацию всех сил союзников, и не мог спорить с гномом, который безусловно превосходил его в этом вопросе. Однако была одна вещь, которую Лютиен хотел обсудить с Бринд Амором до начала атаки. В конце предыдущей войны с Эйвоном, когда он хотел двинуться на Карлайл, Лютиен считал, что несчастные подданные Гринспэрроу поддержат их справедливое дело. Однако затем ему пришлось признать, что его надежды были необоснованными. И все равно юноша до сих пор не мог поверить, что народ Эйвона, мужчины и женщины, во многом похожие на эриадорцев, точно так же страдавшие от жестокости Гринспэрроу и его подручных, циклопов, захотят воевать против Эриадора.

Беллик заворчал и повернул к выходу.

— Не можешь ли ты сам сформировать отряды для наступления? — спросил Лютиен. Гном резко повернулся к нему, и, хотя он не мог разглядеть лицо Беллика, Лютиен почувствовал его удивление.

— Ты собираешься отправиться на поиски Бринд Амора? — недоверчиво спросил Беллик.

— Нет, но я надеялся получить разрешение короля Бринд Амора войти в Пипери до рассвета, до битвы, — ответил Лютиен.

Беллик оглянулся через плечо, затем снова вошел в палатку, явно встревоженный.

— Я хочу разведать их оборонительные линии, — немедленно объяснил Лютиен. — В алом плаще меня не унюхает ни один циклоп.

Беллик окинул юного Бедвира долгим взглядом.

— Ты не поэтому хочешь пойти, — заключил гном, потому что за последние несколько недель он не один раз слышал, как Лютиен говорил о народе Эйвона как о потенциальном союзнике.

Лютиен вздохнул.

— Возможно, у нас есть друзья за стенами Пипери, — признался он.

Беллик не ответил.

— Я пришел просить разрешения короля Бринд Амора, — сказал Лютиен, выпрямляясь. — Но его сейчас здесь нет.

— И, следовательно, ты поступишь, как тебе нравится, — проворчал Беллик.

— И, следовательно, я прошу разрешения у короля Беллика дан Бурсо, который по праву возглавляет армию, — возразил Лютиен, и для приосанившегося Беллика эти слова значили очень много.

— Возможно, тебя ожидает горькое разочарование, — предупредил Беллик.

Лютиен пожал плечами.

— Как минимум я разведую их укрепления, — ответил он.

— А как максимум?

— Я узнаю правду о настроении жителей Эйвона, — без колебаний ответил Лютиен.

— Иди, и побыстрее, — велел ему Беллик. — До рассвета осталось меньше двух часов, а я собираюсь в полдень пообедать в Пипери!

На самом деле Лютиен не имел четкого плана действий, когда под покровом темноты и алой накидки беззвучно перебрался через стену Пипери, представлявшую собой всего-навсего полуразвалившуюся кучу камней.

Он шел от одного темного дома к другому, удивляясь тому, как мало циклопов встречалось ему по дороге. Судя по донесениям разведки и по их последней схватке в предгорьях, Лютиен полагал, что маленький гарнизон увеличился численно и укрепился теми преторианскими гвардейцами, которые смогли убежать после разгрома в горах. Но где же они?

Разгадка пришла тогда, когда Лютиен пересек главную дорогу, на которой виднелись глубокие выбоины после прохода огромного каравана. Караван, судя по всему, направлялся на юг, и не далее, как два дня назад. Перейдя дорогу, молодой Бедвир подошел к городским конюшням, двум зданиям, обнесенным общим длинным забором. Двери конюшен были распахнуты, но оттуда не доносилось ни звука — помещения пустовали. Внутри нашлось лишь несколько лошадиных скелетов — несчастных кляч, похоже, забили на мясо.

Лютиен глубоко вздохнул, отнюдь не вдохновленный горькой реальностью тяжелого военного времени. Он задал себе вопрос, какие еще невзгоды пришлось пережить за последние несколько дней обитателям Пипери, невольным пешкам в крупной игре Гринспэрроу.

Он постарался встряхнуться, напомнив себе, что не имеет права терять ни секунды. Лютиен быстро прошел вдоль главной дороги, прячась в тени, затем вышел к развилке — отсюда дороги шли на юго-запад и на восток — и остановился. Прямо перед ним, в окошке большого строения — по всей вероятности, церкви — горела свеча. С тех пор, как молодой человек вошел в городок, это был первый свет, увиденный им.

Воспрянув духом, Лютиен поспешно перешел дорогу и оказался у стены здания. Он знал, что в Кэр Макдональде Собор всегда и для всех прежде был духовным прибежищем, но проклятый герцог Моркней, подручный короля Гринспэрроу, избрал Собор в качестве своей штаб-квартиры. Может ли действовать та же модель в маленьких городах? Может ли оказаться так, что внутри часовни находится граф или барон, преданный королю Гринспэрроу и держащий все население Пипери в своем железном кулаке?

Быстрый взгляд на восток снова напомнил Лютиену, что у него мало времени. Он скользнул к боковой двери, заглянул в крошечное окошечко, прорезанное в центре ее, и, не увидев поблизости врагов, медленно повернул ручку.

Дверь даже не была заперта, и Лютиен легко открыл ее, четко осознавая, что внутри может оказаться гарнизон циклопов.

К его удивлению и облегчению, помещение оказалось пустым. Он тихо закрыл за собой дверь и оказался в маленькой боковой комнате, жилище местного священника или, возможно, сторожа. Другая дверь, открытая настежь, вела в молитвенный зал. Лютиен поправил плащ, убедился, что тот закрывает его целиком, затем бесшумно подошел к распахнутой двери и заглянул в помещение.

Он увидел одинокую фигуру, стоявшую на коленях в центре церкви, спиной к Лютиену. Белые одежды незнакомца говорили о том, что это священник.

Лютиен кивнул и осторожно вошел, передвигаясь от скамьи к скамье и часто останавливаясь, прижимаясь к стене, когда ему казалось, что человек вот-вот обернется. Приблизившись к центру церкви, он вынул из ножен «Ослепительный», но держал его пока что под плащом.

Теперь он слышал, как священник молится о спасении Пипери. Наиболее интересной показалась Лютиену та часть молитвы, в которой священник просил Бога «оставить маленький Пипери подальше от битв королей».

Лютиен откинул капюшон.

— Пипери лежит на дороге в Карлайл, — неожиданно произнес он.

Священник задохнулся и, с трудом поднявшись на ноги, повернулся лицом к незнакомцу, глаза его расширились от ужаса, рот раскрылся. Лютиен заметил синяки на его

лице, разбитую губу и распухшие глаза. Помня о том количестве циклопов, которые недавно прошли через город, юноша без труда догадался, откуда эти отметины на лице священника.

— Быть врагом или другом Эриадора — выбор за населением Пипери, — закончил Лютиен.

— Кто ты?

— Посланец короля Бринд Амора Эриадорского, — ответил юноша. — Я пришел, чтобы дать надежду отчаявшимся.

Человек внимательно рассматривал Лютиена.

— Алая Тень! — наконец прошептал он.

Лютиен кивнул, а затем протянул руку, чтобы поддержать священника, поскольку тот побелел и покачнулся.

— Я пришел не для того, чтобы убить тебя или кого-нибудь еще, — объяснил Лютиен. — Мне просто необходимо понять, что собираются делать жители вашего города.

— И узнать наши слабые места, — осмелился сказать священник.

Лютиен хмыкнул.

— У меня пять тысяч рвущихся в бой гномов и примерно столько же людей, — объяснил он. — Я видел вашу стену и то, что осталось от гарнизона.

— Большинство циклопов сбежали, — подтвердил священник, глядя в пол.

— Как тебя зовут?

Человек поднял глаза, храбро расправил плечи.

— Соломон Кейз, — ответил он.

— Отец Соломон?

— Еще нет, — признался священник. — Брат Соломон.

— Ты человек Церкви или короны?

— Почему ты думаешь, что это не одно и то же? — ответил Кейз уклончиво.

Лютиен тепло улыбнулся и откинул свой плащ, открыв обнаженный меч, который поспешил вложить в ножны.

— Я знаю, что это разные вещи, — ответил он.

Соломон Кейз не стал спорить.

Пока Лютиен был вполне доволен тем, как складывается разговор. У него возникло четкое ощущение, что для Кейза Бог и Гринспэрроу — это не одно и то же.

— Циклопы? — спросил он, указав на украшенное синяками лицо священника.

Кейз опять опустил глаза.

— Вероятно, преторианская гвардия, — продолжал Лютиен. — Явились с гор, где мы их разгромили. Они прошли через ваш городок весьма поспешно, украли и забили ваших лошадей, забрали все ценное, чтобы это не досталось нам, эриадорцам, и приказали жителям Пипери и, возможно, гарнизону циклопов сражаться до последнего.

Кейз поднял глаза, его мягкие черты отвердели, он пристально смотрел на проницательного юношу.

— Вот так все и происходило, — закончил Лютиен.

— Ты ожидаешь, что я буду это отрицать? — спросил Кейз. — Я не впервые столкнулся с жестокостью циклопов, и для меня она не стала сюрпризом.

— Они — твои союзники, — сказал Лютиен, и в его слегка поднявшемся голосе прозвучало обвинение.

— Они — воины моего короля, — поправил Кейз.

— Это не слишком хорошо характеризует его, — быстроотреагировал Лютиен. Оба мужчины замолчали, давая схлынуть напряжению. Ни одному из них не хотелось ссоры, потому что каждый быстро пришел к выводу, что эта неожиданная встреча может привести к положительным результатам.

— Это была не только преторианская гвардия из Айрон Кросса, — признался Кейз. — Многие циклопы принадлежали к нашему собственному гарнизону. Даже старый Аллаберксис, который живет в Пипери с самых давних...

— Старый? — перебил его Лютиен. Пожилые циклопы были большой редкостью.

— Самый старый одноглазый из всех, кого я когда-либо видел, — сказал Кейз, и резкая интонация его голоса подсказала Лютиену, что этот Аллаберксис тоже принимал участие в нанесении побоев бедолаге священнику.

— Старый и морщинистый, — добавил Лютиен. — Бежал на юг с небольшой командой преторианских стражников. — Выражение лица Кейза подсказало ему, что он попал в цель.

— Увы Аллаберксису, — ровным голосом продолжил юноша. — Мой конь оказался быстрее.

— Он мертв?

Лютиен кивнул.

— А где его кошель? — негодуя спросил Кейз. — Общинные деньги на приобретение семян для жителей, деньги, честно заработанные и необходимые...

Лютиен поднял руку, прервав его:

— Их вернут, — пообещал он. — Позже.

— После того как Пипери будет разграблен! — воскликнул Кейз.

— Этого вполне может не произойти, — спокойно сказал Лютиен, подавив взрыв со стороны священника еще до того, как тот по-настоящему созрел.

Последовала еще одна пауза, пока Кейз ждал объяснения этому более чем интригующему заявлению, а Лютиен обдумывал, как ему начать важный разговор. Он догадывался, что Кейз обладает определенным влиянием на горожан; церковь содержалась в хорошем состоянии, и жители Пипери явно доверяли священнику, раз у него хранились общинные деньги.

— Мы, армия Эриадора и Дун Дарроу, пришли сюда не как захватчики, — начал Лютиен.

— Но вы силой вторглись к нам, перейдя границу!

— Мы защищались, — объяснил Лютиен. — Хотя между нашими королями было подписано перемирие, война Эйвона с Эриадором не закончилась. Наши деревни вдоль всего Айрон Кросса постоянно уничтожались.

— Но это набеги циклопов, — возразил Кейз.

— По приказу Гринспэрроу, — ответил Лютиен.

— Ты уверен?

— Ты видел преторианскую гвардию, спустившуюся с гор? — спросил Лютиен. — Они что, только что явились в Айрон Кросс, чтобы противостоять нашему маршу, или они были там все время, провоцируя войну с Эриадором?

Кейз не ответил. Честно говоря, сказать ему было нечего. За последние несколько недель на север не прошел ни один отряд гвардейцев.

— Гринспэрроу сам вынудил нас двинуться маршем на юг, — настаивал Лютиен. — Он заставил нас вести войну только потому, что мы хотим сохранить нашу свободу!

Кейз расправил плечи. По его лицу было видно, что он верит Лютиену или, по крайней мере, не считает его слова сплошной ложью, но поза священника оставалась по-прежнему напряженной.

— Я предан Эйвону, — сообщил он юному Бедвиру.

— Но не Гринспэрроу! — парировал Лютиен без малейших колебаний. — Он даже не почитает нашего общего бога. Послушай, его союзники — демоны, я знаю это, потому что не однажды сам сражался с этими порождениями ада, на себе ощутил ауру зла, которая их окружает, видел, как дьявольское создание вселилось в тело одного из герцогов, приверженцев Гринспэрроу.

Кейз вздрогнул. Лютиен понял, что тот и раньше слышал разговоры о дьявольских союзниках и потому не мог оспаривать его слова.

— Откуда мне знать, что ты не принадлежишь к захватчикам, сеющим смерть? — спросил Кейз.

Лютиен вынул меч, перевел взгляд с его блестящего острия на побелевшего

священника.

— Почему же тогда ты еще жив? — спросил он.

Младший Бедвир торопливо опустил меч обратно в ножны, не желая еще больше пугать и без того испуганного человека.

— Пипери должен сам решить свою судьбу, — сказал он. Затем оглянулся на восточные окна и увидел, что небо стало светлеть. — Я не требую от вас помощи или присяги на верность моему королю, и я даю слово, что ваш город не будет разрушен, а ваши деньги возвратят. Но если вы выступите против нас, не сомневайтесь, мы убьем вас. Эриадор вступил в войну, и мы ведем ее против любого, кто сохраняет верность дьявольскому королю Гринспэрроу.

С этими словами Лютиен поклонился и пошел к выходу.

— Что же мне делать? — воскликнул Кейз. Лютиен остановился у двери и повернулся к нему лицом.

— Как я могу помешать людям, которые хотят защитить свои собственные дома? — спросил священник.

— Им не придется обороняться, — мрачно сказал Лютиен и вновь повернулся к выходу.

— Но ведь времени не осталось! — взмолился Кейз. — Посмотри, уже почти рассвело! Лютиен остановился в дверях.

— Я сумею задержать их, — пообещал он, хотя сам сомневался в собственных словах. — Я могу дать тебе время до полудня. Церковь объявляется святым убежищем для всех, кроме одноглазых.

— Тогда иди к своей армии, — сказал Кейз, Лютиен поверил, что тот, по крайней мере, сделает все возможное.

Когда Лютиен покинул церковь, на улицах уже появились люди и циклопы, и ему пришлось постоянно петлять, меняя направление. Однако он вышел к стене еще до полного рассвета. Разгоравшаяся заря помогла юноше разглядеть, что позиция Пипери абсолютно безнадежна. Стена находилась в очень плохом состоянии — во многих местах она представляла собой всего-навсего груды камней. Даже на самых крепких участках она была не выше восьми футов и недостаточно толстая, чтобы выдержать напор гномов Беллика, с легкостью крушивших камень.

— Поработай на совесть, Соломон Кейз, — взмолился про себя Лютиен, когда вышел из города и быстро направился через открытые поля. Молодому Бедвиру и думать не хотелось о том, что здесь может произойти кровавая бойня.

Спокойствие царило на полях между лагерем эриадорцев и Пипери — обе стороны ждали боя, который, как они знали, должен был произойти в этот день.

А какой это был прекрасный день! По мнению Лютиена, слишком радостный и светлый для безжалостной битвы. Взошло яркое солнце, дул легкий свежий ветерок, птицы и животные радовались жизни каждый на свой лад.

Ривердансер тоже пребывал в прекрасном настроении, могучий скакун фыркал и бил копытом о землю, когда Лютиен подошел к нему с седлом в руках. Белый жеребец сорвался с места, как только хозяин очутился на его спине.

Лютиен ощутил внезапный приступ тошноты. Он всегда нервничал перед битвой, но на этот раз его терзали особые чувства. Во всех предыдущих битвах Лютиен рвался в бой, зная, что сражается за справедливость. В свете борьбы за правое дело вторжение эриадорцев в Эйвон казалось совершенно необходимым. Однако теперь юноша не мог выбросить из головы мысли о разграбленном и разгромленном Пипери и о таких людях, как Соломон Кейз, лежащих в лужах собственной крови.

Убивать злобных циклопов — это одно, убивать простых людей — это совсем другое, и Лютиен сейчас прекрасно понимал разницу.

Он поднял Ривердансера в галоп и помчался вдоль строя к королю Беллику и Шаглину,

которые осматривали ряды гномов.

— Хорошо, что ты вернулся, — заметил Беллик. — Не пристало тебе находиться среди солдат Эйвона и псов-циклопов, когда мы обрушимся на них!

— Мы должны отложить атаку, — кратко сказал Лютиен. Король гномов повернулся так резко, что его пышная огненная борода выскочила из-под широкого ремня.

— До полудня, — продолжил Лютиен.

— День недостаточно длинен для этого! — захохотал Беллик. — Они увидят нас сейчас, увидят все наши сильные и слабые стороны и изменят свои осторожные пла...

— Пипери ничего не сможет предпринять, — уверил Лютиен короля. Он увидел Сиобу и еще нескольких каттеров, которые приближались к ним вместе с группой командиров эриадорской армии.

— Они абсолютно беспомощны против наших сил, — закончил Лютиен достаточно громко, чтобы подошедшие тоже услышали его.

— Это прекрасная новость, — ответил Беллик. — Тогда давайте войдем и быстро справимся с задачей, а затем поспешим к следующему городу.

Лютиен решительно покачал головой, и Беллик изумленно взглянул на него.

Младший Бедвир выпрямился в седле и огляделся, потому что теперь он обращался ко всем, кто его слышал.

— Пипери почти не окажет сопротивления, — сказал он. — А если мы подождем до полудня, оно будет еще меньше.

Хор стонов раздался со всех сторон в ответ на его предложение.

— И обдумайте как следует все, что нам предстоит, — твердо продолжил Лютиен. — Мы пройдем через дюжину таких городков, прежде чем доберемся даже до стен Уорчестера, а Карлайл еще гораздо дальше. Семена поддержки зреют для нас, я видел их собственными глазами.

— Ты разговаривал с кем-то в Пипери? — спросил Беллик весьма недовольным тоном.

— Только с одним человеком, — уверил его Лютиен. — Со священником, который опасается за сохранность своего города.

— И правильно делает! — раздался крик из толпы, который подхватили многие.

— Сколько ждать? — просто спросила Сиоба, и толпа затихла.

— Дай им одно утро, — попросил Лютиен, в первую очередь обращаясь к Беллику. — За это время они не смогут укрепить свою убогую крепостную стену, а мы окружили городишко, так что не проскочит даже мышь, не то что одноглазые.

— Я опасаюсь отсрочки, — ответил Беллик, но теперь его голос звучал уже не так уверенно. Король гномов не был дураком. Он понимал, какое влияние имеет Лютиен на эриадорцев, каттеров и даже многих его собственных гномов, ведь они отлично помнили, что именно Лютиен возглавил набег, освободивший множество их собратьев от ужасов монфорских рудников. И хотя Беллик сомневался в правоте юноши, он понимал, что опасно открыто противостоять предложениям народного героя.

— Мы потеряем шесть часов до полудня, — признал Лютиен. — Но если я не ошибаюсь, большая часть этого времени ушла бы на битву. И даже если мы не наверстаем эти часы, мы сможем просто ускорить марш к следующему городку.

Лютиен снова напряженно выпрямился в седле и обратился к стоявшей вокруг него толпе:

— Я прошу вас об этом, — крикнул он. — Поверьте мне и сделайте это для меня.

Ответ был мгновенным и единодушным. Беллик понял, что было бы глупо пытаться противостоять молодому Бедвиру. Ему ненавистна была даже мысль о том, чтобы удерживать своих яростных гномов, и о том, что придется потерять зря такое прекрасное утро. Но еще больше Беллику не нравилась мысль об открытом несогласии между ним и Лютиеном, потенциальный раскол в армии, которая никак не могла себе этого позволить.

Он кивнул Лютиену, но его взгляд отчетливо говорил о том, что теперь молодой человек у него в долгу. Ответный кивок Лютиена, полный благодарности, ясно говорил о

том, что он не замедлит вернуть долг.

— Кроме того, — заметил Лютиен, подмигнув Беллику и Сиобе, когда толпа вокруг них рассеялась, — теперь я знаю, где стена Пипери в наихудшем состоянии.

Когда по Пипери распространились слова надежды, Соломон Кейз вместе со многими другими побежал к стене и, взобравшись на нее, посмотрел в поле.

— Они остановились! — ликующе завопил какой-то человек прямо в лицо молодому священнику.

Кейз сумел выдавить ответную улыбку. Впрочем, он действительно ощущал благодарность к загадочному чужаку. Но у него оставалось всего несколько часов, а сделать надо было так много. Он взглянул на солнце, как будто пытаясь упросить его на некоторое время задержаться.

Беллик, Лютиен, Сиоба и все остальные командиры их армии отнюдь не бездельничали этим беспокойным утром. Учитывая сообщение Лютиена о состоянии оборонительных сооружений, а также о смятении, царившем в городке, они быстро выработали новый план сражения, проанализировали, отполировали каждую часть его и мысленно проиграли каждый его кусочек, пока он намертво не закрепился в памяти тех, кому нужно было воплощать его в действие.

Перед полуднем они снова вернулись на поле, численность армии составляла около десяти тысяч. Мечи и наконечники копий сверкали на солнце, а начищенные до блеска щиты превратились в полыхающие зеркала.

На этот раз вся кавалерия была собрана в единый отряд, более сотни человек, и расположилась с севера от города. Лютиен верхом на белоснежном Ривердансере находился в центре строя, Сиоба — рядом с ним. По команде все головы повернулись на восток, туда, где стоял король Беллик дан Бурсо в превосходных боевых доспехах.

Одиноким всадник галопом пронесся к северным городским воротам.

— Вы сдаетесь или будете сражаться с нами? — просто спросил он у зарывавших циклопов, собравшихся здесь.

Как и ожидалось, в него полетело копьё и, естественно, воткнулось в землю далеко от предполагаемой цели. Король Беллик получил ответ на свой вопрос.

Как только всадник вернулся на свое место в боевых рядах, все глаза опять обратились к королю гномов. Сильной рукой Беллик поднял высоко в воздух короткий и толстый меч, а затем резко опустил его.

Рев атаки разнесся по всему строю, Лютиен и его кавалерия пустили коней в громоподобный галоп.

Однако не весь ряд двинулся вперед. В атаку бросились только те гномы, которые располагались непосредственно за кавалерией, и их движение напоминало скольжение волны.

Лютиен привел свой отряд к стене Пипери, но на расстоянии нескольких шагов от нее повернул налево, к востоку, явно сворачивая строй. Из пыльного облака, поднятого копытами кавалерии, возник головной отряд гномов. И по мере того как отряд Лютиена скакал вокруг городской стены, за кавалеристами возникали яростные бородатые воины. Лютиен назвал этот маневр открыванием шлюзов, и действительно, так он и выглядел. Всадники как бы открывали путь пешим бойцам, следовавшим за кавалерией подобно хлынувшему сквозь шлюз потоку.

Как только схема движения стала понятна оборонявшимся, тактику изменили. Пехота дружно ринулась к западу. К этому времени кавалерия Лютиена растеклась вдоль юго-восточной части городской стены и начался обстрел — луки эльфов против копий циклопов. Однако ни один из кавалеристов не был ранен, что еще раз убедительно доказало неспособность циклопов правильно оценить расстояние. Сам Лютиен надеялся, что среди обороняющих Пипери нет, или почти нет, людей.

Молодой Бедвир отыскивал нужную часть стены, представлявшую собой кучу камней, довольно широкую, но низкую. Лютиен повернул Ривердансера, отъехал подальше в поле, затем круто развернулся и направился прямо к цели. Сиоба скакала бок о бок с ним, а позади неслись эльфы.

Лютиен увидел, как циклопы подняли копья и пики, подождал до последнего момента, затем резко натянул поводья Ривердансера и развернул его влево, тогда как Сиоба поскакала вправо.

Тем самым путь для эльфийских лучников был открыт. Десятки стрел взвились в воздух, большинство ударилось о камни, но многие попали в цель. Защитники города отскочили, кто-то упал мертвым, кто-то раненым, кто-то просто свалился от страха, а Лютиен и Сиоба призвали своих друзей и снова бросились вперед. Юноша напрягся, приподнялся в седле и сжал коленями бока коня. Он склонился над гривой коня, посылая того вперед, прямо в центр груды камней. Могучий жеребец взвился вверх, легко взяв препятствие высотой в четыре фута, и Лютиен оказался в Пипери.

Сиоба влетела следом, и они, развернув лошадей, галопом помчались по дороге. Лютиен увидел двух бегущих циклопов и немедленно расправился с ними — одного затоптал Ривердансер, другого срубил «Ослепительный». Младший Бедвир, ухмыляясь, обернулся к Сиобе, желая сообщить, что он открыл счет на сегодня; однако юноша тут же передумал, увидев, что Сиоба тем же способом уложила двоих.

Циклопы в ужасе скрючились у основания низкой стены, через которую один за другим перелетали всадники: двадцать, пятьдесят, девяносто... Ни один из них не задержался, и наконец циклопы смогли встать, думая, что они спасены, и надеясь удрать.

Но прежде чем они успели подняться по первым камням, стена Пипери, казалось, выросла на несколько футов, потому что циклопов встретили сотни пеших воинов Эриадора.

Хаос выплеснулся на улицы Пипери: во все стороны мчались всадники, циклопы пытались собраться в оборонительные группы, но прежде чем им удавалось это сделать, они в большинстве случаев замечали, что половина группы уже убита. Однако кое-где оставались участки упорного сопротивления, особенно на севере, куда и отправились Лютиен, Сиоба и около шестидесяти всадников.

Зажатые между сильными отрядами группы оборонявшихся циклопов быстро рассеялись, каждый одноглазый думал уже только о собственном спасении. Их убивали поодиночке.

Именно Лютиен самолично распахнул северные ворота города, и король Беллик дан Бурсо, уже находившийся рядом с ними, вошел в городок. Лютиен приветствовал его, а потом снова вскочил в седло и подал руку королю, чтобы помочь невысокому гному вскарабкаться в седло и сесть позади. Бой быстро угасал, превращаясь из общей схватки в преследование одиночных циклопов, и Лютиен с Белликом отправились осматривать поле сражения.

— Не слишком сильная оборона, — фыркнул король гномов, обнаружив, каким тонким был оборонительный ряд. Тела циклопов — почти одних циклопов, с удовольствием отметил Лютиен — растянулись тонкой линией, как правило по одному или по два.

— Где же они все? — спросил гном. — Неужели из города ушло больше народа, чем мы рассчитывали?

Однако Лютиен догадывался, куда ушли остальные защитники Пипери. Он выстроил свой кавалерийский отряд, и они рысью отправились на юг по главной дороге к развилке, на которой стояла городская церковь.

Когда все воины собрались вокруг церкви и слегка утомонились, они слышали тихое пение множества голосов, доносившееся изнутри.

Беллик спешил и выстроил своих гномов и солдат Эриадора, велел привести сюда пленных. Лютиен тем временем медленно объехал вокруг церкви, успокаивая своих рвущихся в бой товарищей. Когда он вернулся назад к развилке дороги, король гномов ждал

его, и план, придуманный Лютиеном, вовсе не удивил Беллика.

— Пока ты все угадывал правильно, — заметил гном, вовсе не собираясь отвергать предложение юноши.

Лютиен соскочил с Ривердансера, передав поводья ближайшему воину. Он стряхнул с себя пыль и пошел прямо к главному входу церкви, по дороге раздавая приказания.

Без колебаний, без стука Лютиен вошел и увидел сотни глаз, устремленных на него. Они выражали такую смесь чувств, что молодой человек не стал даже пытаться разобраться в них. Он обвел взглядом собравшихся и наконец остановился на Соломоне Кейзе, стоявшем у кафедры в передней части церкви.

— Свершилось, — объявил молодой Бедвир. — Пипери свободен.

Какая-то женщина вырвалась из толпы и бросилась на Лютиена, но несколько рук перехватили ее прежде, чем она успела сделать два шага, и, не обращая внимания на ее дикие вопли, втащили назад, в толпу.

— У многих там, снаружи, остались родные, — ровным голосом объяснил Кейз.

Лютиен оглянулся через плечо, кивнул, и длинная цепочка плененных людей вошла в часовню и тут же разрушилась — люди бросились к своим семьям.

— Возможно, это не все, — объяснил Лютиен. — Мы еще не разобрались со всеми пленными.

— И каким будет наказание для них? — спросил Кейз.

— Никакого наказания, — ответил Лютиен без малейших колебаний. — Они полагали, что защищают свои дома и семьи. — Он сделал паузу, дожидаясь, пока стихнет поднявшийся гул. — Мы не враги вам, — объявил он. — И я уже говорил об этом раньше.

Толпа, как один человек, обернулась и взглянула на Кейза. Священник поспешно закивал головой.

— Пипери свободен, — продолжал Лютиен. — И больше не воюет. Ваши ворота открыты, как южные, так и северные, и вы не станете мешать проходу войск из Эриадора. Кроме того, вы позволите нашим судам спокойно пройти по реке мимо ваших пристаней.

Опять раздался гул, но быстро утих, перекрытый громким голосом Лютиена:

— Мы ничего у вас не просим, — объяснил он. — Если вы что-то подарите нам, то только по собственной воле.

— Воры! — завопил один из мужчин, вскакивая на ноги и проталкиваясь к проходу между скамьями. — Воры и убийцы! — продолжал он, медленно продвигаясь к Лютиену.

Внезапно горожанин резко замолк. В дверях появился Беллик дан Бурсо и встал рядом с Лютиеном.

— Мы не враги вам, — объявил король гномов. Ни пятна крови на его шикарных доспехах, ни пыль, покрывающая пламя огненной бороды, не смогли уменьшить впечатление от его внушительной фигуры. Сердце благородного гнома преисполнилось сочувствия к несчастным горожанам, но взгляд и голос оставались суровыми.

Беллик оглядел церковь, затем посмотрел на Лютиена, тот кивнул, призывая его продолжать.

— Мы не враги вам, если вы сами не превратите нас в своих врагов, — мрачно пообещал Беллик. — Тогда знайте, что в этом случае Пипери будет разрушен и сожжен до основания!

Ни один человек в помещении не усомнился в словах внушительного гнома.

Беллик снял два больших кисета, висевших на его перевязи.

— Ваши деньги на семена, — объяснил он, швыряя их на пол к ногам опровергнутого подстрекателя толпы. — Отобраны у циклопов, бежавших из Пипери. У циклопов короля Гринспэрроу, которые бросили город на произвол судьбы. Вот и решайте, кто ваши враги, а кто союзники.

— Или ничего не решайте, — добавил Лютиен. — И храните нейтралитет. Нам от вас ничего не надо, только больше не поднимайте свои мечи против нас.

Он взглянул на Беллика, а тот — на него.

— Мы перевяжем раненых, — объявил Беллик. — И уберем с поля боя наших мертвых, чтобы они не гнили бок о бок с мертвыми циклопами. А затем мы уйдем. — Друзья повернулись к выходу, но их остановил голос Соломона Кейза.

— Вы можете принести ваших раненых сюда, — предложил священник. — А я прочитаю молитву над вашими мертвыми и приготовлю их к погребению так же, как и погибших жителей Пипери.

Лютиен повернулся к нему, немного удивленный.

— Мой бог и ваш бог, — сказал Кейз, — разве это не одно и то же?

Лютиен кивнул, с трудом улыбнулся и вышел из церкви.

24 ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Беллик дан Бурсо, конечно же, заметил множество разъяренных и подозрительных взглядов, которые горожане бросали на короля гномов, шествовавшего в сопровождении телохранителей по узким улицам Пипери. Лютиен верил, что однажды придет день, когда все простые люди Эйвона станут друзьями Эриадора, но Беллик знал, что сразу после битвы на это рассчитывать не приходится; кроме множества циклопов погибли и воины Пипери, и теперь многим семьям в городке нужно было хоронить своих родных, а все из-за вторгшихся эриадорцев.

Такое начало редко приводит к дружбе.

Однако были в городке и другие. Они улыбались и кивали, когда по улице проходил славный король гномов, а когда Беллик подошел к церковному крыльцу, он обнаружил, что его собственные солдаты, оставленные охранять раненых гномов и людей Эриадора, отдыхают на ступенях, наслаждаясь едой, напитками и беседой с небольшой группой граждан Пипери. Солдаты Беллика поспешно вскочили на ноги, но король лишь рассеянно махнул рукой. Сейчас, когда армия вновь готовится к длинному и тяжелому маршу, не до формальностей.

Беллик вошел в церковь, оставив свою охрану на пороге вместе с остальными солдатами. Как гном и ожидал, он обнаружил внутри Лютиена, который склонился над одной из скамей и тихо разговаривал с раненым воином.

— Это Брендон из Феллинг Даунза, — объяснил Лютиен, когда Беллик подошел к ним.

Гном с уважением кивнул, заметив, что воин потерял руку. Однако его вроде бы вполне удобно устроили на скамье, превратив ее в ложе для троих раненых.

Беллик осмотрелся.

— Где наши и где те, кто из Пипери? — спросил он.

— Они все вперемешку, — объяснил Лютиен.

Гном бросил хитрый взгляд на молодого Бедвира.

— Это была твоя идея?

— Ну, отчасти, — ответил Лютиен. — Но вообще-то места распределял Соломон Кейз.

Беллик фыркнул и пошел дальше.

— Вы с ним подельники, товарищи по преступлению, — тихо сказал он.

Тремя рядами дальше Беллик увидел скамью, предназначенную для четырех гномов. Один из них лежал, но трое сидели, играли в кости и болтали. Они заулыбались, когда Беллик обратился к ним; один даже принялся будить спящего товарища.

— Оставьте его в покое, — попросил Беллик, затем обратился к остальным троим. — Мы выходим сегодня, идем на юг вдоль реки. Кто-нибудь из вас в состоянии присоединиться к нам?

Все дружно попытались встать, но Беллик уже видел, что ни один из них пока что не сможет выдержать марша.

— Сидите! — приказал король гномов. Затем назначил старшим самого здорового. — Через этот городок пойдет обоз с припасами, — объяснил он. — Вы присоединитесь к нему,

когда придете в себя и оправитесь от ран.

— Но не раньше чем будете готовы, — подчеркнул Беллик, заметив выражение надежды на лицах своих жадных до битвы воинов. — Ни минутой раньше!

Затем король двинулся дальше, подходя к каждому раненому, останавливаясь на короткую молитву возле самых тяжелых, обращаясь к верным соратникам со словами благодарности и ободрения. Он уже закончил свой обход и попросил Лютиена не задерживаться слишком долго, когда у дверей церкви встретил Соломона Кейза.

Молодой священник вытер грязные руки и протянул одну из них королю гномов.

Беллик взял ее, но вместо того, чтобы пожать, перевернул и увидел грязь на пальцах.

— Ты хоронил мертвых, — заключил король.

— Вообще-то этим занимались другие, — возразил Кейз. — Я просто читал молитвы и освящал землю, в которую они лягут.

— А как насчет одноглазых? — спросил гном, и в его резком голосе появилась нотка угрозы. — Для них у тебя тоже нашлись молитвы?

— Мы разожгли общий погребальный костер, — возмущенно ответил Кейз. — И сожгли их тела. И я действительно помолился за их души.

Беллик поднял кустистые брови.

— Я молился за то, чтобы в загробной жизни они осознали ошибочность своих действий и обрели спасение.

— Ты что же, любишь их?

Теперь Кейз негодуяще фыркнул, почти так же, как фыркали, сердясь, гномы.

— Я не питаю никакой любви к делам и образу жизни циклопов, — ответил он. — Но это не значит, что я ненавижу их всех до единого.

— Может быть, в мире можно многое ненавидеть, — заметил Лютиен, подходя к ним.

— Может быть, в моем сердце вообще нет места ненависти, — легко ответил Кейз.

— Однако они тебя здорово избили, — заметил Беллик. Кейз лишь пожал плечами.

Лютиен окинул священника долгим взглядом и понял, что немного завидует этому человеку. Он восхищался Кейзом, и не только потому, что у того хватило мужества поверить эриадорцам. Кейз обладал щедрым сердцем.

— Вы выступаете уже сегодня? — спросил Кейз у Беллика. — Но ведь ваши солдаты устали после битвы, а через пару часов солнце сядет.

— У нас нет времени на усталость, — ответил Беллик. — Впереди длинная дорога, и каждая зря потраченная нами минута дает Гринспэрроу время, чтобы укрепить свои позиции.

— Я буду готов через двадцать минут, — неожиданно сказал Кейз. И Лютиен, и Беллик уставились на него, широко раскрыв глаза.

— Вы встретите много деревень по дороге на Уорчестер, — объяснил священник. — У многих из Пипери есть там родня. Мы не хотим, чтобы они погибли.

— Я думал, ты останешься с ранеными, — сказал Лютиен.

— Здесь найдется достаточно людей, которым можно доверять, и они позаботятся о раненых, — объяснил Кейз. — А я сам и еще несколько человек считаем, что наше место — в колонне короля Беллика. — Он задумчиво посмотрел в сторону юга. — Там я смогу спасти больше жизней.

Беллику потребовалось несколько минут, чтобы обдумать неожиданное предложение, но вскоре гном согласился. Если Кейзу удастся ослабить оборону других деревень хотя бы наполовину так успешно, как он это сделал в Пипери, дорога на Уорчестер будет легче и обойдется дешевле. Радость Лютиена была еще сильнее, потому что он видел не только тактические преимущества наличия в войске этих людей, но и моральные. Представители Пипери, конечно, уменьшат количество павших с обеих сторон.

Однако молодой Бедвир постарался умерить свой оптимизм. Он не знал, насколько велико будет влияние Кейза вне Пипери. Он также понимал, что, каким бы быстрым и легким ни оказался марш, все равно у стен Уорчестера, большого и хорошо укрепленного города, они задержатся надолго, ведь оборонительные сооружения этой цитадели

дополнялись еще наличием герцога-волшебника.

И в который уже раз Лютиен спросил себя: куда же подевался Бринд Амор?

После сотворения могущественного заклинания, которое пришлось так долго оттачивать, она совсем лишилась сил. И все же Диана Велворт не спала остаток той ночи на плато. Она сидела у костра, который старый маг поддерживал простым магическим трюком, хотя он тоже явно был очень утомлен. Диана положила голову Мистигала к себе на колени, наблюдая, как Бринд Амор постепенно погружается в дремоту.

Что же такое она затеяла? Диана привела в действие события, которые теперь вышли из-под контроля. Она восстала против своего короля и наставника, вступив в заговор, который нельзя было ни скрыть, ни повернуть вспять. Даже убей она Бринд Амора этой ночью — а эта мысль не однажды приходила ей на ум, — она не смогла бы утаить правду от Гринспэрроу. Из-за нее еще три герцога выбыли из игры: один погиб, а еще двое, Мистигал и Ресмор, сломлены.

Диана постаралась не сосредоточиваться на событиях этой ночи. По правде говоря, происходящее стало естественным и закономерным продолжением пути, на который она встала, использовав Такнапотина против Ресмора в горах Айрон Кросс. Гринспэрроу войдет в контакт с изгнанным демоном, если уже не вошел, и узнает всю правду о Диане Велворт и Эшанноне Макленни. Так или иначе, ее путь определился, и эта ночь значила для ее собственного спасения столько же, сколько и для спасения Бринд Амора.

Старый волшебник проснулся вскоре после того, как первые косые лучи восходящего солнца коснулись его лица.

— Я думаю, он будет жить, — сказала Диана, показывая на Мистигала, который все еще лежал без сознания.

— Но его магия исчезла, — ответил Бринд Амор и широко зевнул. — Лопнул магический стержень.

— Как у герцога Ресмора?

Бринд Амор хмыкнул, удивляясь сообразительности Дианы. Однако его улыбка быстро исчезла, когда он заговорил о том, что могло составить проблему в будущем.

— А как насчет герцога Эорн Фаста? — прямо спросил он.

— Здесь он свое дело сделал и потому удалился, — просто ответила Диана.

Бринд Амор полагал — и опасался, — что тут крылось нечто большее. Эшаннон держался отчужденно, даже холодно. Герцог Эорн Фаста явно смирился с заговором Дианы, но потому ли, что был согласен с ней, или просто у него не оставалось выбора? Впрочем, Бринд Амор подозревал худшее — не имелось ли у того своих скрытых мотивов?

Сомнения старого волшебника легко читались на его морщинистом лице.

— Поверь в Эшаннона Макленни, — попросила Диана. — С ним иногда трудно иметь дело, но он не может питать любви ни к кому, кто бы вознамерился править его возлюбленным Барандуином, будь то Гринспэрроу или Бринд Амор.

— Но у меня никогда не было таких намерений, — поспешно возразил маг.

— Но не возникнут ли они, если война закончится удачно для тебя?

Бринд Амору пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы попытаться взглянуть на вещи глазами отчаявшейся женщины и пропустить мимо ушей оскорбление, крившееся в ее словах.

— Я никогда не претендовал на то, чтобы править Эйвоном! — настойчиво повторил он. — И никто из правителей Эриадора ни в какие времена не стремился к этому! Когда Брюс Макдональд правил единым Эриадором, а разрозненный Эйвон был в его распоряжении, он никогда не притязал ни на что, кроме дружеского союза с Барандуином.

— В любом случае, это не имеет отношения к делу, — спокойно сказала Диана. — Имеет значение только то, во что верит Эшаннон.

— И во что же он верит?

Диана пожала плечами.

— Он согласился изгнать демона, — сказала она уверенно. — И сделал это. И этот план был настолько же его, насколько мой. Долгие годы он оставался мне верным другом.

— Но разве не в его интересах, чтобы могущество Гринспэрроу ослабло? — спросил Бринд Амор. — Чем труднее будет вести войну королю Эйвона, тем легче Барандуину уйти из-под его власти.

Диана снова пожала плечами.

— Мы скоро получим ответы на эти вопросы, — сказала она. — А теперь я должна вернуться в Мэннингтон и отчитаться перед Гринспэрроу.

Бринд Амор скептически взглянул на Мистигала, задаваясь вопросом, что Диана собирается делать со сломленным волшебником.

— Я бы хотела, чтобы ты сопровождал меня, — сказала Диана. Бринд Амор искренне удивился. — Нам еще надо многое обсудить, — продолжала герцогиня.

— Обсудить, что делать, когда Гринспэрроу не станет?

Диана хмыкнула.

— У нас еще много дел до того момента, когда мы сможем хотя бы надеяться на это, — сказала она. — Но сейчас есть вещи, которые ты должен знать, и я обязана объяснить тебе, насколько глубоко увязла в происходящем.

Бринд Амор не стал спорить. Пока что все события этой ночи вполне могли оказаться изошренной ловушкой, предназначенной для того, чтобы возбудить его доверие к заговорщикам, которым было наплевать на Эриадор. Он обвел долгим взглядом возвышавшиеся вокруг горы, размышляя, где сейчас Лютиен с Белликом и пал ли Пипери.

Затем он встал, потянулся, и они с Дианой объединили усилия для создания магического туннеля.

Чуть позднее Мистигал был удобно устроен в постели в личных покоях Дианы, а сама она предоставила Бринд Амору возможность встретиться с живым доказательством того, что у нее есть причины выступать против Гринспэрроу.

Селна была немало удивлена, когда увидела свою госпожу и сопровождавшего ее человека с кустистой бородой, но когда Диана представила незнакомца как короля Эриадора, служанка просто онемела от изумления.

— Гринспэрроу был спасителем Эйвона, — объяснила Диана Бринд Амору. — Во всяком случае, в этом меня уверяли на протяжении двадцати лет.

— Не делайте этого, моя госпожа, — взмолилась Селна, но, посмотрев в глаза Дианы, не увидела в них сострадания.

— Расскажи королю Бринд Амору всю правду, дорогая моя, — сказала Диана, и в голосе ее прозвучала угроза. — Иначе мне придется заставить тебя говорить, как я уже делала это раньше.

Бринд Амор заметил, как побелела старшая из женщин. Он положил руку на плечо Дианы.

— Прошу, расскажите мне, дорогая леди Велворт, что вы сделали с этой горничной.

— Когда я изгнала Такнапотина, моего демона, я знала, что один из шпионов Гринспэрроу удален от моего двора, — объяснила Диана. — Но только один. Тогда я навестила нашу дорогую Селну.

— Не очень тактично использовать магию таким образом, — заметил Бринд Амор, вспомнив, как сам он применил свои магические силы при допросе герцога Ресмора.

— Да, это неприятно, — согласилась Диана. Она взглянула прямо на горничную. — Но если у меня не останется другого выхода, я сделаю это снова и снова.

Старая служанка затряслась от ужаса.

— Это Гринспэрроу, — внезапно выпалила она. — Он убил их, он убил их всех! Той ночью! О моя госпожа, почему вы все время заставляете меня вспоминать ту страшную ночь?

— Гринспэрроу убил всю мою семью, — сказала Диана, и в ее голосе, до странности ровном, не слышалось никаких эмоций.

— Не всех, — заметил Бринд Амор.

— Меня оставили в живых только потому, что Гринспэрроу опасался, — его не примут в качестве короля, — объяснила Диана. Она взглянула на Селну, жестом приказав ей продолжать.

— Хотя она была еще ребенком, Гринспэрроу собирался посадить ее на трон, если возникнет необходимость, — призналась горничная, опустив взор, потому что не могла смотреть Диане в глаза. — Конечно, он сам собирался править от ее имени, а затем, когда она стала бы достаточно взрослой, женился бы на ней.

Бринд Амор искренне удивился, узнав, что план завоевания Эйвона был проработан столь тщательно. И вновь волшебник пожалел о решении братства уйти на заслуженный отдых.

— Конечно, до этого не дошло, — добавила Диана. — Потому что народ Эйвона боготворил Гринспэрроу. Его просто умоляли спасти государство.

— Тогда почему Диану и позже оставили в живых? — спросил Бринд Амор, адресуя свой вопрос непосредственно Селне. Он уже подметил некий момент, который Диана, в своем яростном стремлении узнать правду, возможно, проглядела.

— Причина — Эшаннон Макленни из Эорн Фаста, — резко ответила Диана. — Он питал ко мне личный интерес, охотно присоединился ко дворцу Гринспэрроу и принял титул герцога, а также согласился на союз с демонами, как и все остальные герцоги-волшебники Гринспэрроу, кроме Крезиса, циклопа из Карлайла. Эта тварь слишком глупа, чтобы иметь дело с демонами ада. Эшаннон был истинным волшебником и дружил с моим отцом. Хотя у него вызывала отвращение одна мысль о том, чтобы иметь дело с Гринспэрроу, он понимал, что следующей целью злобного чародея станет Барандуин, а у него не хватало сил, чтобы сопротивляться вторжению.

Теперь в мыслях Бринд Амора все встало на свои места. Он понимал холодную отчужденность Эшаннона Макленни и пламенную ярость Дианы. Кроме того, имелся еще один игрок, которого Диана недооценила.

— А как Эшаннон Макленни узнал о предстоящем вторжении? — спросил волшебник.

Диана пожала плечами, но тут же изумленно ахнула, услышав ответ Селны:

— Я рассказала ему.

Выражение, появившееся на лице Дианы, заставило старшую женщину съежиться.

— Я предала мой дорогой Эйвон, — открыто призналась та. — Но я вынуждена была пойти на это, моя госпожа! О, я так боялась Гринспэрроу и того, что он мог сделать с вами! Я знала, что я должна защищать вас до тех пор, пока все это не отойдет в прошлое и вы не перестанете представлять угрозу для Гринспэрроу.

Бринд Амор усмехнулся, и женщина замолкла на полуслове, уставившись на старого короля.

— Да уж, она не представляет угрозы! — засмеялся волшебник.

Диана улыбнулась, но Селна смотрела на него с изумлением и ужасом. Теперь старый маг понял, какие чувства двигали несчастной служанкой. Больше всего на свете ей хотелось уладить все имевшиеся противоречия, она мечтала о мире, а следовательно, могла представлять опасность для своих близких в период политических волнений. Селна предала короля Эйвона, послав сообщение Эшаннону, а теперь вполне могла предать Диану Гринспэрроу только ради сохранения хотя бы жалкого подобия благополучия. Селна изо всех сил старалась положить конец распрям, однако упорно продолжала надеяться на милость владык. Уж кто-кто, а Бринд Амор прекрасно знал, что сильные мира сего крайне редко обладают этим качеством в достаточной мере. Короче говоря, Селна совершала глупость за глупостью, являясь невольной пособницей зла, хотя сердце ее не было испорчено никакими амбициями. Взглянув на Диану и заметив, как сурово та обходится со старой служанкой, Бринд Амор понял, что та давно шпионила за своей хозяйкой по приказу Гринспэрроу, и Диана знала об этом.

«Что ж, раз Диана начеку, следовательно, Селна больше не представляет угрозы», —

подумал Бринд Амор.

— Начиная войну, я больше всего опасался магического противостояния, — честно признался Бринд Амор, когда они с Дианой вышли из комнаты Селны. Диана заперла дверь снаружи и наложила на нее небольшое заклинание, чтобы другие волшебники не могли мысленным взором проникнуть туда.

— Отнесись к ней милосердно, — посоветовал Бринд Амор.

— Она останется целой и невредимой, — ответила Диана, в особенности подчеркнув последнее слово. — Когда все кончится, она вернется к обычной жизни, хотя и где-нибудь вдали от моего двора.

— Теперь у Гринспэрроу остались только два волшебника, — заметил весьма удовлетворенный этим Бринд Амор. — И из них по меньшей мере один на моей стороне, а другой, я надеюсь, останется нейтральным.

— На вашей стороне? — переспросила Диана. — Я никогда не говорила этого.

— Тогда вы, по крайней мере, против Гринспэрроу, — заключил Бринд Амор.

— Я — законная королева Эйвона, — дерзко заявила молодая женщина. — Почему бы мне не восстать против человека, захватившего мой трон?

Бринд Амор кивнул и поскреб огромную бороду, пытаясь сообразить, насколько ценной может оказаться для него Диана Велворт.

— И не думайте, что равновесие магических сил сильно изменилось, — предупредила герцогиня. — Мистигал, Ресмор и Тередон умели только творить мелкие заклинания, они были скорее проводниками могущества их демонов, чем серьезными магами сами по себе. А мы с Эшанноном утратили большую часть могущества, изгнав наших демонов.

Бринд Амор вспомнил магический барьер, который Диана сотворила вокруг плато, и подумал, что она недооценивает свои силы, но предпочел не высказывать эту мысль вслух.

— И все-таки, — заметил он, — я бы хотел сразиться с Гринспэрроу один на один, чтобы рядом с ним не болтались прочие маги.

— Наши возможности были велики из-за связи с демонами, — объяснила Диана. — Если мы достигали полного слияния с ними, даже нашу жизнь можно было продлить.

— Как, очевидно, была продлена и жизнь Гринспэрроу, — понял Бринд Амор рассуждения Дианы. Сам Бринд Амор прожил столько лет лишь потому, что он впадал в магический сон, но Гринспэрроу бодрствовал много веков. К этому времени он уже должен был умереть от старости, этого не мог избежать даже волшебник.

— Значит, Гринспэрроу и его демон очень близки, — продолжал Бринд Амор, побуждая Диану говорить дальше. — Вероятно, это предводитель демонов.

— Мы тоже когда-то так считали, — мрачно заметила Диана. — Но нет, Гринспэрроу близок не с демоном, а с иным магическим существом.

Бринд Амор снова поскреб бороду, не вполне понимая, о чем идет речь.

— Он отправился в Солтуош много веков назад, чтобы добыть себе могущество, — объяснила Диана. — И он добыл его, заключив союз с существом высшего порядка.

Бринд Амор чуть не потерял сознание. Он знал, какое существо правил в Солтуош давным-давно, и думал, что его братство уничтожило или хотя бы взяло в плен всех обитателей Солтуош, как он сам держал дракона Балтазара глубоко в горной пещере.

— Дракон, — сказал он, бледнея.

Диана мрачно кивнула.

— И теперь Гринспэрроу и дракон — одно целое.

— Циклопы, — мрачно пробормотал Лютиен, увидев убитых лошадей, валявшихся в поле. Одиноким дом фермера, казавшийся отсюда жалкой скорлупкой, стоял на холме в отдалении, и над ним поднимался черный дым.

Лютиен вел в поводу Ривердансера, шагая рядом с Белликом, Шаглином и Соломоном Кейзом. Он поднял руку и погладил шею коня, как будто сочувствуя верному товарищу, вынужденному смотреть на трупы лошадей.

— Может быть, этим они облегчают нашу задачу, — заметил Шаглин.

— Народ Данкерн Велли никогда не питал особой любви к одноглазым, — объяснил Соломон Кейз. — Мы терпели их, поскольку у нас не было выбора.

— Значит, вы не слишком отличаетесь от всех прочих жителей Эйвонси, — заметил Лютиен.

Чуть дальше ряд воинов расступился, пропустив пару всадников — Сиобу и одного из каттеров. Оба натянули поводья, увидев Лютиена и Беллика.

— Впереди городок, не очень отличающийся от Пипери, — сообщила Сиоба. — В четырех милях отсюда.

— Аланшир, — вставил Соломон Кейз.

— Насколько крепка стена? — спросил Беллик у Сиобы, но ответил опять Кейз.

— Там вообще нет стены, — сказал он. — Дома в центральной части города стоят близко друг к другу. Людям в случае необходимости нетрудно закрыть промежутки между ними сваями и камнями.

Сиоба кивнула, соглашаясь с этим соображением.

— Сколько воинов? — спросил Беллик.

— Я могу пойти в город и узнать, — ответил Кейз. Он оглянулся через плечо и сделал знак другому мужчине из Пипери, державшемуся поблизости.

Беллик взглянул на Лютиена, и по выражению его лица гному стало ясно, что Бедвиру кажется сомнительной идея священника отправиться вперед в одиночку.

— Я могу сам войти в город в сумерках, — предложил молодой Бедвир.

— А я уже буду там и встречу вас, — улыбнулся Кейз. — И дам подробный отчет о том, чего можно ожидать от Аланшира.

— Некоторые сочли бы тебя предателем, — заметил Беллик. Кейз прямо взглянул на него и не отступил ни на шаг.

— Я только хочу спасти как можно больше человеческих жизней, — твердо заявил он.

Жители Пипери — четверо мужчин и одна женщина — ускакали на трех лошадях. Беллик и остальные принялись растягивать ряды эриадорцев, чтобы окружить городок. Королю гномов страстно хотелось атаковать в тот же день, но после того, что произошло в Пипери, он стал считаться с мнением Лютиена и Кейза. Если промедление в одну ночь облегчит последующую битву, значит, время потеряно не зря.

Лютиен выехал в сумерках, по настоянию Беллика взяв с собой Шаглина. Король гномов не вполне доверял Кейзу, открыто сказал об этом и решил, что, если священник организовал какую-то ловушку для Лютиена, воинственный Шаглин окажется ценным спутником. Кроме того, алая накидка была достаточно велика для того, чтобы скрыть и гнома, и Лютиена.

Товарищи с легкостью добрались до окраин Аланшира, а потом прошли по пустынным улицам к обороняемому центру. Лютиен был уверен, что они смогли бы попасть туда даже без волшебной накидки. Теперь Шаглин выбрался из-под нее, а Лютиен откинул капюшон. Вскоре они отыскали Кейза, с которым был какой-то пожилой господин с седыми волосами и великолепной осанкой, одетый в простое платье купца старой закваски.

— Алан О'Данкерн, — представил его Кейз, — мэр Аланшира.

— Это родовое имя, — кратко объяснил мужчина, предупреждая вопрос, который могли задать Лютиен или Шаглин.

— Старших сыновей всегда называли Алан, — добавил Кейз.

Серьезность тона священника, похоже, не заинтересовала Шаглина, но не ускользнула от Лютиена. Этот город назван родовым именем Алана, возможно, вся речная долина названа в честь его семьи, а не наоборот. Значит, это важный человек даже за пределами своего маленького городка, понял Лютиен, и тот факт, что Кейз сумел убедить Алана прийти на встречу, обнадежил молодого Бедвира.

— Брат Кейз заверил меня, что Аланшир не будет ни разгромлен, ни разграблен и что никого из наших мужчин не убьют и не заставят насильно присоединиться к армии, — резко

заговорил Алан О'Данкern, и его тон отнюдь не напоминал униженную мольбу побежденного.

— Мы не станем сражаться с теми, кто не поднимет оружие против нас, — ответил Лютиен.

— За исключением циклопов, — пробурчал Шаглин. Лютиен строго взглянул на гнома, но Шаглин не собирался отступать. — Мы не оставим живых одноглазых у себя за спиной, — сказал он решительно.

Лютиен не стал поправлять прагматичного гнома.

— Вы их здесь почти не найдете, — спокойно сказал Алан. — Большинство бежало на юг.

— Прихватив с собой немалую часть скота и припасов Аланшира, — подчеркнуто добавил Кейз, напоминая Шаглина, что в городе потенциальные союзники или по меньшей мере нейтральные жители.

— Сколько осталось циклопов? — прямо спросил Лютиен; это была первая военная информация, которую он потребовал. Момент оказался весьма тонким, и Лютиен понимал это. Ответ Алан О'Данкern откровенно и правдиво, это значило бы, что он выдал сведения, которые могли помочь Эриадору. — И если они собираются защищать стену, предупреди всех мужчин и женщин, которые намерены присоединиться к ним. В пылу битвы наши воины не станут различать, человек перед ними или одноглазый.

Алан покачал головой еще до того, как Лютиен договорил.

— Все оставшиеся циклопы в этом здании, — сказал он, указывая на высокое квадратное строение, которое занимало юго-восточный угол внутренней части города. — Я бы сказал, что они прячутся, но в любом случае мы не позволим им выйти.

Шаглин чуть не задохнулся от такого открытия.

На следующий день эриадорская армия вошла в Аланшир. Не было ни фанфар, ни теплых приветствий — многие жители изрядно пострадали при бегстве циклопов. Но и сопротивления никто не оказал. Беллик приказал своим солдатам окружить крепость циклопов и сделал одноглазым только одно предложение — он готов принять их капитуляцию.

На это циклопы ответили дождем копий и чудовищными угрозами из всех окон. С разрешения Алана О'Данкерна эльфы-лучники подожгли здание и затем перебили всех одноглазых, когда те беспорядочно хлынули наружу.

Алан О'Данкern и Соломон Кейз встретились с Лютиеном, Сиобой и королем Белликом в тот же день, чтобы поговорить о следующем городе, лежавшем на пути армии. Мэр поведал о влиятельной женщине, которая им управляла, и об общем настрое жителей.

Для людей Северного Эйвона главной целью в этой войне было выжить с минимальными потерями. Лютиен полагал, что Гринспэрроу сильно просчитался, не отправив свои войска на север, навстречу вторгшейся армии. Люди здесь ощущали себя брошенными и незащищенными, и король не должен был рассчитывать на то, что они окажут сопротивление нахлынувшей армии.

Марш на Уорчестер продолжался.

— Мистигал и Тередон? — злобно переспросил Гринспэрроу. — Оба мертвы?

— Не стоит недооценивать ту силу, которую проявил Бринд Амор там, в горах, — ответила Диана Велворт. — Древнее братство не зря славилось могуществом.

Костлявый, пышно разодетый король откинулся на спинку своего трона, почесывая безволосую щеку и подбородок.

— Ты уверена, что он уничтожен?

— Я ни в чем не уверена, — ответила Диана. — Возможно, дух волшебника уцелел, хотя его тело сгорело и превратилось в пепел. Я не разбираюсь в трюках древних волшебников, и я достаточно видела, чтобы оценить Бринд Амора в деле и питать к нему большое уважение, но подозреваю, что в ближайшем будущем мы о нем больше не

услышим. Я уверена, мой король, что армия Эриадора осталась без предводителя.

В Карлайле вроде бы должны были обрадоваться этой новости, но Гринспэрроу угрожающе нахмурился. Бринд Амор ниже пригнулся за гобеленом, опасаясь, что король Эйвона каким-то образом сумеет проникнуть сквозь туман магического зеркала Дианы и преодолеет его собственное заклинание невидимости. Старый волшебник знал, что герцогиня Мэннингтона тоже нервничает, судя по тому времени, которое она провела перед зеркалом, собираясь с духом, прежде чем откликнуться на магический зов своего короля. Но даже когда Диана наконец обрела достаточно мужества, ее голос вначале дрожал и лишь постепенно обрел твердость.

— Возможно, я отправлюсь к Ресмору, чтобы освободить его, — продолжала Диана, стараясь отвлечь короля новой идеей и помешать ему задавать коварные вопросы.

Однако это не сработало.

— Где Эшаннон Макленни? — резко спросил Гринспэрроу.

— Вернулся в Барандуин организовывать оборону против эриадорского флота, — без колебаний ответила Диана.

Темные глаза Гринспэрроу блеснули, и Диана поняла, что он не замедлит проверить это.

— Гномы и люди Эриадора прошли маршем через северные городки, — Диана говорила правду, уверенная, что Гринспэрроу уже знает о последних событиях. — Я полагаю, они идут на Уорчестер. Я отправлюсь туда лично, вместо Тередона, чтобы организовать оборону.

Ответа не последовало.

— Кого сможет прислать мне в помощь Карлайл? — спросила Диана. — Крезиса с преторианской гвардией?

Гринспэрроу фыркнул.

— Ты не слышала? — спросил он. — Вторая армия отправляется на юго-запад от Принстауна. Уже сейчас они приближаются к долине между Девервудом и Айрон Кроссом.

Бринд Амор за гобеленами вздохнул с облегчением.

— Мне понадобится весь гарнизон Карлайла, чтобы разобраться с ними, — закончил Гринспэрроу. — А силы Уорчестера вместе с твоим войском разгромят тех, кто сумеет пройти сквозь горы. И еще я должен присматривать за рекой южнее Карлайла, — признал король. — Та часть флота Эриадора, что находится на западе, несомненно будет закупорена в проливах и уничтожена, но другая его часть повернула на юг от Пяти Стражей.

— А у тебя не осталось судов, чтобы остановить их? — осмелилась спросить Диана, надеясь, что в ее голосе нет и намека на надежду.

Гринспэрроу нахмурился.

— Да у меня втрое больше судов, которые только и ждут приказа, и ими командуют самые лучшие капитаны. И все-таки, если два или три корабля мятежников проскользнут сквозь заслон моих галеонов, я должен быть готов встретить их. Так что тебе придется обходиться собственными силами, герцогиня Велворт, — величественно сказал он, давая знать, что разговор заканчивается. — Поверни их назад или, еще лучше, уничтожь их совсем. Хотелось бы, чтобы ничто не помешало нашему триумфальному возвращению в Кэр Макдональд — в Монфор!

Гринспэрроу взмахнул руками, образ в зеркале затуманился и растворился. Стекло быстро очистилось, и Диана увидела собственное отражение.

— Пока все идет превосходно, — с надеждой сказал Бринд Амор, выходя из-за гобелена и становясь видимым.

Диана покачала головой.

— Он найдет доступ к Такнапотину, к моему изгнанному демону, — объяснила она. — Или сумеет вступить в переговоры с демонами Мистигала и Тередона. Я опасюсь, что мы недолго сможем скрывать от него правду.

Бринд Амор кивнул, признавая справедливость ее опасений. Старый маг приблизился к

герцогине и положил руку на ее плечо, стараясь утешить.

— Нам хватит времени, — сказал он. — Ты сделала все, как надо, удовлетворила его любопытство, выдав правду, переплетенную с ложью, которую у него нет времени распутать. К тому времени, когда Гринспэрроу поймет, что я жив, а у него не осталось союзников-магов, будет уже слишком поздно.

— Даже если он узнает обо всем этой же ночью? — мрачно спросила Диана.

Бринд Амор не ответил. Его армия быстро приближалась к Уорчестеру, флот вошел в пролив Мэн. Многие военные корабли Мэннингтона уже находились в море. Диана не могла отозвать их, ведь тогда Гринспэрроу мигом догадается, что его водят за нос. Но даже если бы Гринспэрроу узнал правду прямо сию минуту, даже если бы весь Эйвон и сотня драконов поднялись против вторгшейся армии, назад дороги уже не было.

25 ПРОЛИВ МЭН

Безобразный маленький желтый пони отпрыгнул вправо, затем отпрянул влево, яростно работая, чтобы компенсировать бортовую качку корабля в бурном море. Оливер, похоже, чувствовал себя на спине Тредбара вполне комфортно. Его щеки порозовели, глаза горели, что составляло разительный контраст с предыдущим плаванием, которое он в основном провел, свесившись за борт.

— Мой конь, он любит воду, — сообщил хафлинг Кэтрин, когда та подошла к нему. Девушка только недоверчиво покачала головой.

Впрочем, у нее не было времени на разговоры с любопытным и общительным хафлингом, потому что корабль «Мечта Дозье» и сорок других судов, плывущих с ними, скоро должны были повернуть и обогнуть северо-западное побережье Эйвона, войдя в самую узкую часть пролива Мэн. Крепость Эорн Фаст стояла менее чем в двадцати милях от них, на противоположной стороне пролива, а Мэннингтон располагался еще в нескольких милях далее по эту сторону темных вод.

Флагманский корабль, находившийся не более чем в двухстах ярдах впереди «Мечты Дозье», еще не успел завершить поворот, когда обнаружился противник. В воздухе замелькали шары горячей смолы, плюхаясь в воду вокруг первых эриадорских судов. Корабли поспешно меняли курс, возвращаясь в открытое море. Команды судов, которые не имели возможности ускользнуть, спускали паруса, готовясь к бою.

— Кэтрин, ко мне! — крикнул из-за штурвала Фелпси Дозье.

Девушка бросилась к немолодому моряку. Это был его корабль, отданный ему под командование из уважения к старейшему морскому волку Порт-Чарлея, но мудрый Фелпси прекрасно понимал свои слабые стороны.

— Пусть все приготовятся! — сказал он Кэтрин. Потом капитан оглянулся и так же, как Кэтрин незадолго до того, покачал головой. — А ну-ка слезай со своего дурацкого пони! — крикнул он Оливеру.

— С коня! — поправил тот, и когда Тредбар, словно поняв оскорбление, сильно ударил копытом по палубе, хафлинг поспешно добавил: — И мой Тредбар вовсе не глуп!

Большинство судов сворачивали к западу, стараясь держаться подальше от побережья. Только теперь Кэтрин поняла, насколько силен противник. Эйвонский флот как минимум не уступал эриадорскому — в нем было от сорока до пятидесяти военных галеонов, без сомнения управляемых опытными командирами, как циклопами, так и людьми. Товарищи Кэтрин были отличными моряками, но только горстка людей во всем эриадорском флоте когда-либо сражалась против судов такого размера и мощности.

Однако эриадорцы твердо решили компенсировать недостаток опыта беспримерным мужеством. Кэтрин всем сердцем верила в то, что отвага ее соотечественников способна творить чудеса. Она увидела, что многие корабли направлялись в открытое море, а наперерез им немедленно устремились эйвонские суда. Однако флагман флотилии эриадорцев вот-вот

должен был угодить в окружение, ему вряд ли удастся вырваться. В корабль попал пылающий шар, затем еще один, и команда была слишком занята тушением огня, чтобы обращать внимание на быстро приближавшиеся эйвонские суда.

Кэтрин скомандовала:

— Полный вперед!

Со своего достаточно высокого наблюдательного пункта Оливер увидел, что она собирается делать, и догадался, на какой рискованный поступок решилась женщина из Хейла.

— И почему это я всегда выбираю себе в друзья исключительно сумасшедших? — жалобно спросил Оливер.

— И это говорит хафлинг, сидя верхом на пони на палубе корабля! — не замедлила с ответом Кэтрин.

— На коне, — поправил Оливер.

— Если уж ты сидишь там с таким важным видом, то сделай важную вещь, — нахмурилась Кэтрин. — Выстрой всех лучников у левого борта и скажи им, чтобы они не стреляли, пока мы не окажемся совсем близко. И то же самое скажи расчету у катапульты!

Оливер кивнул, затем молча взглянул прямо на Кэтрин.

— Левый борт, — повторила женщина.

— Так я и знал, — заметил Оливер, бодро разворачивая Тредбара и пуская его вдоль палубы.

— Левый, — снова повторила Кэтрин ему вслед. Флагманский корабль Эриадора отбивался всеми доступными средствами — катапульты, баллиста и луки — от двух судов Эйвона, обошедших его с флангов. Ни на одном из трех кораблей не были подняты паруса; никто и не решился бы поднять их в этом вихре арбалетных стрел и огня. Одному из эйвонских кораблей уже сильно досталось от прилива — тому, который находился с внешней стороны эриадорского флагмана, то есть дальше всех от побережья. Волны безжалостно бились о его борт, разворачивая и его, и корабль Эриадора к берегу, заставляя все три судна сдвигаться теснее.

Кэтрин пыталась на глаз прикинуть расстояние между своим кораблем и тремя дрейфующими судами. К тому же приходилось учитывать скорость. Она и сама не знала, возможно ли осуществить задуманное ею, то есть втиснуться между кораблями противников.

— Ты храбрая, как рыба-барракуда, — сказал ей на ухо старый Фелпси Дозье. — Или очень умная! — добавил он, хмыкнув.

Кэтрин по-настоящему привязалась к этому старику, даже любила его. Она встретила Дозье во время своего первого путешествия в Порт-Чарлей, приехав туда в качестве посланца от Лютиена. В те дни революция еще не выплеснулась за городские стены Кэр Макдональда. Любой при первом взгляде на Дозье решил бы, что перед ним хилый и, пожалуй, простоватый старик. Однако этот простак ухитрился устроить ловушку и для Кэтрин, и для Оливера на своем собственном судне. Теперь же, когда смерть смотрела им в лицо, на него можно было положиться как на лучшего из друзей, каких когда-либо имела Кэтрин.

Старик не дрогнул даже тогда, когда корабль Эйвона, поняв замысел противника, открыл по нему огонь, даже тогда, когда стрела из арбалета вонзилась в дерево грот-мачты в футах над головой Фелпси.

— Циклопы никогда не умели метко стрелять, — пробурчал он.

Кэтрин черпала силу в усмешке старого Фелпси, и эта сила помогала ей сосредоточиться на задаче. Прилив безжалостно толкал их судно к берегу, и девушке приходилось постоянно корректировать курс. Часть такелажа оборвалась, и один из парусов бешено хлопал в воздухе, но судно не замедлило хода из-за этого.

Когда их разделяло не более двадцати ярдов, стало очевидно, что «Мечта Дозье» просто не может втиснуться между кораблями.

— Натяни поводья! — крикнул Оливер Кэтрин. — Или что там у корабля можно

натянуть!

— Слезай с пони, — предупредила Кэтрин. Она повернула к порту, чтобы не мешать другому кораблю Эриадора, хотя новый курс еще больше приблизил их к эйвонскому галеону.

— Мне верхом безопаснее! — откликнулся хафлинг.

Поток стрел прокладывал путь приближающемуся кораблю Эриадора, заработала катапульта, метнув тяжелый камень на палубу эйвонского судна, и «Мечта Дозье» вломилась между кораблями. Такелаж обоих судов спутался и рухнул. Перекладины мачт бились друг о друга и разлетались в щепки.

Тредбар взбрыкнул и резко подпрыгнул, и Оливер перелетел через голову пони, перекувырнулся раз, другой, третий и даже четвертый, катясь вдоль палубы, прежде чем сумел встать на ноги. Он тут же повернулся к Кэтрин, но потерял равновесие и растянулся на палубе во весь рост.

— Только не говори, что ты меня предупреждала! — крикнул хафлинг, но Кэтрин не обратила на него внимания, у нее не было времени думать об Оливере. Вокруг женщины в воздухе жужжали стрелы, и хотя «Мечта Дозье» все еще продвигалась вперед, круша дерево, пока оба судна не сцепились намертво в невообразимом беспорядке, циклопы уже лезли через поручни палубы.

Радостные крики моряков с другого эриадорского судна вдохновили команду «Мечты Дозье», и она встретила атаку циклопов сперва градом стрел, потом мечами. Оливер вновь оседлал Тредбара и налетел на тройку циклопов, с ходу сбив одного из них в бурлящую воду между кораблями.

Один из циклопов быстро пришел в себя, но на секунду замешкался, глядя на Оливера, явно потрясенный тем, что на корабле кто-то разъезжает верхом.

— Эй, — завопил одноглазый. — Чего это ты взгромоздился верхом на эту уродливую желтую собаку?

В ответ Оливер пришпорил Тредбара, и тот одним коротким прыжком сбил циклопа с ног. Пони привычно вспрыгнул на него и принялся приплясывать, ничуть не смущенный непривычным полем боя. Когда желтый скакун остановился, циклоп оказался между его задними ногами.

— Это конь! — поправил Оливер противника. — Но я надеюсь, что теперь, под этим углом, ты и сам смог разглядеть!

Циклоп отвел от лица ладони, чтобы дотянуться до своего упавшего меча. Но прежде чем его рука успела дотянуться до оружия, он вынужден был снова закрыть лицо, потому что Оливер шлепнул Тредбара по крупу шляпой. Пони давным-давно усвоил этот сигнал. Умное животное откликнулось, лягнув упавшего циклопа, а потом опять проскакав по нему.

— Тебе не кажется, что это красивый конь? — спросил Оливер.

— Безобразный пес! — зарычал циклоп.

— Какие же вы упрямые! — пожаловался Оливер, снова опуская свою шляпу на круп Тредбара и побуждая пони к действию.

— Красивый конь! — завопил циклоп, как только смог набрать воздуха в легкие. Но он опоздал. Теперь ждать пощады от Оливера не приходилось. Хафлинг снова заработал шляпой, и копыта Тредбара заставили циклопа замолчать навечно.

Однако потеря этих драгоценных минут поставила Оливера в трудное положение. Оглянувшись, он понял, что большинство циклопов уже успело перебраться на их судно. С типичными для него хладнокровием и рассудительностью хафлинг заставил своего пони перепрыгнуть через поручни.

На палубе эйвонского корабля Тредбар по приказу Оливера рысью пустился к двери каюты, находившейся под верхней задней палубой. Дверь уже была разбита, видимо ударом катапульты.

Огромный и толстый циклоп выбирался из этой дыры. Он был слегка растерян да к тому же ранен, но все еще намеревался сражаться и держался за огромный молот, торчавший

у него из-за пояса. Выпученный глаз еще больше расширился, хотя одноглазый не выказал страха, увидев Оливера, скачущего по палубе на пони. Толстый циклоп напряжился, широко расставил ноги и злобно ухмыльнулся.

Оливер искренне задавался вопросом, правильную ли дорогу он выбрал. Увидев разрушения, причиненные ударом катапульты, хафлинг решил, что каюта пуста — или, по крайней мере, там нет живых циклопов — и он сможет в ней слегка расслабиться и даже, возможно, найти вина и сыру.

Теперь выхода не было. Сперва Оливер решил сбить противника конем, но побоялся, что могучий одноглазый весит больше, чем они с пони, вместе взятые. Он придержал Тредбара, низко наклонился и шепнул что-то ему в ухо.

Перед тем, как сделать последние несколько шагов, Оливер сильно пришпорил скакуна, и тот ринулся вперед. Циклоп взревел и напряжился, но Оливер ушел от столкновения, соскользнув с седла и клубком прокатившись под брюхом пони.

По сигналу — хафлинг хлопнул своего пони по груди — Тредбар развернулся задом и лягнул одноглазого. Циклоп был слишком занят, чтобы заметить Оливера, когда тот выскочил из-под пони и пробежал прямо между широко расставленными ногами циклопа.

Хафлинг перекувырнулся и вскочил на ноги, снова бросаясь в нападение, взяв наизготовку рапиру и леворучный кинжал. Оба острия вонзились в ягодицы циклопа, и тот инстинктивно прыгнул вперед, прямо под передние ноги желтого пони, взметнувшись в воздух. Циклоп поднял мускулистые руки и отскочил в сторону, сбитый с толку и ошеломленный. Тредбар преследовал его по пятам, хватая зубами за затылок.

— Я надеюсь, ты умеешь плавать, — сухо заметил Оливер, когда циклоп навалился на поручень, согнувшись пополам, но еще пытаюсь обрести равновесие.

Тредбар, не замедляя хода, опустил голову и как таран налетел на циклопа, сбросив его в воду. Затем он опять повернулся задом, возбужденно заржал и только после этого повернулся к хафлингу.

— Как насчет того, чтобы выпить со мной чаю? — спросил Оливер, указав на пустую каюту.

Желтый пони фыркнул.

Оливер огляделся и глубоко вздохнул. Битва была в самом разгаре. Схватка кипела в основном на палубах «Мечты Дозье», циклопы еще пытались сопротивляться, но было уже видно, что его друзья побеждают.

— Что ж, ладно, моя верная совесть в лошадином обличье, — вздохнул хафлинг.

Тредбар подпрыгнул, а Оливер быстро нагнулся, когда стрела, пущенная из арбалета, расщепила дерево над его головой. Затем хафлинг отскочил в сторону, а через поручни кормовой палубы перевалился циклоп и рухнул замертво к ногам Оливера. Хафлинг оглянулся и увидел Фелпси Дозье. Старик, похоже, был весьма доволен собой: он похлопывал по своему старому арбалету, кивал и широко улыбался, демонстрируя оставшиеся несколько зубов.

Еще целых полчаса по палубам всех четырех судов эхом разносился звон стали. Наконец битва закончилась. Выяснилось, что циклопы побеждены, но и эриадорцы понесли большие потери.

Флот Эриадора, бившийся в более глубоких водах, пострадал еще сильнее, потому что опытные моряки эйвонских галеонов маневрировали лучше.

Кэтрин собрала тех, кто остался, постаравшись распределить их на два своих судна. К несчастью, тот единственный корабль из четырех, которому удалось быстро уйти в море, принадлежал Эйвону. Команда взялась за работу, латая пробоины, исправляя такелаж и заменяя погибших. Они оставили позади три поврежденных корабля, своих павших товарищей и более шестисот мертвых циклопов, подняли паруса и храбро двинулись на запад, под перекрестный огонь яростного сражения.

Битва длилась еще несколько часов, большинство людей и циклопов погибало из-за невероятной усталости, а не от стрел. Из участвовавших в бою восьмидесяти семи кораблей

семнадцать либо пошли на дно, либо потеряли управление. Беспомощные корабли со спущенными флагами, болтались на волнах, поднятых проходящими судами.

И больше половины из этих семнадцати принадлежали Эриадору.

Кэтрин еще питала надежду на победу, но понимала, что ее флот станет гораздо слабее, когда они выйдут из южного устья пролива Мэн, слишком потрепанные для того, чтобы считаться значимой силой, даже если им удастся достичь реки Страттон и бережных Карлайла.

Но решительная женщина знала также, что они должны сражаться, ибо с каждым эйвонским судном, пущенным на дно, уменьшалось количество кораблей, которые двинутся к Порт-Чарлею, Даймондгейту, или даже к ее родине, острову Бедвидрин.

— Одноглазые крепко воюют, — заметил старый Дозье. Он остановился между Кэтрин, сжимавшей штурвал, и Оливером, который по-прежнему восседал верхом на пони.

На самом деле лоцманами на эйвонских судах служили в основном люди, но Кэтрин не могла не согласиться с Фелпси, хотя ей не хотелось ни в чем отдавать должное ненавистным циклопам.

— Есть старая гасконская поговорка, — прервал ее размышления Оливер. — Мой папаша-хафлинг не раз повторял ее при мне: «Битва сперва ведется умением, а затем — сердцем». И он же сказал мне однажды, — продолжал хафлинг, принимая героическую позу, чтобы подчеркнуть свои слова: — «У одноглазых широкая грудь, но сердце в ней такое маленькое!» Мы победим.

Непоколебимая уверенность в тоне хафлинга, когда он произнес: «Мы победим!» — глубоко тронула Кэтрин. Она поспешно прикинула курс пересечения с ближайшим эйвонским кораблем и решительно скомандовала:

— Полный вперед!

На этот раз Кэтрин позаботилась о том, чтобы избежать столкновения, — им противостояло слишком большое количество эйвонских кораблей, чтобы какое-либо из эриадорских судов могло сражаться с ними в одиночку. Ее экипаж значительно увеличился, под ее командой находилось более четырехсот матросов, и когда «Мечта Дозье» скользнула наперерез вражескому судну, на палубы противника обрушилось множество стрел, мгновенно поразивших двух людей и циклопа возле штурвала.

Эриадорские мореходы трудились слаженно и быстро, катапульта выстрелила как раз в тот момент, когда смелая женщина резко повернула корабль, — прежде чем противник успел заменить рулевого и вообще опомниться. Теперь Кэтрин зашла с кормы, ураганный обстрел смел циклопов, лучников и обслугу катапульты с кормовой палубы. Эриадорцы выпустили по второй стреле, затем по третьей, катапульта дождалась подходящего момента и метнула шар горячей смолы прямо в грот-мачту эйвонского корабля, — и мачта вспыхнула, словно огромная свеча.

Команда противника еще не пришла в себя, но Кэтрин решила, что не следует и ожидать этого, поскольку ее судно под всеми парусами было слишком уязвимым. Она повела галеон прочь, воспользовавшись попутным ветром. Девушка понимала, что сражаться против такого множества судов в здешних водах безрассудно: один горящий смоляной шар — и всю палубу охватит огонь, одна пылающая стрела — и мачта может быть уничтожена.

— Может, нам стоит опустить парус перед боем, — предложил Оливер, когда корабль на большой скорости приблизился к двум другим эйвонским судам.

— Помнится, ты сам всегда говорил, что циклопы не умеют обращаться с луком, — ответила Кэтрин. — Ты говорил, что они не попадут и в склон горы.

Оливер поднял глаза, и ему показалось, что распушенные паруса являют собой мишень покрупнее любой горы. Но Кэтрин упрямо сжала губы, и хафлинг лишь беспомощно покачал головой.

Кэтрин спиной ощущала его неодобрительный взгляд, но она была готова выдержать и любой взгляд, и любой риск. Однако сейчас пора было проявить смелость, даже дерзость, граничащую с безрассудством. Она высмотрела пару эйвонских судов и соответственно

сменила курс.

Но даже решительной Кэтрин пришлось отступить, когда она поняла, что на галеонах тоже увидели ее корабль и тут же начали осторожно маневрировать, сближаясь. Разочарованно фыркнув, девушка резко положила руль налево, едва не зачерпнув воду бортом. Ее воины схватились за луки, стрелы полетели и с эйвонских кораблей, но они пока что находились слишком далеко от врага, и ни один из выстрелов не попал в цель.

Однако спустя несколько минут команда Кэтрин завопила от восторга, а разочарование в душе девушки уступило место радостной надежде. Тройка кораблей, принадлежавших флоту Эриадора, подошли к эйвонцам с другой стороны как раз в тот момент, когда враг уже готов был напасть на корабль Кэтрин, и эйвонцы не сумели правильно оценить обстановку. Оба вражеских корабля попытались развернуться бортами к новой опасности, но повернули в разные стороны и в результате столкнулись, с треском и грохотом. Теперь их экипажи были больше заняты битвой с пламенем, чем приближавшимися эриадорцами, а те не теряли времени даром. Корабли эриадорцев окружили противника, лучники взялись за дело, катапульта заработала. Они успели выпустить сотни стрел, десятки пылающих шаров и тяжелых камней, прежде чем на помощь подоспели другие эйвонские суда и заставили эриадорцев обратиться в бегство.

«Значит, мне следует стать мышкой для эйвонских котов», — подумала Кэтрин. Что ж, она станет смелой, шустрой маленькой мышкой, которая отвлекает на себя котов и изо всех сил старается не попасть в их когти, а корабли ее друзей пойдут за ней в кильватере и выберутся из пролива.

Из следующих восьми судов, которые спустили флаги или отправились на дно, шесть принадлежали Эйвону.

Моряки Эриадора воспряли духом, они готовы были сражаться до последней капли крови, но тут солнце стало клониться к западу. Кэтрин была полна энергии. Отважная женщина решила, что не остановится до тех пор, пока не лишится всех парусов, и тогда она найдет эйвонское судно, протаранит его, а затем постарается захватить.

Внезапно за ее спиной раздался стон Оливера. Что-то в его голосе заставило Кэтрин внутренне дрогнуть — она никогда не слышала из уст хафлинга таких жалобных восклицаний. Оливер смотрел на север, и девушка тоже повернулась туда.

И тут она поняла, что их войне суждено бесславно окончиться, а флот Эриадора никогда уже не вернется в родные гавани. Казалось, весь горизонт закрывала сплошная стена парусов. Корабли, приближавшиеся к месту битвы, уступали размерами галеонам, но их вряд ли можно было спутать с маленькими рыбацкими суденышками.

— Сколько их? — выдохнула Кэтрин. — Сотня?

— Зеленый флаг! — крикнул один из матросов, который взобрался на грот-мачту, чтобы заняться починкой такелажа, и первым увидел новый флот. — С белой окантовкой!

Кэтрин ничуть не удивилась. Она ожидала появления этих кораблей, хотя и не в таком количестве.

— Барандуин, — беспомощно прошептала она.

Фелпси Дозье подошел к ней.

— Они не такой плохой народ, эти барандуинцы, — сказал он. — Это не то что проклятые циклопы! Я часто встречался с ними в открытом море. Возможно, мы сможем достойно сдаться.

Один лишь звук этого слова заставил Кэтрин заскрипеть зубами. Разве они могут сдаться, тем самым оставив открытыми все западные побережья Эриадора? Что станут делать Бринд Амор и его войско, если Гринспэрроу подкрадется с тыла и сравняет с землей Кэр Макдональд?

Внезапно на палубе прямо перед рулевым колесом возник невесть откуда столб оранжевого дыма, светящегося и непонятного. В первое мгновение Кэтрин ошеломленно застыла, но тут же подумала, что, возможно, получит ответ на свой вопрос. Не сам ли Бринд Амор явился на ее корабль?

Однако когда дым рассеялся, на палубе возник вовсе не король Эриадора. Перед Кэтрин стоял незнакомец, немолодой, но, безусловно, красивый. Его одежда, весьма подходящая для моря и битвы, выглядела тем не менее модной и дорогой.

— Приветствую вас, — вежливо сказал он, отдавая легкий поклон. Его взгляд остановился на пышно разнаряженном Оливере — пурпурный плащ, зеленые лосины и перчатки с крагами, широкополая шляпа с пером, — восседавшем на верном Тредбаре. — Я — герцог Эшаннон Макленни из Эорн Фаста, на Барандуине.

Кэтрин и старик Дозье застыли с открытыми ртами.

— А меня вовсе не забавляют ваши глупые магические трюки, — заявил хафлинг, который никогда не лез за словом в карман. — Этикет требует, чтобы вы спросили разрешения, прежде чем подняться на борт корабля.

Его слова вызвали улыбку на лице Эшаннона.

— У меня просто не было возможности, — объяснил он. — И, говоря по правде, я таким образом поднялся на борт уже третьего эриадорского корабля. Мне нужно переговорить с женщиной по имени Кэтрин О'Хейл, мужчиной из Порт-Чарлея, которого зовут Дозье, а также с хафлингом... — Он замолчал, продолжая рассматривать Оливера, который просто сгорал от любопытства.

— Вы — Оливер де Берроуз, — заключил Эшаннон, потому что во всем Эйвонси просто не могло быть двух таких хафлингов.

— А я — Кэтрин О'Хейл, — перебила Кэтрин, вновь обретая дар речи и загораясь гневом. Ее ладонь твердо легла на рукоять меча, висевшего на поясе. Перед ней стоял один из герцогов-волшебников Гринспэрроу, и, учитывая свои прошлые встречи с этими людьми, она не сомневалась, что демон Эшаннона тоже находится неподалеку.

— Не бойтесь, — поспешил сказать незванный гость. — Будь я вашим противником, я бы не рискнул свалиться в самую гущу врагов. Возможно, некоторые считают меня дураком, но это не так.

— Почему вы здесь? — спросил Оливер.

Эшаннон махнул рукой на север, заставив всех снова посмотреть на подходивший флот.

— Сотня боевых кораблей... — начал он.

— Вы пришли предложить нам капитуляцию, — мрачно произнесла Кэтрин, не будучи уверенной, что она вправе отказываться от такого предположения. Суда Барандуина быстро приближались к группе из нескольких кораблей Эйвона, команда которых, состоявшая в основном из циклопов, выстроилась вдоль бортов, издавая приветственные вопли.

Эшаннон улыбнулся.

— Вы сейчас увидите, — сказал он, поворачиваясь к северу.

Когда в воздухе перестали мелькать дымящиеся шары, которые взрывались, едва коснувшись палубы, и прекратился ливень стрел, большая часть циклопов на трех эйвонских кораблях была убита, а на палубах самих галеонов бушевало ревущее пламя.

Кэтрин, Дозье и Оливер уставились на герцога Эорн Фаста.

— Я встречался с Бринд Амором, — объяснил Эшаннон. — Барандуин не питает дружеских чувств к королю Гринспэрроу. Передайте сообщение вашему флоту, — распорядился он. — Я предупреждаю, любое из моих судов, которое будет атаковано, ответит ударом на удар.

Опять возник столб дыма — и герцог исчез, а точно такой же дым, возникший где-то в центре флота Барандуина, подсказал трем изумленным друзьям, какой корабль Эшаннон выбрал в качестве флага.

Несколько часов спустя, уже в темноте, бой завершился. Тридцать эйвонских галеонов были потоплены, десять других обратились в бегство, а флот вторжения, усталый и потрепанный, но увеличившийся втрое, был готов двигаться дальше. Барандуинцы прислали на помощь эриадорцам опытных лоцманов, и те осторожно и ловко провели их мимо торфяных бомб — коричневых шаров, взрывавшихся от удара.

Кэтрин и Оливер охотно приняли приглашение Эшаннона подняться на борт его флагманского корабля и плыть вместе с ними — обоих переполняли любопытство и радостная надежда.

Незадолго до рассвета изрядно выросший флот Эриадора прошел мимо огней Мэннингтона и покинул пролив.

26

НОЧЬ ТРЕХ ПОБЕДНЫХ СРАЖЕНИЙ

Хотя он никогда не бывал в этих краях прежде, Лютиен Бедвир не нуждался в карте, чтобы понять, какой именно город лежит у них на пути. С тех пор как эриадорская армия покинула горы, она стремительно преодолела сотню миль и миновала несколько городов. Соппротивление было слабым, кое-где и вовсе сдавались без боя, потому что циклопы, особенно та часть преторианской гвардии, что была разгромлена на выходе из Айрон Кросса, продолжали бегство на юг, грабя по дороге все, что могли. Это бесславное отступление сыграло на руку Лютиену, обращая население против Гринспэрроу. А с помощью Соломона Кейза, Алана О'Данкерн и других влиятельных граждан Эйвона человеческие потери с обеих сторон удалось свести к минимуму.

Но теперь...

Лютиен направил Ривердансера к вершине небольшого холма. В угасающем свете дня он устремил взгляд на юг, следуя вдоль серебристой змеи, реки Данкерн, до того места, где она расширялась и превращалась в сверкающее пятно на горизонте. Там лежало озеро Спейтенфергюс, и на его северном берегу, на полосе земли между реками Данкерн и Эрн, стоял за высокими стенами Уорчестер, чье ополчение, несомненно, увеличилось на те тысячи циклопов, которые, бросив маленькие городки, бежали на север.

Под ним, справа, довольно быстро двигалась армия Эриадора. Марш продолжится и после захода солнца, воины разобьют лагерь только тогда, когда увидят могучий город.

Смогут ли воины Эриадора и горные гномы справиться с укреплениями могучего Уорчестера? Лютиену и его войску еще никогда не приходилось осаждать город или пробиваться сквозь высокие каменные стены, окружавшие крепость. Повстанцы взяли Кэр Макдональд, отбивая дом за домом, но к началу битвы они уже находились внутри городских стен. Эриадорцы выиграли битву под Принстауном, обманным маневром заставив гарнизон выйти из-за городских стен на равнину под названием Глен Дуррич. Но что им делать с укрепленным городом, который ожидает их прихода и готовится к нему?

В голову Лютиену даже закралась на мгновение безумная идея — убедить Беллика миновать Уорчестер, обойти с востока озеро Спейтенфергюс и двигаться прямо на Карлайл. Впрочем, молодой Бедвир прекрасно понимал, что они не могут оставить у себя за спиной целую армию циклопов.

Итак, им волей-неволей придется идти на Уорчестер, потратить много сил на укрепленный город и, возможно, даже повернуть на восток, к побережью, чтобы атаковать Мэннингтон. Не в первый раз и, конечно, не в последний Лютиен размышлял о явном безумии подобного марша и тосковал по тихим пологим холмам острова Бедвидрин.

— В отсутствие герцога Тередона здесь команду я, — брызгая слюной, заявил злобный циклоп, тыча жирным и грязным большим пальцем в свою грудь шириной с бочонок.

Диана Велворт внимательно разглядывала одноглазого. Она всегда считала циклопов уродливыми и отвратительными, но этот, заместитель командующего Крейник, был хуже всех прочих. Из его выпученного глаза текла противная желтая жидкость, пачкая жирный, много раз сломанный нос циклопа. Зубы Крейника выглядели слишком длинными, они были изогнутыми и выпирали под странным углом, нависая над разорванными, перекошенными губами. Левая скула циклопа пострадала в бою, и теперь половина лица Крейника оказалась

вдавленной, его асимметричность пугала и вызывала отвращение.

— Я герцогиня, равная по рангу вашему отсутствующему господину, — напомнила Диана, но не успела она договорить, как Крейник затряс своей уродливой головой.

— Не в Уорчестере, — прорычал урод.

Диана знала, что не может выиграть эту словесную битву. С того момента, как она появилась здесь прошлой ночью, пройдя через магический туннель, к ней относились с прямым неуважением. Как и остальные страдающие паранойей приспешники Гринспэрроу, Тередон обзавелся множеством телохранителей, дабы уберечься от вмешательства других волшебников. Приказы мертвого герцога для Крейника и, возможно, для любого из подчиненных ему циклопов были нерушимы; даже сам Гринспэрроу с трудом заставил бы одноглазого подчиниться. Вероятно, Крейник оказался не первым циклопом, которому удалось дослужиться до такого звания в Уорчестере. Люди, подобные Тередону, испытывали своих подчиненных, принимая, например, обличье другого герцога и затем проверяя лояльность своих офицеров-циклопов. Того, кто не выполнял особых распоряжений Тередона, ждала ужасная, мучительная смерть.

Крейник, вероятно, не раз бывал свидетелем таких случаев. Ни угрозы, ни логические доказательства, пущенные в ход Дианой, не могли поколебать упрямого одноглазого.

— Я же говорил вам, что заместитель командира Крейник не подведет в трудную минуту, — раздался голос из-за спины циклопа. Одноглазый резко повернулся, и за его массивной спиной Диана увидела герцога Тередона, неспешно идущего по залу.

Герцогиня невольно вздрогнула. Хотя Бринд Амор и принял обличье Тередона, ему не удалось полностью скопировать его манеры. Король Эриадора шаркал, как пожилой человек, тогда как сильный герцог имел уверенную и властную походку.

— А вы боялись, что мои солдаты не подготовятся! — грохотал фальшивый Тередон, хлопая Крейника по спине, — жест, совершенно несвойственный Тередону, отчего Диана снова вздрогнула. — Готовы? — ревел Бринд Амор. — Ну, если учесть, сколько наших циклопов прибежало сюда с севера, мы готовы к чему угодно!

Диана заметила скептическое выражение лица Крейника и поняла, что нужно срочно спасти ситуацию.

— О, мой дорогой Тередон, — сказала она со смехом. — Я вижу, вы попробовали то эльфийское вино, которое я привезла вам в подарок!

— Что? — Бринд Амор слегка растерялся, заметив, что Диана, нарочито усмехнувшись, снова плотно сжала губы. — О да, — немедленно подыграл ей старик. — Но я не так-то много и выпил.

— Я предупреждала вас, что оно ударяет в голову, — сказала Диана, и Бринд Амор почувствовал, что ей самой отчаянно хочется дать ему по голове прямо здесь и сейчас. — В таком состоянии толку от вас в грядущем бою будет немного.

— Немного? — нахмурился старый волшебник и постарался принять королевскую осанку. — Считая преторианскую гвардию, пришедшую из Айрон Кросса, я полагаю, мы численно почти вдвое превышаем этих эриадорских дурней. И мы защищены крепчайшими стенами! — Он щелкнул пальцами в воздухе перед немигающим взглядом Дианы. — Да им не взять Уорчестер и за сто лет!

Казалось, Крейнику так понравилось это самодовольное заявление, что его безобразное лицо разгладилось. Циклоп даже осмелился протянуть руку и похлопать по спине герцога-самозванца, но Бринд Амор мгновенно окинул одноглазого таким сердитым взглядом, что тот отступил.

— Тогда, возможно, они не станут наступать, — подсказала Диана, — а поведут осаду города.

Бринд Амор рассмеялся, Крейник подобострастно вторил мнимому господину, но герцогиня не разделяла веселого настроения собеседников. В конце концов, они должны были убедить циклопа, что удерживать войско внутри городских стен глупо и опасно. Бринд Амор абсолютно прав, даже при их магической помощи у армии Эриадора мало шансов

вломиться через укрепленные стены или ворота Уорчестера в город, переполненный отступившими сюда циклопами. Даже если Лютиену и Беллику каким-то образом удастся ворваться в город и покончить с циклопами, их армия, безусловно, понесет сильнейшие потери, а до Карлайла оставалось еще двести миль.

По коже Дианы пробежали мурашки от охватившей ее тревоги. Внезапно смелый план показался безрассудным; как они могли вознадеяться, постоянно побеждая, дойти до самого Карлайла? Как могла она, даже вместе с Бринд Амором и Эшанноном, вознадеяться победить Гринспэрроу? Однако герцогиня твердо отогнала эти мысли, напомнив себе, что главная сила Гринспэрроу — в страхе перед ним и в ордах циклопов, над которыми он взял власть. Магия, демоны и драконы были сильным оружием, но в конечном итоге войну выигрывает твердость духа простых солдат и мудрость их полководцев.

Успокоив себя в очередной раз, Диана сосредоточилась на непосредственно стоящей перед ней задаче — убедить Крейника вывести войско из Уорчестера. Она уже собиралась зайти с другой стороны, когда Бринд Амор внезапно прекратил смеяться.

— Вот именно! — выкрикнул старый волшебник прямо в лицо Крейнику.

Циклоп отступил на шаг, по его лицу было видно, что он совершенно сбит с толку.

— Разве ты не видишь, какая блестящая возможность открывается перед нами? — крикнул Бринд Амор, пританцовывая перед циклопом. — Мы можем не обороняться, а наступать, Крейник! — объяснил он. — Мы выйдем в поле и разгромим их! А потом захватим этих глупцов — Алую Тень и Бринд Амора, если он тоже где-то там, в их рядах. О, как наградит нас король Гринспэрроу, когда пленники будут доставлены к нему!

Похоже, Крейник не попался на эту удочку, хотя ему явно с трудом удалось сохранить на лице скептическое выражение, отвергая возможность прославиться.

— У нас просто нет другого выхода, — быстро вставила Диана. — По сообщениям разведчиков, есть еще и вторая эриадорская армия, которая идет сейчас с южных склонов Айрон Кросса. Если та армия, что стоит сейчас у наших ворот, задержится надолго на полях под Уорчестером, то вторая может присоединиться к ней. Или еще хуже, обе армии обойдут Уорчестер и направятся прямо на Карлайл.

— Тогда мы пойдем вслед за ними, — заявил Крейник. — Мы ударим им в спину и раздавим о стены Карлайла.

Бринд Амор обхватил рукой широкие плечи циклопа.

— Тебе бы хотелось лично доложить королю Гринспэрроу, что мы добровольно открыли армии Эриадора путь на Карлайл? — спокойно спросил он.

Циклоп дернулся, словно ему дали пощечину.

— Мы встретимся с ними в поле! — заявил он. — Десять тысяч преторианских воинов выйдут за стены города сегодня же ночью!

Бринд Амор слегка подмигнул Диане, и женщина успела кивнуть и улыбнуться, прежде чем Крейник вновь повернулся к ней. Внезапно Бринд Амор замер на месте, улыбка исчезла с его мгновенно побелевшего лица. Он встревоженно огляделся по сторонам, но Диана не поняла, что послужило причиной такой перемены.

— Эльфийское вино, — запинаясь проговорил старый волшебник. — Мне нужно... — Он издал стон и выбежал, оставив Диану теряться в догадках.

Но уже в следующую минуту ее недоумение рассеялось. Из-за угла появился король Гринспэрроу, сопровождаемый эскортом из пяти преторианских стражников.

Диана едва не лишилась сознания от ужаса.

— Мой король, — пробормотала она, опускаясь в почтительном реверансе.

— Какие меры вы приняли, герцогиня Велворт? — резко спросил Гринспэрроу. — И почему вы не вернулись в Мэннингтон, чтобы повести флот против кораблей Эриадора?

— Я... я не думала, что такая маленькая флотилия сможет причинить какие-то неприятности, — объяснила Диана. — Мои капитаны более опытные... а герцог Эшаннон, без сомнения, уже вышел в море. — Диана вряд ли понимала, что говорит, отчаянно пытаясь что-то сочинить на ходу. — Мне казалось, эриадорская армия представляет более серьезную

угрозу. Скорость и успех их наступления встревожил меня... я не могла оставить Уорчестер без присмотра.

Она заметила, что уродливое лицо Крейника исказила гримаса. Циклоп был вовсе не глуп. Как могла Диана, сама участвуя в так называемом испытании лояльностью, теперь заявлять, что полагала, будто Уорчестер остался без присмотра? Сердце Дианы бешено заколотилось, все висело на волоске. Однако циклоп ничего не сказал, возможно опасаясь гнева Гринспэрроу, — король терпеть не мог, когда кто-то без дозволения вмешивался в разговор.

Гринспэрроу на мгновение задумался, затем кивнул, хотя ни на минуту не отвел взгляда своих немигающих темных глаз от лица Дианы.

— Итак, вы прибыли в Уорчестер и приняли руководство, — сказал король.

— Как мы и договаривались, — ответила Диана, намеренно не глядя на Крейника.

Гринспэрроу кивнул и повернулся к циклопу.

— Каковы ваши планы?

— Мы выйдем из города и уничтожим врага в открытой схватке, — заявил заместитель командира.

Диана затаила дыхание, не зная, как Гринспэрроу отнесется к столь дерзкому плану. Ведь король понимал, что эриадорцам не удастся взять Уорчестер, к тому же он считал Бринд Амора мертвым.

— Это была идея Дианы? — спросил Гринспэрроу.

В его голосе слышались нотки подозрительности, и Диана сразу поняла, что король хочет что-то выведать. Она задалась вопросом, решится ли Бринд Амор раскрыться прямо сейчас, вступит ли в открытый бой с Гринспэрроу. Одна мысль о подобной схватке вызвала у нее дурноту. Магическая энергия заговорщиков истощилась, ведь им пришлось проделать немалый путь по волшебному туннелю, а эриадорскому чародею пришлось еще и перевоплощаться в герцога Тередона. Да и вообще сражаться с королем Эйвона здесь, в самом сердце укрепленного города, когда его окружало более пятнадцати тысяч преданных циклопов, было бы просто верхом глупости.

Крейник выпрямился.

— Я только подумал, что... — запинаясь начал он. — Герцогиня не... я хочу сказать... — одноглазый заикался все сильнее, ибо темные глаза короля опасно блеснули, и Гринспэрроу взмахнул руками.

Крейник глубоко вздохнул, явно пытаясь собраться с мыслями, но прежде чем циклоп успел произнести следующее слово, он упал замертво, просто рухнул тлеющей кучей на пол. Диана уставилась на него широко открытыми глазами, а затем оборотила ошеломленный взор к Гринспэрроу, который стоял, сердито качая головой.

Наблюдая за развитием событий через зеркало в одной из небольших комнат, отделенных от зала длинным коридором, Бринд Амор следил за неожиданной сценой с не меньшим изумлением. Старый волшебник понимал, что ему следовало бы прервать связь, — он сильно рисковал, занимаясь ясновидением так близко от Гринспэрроу, — но он боялся, что эйвонский король раскроет их заговор, и тогда Диане понадобится его помощь. Он ощутил некоторое облегчение, взглянув на желтый порошок, защищавший от чар, который он рассыпал по периметру комнаты предыдущей ночью. Во всем дворце было открыто только одно это зеркало, но даже тут таилась опасность, и Бринд Амор осознавал это. Он заметил, ощутил приближение Гринспэрроу совершенно случайно, просто повезло, и теперь ему оставалось только надеяться, что король Эйвона окажется менее удачлив. Потому что Бринд Амор не хотел сражаться сейчас, здесь, когда Лютиен стоит с армией под стенами города и даже не подозревает о том, что происходит во дворце. Но в первый момент он был готов даже открыто броситься на короля Эйвона, в отчаянной попытке покончить с этим отвратительным демоном раз и навсегда. Однако тогда его собственная гибель была бы неминуема, да и Диане вряд ли удалось бы уцелеть. Бринд Амор горько сожалел о нынешнем

упадке древнего искусства магии. В прежние времена, если бы он вступил в поединок с другим волшебником, все солдаты, оказавшиеся поблизости — как люди, так и циклопы, — бежали бы в поисках укрытия, будучи абсолютно бессильными и неуместными в магическом сражении. Но сейчас меч мог оказаться вполне подходящим оружием против волшебника, а те циклопы, которые кольцом стояли вокруг Гринспэрроу, защищая его, конечно, умели владеть мечом!

Поэтому сейчас Бринд Амор мог только наблюдать и молиться — молиться, чтобы Диана не допустила ошибки и чтобы Гринспэрроу случайно не заметил его.

— Циклопы! — возмущался король Эйвона. — Этому был дан совершенно определенный приказ: только герцог Тередон Риз или я сам можем отдавать какие бы то ни было приказания относительно гарнизона Уорчестера. И, тем не менее, этот олух вздумал подчиняться требованиям герцогини Мэннингтон.

— Так вы не одобряете мой план? — спросила Диана, стараясь, чтобы ее голос звучал искренне. — Я думала, вы согласитесь...

— Конечно, я ничего не имею против, — рявкнул Гринспэрроу, явно возбужденный. — Эриадорцы насаждают на меня со всех четырех сторон. Вы должны разгромить здесь среднюю часть, Эшаннон разобьет их фланг в проливах, и тогда угроза, если она и существовала, будет ликвидирована. Но не думайте, что на этом ваши обязанности будут закончены! — неожиданно вскричал Гринспэрроу, и Диана даже подскочила от удивления. — Я ожидаю, что вторгшаяся армия будет уничтожена полностью, не останется в живых ни человека, ни гнома, а затем я поручу вам и Эшаннону перейти в контратаку. Вам придется пройти по всему пути Бринд Амора назад на север, когда Эшаннон поведет флот к Порт-Чарлею. Ваши войска встретятся в Монфоре, который эти наглые мятежники зовут Кэр Макдональдом. Во второй раз в вашей жизни над городом поднимется мой флаг! — Он замолчал, и смерил женщину гневным взглядом. Диана знала, что он припоминает ее неудачу в Айрон Кроссе. — Убейте каждого, кто осмелится сопротивляться, а заодно уничтожьте и их детей! — закончил он, прищурившись.

Диана кивала в ответ на каждое его слово, довольная тем, что Гринспэрроу по-прежнему исполнен обычной для него самоуверенности, а, следовательно, вряд ли разгадает игру, которую они с Бринд Амором затеяли здесь, в Уорчестере. Кроме того, приказы короля не оставили в душе Дианы сомнений в том, что она выбрала правильный путь. В сердце Гринспэрроу не было места милосердию, недаром он приказал убивать даже детей.

И точно так же много лет назад, той самой ночью, он уничтожил братьев и сестру Дианы в Карлайле...

Женщине понадобилась вся ее выдержка и годы тренировки, чтобы не позволить магу догадаться об ее истинных мыслях и чувствах. Герцогине хотелось броситься на злобного короля прямо здесь и сейчас, заставить Бринд Амора вступить в битву, чтобы она могла наконец отомстить этому страшному человеку за гибель своей семьи.

Но она еще раз кивнула, постаравшись изобразить самую злобную ухмылку, на которую оказалась способна.

— Ты, — рявкнул Гринспэрроу, обращаясь к одному из преторианских стражников из своего эскорта. Циклоп немедленно выскочил вперед, опасаясь той же судьбы, что постигла Крейника.

— Твое имя?

— Акрасс.

— Заместитель командующего Акрасс, — поправил Гринспэрроу. — Ты должен исполнять приказания герцогини Велворт так же, как ты исполнял приказания герцога Тередона Риза.

Акрасс покачал головой.

— Я не могу, — ответил циклоп. — Мой долг — охранять вас, и только вас, до самой смерти.

Гринспэрроу усмехнулся и кивнул.

— Ты прошел испытание, — уверил он циклопа. — Но оно закончено, а теперь выполняй приказ. Диана Велворт теперь герцогиня Уорчестера, — продолжал он, и добавил, обращаясь к Диане: — Временно.

Это сообщение застало врасплох пятерых преторианских стражников, а Акрасс даже осмелился оглянуться на товарищей.

Диана кивнула.

— Я приложу все усилия, — заверила она вполне искренне, однако миссия, которую она намеревалась выполнить, вовсе не совпадала с той, что имел в виду Гринспэрроу.

Ни в коей мере.

— Вы покидаете нас? — спросила Диана, когда Гринспэрроу вдруг резко направился к выходу.

— Я отправляюсь на побережье, следует проверить, как идут дела у Эшаннона, — рывкнул он.

Диана слабо порадовалась тому, что он повернулся спиной прежде, чем заметил, как она побелела.

— Может, вам бы лучше слетать на восток? — выпалила она, заставив Гринспэрроу резко остановиться. Затем он медленно повернулся и посмотрел на нее.

— Я получила кое-какие новые сведения, — запинаясь, проговорила герцогиня, судорожно размышляя, что можно соврать тирану. — Я опасаясь, что хьюготы объединились с нашим врагом. Их западный флот...

Лицо Гринспэрроу исказилось от ярости.

— Я хотела проверить это еще раз, прежде чем сообщить вам, — попыталась объяснить Диана. — Я не вполне уверена. Но теперь, когда у меня существуют более важные новые обязанности... — Она расправила плечи, собрав все свое мужество. — Возможно, вы сможете отправиться на восток и сами выясните, верны ли эти известия. Эшаннон без труда справится с эриадорским флотом, а я нанесу удар по врагу здесь и пойду на север. А потом мы будем ждать вас в Монфоре!

Гринспэрроу еще на секунду задержал на женщине свой взгляд, затем повернулся и вышел, расталкивая преторианских стражников.

Диана чуть не лишилась чувств от радости. В своей комнате неподалеку отсюда Бринд Амор испустил глубокий вздох облегчения.

Лютиен уже слышал рассказы о том, что некое огромное крылатое создание опускалось на землю где-то в полях южнее Уорчестера. Описания звучали весьма расплывчато — армия все еще находилась в нескольких милях от города, между нею и теми полями, о которых шла речь, лежало немало миль, но молодой Бедвир понимал, что имеют в виду его разведчики.

На этот раз он сам увидел огромную ящероподобную тварь, сумел разглядеть широко раскинутые крылья и длинный змеевидный хвост — чудовище направлялось к юго-востоку. Те, кто стоял на холме рядом с ним, решили, что это птица, но Лютиен понял, в чем дело.

Вдали, высоко в небе, парил дракон.

Сердце Лютиена упало. Он принадлежал к тем немногим, кому уже приходилось встречаться с драконом раньше, и только невероятное везение и старания Бринд Амора позволили ему уйти живым. Молодой Бедвир даже представить себе не мог, как сражаться с таким врагом, он задавал себе вопрос, сможет ли целая армия причинить какой-нибудь вред кошмарной твари, если той вздумается внезапно повернуть на север и атаковать.

Лютиен постарался выкинуть из головы эту мысль, ведь если его опасения подтвердятся, то дракон может повернуть на север и, дохнув огнем, уничтожит людей и гномов. Молодой Бедвир оглянулся на свое войско и вновь обрел мужество. «Пусть чудовище только попробует появиться! — решил он. — Его встретит такой град стрел, что от одного их веса дракон рухнет на землю!»

Но дракон все так же летел на восток, постепенно превращаясь в крохотную точку на

далеком горизонте.

— Вот туда и отправляйся, — тихо молил Лютиен. Однако он подозревал, что ему вскоре придется увидеть чудовище снова. Ведь оно явно приземлилось южнее Уорчестера, а это означало, что среди союзников Гринспэрроу не только циклопы и горстка волшебников.

— Зачем вы сказали ему? — спросил Бринд Амор, вновь вернувшись к куда более удобному собственному облику, когда они с Дианой оказались одни в запертой изнутри и магически защищенной комнате.

Герцогиня воздела руки к небу.

— О хьюготах, — нетерпеливо объяснил Бринд Амор, хотя Диана прекрасно знала, что он имеет в виду. — Как вы могли рассказать Гринспэрроу о хьюготах?

Диана пожалала плечами.

— В тот момент это показалось мне наименьшим злом, — объяснила она как нечто само собой разумеющееся. — Если бы Гринспэрроу отправился на запад, как он намеревался, тогда Эшаннон и наши корабли были бы раздавлены, возможно уничтожены совсем, если принять во внимание то, что волшебник может сотворить с деревом и парусиной. А самое ужасное, отправься Гринспэрроу на запад, он бы сразу узнал всю правду. На востоке же он потратит немало времени, чтобы проверить новость о хьюготах, если они находятся так далеко в море, как вы полагаете. Именно это время нам и необходимо, если мы рассчитываем добраться до Карлайла.

Бринд Амор был расстроен, но признавал справедливость аргументов Дианы. Старый маг прекрасно понимал, что в паутине лжи должна содержаться какая-то доля правды, и эта правда должна быть убедительной. Диана бросила Гринспэрроу косточку, сообщив кое-что ценное, и сумела завоевать его доверие, а в этом и она, и Бринд Амор, естественно, очень нуждались. Только самоуверенность Гринспэрроу и слепая вера в преданность тех, кого он поработил, до сих пор мешали ему распознать обман. Однако Бринд Амор не обманывался на тот счет, что его цели и цели Дианы совпадают не во всем. Оба хотели уничтожить Гринспэрроу, но Бринд Амор сознавал, что герцогиня не станет лить слезы, если при этом войска гномов и хьюготов понесут колоссальные потери.

— Есть ли у вас силы для перевоплощения? — спросила Диана, отвлекая волшебника от его размышлений.

Бринд Амор взглянул на нее, не понимая.

— Уже почти стемнело.

Бринд Амор кивнул. Акрасс занимался подготовкой десятитысячного войска, которое должно было выйти из Уорчестера под покровом темноты.

— Мантия герцога Тередона готова, — уверил ее Бринд Амор.

Диана сомневалась в том, что это так уж необходимо... или мудро, ведь им тогда придется сочинить еще одну историю, чтобы удовлетворить любопытство Акрасса. В конце концов, Гринспэрроу официально передал ей командование всем гарнизоном Уорчестера, так что в появлении Тередона не было необходимости.

Бринд Амор также прекрасно понимал это, но он не собирался позволить десяти тысячам циклопов выйти из Уорчестера под командованием Дианы, в то время как его собственные войска окажутся слишком уязвимыми, если не удастся решить дело одним ударом. Нет, не сейчас.

Вскоре они оба вышли из комнаты, чтобы встретиться с Акрассом. Диана объяснила, что, поскольку Тередон возвратился, — не правда ли, Гринспэрроу будет очень рад узнать, что на самом деле его герцог жив? — она передает командование ему, но, разумеется, распоряжение Гринспэрроу о ее собственной власти остается в силе, поэтому она станет его заместителем.

Акрасс поверил ловкой обманщице — впрочем, что еще ему оставалось?

Они вышли из ворот после заката солнца, когда на востоке появилась полная луна. «Тередон» и Диана возглавляли марш, постоянно держа под присмотром циклопа,

шагавшего, выпятив грудь от гордости. Одноглазый, не тратя даром времени, раздавал удары каждому, кто осмеливался подойти слишком близко или выказать хоть малейший оттенок неуважения к нему.

Еще до того, как ворота миновал длинный хвост отряда циклопов, Бринд Амор коротко и негромко свистнул. Минутой спустя на его призыв откликнулась маленькая сова, усевшаяся на ладонь волшебника и вопросительно склонившая голову набок.

Бринд Амор пошептал что-то птице на ухо, и сова, сорвавшись с руки мага, помчалась на север.

— Что это вы делаете? — спросил Акрасс.

Бринд Амор хмуро взглянул на него, давая понять, что его недавно обретенный чин все же не позволяет задавать вопросы герцогу Уорчестера. Циклоп поспешно опустил взгляд.

— Теперь у нас есть глаза, — сказал Бринд Амор Диане.

— Глаза и план, — ответила герцогиня.

План был весьма прост. Циклопы разбились на три отряда; три тысячи отправились к реке Данкерн, чтобы обойти эриадорцев с правого фланга, еще три — к реке Эрн, на левый фланг вторгшейся армии, а оставшиеся четыре тысячи, включая и большую часть кавалерии на вепреконях, двигались на север, по междуречью. Они направлялись к главному лагерю Эриадора, чтобы начать атаку. Именно этому отряду предстояло отвлечь внимание противника на себя, а остальные одноглазые должны были тем временем перейти Данкерн и Эрн и сжать эриадорцев, как в тисках. Так считал Акрасс.

Разумеется, у Бринд Амора и Дианы имелись свои представления на этот счет.

Лютиен, Беллик и Сиоба встрепенулись, услышав, что в лагере появилась говорящая птица. Молодой Бедвир молился, чтобы это оказался гонец от Бринд Амора или даже сам Бринд Амор в преображенном виде.

Он был слегка разочарован, когда обнаружил сову, сидевшую на нижней ветке дерева. Казалось, перед ними была обычная птица, и, хотя Бринд Амор часто появлялся в обличье совы, Лютиен сразу понял, что это не он. Однако не было сомнений, что дело не обошлось без магии, так как птица действительно говорила, произнося, правда, только одно слово — «Принстаун».

— Бринд Амор отправился в Принстаун? — спросила Сиоба у птицы.

— Принстаун, — ответила сова.

— По крайней мере, теперь мы знаем, куда отправился волшебник, — кисло заметил Беллик, отнюдь не обрадованный новостью о том, что Бринд Амор не собирается присоединиться к ним в столь важной битве против Уорчестера. Все в лагере прекрасно знали, что в городе находится герцог-волшебник, готовый отразить нападение.

Однако Лютиен желал полностью удостовериться. Он попытался спросить сову по-другому: «Мы должны идти на Принстаун?» и «Не объявил ли Принстаун себя союзником Эриадора?» Но птица в ответ твердила все то же слово.

Твердила до тех пор, пока Лютиен и двое других не повернулись, чтобы уйти. Тогда сова внезапно проскрипела:

— Глен Дуррич.

Все трое как один вновь повернулись к птице.

— Принстаун, Глен Дуррич, — пробормотал Беллик, не понимая смысла.

— Налево, направо, прямо, — добавила птица, а затем, словно наложенное на нее заклинание иссякло, сорвалась с ветки и беззвучно улетела во тьму.

Лицо Лютиена просветлело.

— Ты понял? — спросила Сиоба.

— Только однажды мы сражались против укрепленного эйвонского города, — ответил Лютиен. — И одержали сокрушительную победу.

— Принстаун, — вставил Беллик.

— Но на самом деле мы не сражались против города, — возразила Сиоба.

— Мы сражались в Глен Дуррич, — напомнил Лютиен. Лицо Сиобы тоже просветлело, но Беллик, появившийся под Принстауном уже в конце битвы, не знал многих подробностей и потому пока еще ничего не понял.

— Бринд Амор тогда принял обличье герцога Принстауна Парагора и выслал гарнизон города за стены, — объяснил Лютиен.

Взгляд Беллика обратился к югу, к Уорчестеру.

— Ты ведь не думаешь... — начал было гном.

— Именно это я и думаю, — перебил его Лютиен.

Сиоба позвала разведчиков и отправила их к войску с приказом сворачивать лагерь и готовиться к сражению.

— Это было предупреждение от Бринд Амора, — настойчиво повторял Лютиен, подойдя вплотную к Беллику, по-прежнему смотревшему на юг. — Гарнизон выходит из города, и мы должны быть к этому готовы.

Из трех групп циклопов та, что должна была форсировать быструю реку Данкерн, находилась в самом трудном положении.

И к несчастью для одноглазых, Беллик это отлично понимал.

Фланг циклопов раскололся — треть уже перешла реку, треть находилась в воде, а остальные выстроились вдоль восточного берега, готовясь к переправе. И тут ударили эриадорцы. Кавалерия под руководством Лютиена и Сиобы обрушилась на восточный берег. И одновременно лучники осыпали градом стрел тех циклопов, которые еще не успели выйти из воды; их массивные фигуры представляли собой отличные мишени при свете полной луны. Одновременно гномы Беллика атаковали тех, кто уже вышел на западный берег, сбросив их назад в воду.

Воды реки окрасились кровью циклопов, многие утонули, сбитые с ног стремительным течением, поскольку гномы перерубили канаты, за которые цеплялись одноглазые. Тем, что остались на восточном берегу, повезло больше — кое-кому удалось скрыться под покровом ночи, но это было не правильное отступление, а хаотичное бегство. Ночной воздух оглашали вопли ужаса.

Трехтысячный отряд Эйвона прекратил свое существование в считанные минуты.

И все же ночная работа для эриадорцев только началась. Ведомые кавалерией Лютиена, они бросились к югу, полные решимости попасть в Уорчестер раньше двух оставшихся отрядов циклопов, надеясь заманить врагов в засаду.

— Пусто! — взревел Акрасс, пиная скатку с постелью, — она была набита листьями и камнями, и потому казалось, что там кто-то спит. В опустевшем лагере догорали костры, и под каждым одеялом, в каждой скатке не было ничего, кроме листьев.

Прежде чем циклоп успел дать выход своей ярости, с востока, от реки Данкерн, до него долетели звуки битвы.

— Они вышли навстречу нашему флангу! — закричал Бринд Амор. Он все еще пребывал в обличье Тередона, хотя и чувствовал себя изрядно вымотанным, поскольку поддержание образа требовало немалого количества магической энергии.

Акрасс отдал приказ к построению, намереваясь ринуться на восток и устроить там засаду. С благословения своего герцога, как считал заместитель командующего, он так и поступил.

Луна может вести себя любопытным образом, если поблизости находятся волшебники. Простые отражательные заклинания способны создать иллюзию, будто бледное светило изменило свое положение. И точно так же заклинания могут отвести в любую сторону эхо, так что будет казаться, что источник шума находится совсем не там, где он расположен на самом деле. И потому сбитый с толку Акрасс повел свой отряд в четыре тысячи бойцов не на восток, а на север.

— Красивая луна, — заметил Бринд Амор, когда они развернули своих коней для

марша. Чародей отдавал должное изящному заклинанию герцогини.

— Простой фокус, — смущенно ответила женщина.

Бринд Амор был по-настоящему доволен.

— Простой, но действенный.

Последний из уорчестерских отрядов без приключений перебрался через мелкую и грязную реку Эрн. Эти воины находились слишком далеко, чтобы слышать звуки битвы или грохот отряда циклопов, топавших на север, и потому, как и отряд Акрасса, изрядно растерялись, когда вышли на лагерь Эриадора, ожидая попасть в разгар битвы, но не найдя ничего, кроме пустых скаток.

К этому времени поля на востоке снова были спокойны и безмолвны.

Циклоп, командовавший этой группой, оставшись без руководства Тередона, Дианы или хотя бы Акрасса, поспешно скомандовал отступление, и отряд снова отправился к реке Эрн. Каждую минуту они оглядывались через плечо, надеясь, что вот-вот появятся их товарищи, и опасаясь увидеть внезапно возникших ниоткуда эриадорцев.

Отступление совершалось в полном порядке, и циклопы были готовы отразить любой удар с тыла.

Однако на этот раз их ожидала атака спереди, а затем с обеих сторон, когда превосходящие силы противника сомкнулись, словно челюсти голодного волка. Прошло несколько минут, прежде чем одноглазые поняли, что оказались в окружении. Сперва они решили, что на них по ошибке напал гарнизон, оставшийся в Уорчестере!

Постепенно до тех, кто оставался в живых, доходила правда, но к этому времени было уже слишком поздно. Смятение переросло в панику, циклопы очертя голову бросились в разные стороны, хотя темный силуэт высоких стен Уорчестера ясно виднелся на юге. Некоторые отчаянно призывали гарнизон выйти им на помощь, но одноглазые, оставшиеся за высокой стеной, с типичной для них эгоистичной трусостью не осмелились покинуть укрепленный город ради спасения своих сородичей.

— Должно быть, пора, — решили Бринд Амор с Дианой, хотя оба мага и сомневались в правильности своего решения. Передовая часть отряда циклопов, в котором находился и Акрасс, вошли в деревушку, она называлась Биллинсби и лежала в пяти милях севернее Уорчестера.

Диана пустила своего коня рысью, опередив основной отряд, чтобы встретиться с Акрассом, когда он вылетел обратно из Биллинсби.

— Волшебник король эриадорцев Бринд Амор нанес удар по нашим силам, — сказала она с отчаянием. — Он обманул нас, он хитростью заманил не туда, куда следовало!

Акрассу отчаянно хотелось ударить женщину, и Диана прекрасно это понимала.

— Гринспэрроу обвинит во всем меня, — сказала она, и намерения одноглазого сразу изменились.

Озверевший циклоп тут же попятился назад, сообразив, что, если он сейчас набросится на Диану, возможно даже убьет ее, гнев Гринспэрроу обрушится на его собственные плечи.

— На Уорчестер! — взревел циклоп. Уже не дожидаясь приказов от волшебников, Акрасс галопом поскакал на своем вопреки вдоль шеренг, подгоняя марширующих циклопов. Под грохот копыт он понесся назад на юг.

К тому времени, когда битва закончилась, на востоке появились светло-голубые тени — рассвет стремительно приближался. Разведчики-каттеры Беллика прискакали к королю гномов с сообщением, что третий и самый большой отряд развернулся и ускоренным маршем направляется на юг, прямо к Уорчестеру.

Король Беллик почесал растрепанную рыжую бороду, прикидывая возможные варианты. Его армия явно устала, поскольку они уже побывали сегодня в двух яростных сражениях. А при дневном свете и предупреждающих сигналах, которые, без сомнения,

раздадутся со стен Уорчестера, этот третий отряд не удастся застать врасплох.

Беллик разделил свое войско на две части, восточную и западную, и отправил их туда, где их не будет видно из города, с приказом пропустить одноглазых, а затем ударить по ним сзади.

Люди, гномы и эльфы, страшно усталые, покрытые кровью друзей и врагов, охотно согласились. Отряд циклопов сильно растянулся, одноглазые стремились вернуться под защиту стен Уорчестера и занять оборонительные позиции. Когда силы Эриадора внезапно ударили с флангов, отступление превратилось в полный разгром. Гномы и люди преследовали и уничтожали циклопов всю дорогу до ворот Уорчестера.

Именно здесь Беллик и Лютиен намеревались остановиться для краткого, но столь необходимого отдыха, но неожиданно в железные ворота с треском ударила синяя молния, и они распахнулись.

На мгновение Лютиен испугался, что весь гарнизон Уорчестера сейчас обрушится на них. Но затем, когда преторианские стражники, стоявшие у ворот, повалились, сраженные новыми молниями, молодой Бедвир понял, в чем дело: это Бринд Амор открыл для них ворота города. Лютиен забыл об усталости, как и все остальное его войско, когда они поняли, какая возможность им предоставлена. По приказу Беллика воины бросились вперед, крича и стреляя из луков.

27 СТЕНЫ УОРЧЕСТЕРА

Кавалерия ворвалась в ворота и, к своему изумлению, обнаружила, что за ними пусто, — даже те одноглазые, которые только что вошли в город, ринулись на поиски более безопасного места. А его, к горькому разочарованию Лютиена, отыскать было нетрудно. Уорчестер окружала не одна стена, а несколько. Они правильной спиралью шли вокруг города, создавая десятки удобных оборонительных позиций. Циклопы очень плохо управлялись с луками и не умели метко бросать копья, но обороняли город не только циклопы, и Лютиен прекрасно понимал, что эйвонские лучники имеют немало шансов удачно выпустить стрелы во вторгшуюся армию. Лютиен жалел, что у него не было возможности как следует подготовиться, что они с Сиобой, Белликом и другими не могли спокойно посидеть у костра над картой города и выработать надежный план. Молодой Бедвир участвовал в достаточном количестве крупных битв и понимал, что теперь каждый действует на свой страх и риск. Он задал своим солдатам изначальное направление, но теперь, в беспорядке боя, каждый воин должен сам выбирать свой путь, каждый маленький отряд будет встречаться с новыми препятствиями и должен будет найти способ преодолеть их.

Лютиен с ужасом думал о перспективе боя в городе, когда впереди оставалось еще столько миль пути, но перед эриадорцами открылись главные городские ворота, и такой возможностью нельзя было пренебречь. Юноша направил Ривердансера вправо, где имелся небольшой подъем. Кто-то последовал за ним, другие повернули налево. Однако часть отряда, в основном гномы, ринулись вперед, на следующую стену, приставляя лестницы и забрасывая веревки с крепкими крюками, затем они бесстрашно полезли вверх, словно не замечая множества одноглазых, готовых оборонять высокую стену.

Лютиену не пришлось далеко ходить в поисках схватки. Сразу за поворотом он увидел острый выступ стены, за которым укрепился десяток циклопов. Окликнув Сиобу, он ринулся вперед, сбив ближайшего циклопа могучим взмахом тяжелого меча. Ривердансер затоптал еще одного, и Лютиен резко бросил коня вперед, оставив одноглазых своим воинам, несущимся за ним.

За следующим поворотом юноша обнаружил выгодную позицию, откуда была хорошо видна та часть внутренней стены, что находилась прямо напротив разбитых ворот. Он обернулся как раз в тот момент, когда какой-то гном рухнул с высоты, пронзенный мечом

циклопа. Однако тут же одноглазый и еще несколько его приятелей полетели вниз под напором десятка других бородатых гномов. Стена была взята.

Стрела просвистела перед лицом юноши, и он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как она вонзилась в грудь одноглазому. Тот споткнулся и сразу же отлетел в сторону, когда между стенами появился отряд циклопов, которые, выстроившись клином, двинулись к Лютиену.

Молодой Бедвир и его кавалерийский отряд бросились им навстречу и разбили за несколько минут.

В центральной и самой высокой части Уорчестера, как и во всех больших городах Эйвонси, красовался огромный Собор, который назывался Лейдидансер. Вокруг здания раскинулась огромная площадь. В мирные дни на ней шумел и бурлил рынок. Теперь площадь тоже была забита людьми, напуганные жители отчаянно стремились укрыться в Соборе.

Но двери его оставались запертыми.

Диана Велворт, Бринд Амор и циклоп Акрасс стояли на открытом балконе над главными дверями Собора. Бринд Амор, все еще в облике герцога Тередона, вновь и вновь требовал тишины, и постепенно взбудораженная толпа уgomонилась. Теперь до всех отчетливо доносились звуки битвы у внешней стены города.

Успокоив толпу, старый волшебник отступил назад и встал рядом с Акрассом, а вперед вышла Диана.

— Вы знаете меня, — воскликнула женщина, обращаясь к толпе. — Я — Диана Велворт, герцогиня Мэннингтон.

Снизу раздались крики горожан, кто-то просил открыть двери Собора, кто-то спрашивал, не придет ли гарнизон Дианы на помощь Уорчестеру.

— Но вы не знаете того, — продолжала женщина, и голос ее, подкрепленный магией, приобрел необычайную силу, — что я являюсь законной наследницей эйвонского трона.

Люди весьма вяло отреагировали на ее слова, казалось, они просто не поняли их смысла. Конечно, горожане знали о происхождении Дианы, по крайней мере те, кто постарше, но какое это имело значение в данный момент, когда город находился на грани гибели?

— Я — законная королева Эйвона! — повторила Диана. Она взглянула на Бринд Амора, кивнула, и, прежде чем Акрасс хотя бы начал переваривать ее слова, одноглазый был мертв — Бринд Амор твердой рукой вонзил кинжал ему в спину.

— Я больше не желаю терпеть несправедливость! — продолжала Диана, перекрывая гул толпы. — Я не могу больше выносить ни союза с грязными одноглазыми, ни тиранию Гринспэрроу! Вы слышали разговоры о драконе, который поджег поля на юге от города. Слушай меня, мой народ! Это были не враги из Эриадора, а наш собственный король в его истинном обличье!

Как гигантская волна, бушующая между двумя огромными скалами, толпа качнулась вперед и назад, зашумела, кое-где взрываясь отдельными выкриками.

— Слушайте меня, мои подданные из гордого Уорчестера! — вскричала Диана. — Не существует никакой армии захватчиков, но есть дружественное войско, которое призвала сюда ваша законная королева! Это моя армия, она пришла сюда из Эриадора, чтобы возвести на трон Эйвона законную правительницу!

Бринд Амор услышал шум за спиной и, мимоходом обернувшись, направил магическую энергию на огромную дверь балкона, заколдовав дерево и плотно запечатав дверь.

— Вы подбиваете их к мятежу, — констатировал Бринд Амор, слыша, как резко усилился шум внизу, на площади.

— А нам и нужен мятеж, — твердо заявила Диана. Бринд Амор не мог не согласиться с ней. Он видел оборонительные укрепления крепости под названием Уорчестер и знал, что

там осталось несколько тысяч циклопов, готовых сражаться до последнего. Добавьте к ним тридцать тысяч людей, для которых город Уорчестер — родной дом, и армия Беллика окажется в незавидном положении.

Старый волшебник сделал шаг вперед, волоча за собой мертвого Акрасса. Новое заклинание — да, Бринд Амору приходилось в последние дни тратить немало энергии на такого рода чудеса — и тело циклопа стало легким, как пуховая подушка. Бринд Амор поднял труп высоко в воздух над своей головой.

— Беритесь за оружие против своих истинных угнетателей! — призвал народ поддельный герцог Тередон. — Смерть одноглазым!

Этот крик эхом разнесся по толпе, и площадь внизу мгновенно забурлила. Там было не так уж много циклопов, большая их часть находилась на нижних стенах, но ведь и не все люди откликнулись на призыв Дианы. Так что мятеж, предсказанный Бринд Амором, разразился в полной мере.

— Наведите тут порядок, — обратился он к герцогине. — Найдите союзников и охраняйте Собор. Соберите в нем раненых и слабых.

Мысли Дианы двигались в том же направлении, поэтому она кивнула, соглашаясь, но Бринд Амор уже исчез в облаке оранжевого дыма, торопясь найти Лютиена.

Диана продолжала говорить со своими сторонниками, призывая их объединиться, ясно определить, против кого они сражаются. Однако ее речь прервалась, когда тяжелое копье вонзилось в балкон как раз рядом с ней. Обернувшись, Диана увидела, что несколько одноглазых засели на высокой башне прямо над балконом.

Герцогиня отреагировала мгновенно. Трескучая молния, выброс черной энергии — и башня мигом очистилась от одноглазых. Это чудо изрядно подбодрило сторонников Дианы.

Снова повернувшись к толпе, Диана почти сразу увидела, как ее сторонники, действуя вполне организованно, стараются отеснить к дверям Собора всех тех, кто не годился для военных действий, — старых и малых. Законная королева Эйвона повернулась и вскрыла запечатанные Бринд Амором двери еще одним ударом молнии, заодно опалив огнем изумленных циклопов, карауливших снаружи. Вскоре двери Собора широко распахнулись, и количество горожан Уорчестера, поддержавших Диану, стало стремительно расти.

Мятеж выплеснулся с площади на улицы города.

Бринд Амор знал, что на сегодня его запас магии подходит к концу. Несмотря на возбуждение, вызванное схваткой, старому волшебнику хотелось только лечь и заснуть. Но вместо этого ему приходилось напрягать все силы, используя свое маскировочное обличье, чтобы расколоть отряды циклопов, которые удерживали укрепления на стене, отдавая им совершенно бессмысленные приказы, заставляя уйти с занятых позиций и ослабляя таким образом оборону.

Прошло больше часа, прежде чем старый волшебник наконец увидел отряд своих друзей — около сотни гномов, которые яростно сражались, стоя по щиколотку в воде на краю небольшого рва, окружавшего одно из сторожевых помещений. Но у Бринд Амора уже не осталось магической энергии, и он не сумел помочь им. А еще через полчаса до него донесся наконец громовой грохот копыт.

Подойдя к краю высокой стены, Бринд Амор увидел отряд, выстроившийся по обе стороны длинного и узкого прохода между оборонительными стенами: с одной стороны Лютиен и сотня всадников, в основном эльфов, с другой стороны — такое же число циклопов на вепреконях.

Казалось, от шума и грохота схватки задрожал весь огромный город. Кавалерия Лютиена получила некоторое преимущество, стреляя из луков, но если в открытом поле они могли бы ударить, а потом развернуться и уйти в сторону, то здесь у них такой возможности не было. Отряды поневоле сшиблись в жестокой рукопашной схватке, многие упали просто под весом нападающих, другие удержались в седлах потому, что падать было некуда.

В гуще сражения утомленный старый чародей высмотрел Лютиена на великолепном

белом коне; могучий меч Бедвира без устали рубил врага, голос Лютиена звучал над шумом схватки, взывая к боевому духу друзей, бившихся за свободу Эриадора.

«Но какой ценой, — с горечью подумал Бринд Амор, — какой ужасной ценой достается эта свобода!»

Лютиен и около половины его отряда прорвались сквозь гущу циклопов, и туча эриадорских пеших воинов бросилась за ними в проход между крепостными стенами, добывая одноглазых, вытаскивая эриадорских раненых, устремляясь в прорыв вслед за Алой Тенью.

Сражение становилось все тяжелее, потому что во многих местах люди сражались против людей.

В основном битва закончилась поздно днем, лишь отдельные схватки еще кипели в дальних уголках оборонительных сооружений, но победа уже была одержана, Уорчестер взят. Однако Эриадор заплатил слишком высокую цену. Северная армия потеряла четырех человек из каждого десятка. Почти половина бесстрашных гномов Беллика были убиты или ранены.

Среди населения оказалось много сторонников Дианы Велворт, но имелись и недовольные. Женщину обвиняли в нападении на город, а почти каждая семья в Уорчестере имела потери. Однако эйвонцы, покинувшие Собор глубокой ночью, говорили о жестокости Гринспэрроу и о всеобщей ненависти к циклопам, а позднее и о милосердии победивших эриадорцев, которые ухаживали за уорчестерскими ранеными так же самоотверженно, как и за своими.

Бринд Амор несказанно радовался возможности вернуться в свое обличье, хотя он был так измучен, что с трудом держался на ногах. Маг представил Диану Лютиену, Беллику и другим эриадорским командирам и рассказал им обо всем, что произошло.

— Сегодня мы выиграли, — подвела итог Сиоба. — Но дорогой ценой.

— Мы готовы двигаться дальше, — поторопился вставить решительный Шаглин. — Карлайл уже не так далеко!

— В свое время, — осадил Бринд Амор нетерпеливого гнома. — Все в свое время. Сперва мы должны выяснить, каких союзников приобрели здесь.

— А я должна вернуться в Мэннингтон, — добавила Диана. — Чтобы посмотреть, какое войско я могу снарядить в поход на Карлайл.

Бринд Амор кивнул. Впрочем, похоже, старый маг был настроен не особенно оптимистично.

— Мэннингтон все еще остается эйвонским городом, — напомнил он. — И такая же битва вполне может повториться на его улицах, но уже без поддержки армии Эриадора.

— Не совсем так, — сказала Диана. — Многие из моих преторианских стражников отправились с флотом, так что кое-кто, без сомнения, уже гниет на дне пролива. Кроме того, я уже давно сеяла бунт среди наиболее влиятельных людей города. — Она слегка улыбнулась. — В основном среди трактирщиков и владельцев постоянных дворов, к которым всегда прислушиваются простые люди. Битва за Мэннингтон не будет такой кровавой, и много народа, я полагаю, последует на юг, в Карлайл, где они присоединятся к вам в решительном сражении.

Конечно, это были ободряющие вести, но у эриадорцев, которые прошли с боями пятьдесят миль в горах и сто миль по равнине, сражавшихся в четырех битвах в течение одних суток, одна только мысль о немедленном продолжении марша вызвала долгие глубокие вздохи. Они очень устали, а впереди лежала длинная и нелегкая дорога.

— Приготовьте заклинание переноса, — предупредил Диану Бринд Амор, — на тот случай, если Гринспэрроу решит взглянуть на вас и узнает правду.

— Он узнает ее достаточно скоро, — ответила Диана. — И это не доставит ему удовольствия.

Только что провозглашенная королева Эйвона мягко улыбнулась, похлопала старого мага по сгорбленному плечу и вышла.

— Поставьте стражу вокруг города и нашего лагеря, — напомнил Беллику Бринд Амор. — Мы останемся здесь как минимум на пять дней.

— Время работает на Гринспэрроу, — предупредил гном.

— Кто мог предположить, что Уорчестер падет за один день? — возразил Бринд Амор. — Я полагал, что мы застрянем здесь по меньшей мере на неделю, а то и на несколько. Думал даже, что придется оставить здесь половину армии, чтобы вести осаду. У нас еще есть время, и нам необходим отдых.

Беллик поворчал, кивнул и ушел вместе с Шаглином и другими командирами-гномами выполнять задание.

Лютиен и Сиоба тоже вышли, чтобы определить, что осталось от кавалерийского отряда, и узнать, сколько свежих лошадей можно раздобыть в Уорчестере. А заодно выяснить, каков нынче счет в их соревновании, скольких врагов уничтожил сегодня каждый из них, — впрочем, сразу решив, что не будут даже упоминать о тех *людях*, которых им пришлось убить. Одно дело — считать мертвых циклопов, это было нечто вроде игры, отдых от тягот войны, стимул к точной стрельбе и умелому ведению боя. Подсчет же убитых людей напоминал об ужасах войны, и этого они просто не могли себе сейчас позволить.

— Шестьдесят три, — после некоторого раздумья сообщил Лютиен, и Сиоба состроила недовольную гримаску, вынужденная признать, что на ее счету только шестьдесят один циклоп.

Ни одни из них не стал говорить об этом вслух, но оба понимали, что полуэльфийка найдет возможность сравнить счет в те дни и недели боев, которые им еще предстояли.

Шесть дней спустя хорошо отдохнувшая, возобновившая припасы армия выступила из Уорчестера. Ряды воинов пополнились, поскольку многие горожане решили присоединиться к битве против Гринспэрроу и поддержать законную королеву.

— Я вам говорил, что так и будет, — с улыбкой сказал Лютиен Бринд Амору, когда они тронулись в путь. — Эйвон восстанет против Гринспэрроу, когда поймет, что мы боремся за справедливость. Наверное, нам нужно было продолжить ту прошлую войну, прямо от Принстауна, после того как мы покончили со злобным герцогом Парагором.

— Ты и в самом деле предсказывал это, — согласилась Сиоба, которая ехала верхом рядом с ними. — Хотя я никогда бы не поверила, что жители Эйвона признают армию захватчиков освободительной.

— Они и не признали, — серьезно сказал Бринд Амор. — Те, кто присоединился к нам, сделали это только из-за одного человека. Если бы Диана Велворт не восстала против Гринспэрроу, то наше сражение за Уорчестер стало бы куда более тяжким и кровавым. К тому же вскоре подошло бы подкрепление из Мэннингтона.

Это замечание отрезвило всех и напомнило, каким хрупким было их положение совсем недавно. Впрочем, возможно, оно и сейчас не слишком упрочилось. Бринд Амор ничего не знал о битве в проливе Мэн. Старику не хватило времени или магической энергии разглядеть, как поживает его флот.

Старый волшебник мог только гадать, что происходит в море. Вообще-то он предчувствовал нечто хорошее, но не собирался говорить об этом, пока не узнает обо всем наверняка.

Разгром Эйвона продолжался.

Гринспэрроу в тревоге мерил шагами зал перед своим огромным тронном, то и дело сжимая кулаки. Один раз он подошел было к трону и сел на него, но через несколько минут вновь вскочил и принялся вышагивать по залу.

Герцог Крезис никогда не видел короля таким взволнованным, и циклоп, который уже многое знал из донесений, заподозрил, что дела обстоят куда хуже, чем можно было предположить.

— Предательство, — бормотал Гринспэрроу. — Подлые, вероломные крысы. Я еще увижу их трупы, и проклятого Эшаннона, и этой уродины Дианы. Да, Диана, я еще успею

воволь потешиться, прежде чем прикончу тебя, как собаку, предательница!

«Стало быть, это правда, — сообразил Крезис. — Герцог Барандуина и герцогиня Мэннингтон заключили союз с врагом против Гринспэрроу». Злобный одноглазый, однако, оказался достаточно умен, чтобы придержать иронические замечания при себе, отлично понимая, что одно неосторожное слово заставит весь гнев Гринспэрроу обрушиться на его собственную голову. Когда король Эйвона пребывал в таком настроении, все, кто имел в мозгах хоть половинку извилины, предпочитали убраться как можно дальше. Но сейчас Крезис не мог позволить себе подобную роскошь. На Карлайл надвигались по суше две армии Эриадора, и еще одна, похоже состоявшая из двух флотов, приближалась с моря.

Гринспэрроу наконец вернулся к трону и плюхнулся на него, ничуть не заботясь о внешнем величии. Он даже перекинул ногу через подлокотник пышного кресла. Гринспэрроу понимал, что королевство уплывает у него из рук, и, похоже, он мало что мог сделать, чтобы замедлить продвижение противника. Конечно, можно ринуться в бой очертя голову, пустив в ход все свое могущество, но король страшился столь решительного шага, не зная всех магических возможностей Бринд Амора.

«Всегда можно сбежать», — твердил себе король, и драконья половина Гринспэрроу отчаянно стремилась в безопасные трясины Солтуоша.

Он постарался взять себя в руки. Слишком рано думать об отречении, слишком рано сдаваться. Возможно, ему и придется отправиться в Солтуош, но только тогда, когда эриадорцы понесут тяжкие потери. Он должен найти способ...

— Эриадорский и барандуинский флот приближаются к устью Страттона, — начал Крезис. — Наши боевые корабли ударят по ним на реке, в самых узких местах, где большие береговые катапульты смогут поддержать нас...

Гринспэрроу отрицательно покачал головой еще до того, как циклоп изложил хотя бы половину идеи.

— Они пройдут мимо устья реки, — объяснил король, уверенный в своих словах, так как он многое увидел, летая в обличье дракона. — Бой завяжется в открытых водах южнее Ньюкасла.

— Тогда в сражение включится наш восточный флот, и мы поймем в ловушку суда Эриадора и предателей Барандуина! — заявил циклоп с пылким энтузиазмом. — Наши военные корабли гораздо сильнее!

— А как насчет хьюготов? — резко спросил Гринспэрроу и беспомощно откинулся назад, на спинку трона. Он уже знал, что в этом Диана сказала ему чистую правду. Огромный флот хьюготов шел вместе с флотом Эриадора на восток. В обличье дракона Гринспэрроу позволил себе снизиться и дохнуть огнем на одну галеру, но шквал стрел, копий, даже смоляные огненные шары и огромные камни, которые полетели ему навстречу, заставили его повернуть к дому.

Сперва он отправился к Эвенсхорну и обнаружил, что Мистигал так и не нашелся. Затем взлетел высоко в небо и быстро двинулся к западу, где разглядел вторую эриадорскую армию, стремительно двигавшуюся по равнине между Девервудом и Карлайлом, напоминая океанский прилив, который невозможно остановить или задержать. Однако дух Гринспэрроу пошатнулся только тогда, когда он вернулся в Карлайл, в свой дом, в свою крепость. Пока король Эйвона летал на восток и обратно, многие вернулись в Карлайл из района озера Спейтенфергюс с донесениями о катастрофе в Уорчестере, а вдоль побережья и вверх по реке Страттон стали распространяться слухи о том, что в проливе Мэн герцог Эшаннон перешел на сторону врага.

Кажется, Крезис действительно пришел в ужас.

— Хьюготы? — заикаясь произнес циклоп, хорошо знакомый с этим жутким словом.

— Злобные союзники превратились в заклятых врагов, — фыркнул Гринспэрроу.

Циклоп растерянно заморгал и нервно облизнул толстые губы, пытаясь осмыслить ошеломляющие вести. Для полководца-циклопа реальным представлялся только один путь.

— По одной армии за раз! — настаивал Крезис. — Я с гарнизоном отправлюсь маршем

на север, чтобы встретиться с ближайшим противником. Когда с ними будет покончено и, если время будет поджимать, я вернусь в Карлайл и стану готовиться к обороне города.

— Нет, — коротко ответил Гринспэрроу, поскольку знал, что, если гарнизон Карлайла уйдет на север, вторая армия Эриадора может повернуть на запад и ударить по нему с фланга. Гринспэрроу даже подумал, что, может быть, ему сейчас следует сосредоточить свое внимание на Мэннингтоне и проверить, собрал ли вероломная Диана свою армию для похода на юг.

— Готовься к обороне города сейчас, — приказал Гринспэрроу после долгой паузы. — Ты должен защищать Карлайл до последнего.

Крезис отметил, что Гринспэрроу не сказал: «Мы должны защищать город до последнего».

Щелкнув каблуками и коротко поклонившись, циклоп ушел.

Оставшись в одиночестве, Гринспэрроу вздохнул и снова принялся размышлять о том, сколь хрупким оказалось его королевство. Как он мог не заметить измены Дианы Велворт или, что еще хуже, как он мог не предвидеть выступления против него герцога Барандуина? Как только Диана сообщила о предполагаемом сражении с Бринд Амором, Гринспэрроу следовало тут же заняться поисками Такнапотина или одного из демонов других герцогов и найти подтверждение ее рассказу.

— Но откуда я мог знать? — вслух произнес король. — Маленькая Диана, как ты меня удивила!

Король признался себе, что недооценил ее, и сильно недооценил. Он ведь был уверен, что ее собственное чувство вины, его таинственные рассказы вкупе с рассказами Селны, награда в виде правления Мэннингтоном, а в будущем, возможно, и Уорчестером смогут удержать в узде ее амбиции, привяжут к нему Диану до конца жизни. Гринспэрроу уже давно приказал своей подручной, Селне, подливать в пищу Диане колдовские зелья, чтобы у той не было детей. Король надеялся, что род Велвортов прекратится. Он искренне верил, что в течение всей той недолгой жизни, что ей осталась, Диана не сможет ничем досадить ему. А на разные мелочи, на незначительные шипы и занозы можно просто не обращать внимания!

Однако какой болезненной оказалась эта заноза теперь!

Его северные владения потеряны, и против него двигались четыре армии. Конечно, Карлайл оставался могучим, укрепленным городом, да и сам Гринспэрроу был не слабым противником.

Но разве можно считать слабаками Бринд Амора, Диану, Эшаннона Макленни, и эту Алую Тень, и хьюготов, и...

Каким же длинным показался этот список осажденному королю Эйвона! Опять драконья половина вызывала в его уме образ теплых болот Солтуоша, и от этих образов становилось все труднее отмахнуться. Гринспэрроу подумал, что он так сильно ошибся именно потому, что устал от эйвонского трона, устал от человеческого облика, тогда как другая его часть была настолько сильнее, настолько свободнее.

Король Эйвона взревел и спрыгнул с трона.

— Ну, хватит, Дэнсаллигнатос! — заорал он и пнул ногой трон.

— Я мог бы просто расплющить его о стену, — напомнил ему дракон.

Гринспэрроу закусил губу и пошел прочь.

28 ЗАХВАТ

Они вышли прямо между параллельными притоками, носившими название Страттон; здесь все напоминало окрестности Уорчестера, с той лишь разницей, что открытое пространство вокруг Карлайла было не таким обширным. Да и сами города, хотя и были оба не на шутку укреплены, не могли бы выглядеть еще более непохожими, чем это было в действительности. Уорчестер казался мрачной крепостью, его стены из серого и черного

камня были усилены черным железом, его башни были угловатыми и приземистыми, и множество амбразур прорезало его бастионы. Карлайл же больше походил на Принстаун, со сверкающими белыми гладкими стенами и взмывающими в небо шпилями. Его башни были не квадратными, а круглыми, а стены плавно изгибались, следуя течению извилистого Страттона. Огромные арочные мосты нависали над рекой на западе и востоке, соединяя город с маленькими замками, похожими на отражения замка короля. Однако прекрасный город представлял собой силу, которую невозможно было отрицать.

Лютиен чувствовал эту силу, даже рассматривая город с расстояния в две мили, через холмистые поля. Он мог представить себе бой за Карлайл: белые стены станут коричневыми от вылитого на них масла, красными от брызг крови. Молодой Бедвир содрогнулся. Да, дорога к Карлайлу сплошь состояла из тяжелых битв — в горах, на равнинах, в Уорчестере, — но, как оказалось, ни одна из них не подготовила Лютиена к тому, что должно было произойти вскоре: к самому грандиозному из всех этих сражений.

— Ты, похоже, боишься, — заметила Сиоба, скакавшая рядом с молодым воином.

— Это очень сильный город, — тихо сказал Лютиен.

— Он падет, — спокойно откликнулась полуэльфийка.

Лютиен взглянул на нее, внимательно изучая прекрасную женщину. Да, сейчас Сиоба, отмытая и в чистой одежде, выглядела совсем иначе, нежели сразу после очередного боя, когда ее локоны прилипали к плечам, мокрые от крови врагов, когда в ее глазах не было ни сочувствия, ни милосердия — только пламя сражения. Лютиен восхищался ее несгибаемым духом, любил ее за способность делать то, что необходимо, скрывать свои тонкие и нежные чувства тогда, когда они могли бы обернуться слабостью.

Затем молодой Бедвир позволил себе немножко помечтать о том, как они с Кэтрин, Оливером и Сиобой когда-нибудь поскачут по мирным долинам в поисках приключений.

— Не мешкайте, — раздался голос позади них, и, обернувшись, друзья увидели догоняющего их Бринд Амора. — Беллик уже за работой, и нам тоже пора заняться нашими оборонительными укреплениями.

— Вы думаете, Гринспэрроу вылезет из своего логова? — скептически поинтересовалась Сиоба.

— Я бы вылез, окажись я на его месте, — ответил Бринд Амор. — Он, должно быть, уже знает о приближении флотов, ему наверняка сообщили о хьюготах, — и, полагаю, разведчики успели донести о второй армии, которая движется с северо-востока. Я бы вышел и ударил по нашему войску из всех сил, — закончил волшебник. — Из всех сил.

Лютиен оглянулся на высокие стены Карлайла, сиявшие в лучах дневного солнца. Аргументы Бринд Амора звучали, как всегда, весомо, и армии лучше было бы принять все возможные меры предосторожности.

Поэтому они выкопали траншеи и выслали разведчиков, укрепили стражу вокруг лагеря и спали, не расставаясь с оружием, особенно суровые гномы, которые улеглись на ночь в полном боевом снаряжении.

Но вообще-то они не ожидали начала событий раньше рассвета — циклопы любили воевать в темноте не больше, чем люди или гномы. Зато эльфы, с их острым ночным зрением, не имели ничего против ночного боя, по сути дела они даже предпочитали его.

То же самое можно было сказать и о драконе. Гринспэрроу выбрался из Карлайла после полуночи, тихо, без фанфар. Благополучно оказавшись по другую сторону городской стены, король обратился к своей второй половине, огромному дракону Дэнсаллигнатосу, той твари, с которой он объединился много веков назад в Солтуоше. Тело короля начало меняться, расти, и вскоре король стал огромным, черно-зеленым, широко раскинул чешуйчатые крылья и взмыл в ночное небо.

Несколько минут спустя он уже сделал первый круг над лагерем Эриадора, изрыгая языки пламени.

Но армию не удалось захватить врасплох, потому что эльфы неустанно наблюдали за ночным небом. Град стрел полетел в устремившегося вниз дракона, а Бринд Амор, успевший

отлично отдохнуть за десять дней марша от Уорчестера и за те дни, что они оставались в захваченном городе, материализовал свой гнев в форме нескольких ударов жгучей энергии, сперва синей, затем красной, потом желтой, мерцающей, и, наконец, ослепительно-белой, прорезавших ночное небо подобно молниям.

Дэнсаллигнатос в полной мере ощутил все четыре удара и метнулся на север, его чешуя дымилась, глаза жгло. Но тварь отчасти утешалась той паникой, которая воцарилась позади, — из бушевавшего на земле пламени доносились стоны и крики. Отлетев подальше, он заложил вираж к западу, затем повернул на юг, готовясь ко второму заходу.

И опять его встретил град стрел и удары энергии, насылаемые старым волшебником, но дракон пролетел сквозь все это, убивая и выжигая землю под собой.

На третью атаку у него уже не осталось сил, Гринспэрроу был слишком потрепан и утомлен. Однако в город он вернулся довольным, зная, что его раны быстро заживут, а вот те, кого он десятками уложил на равнине, уже никогда не восстанут из мертвых.

Рассвет был таким же мрачным и ненастным, как настроение в лагере армии Эриадора. Многие погибли при нападении дракона, включая более сотни гномов, а раны тех, кто выжил, были ужасны.

Эриадорцы приготовились к атаке, подозревая, что нападение дракона было лишь подготовкой перед полновесным ударом армии. Они ожидали, что ворота Карлайла вот-вот распахнутся, выпуская оттуда гарнизон, который, по всем донесениям, составлял более двадцати тысяч воинов.

Это действительно входило в намерения Гринспэрроу, но ему пришлось отказаться от своего плана, а сердца эриадорцев преисполнились бодрости и надежд, когда внезапно широкая лента Страттона южнее Карлайла заполнилась парусами! Десятки парусов, сотни парусов, наполненные южным ветром, летели на север.

Сиоба высмотрела знамя Эриадора, Бринд Амор заметил зеленый, окаймленный белой полосой стяг Барандуина, а Лютиен увидел пену, взбитую веслами хьюготов.

— Дракон выйдет им навстречу и подожжет прямо на воде, — сказал Лютиен.

Однако Бринд Амор усомнился в этом.

— Не думаю, что наш враг захотел раскрыть себя перед теми, кем он командует, — объяснил старый волшебник. — Ты думаешь, народ Карлайла знает, что вместо короля у них дракон?

— Все равно он может появиться, — настаивал Лютиен. — А потом списать это на магический трюк.

— Тогда нам остается лишь надеяться, что вчера мы его достаточно серьезно ранили, так что сегодня он не сможет взлететь, — вздохнула Сиоба.

Первые суда, не замедляя хода, прошли под высокими мостами на восток от Карлайла. Циклопы столпились на мостах, швыряя копья и камни, но корабли продолжали двигаться, отвечая огнем, расчищая целые секции мостов при помощи сплошного потока стрел. Из самого Карлайла и из небольшой крепости на восточном берегу реки ударили катапульты. Один галеон получил несколько пробоин и пошел ко дну.

Но маневренные суда хьюготов моментально оказались рядом с ним, вылавливая из воды уцелевших, а затем резко повернули к северу, мощно работая веслами, чтобы не отстать от своих товарищей.

Несмотря на то, что течение в Страттоне было довольно сильным, корабли прошли опасную зону слишком быстро для того, чтобы защитники Карлайла успели причинить им большой вред. Словно откликнувшись на молитвы тех, кто смотрел на корабли с севера, дракон Гринспэрроу не появился. Почти треть всего эриадорского флота прошла по реке, взрезая волны. Еще несколько раз ударили катапульты, но ядра с плеском упали в воду, не причинив никакого вреда судам, ушедшим уже слишком далеко.

Лютиен заметил, как на лице Сиобы появилась широкая улыбка, и проследил за ее сияющим взглядом. Девушка смотрела на один из головных кораблей флота, барандуинское

судно, которое, похоже, устроило гонки с галерой хьюготов. Оба корабля были еще слишком далеко, чтобы рассмотреть отдельных людей на палубе даже при остром зрении Сиобы, — за исключением одного весьма примечательного силуэта.

— Он по-прежнему верхом на своем пони! — воскликнул Лютиен.

— Всегда должен быть в центре внимания! — усмехнулась Сиоба.

Лютиен широко улыбнулся, глядя на нее, и опять попытался представить себе полуэльфийку рядом с Оливером.

Воины радостно кричали, приветствуя приближение судов к большой защищенной заводи, где они могли бросить якорь, а галеры хьюготов и самые маленькие корабли Барандуина могли даже подойти к берегу. Швартовы полетели на берег, были приняты и закреплены, и войска объединились.

— Лютиен! — Этот зов, этот знакомый голос заставил сердце молодого Бедвира забиться сильнее. Несколько недель Лютиену приходилось подавлять страх за свою дорогую Кэтрин, приходилось доверять способности этой женщины постоять за себя. Теперь его вера была вознаграждена, потому что Кэтрин О'Хейл, потемневшая от загара, но не ставшая от этого менее красивой, сбежала по сходням головного корабля Барандуина, флагмана герцога Эшаннона Макленни. Женщина пробилась сквозь толпу и бросилась в распахнутые объятия Лютиена, запечатлев жаркий поцелуй на губах молодого человека.

Лютиен густо покраснел, слыша приветственные крики собравшихся, но это только подтолкнуло Кэтрин, и она снова поцеловала его, еще более страстно.

Приветствия перешли в хохот, заставив парочку разомкнуть объятия. Они повернулись и увидели Оливера, по-прежнему верхом на Тредбаре, величественно спускавшегося по длинному трапу.

— Мой конь, он так любит воду, — объяснил хафлинг. Возможно, это и было правдой, но его конь, как и все остальные, сходящие с корабля после многих недель, проведенных в море, с трудом двигался по суше. Тредбар сделал два шага вперед, затем один в сторону, затем два обратно, чуть не свалившись с узких сходен. Так он и шел, покачиваясь, ступая то туда, то сюда, очень медленно спускаясь на берег.

При всем этом Оливер старался казаться спокойным и собранным, сдерживая пони и моля Бога, чтобы самому не оказаться в воде на глазах у всего народа! Очень осторожно хафлингу наконец удалось свести пони на берег под хор приветственных возгласов.

— Никаких проблем! — воскликнул хафлинг, победоносно щелкнув пальцами, перекинул ногу через седло и спрыгнул на землю.

К сожалению, ноги Оливера не менее чем копыта Тредбара привыкли к качке на палубе, и он тут же пошатнулся влево, затем отступил на три шага назад, потом вправо и снова назад. Он нерешительно попытался ухватиться за довольно-таки жидкий хвост пони, но руки хафлинга соскользнули, и он шлепнулся прямо в воду.

Тут уже встречающие просто завизжали от восторга. Двое мужчин подбежали к Оливеру, помогли ему встать и выбраться на сушу.

— Я это сделал нарочно, — настаивал хафлинг. Это вызвало еще более громкие восторженные крики, но они резко замерли, перейдя в приглушенный шепот, когда к отважному мореходу подошла Сиоба. Слухи об этих двоих уже давно бродили и нарастали в течение многих недель, и теперь все, а больше всех, наверное, Лютиен и Кэтрин (и конечно, широко открывший глаза Оливер) хотели видеть, что станет делать Сиоба.

— С возвращением, — сказала она, беря Оливера за руку, поцеловала в щеку и увела прочь.

Толпа была откровенно разочарована.

Однако пришла пора заканчивать приветствия, слишком много планов следовало разработать и скоординировать. Карлайл пока что не был взят, и одно только появление подкрепления еще не меняло ситуацию.

Через час Бринд Амор, Беллик, старый Дозье, Эшаннон, Лютиен, Кэтрин, Сиоба и Оливер собрались на совет. Бринд Амор устроил так, чтобы Этан на некоторое время

задержал короля Асмунда, так как он хотел сперва поговорить со своими ближайшими советниками и герцогом Эшанноном, который все еще во многом оставался для них загадкой.

Сперва говорили Эшаннон и Кэтрин, а Оливер ежеминутно стремился поведать о собственном героизме.

— Флот Эйвона не вступил с нами в схватку южнее Ньюкасла, как мы ожидали, — сообщила Кэтрин.

Бринд Амор казался озабоченным этим сообщением, но Кэтрин быстро развеяла его очевидную тревогу.

— Мы сильно превосходили их числом, и они не решились сражаться, особенно когда увидели, что за нашим восточным флотом следуют боевые корабли хьюготов, — объяснила она. — Они прошли дальше на юг и попросили убежища у Гаскони.

— Которое им Гасконь и предоставила, — добавил Эшаннон. — Но на определенных условиях.

Оливер демонстративно откашлялся, и Эшаннон уступил ему место.

— Я встретился с моими соотечественниками, — объяснил хафлинг. — Этим типчикам гарантировано убежище, но только при условии, что они сохраняют нейтралитет. Флот Гринспэрроу вышел из войны.

— Замечательная новость, — обрадовался Бринд Амор. — Просто великолепная!

Все вокруг заулыбались, кроме Кэтрин.

— Я слышала сообщение о том, что сюда с севера движется войско в пять тысяч воинов, — серьезно сказала она.

— Это герцогиня Диана Велворт и ее гарнизон из Мэннингтона, — объяснил Лютиен, и по его тону Кэтрин поняла, что это не враги.

— Диана нам друг, — заверил ее Эшаннон. — И что еще более важно, она заклятый враг короля Гринспэрроу.

Совет прошел прекрасно, все собравшиеся ощущали необычайный подъем духа. Теперь, когда клещи армии вторжения замыкались вокруг Карлайла, Лютиен и все остальные осмелились питать надежду на победу.

Эта надежда еще более окрепла с рассветом, когда к ним присоединились воины Дианы Велворт, и в тот же день с северо-востока прибыл передовой отряд всадников Эрадоха во главе с Кэйрин Калтуэйн, возвестивший о приближении второй эриадорской армии, значительно увеличившейся с тех пор, как она выступила в поход от Мальпьюсантовой стены.

Таким образом, на следующий день Бринд Амор располагал войском численностью в пятьдесят тысяч воинов. Все они расположились на равнине, окружавшей Карлайл, причем отряды обеспечения растянулись в глубь Эйвона, а плодородное южное побережье было открыто для военных судов.

Из всех союзников Эриадора только вождь хьюготов выражал несогласие с планами, и с этим следовало разобратся безотлагательно.

Лютиен сопровождал Бринд Амора, когда тот направился к кораблю Асмунда. Младший Бедвир вряд ли заметил, как короли приветствуют друг друга, он смотрел только на своего старшего брата. Этан протянул Лютиену руку, но не сопровождал этот жест улыбкой, ничто в его глазах цвета корицы не говорило о том, что он рад видеть брата. Даже после многих недель борьбы за общее дело Этан, казалось, сохранил в душе тот же холодок, как и в тот день, когда братья впервые встретились на острове Колонси.

Неужели Этан не помнил или не хотел вспоминать о том, кто он на самом деле?

Однако у них не было времени обсуждать свои личные взаимоотношения, потому что Асмунд напустился на Бринд Амора, как огромный медведь.

— Мы воины! — ревел король хьюготов. — И, тем не менее, мы неделями болтаемся на волнах, а запасы продовольствия нам доставляют эриадорские суда, которые подходят за ним к берегам Эйвона!

— Мы не могли открыть... — начал Бринд Амор, но Асмунд резко перебил его.

— Воины! — опять взревел варвар, оглядываясь за поддержкой на Торуна Рогара, стоявшего рядом с ним. Огромный Рогар кивнул и что-то проворчал.

— Я не поднимал копье уже много дней, — пожаловался Торин. — Эйвонские суда уклонились от сражения.

Бринд Амор попытался сделать сочувственный вид, но, по правде говоря, после того как его войску пришлось сражаться весь путь от Кэр Макдональда, такое стремление лезть в битву вызвало у него легкое раздражение. Старый волшебник питал не слишком большую любовь к хьюготам и на миг даже всерьез задумался, не стоит ли удовлетворить желания Асмунда, отправив короля и его звероподобных воинов на штурм высоких стен Карлайла.

— Я жажду битвы, — свирепо заявил Асмунд.

— Чтобы пополнить запасы рабов? — прямо спросил Лютиен. Он заметил, как нахмурились и Бринд Амор, и Этан, и прекрасно понял, в чем дело. Благоразумие подсказывало младшему Бедвиру, что в этот критический момент не следует ссориться с союзником, но Лютиен больше не мог сдерживать своей ярости и досады — и на хьюготов, и на Этана.

Асмунд схватился за рукоять огромного топора, висевшего за его спиной, Лютиен немедленно положил ладонь на рукоять «Ослепительного».

— Как ты посмел?! — начал Асмунд. Он поднял кулак в воздух, подавая сигнал своим могучим воинам, что переговоры подошли к концу. Бринд Амор тяжело вздохнул, но Лютиен даже глазом не моргнул.

— Возможно, Эриадору теперь придется как следует охранять свое побережье, — угрожающе заявил Асмунд.

— Неужели твое слово чести так хрупко, что может быть разбито несколькими словами, сказанными в гневе? — спросил Лютиен, давая Асмунду время одуматься.

Король расправил плечи, шагнул вплотную к Лютиену, угрожающе глядя на него. Молодой Бедвир не дрогнул и не отступил ни на дюйм.

— Друзья не боятся указывать друг другу на недостатки, — очень серьезно заявил Лютиен и был захвачен врасплох секунду спустя, когда Асмунд внезапно разразился громоподобным смехом.

— А ты мне нравишься, молодой Лютиен Бедвир! — захохотал король, и его воины слегка расслабились.

Лютиен собрался ответить довольно резко, но на этот раз хмурое выражение лица Бринд Амора сменилось откровенно угрожающим, и молодой Бедвир предпочел попридержать язык.

На этот раз союз был сохранен, и после того, как Асмунд получил от Бринд Амора обещание, что хьюготы возглавят штурм крепости Гринспэрроу — обещание, которое король Эриадора дал весьма охотно, — Бринд Амор и Лютиен отправились к себе.

— Когда мы разберемся с Гринспэрроу, нам придется заняться хьюготами, — заявил Лютиен, как только они с Бринд Амором отошли достаточно далеко.

— И что ты собираешься делать? — спросил Бринд Амор. — Идти войной против всего света?

— Пообещайте мне сейчас, что вы не позволите им выйти из Страттона в море на галерах, где на веслах будут сидеть рабы, — взмолился Лютиен.

Бринд Амор долго и пристально смотрел на принципиального молодого человека. Лицо Лютиена хранило упрямое и решительное выражение, которое старый волшебник не мог проигнорировать. Эта преданность принципам свободы была силой юноши. И разве он, король свободного Эриадора, мог отказаться следовать такому примеру?!

— С Асмундом мы разберемся должным образом, — пообещал Бринд Амор.

Они замерли на своих позициях — на военных судах, подошедших вплотную к городу, и на холмах вокруг него. Некоторые особенно храбрые пускали коней в галоп в опасной близости от стен города и вступали в перепалку с защитниками Карлайла.

— У нас собрано против вас пятьдесят тысяч бойцов, — говорили смельчаки, наученные Бринд Амором и Дианой Велворт. — В наших рядах законная королева Эйвона. Откажитесь от Гринспэрроу, убийцы короля Энати Велворта!

Каждый день, час за часом, эти слова доносились до ушей осажденных жителей Карлайла. Бринд Амор на самом деле не надеялся, что горожане восстанут против короля, но он хотел использовать все возможные шансы, когда битва начнется. А это потребует времени, что старый волшебник прекрасно понимал. Армия просто не могла взять стены такого сильного, укрепленного бастиона, как Карлайл.

Они уже успели завязать несколько мелких стычек, в ходе которых эриадорцы испытывали на прочность разные точки по периметру Карлайла.

Заводилами были хьюготы Асмунда, но даже яростные обитатели Айсенленда знали, когда следует остановиться, и потери с обеих сторон оставались незначительными. Тем временем иные, более важные приготовления шли непрерывно, и среди них почетное место занимали усилия старого волшебника, старавшегося не давать скучать Гринспэрроу. Эриадорцы не могли позволить, чтобы дракон летал над ними каждую ночь или чтобы король-волшебник осуществлял магические нападения на их ряды. Поэтому Бринд Амор взвалил на себя нелегкую ношу — занять Гринспэрроу, испытать его могущество, проверить силы древнего братства против этого чародея нового типа. В уединении своего шатра, в первую же ночь осады, Бринд Амор создал магический туннель до башни, о которой Диана сказала, что это и есть обитель Гринспэрроу. Этот туннель значительно отличался от тех, которые волшебник использовал, чтобы транспортировать Асмунда, Кэтрин или Оливера. Сейчас в пространстве перемещался лишь дух, чтобы лицом к лицу встретиться с королем-чародеем.

Гринспэрроу был удивлен, но не захвачен врасплох, когда увидел прямо перед своим тронном призрачную фигуру старого волшебника.

— Пришел поругаться? — зарычал король Эйвона. — Рассказать мне о том, как гадко я поступаю?

Бринд Амор не медлил с ответом — взрыв трескучих красных искр прожег не тело Гринспэрроу, но его душу. Секундой позже осажденный король тоже покинул свою телесную оболочку, его дух прыгнул вперед и схватился со старым волшебником. Бринд Амор вступил в поединок с равным по силе противником, как некогда с Парагором, правителем Принстауна. Только теперь бились не телесные оболочки, но лишь души магов. Поединок продолжался много часов подряд. Ни один из них не мог по-настоящему ранить другого, лишь истощая силы противника, и, когда Бринд Амор на следующее утро разорвал связь, он действительно был очень слаб и сидел на краю кровати с измученным видом, уронив голову на грудь.

В таком положении и нашла его Диана.

— Ты встречался с ним, — почти в ту же секунду сообразила она. Бринд Амор молча кивнул.

— Он обладает немалой силой, — подтвердил король Эриадора. — Но никакого сравнения с тем, чем мы, волшебники, были когда-то. Гринспэрроу пришел к власти через предательства и обман, потому что не мог получить трон одной только силой. Так и сейчас. Он правит железным кулаком, но это не кулак магии, это даже не его второе «я» — дракон. Он правит с помощью союзников, в основном циклопов.

— Не стоит недооценивать его силу, — предупредила Диана.

— Вот уж этого во мне нет, — ответил Бринд Амор. — Именно поэтому я и отправился к нему, и пойду этой ночью снова, и потом, столько раз, сколько потребуется.

— Ты можешь победить его?

— Не вполне, — объяснил Бринд Амор. — Ибо я являюсь к нему только духовно. Но я могу отвлекать и утомлять его! А по-настоящему все равно придется биться на мечах.

Эта перспектива нравилась Диане гораздо больше, чем мысль о том, чтобы развязать магическую войну против Гринспэрроу. Пять армий объединились против Карлайла, и осажденный город не имел ни малейших шансов получить подкрепление.

В этом положении огромным преимуществом эриадорцев стали союзники-гномы. Карлайл был построен так, чтобы выдержать штурм любой армии, скорее всего армии циклопов, но проектировщики не предвидели опыт строительства туннелей со стороны таких врагов, как бородатый народ Дун Дарроу. Гномы работали неумоимо, сменяя друг друга, так что подкоп непрерывно увеличивался. Они ушли глубоко вниз, копали прямо под рекой, так что жители города даже не слышали, как работают гномы. Эшаннон тоже неустанно трудился, используя свою магию для того, чтобы как щитом укрыть работу бородачей от встревоженного Гринспэрроу.

На шестой день осады произошла первая серьезная схватка — в маленьком городе-крепости, стоявшем на берегу восточного притока Страттона, который отделял его от самого Карлайла. Асмунд повел в наступление хьюготов с севера, его поддерживала кавалерия Сиобы и всадники Эрадоха. Несколько галеонов храбро встретили обстрел из катапульт с обоих берегов, но подошли к городу с запада, в то время как Шаглин повел две тысячи гномов сквозь пробитые ими туннели, выходящие на поверхность в разных стратегически важных пунктах внутри крепости. А самое главное, сделанные гномами подкопы разрушили основание стен.

Северная стена, чей фундамент также был подрыв, рухнула под силой удара нападающих, яростные хьюготы и кавалерия ворвались в город. Лютиен, Оливер и Кэтрин, которые уже находились в городе, проникнув туда через туннели гномов, потратили больше времени на то, чтобы отделить мирных жителей и убрать их с дороги, чем на саму битву, ибо схватка оказалась весьма короткой. Гарнизон бежал из города по мостам в Карлайл почти сразу же после того, как нападающие ворвались внутрь, а Гринспэрроу, который, видимо, изнемог от ночных столкновений с Бринд Амором, так и не появился.

Городок был завоеван в течение часа и полностью укреплен до исхода дня.

Кольцо вокруг Карлайла сжималось.

В ту же ночь Лютиен с Оливером, воспользовавшись алым плащом и магической «кошкой» хафлинга, складчатым шаром, который прилипал к любой поверхности, тайком пробрались в Карлайл и прогулялись по владениям Гринспэрроу. Они заходили в таверны, встречались на улицах с разными людьми, всюду нашептывали имя Дианы Велворт и распространяли слухи о том, что армия захватчиков на самом деле является войском законной королевы.

Задолго до рассвета друзья снова покинули город. В эту же ночь Бринд Амор опять в виде духа отправился на встречу с королем Эйвона, но потерпел неудачу — путь был блокирован барьером против его заклинания, сродни тому, который он сам употребил против Ресмора и в замке Уорчестер. До этого момента Гринспэрроу охотно сражался со старым волшебником, но теперь, похоже, коварный эйвонский король разгадал замысел противника. Ведь следствием его встреч с Бринд Амором стало падение городка за рекой, он не мог больше позволить себе ночные драки со своим врагом.

Однако это не слишком беспокоило Бринд Амора. Он теперь лучше знал своего врага, его силу и слабость, и был уверен, что войска смогут ударить крепко и решительно, а он сам, вместе с союзниками-волшебниками Дианой и Эшанноном, сможет справиться с переутомленным королем Эйвона.

Как он и сказал Диане на второе утро осады, это должна быть битва мечей, а не магии.

— Он не может напасть на нас из-за реки, когда наши корабли удерживают фарватер, — объяснял Бринд Амор на стратегическом совете утром следующего дня. — А при том, что мы стоим под самыми его стенами, он не осмелится открыть городские ворота,

чтобы сделать попытку пробиться на север.

— Тогда мы вошли бы в Карлайл за несколько минут, — заявила Кэтрин, и хотя ее оценка казалась слишком оптимистичной, по сути девушка была права.

— Время работает на нас, — сочла нужным добавить Сиоба.

— Вот как? — удивилась Диана Велворт.

— Семена восстания уже посеяны в Карлайле, — ответил Лютиен прежде, чем Сиоба успела что-то сказать, — Оливер и я нашли множество людей, которые с охотой слушали рассказы о законной королеве Эйвона и о предательстве Гринспэрроу.

— Уверен, нас слушали только потому, что я был весьма убедителен и красноречив, — добавил хафлинг.

Это вызвало смехок у всех, кроме угрюмого Асмунда, которому быстро надоела осада.

— Я не собираюсь сидеть на равнине и ждать первого зимнего снега, — пробурчал хьюгот.

И в самом деле, Асмунд и его войска больше не могли ждать. Им ведь предстоял еще долгий путь домой, а коварные морские воды с каждым днем становились все более негостеприимными. Скоро ветра повернут к северу, задуют навстречу галерам варваров, которым нужно будет прорываться к Айсенленду и Колонси, где их ждут жены и дети.

Бринд Амор откинулся на спинку стула, не вмешиваясь в разговор. Асмунд рвался в бой. Его поддерживали Кэйрин Калтуэйн и особенно Беллик, уверявший, что как минимум двадцать подземных ходов в Карлайл будут закончены этой ночью и что фундамент нескольких ключевых точек вдоль восточной и южной стен уже находится в критическом состоянии.

— Они думают, что мы придем с севера и востока, — заметил король гномов, подмигнув Бринд Амору. — Но они правы только наполовину. Всадники Мэннингтона и кавалерия Лютиена осуществят отвлекающую атаку с севера, тогда как наши корабли высадят армию на отмели дельты реки южнее города. А мои ребята моментально проскочат в город, пока одноглазые будут стоять у северной стены, размышляя, когда же начнется атака вашего войска, — обратился он к Диане. — А уж тогда и все остальные ударят по ним с тыла!

Конечно, Бринд Амор понимал, что все не так просто, но план был хорош. Карлайл созрел, и его пора было срывать, а если они атакуют и потерпят неудачу, то всегда можно отступить на нынешние позиции и снова вести осаду, но город будет уже ослаблен, и основательно. Труднее всего скоординировать силы, ведь на поле боя соберется огромное количество разных отрядов. Но старый волшебник, король Эриадора, решил, что время действовать наконец настало — здесь и сейчас.

— На рассвете, — неожиданно сказал Бринд Амор, и все разговоры смолкли, и все глаза устремились на него. — Даже перед рассветом, — поправился он, а затем вновь сделал паузу, чтобы лучше сформулировать план и учесть чувства и желания всех, смотревших сейчас на него.

И так оно все и началось, на восьмое утро осады, с того, что гном Шаглин вышел из подземного туннеля в тихом доме, к востоку от площади перед Собором. По всему спящему городу войска Беллика занимали боевые позиции, в то время как на равнине, к северу от Карлайла, пять тысяч воинов Дианы Велворт вместе с первой эриадорской армией, включавшей Лютиена, Сиобу, Кэтрин и Оливера, а также всю кавалерию каттеров, образовали длинную и широкую линию фронта. На юге от Карлайла хьюготы столпились на своих длинных судах, готовые штурмовать дельту реки, а на востоке Кэйрин готовила своих храбрых всадников к ураганной атаке на мосты.

Рассвет сопровождался звуками тысячи рогов — в них дули эриадорцы, хьюготы, воины Мэннингтона — и грохотом лошадиных копыт на севере и по камню восточных мостов, а также ревом наступающих армий.

Лютиен возглавлял ложную атаку с севера, совершая отвлекающий маневр, которым

предстояло удерживать внимание огромного войска циклопов вдоль северной стены Карлайла до тех пор, пока гномы внутри города не сумеют организовать. Затем южная стена Карлайла рухнула сразу в нескольких местах, и на приступ пошли хьюготы, а вслед за ними ворвалась армия Барандуина. Кэйрин сама повела свой отряд через укрепленные мосты.

В течение первого часа дело не слишком продвинулось вперед, так как Лютиен и его товарищи застряли на севере, не сумев найти бреши в цельной и хорошо защищенной стене. На юге хьюготы Асмунда встретили упорное сопротивление сразу за стеной, а всадники Эрадоха несли жесточайшие потери на узких мостах. Воды Страттона окрасились красным; белые стены Карлайла обагрились кровью как наступавших, так и осажденных.

Пятеро командующих — Бринд Амор, Беллик, Диана и Эшаннон, вместе с проктором Биллевином из Гайби, в течение всего этого ужасного часа наблюдали за происходящим, терзаясь вопросом: не ошибка ли все это?

«Неужели я недооценил Гринспэрроу?» — много раз спрашивал себя Бринд Амор.

Но затем наступил перелом. Гномы Беллика под командованием могучего Шаглина захватили площадь перед главными воротами Карлайла и распахнули их. Теперь Лютиен мог по-настоящему вступить в бой. Молодой Бедвир и его отряд ворвались в город и рассыпались во всех направлениях, словно искры лесного пожара.

Гринспэрроу тоже наблюдал за всем этим из окна одной из верхних комнат Собора. Герцог Крезис приходил к нему несколько раз в течение первого часа, уверяя, что город держится.

Затем циклоп явился с сообщением, что северные ворота пали, и Гринспэрроу понял, что пришла пора ему самому начинать действовать. Он отпустил Крезиса (одноглазый был счастлив убраться подальше от опасного и непредсказуемого тирана) и поднялся по лестнице главной башни Собора.

С этой крыши король Гринспэрроу мог полюбоваться гибелью дела всей своей жизни. Во всех районах города шел бой. Север был потерян, а гномы стремительно продвигались на восток, чтобы открыть мосты. Кавалерия грохотала на улицах, прокладывая себе дорогу, спеша принять участие в яростном сражении у южной стены.

— Чертовы идиоты, — фыркнул король-волшебник.

Гринспэрроу рассмотрел одну любопытную группу всадников, отметив воина на сияющем белом жеребце. За спиной незнакомца развевалась алая накидка.

— По крайней мере, этого достаю, — произнес король, и его руки начали ткать полуокружности в воздухе, большой палец соединился с большим пальцем, мизинец с мизинцем, темп постоянно нарастал, пока Гринспэрроу собирал магическую энергию, которая могла поразить смертельным ударом надоедливую Алую Тень раз и навсегда.

Но прежде чем Гринспэрроу успел сотворить заклинание, он ощутил, что почва уходит у него из-под ног, потому что вся башня задрожала от сильнейшего магического удара.

Посмотрев на восток, Гринспэрроу увидел три фигуры — старый волшебник в синем одеянии, с дубовым посохом в руке, герцог Барандуина и женщина, которой предстояло стать королевой. Бринд Амор непрерывно посылал заряды энергии, зигзаги молнии вылетали из его посоха, расшатывая фундамент башни под Гринспэрроу. Диана и Эшаннон не обладали подобным могуществом, но и они обратили все свои силы против короля.

Башня опасно покачнулась.

Оглянувшись вокруг, Гринспэрроу увидел, что он стал объектом всеобщей атаки. Даже Алая Тень и его всадники остановились и, сидя верхом на своих конях, целились в него.

— Все вы глупцы! — крикнул злобный король, и тут, прямо среди бела дня, под взглядами множества глаз, король Эйвона проявил свою истинную сущность. Он ощутил боль, мучительную боль, когда его конечности затрещали, вытягиваясь, а кости отчасти сплавились между собой, а отчасти расщепились. Мучительный зуд терзал его тело от головы до пальцев ног, кожа трескалась и сминалась, затвердевая и превращаясь в черные и зеленые чешуйки. И он перестал быть Гринспэрроу. Та его часть, что звалась

Дэнсаллигнатосом, широко раскинула чешуйчатые крылья. И как раз вовремя, потому что башня Собора содрогнулась и обрушилась.

По всему городу атакующие и оборонявшиеся прекратили сражаться, наблюдая за этим падением, и все увидели, как король, превратившийся в дракона, взмыл в воздух над облаком поднявшейся пыли.

Синий зигзаг молнии примчался с другой стороны реки и поразил Гринспэрроу, и с воплем боли король-дракон полетел вниз. Циклопы, хьюготы, эриадорцы, гномы — все, над кем проносилась огромная тварь, превращались в кучки пепла. Та часть чудовища, которая оставалась Гринспэрроу, мечтала уничтожить Алую Тень, затем повернуть на восток через реку и спалить недругов-чародеев. Но Дэнсаллигнатос уже не мог выбирать, захваченный всепоглощающей страстью к убийству.

Однако люди быстро пришли в себя, организовав оборону. Потоки жалящих стрел поднимались в воздух навстречу каждому взмаху его крыльев, военные корабли подошли ближе, чтобы открыть огонь из катапулт в пролетающую тварь, магические удары из-за реки усилились. Король-дракон увидел развалины своей столицы и понял, что пора спасаться.

Гринспэрроу промчался над рекой, напоследок дохнув огнем на тот дом, в котором расположились его главные враги. Однако Диана Велворт сотворила сферу, похожую на ту, которую она создала на высокогорном плато, чтобы поймать в ловушку Мистигала и Тередона. И хотя воздух вокруг них раскалился, хотя бородатое лицо Беллика заливал пот, а Биллевин упал в обморок от недостатка воздуха, когда король-дракон улетел далеко на восток, никто из них не был по-настоящему ранен.

— Отречение! — завопил Беллик. — Уж я-то могу различить, когда король удирает с трона прямо на моих глазах!

В голубых глазах Дианы сверкнули слезы, она в восторге обняла могучего гнома.

Бринд Амор, однако, не присоединился к общему ликованию. Маг поспешно бросился вперед, велел остальным следовать за ним. Он направился к ближайшему мосту и приказал срочно восстановить оборону по другую сторону.

Чародей ничего не объяснил, и никто не осмелился задать ему вопрос.

Далеко к югу от этого места Лютиен Бедвир несказанно удивился, когда Ривердансер остановился так внезапно, что Оливер на Тредбаре, ехавший прямо за ним, чуть не врезался в приятеля. Сиоба и Кэтрин проехали немного вперед, с любопытством оглядываясь на Лютиена.

Однако юноша не мог ничего им объяснить, поскольку не мог заставить Ривердансера сдвинуться с места. Блистательный конь на несколько мгновений застыл совершенно неподвижно, он даже не заметил, когда Тредбар укусил его за зад.

Затем, несмотря на все уговоры хозяина, яростно дергавшего поводья, Ривердансер развернулся и поскакал невесть куда.

— Отправляйтесь на юг! — закричал Лютиен, но друзья не оставили его, не зная, несет ли его конь к друзьям или к врагам.

Могучий Ривердансер вскоре перегнал их, и Лютиен вздохнул с величайшим облегчением, когда тот повернул в лощину, где его ждали Бринд Амор и другие полководцы. Старый волшебник жестом приказал юноше спешиться и стал нашепывать что-то в ухо Ривердансеру.

— Что происходит? — начал было Лютиен, но Диана подтолкнула его и покачала головой.

Внезапно Ривердансер заржал и попытался ускакать, но Бринд Амор не отпускал его, пока не закончил творить заклинание, и лишь потом стал нашепывать лошади что-то успокаивающее.

Глаза Лютиена вытаращились от изумления — впрочем, то же самое произошло с Оливером и остальными, когда хафлинг вместе с Кэтрин и Сиобой появился в лощине. Бока

Ривердансера выпятились и раздулись. Лошадь ужасно взвизгнула, а Бринд Амор, словно прося прощения, прижал к себе голову животного.

Но боль прошла, а выпуклости на боках превратились в прекрасные, могучие, но в то же время мягкие крылья.

— Что вы наделали? — ужаснулся Лютиен, потому что, несмотря на восхищение крылатым конем, юноше хотелось вернуть прежнего, обычного Ривердансера, своего дорогого друга.

— Не бойся, — сказал ему Бринд Амор. — Действие заклинания долго не продлится, и никаких дурных последствий для Ривердансера не будет.

Лютиен все еще с открытым ртом смотрел на крылатого коня, но он доверял своему королю и принял его объяснение.

— Этому надо положить конец здесь и сейчас, — объяснил Бринд Амор. — Гринспэрроу не должен уйти! — Он подошел к великолепному животному, и послушный Ривердансер низко наклонился, чтобы помочь ему забраться в седло.

— Город скоро падет, — сказал Бринд Амор Диане. — Эйвон примет законную королеву. Я не могу присутствовать при вашем триумфальном восшествии на престол. Поэтому я прошу вас, не забывайте о тех, кто пришел к вам на помощь.

— Нам еще предстоит исправить много зла, — ответила Диана.

— Если я не вернусь, тогда знайте, что Гринспэрроу навечно останется вашей проблемой. Следите за Солтуошем и остерегайтесь нападения сверху.

Диана кивнула.

— Как бы ни повернула ваша судьба, Бринд Амор, я обещаю независимость Эриадору, — ответила она старому магу. — Ваша армия не уйдет на север, пока не будет выбран достойный правитель, будь то король Беллик из Дун Дарроу или Лютиен Бедвир, проктор Биллевин из Гайби или Сиоба, полуэльфийка.

Лютиен пришел в ужас от того, что они так просто обсуждают возможность гибели Бринд Амора, но смирился с суровой реальностью. Эриадор не должен вновь погрузиться в хаос, что бы ни случилось. Внезапно юноша почувствовал, что он верит обещанию Дианы, что Эйвон больше не будет пытаться завоевать господство над его родиной. Все-таки, учитывая последние слова Дианы, Лютиен видел реальную угрозу в том, что, если Бринд Амор не вернется, Эриадор погрузится в пучину гражданской войны, уж слишком разные народы населяли его. Лютиен опасался конфликта между Кэйрин Калтуэйн и Белликом, оба они были горды и упрямы. Возможно, вспыхнет ссора между ними обоими и проктором Биллевином...

Взгляд Лютиена вернулся к Бринд Амору; храбрый волшебник наклонился, поглаживая крепкую шею Ривердансера. Повинуясь внезапному импульсу, Лютиен бросился к своему коню, отодвинув Бринд Амора к самой холке.

Бринд Амор поднял руку, пытаясь остановить его.

— Что ты задумал? — требовательно спросил волшебник.

— Я отправляюсь с вами, — решительно ответил Лютиен. — Это мой конь, и мое место здесь!

Бринд Амор долго и пристально смотрел в глаза младшего Бедвира — необычные, цвета корицы... Он понял, что не может не согласиться с ним. Лютиен заслужил право участвовать в этом последнем, отчаянном сражении.

— Если конь не выдержит нас обоих, тогда возьмите еще одного, — потребовал Лютиен. Он оглянулся на Оливера, который нервно поглаживал своего желтого пони. — Тредбара, например, — предложил юноша.

— Ты хочешь отрастить крылья моему бесценному коню, чтобы лезть в трясины Солтуоша за драконом? — недоверчиво спросил Оливер.

— Да, — ответил Лютиен.

— Нет! — решительно поправил его Бринд Амор, и эта поправка вызвала у хафлинга вздох облегчения. — Ривердансер выдержит нас обоих, — объяснил Бринд Амор, и молодой

человек успокоился.

— Лютиен! — воскликнула Кэтрин О'Хейл.

Молодой Бедвир мгновенно соскочил с коня, подошел к девушке и крепко обнял ее.

— Это и есть достойный конец, — сказал он от всего сердца. — Это достойный конец того, что я начал, убив герцога Моркнея на башне Собора.

Кэтрин собиралась просить его не уезжать, хотела выругать за то, что он так мало думает о ней, раз решился на такое самоубийственное предприятие, как преследование дракона в его топях. Но, как и Бринд Амор, женщина взглянула в глаза молодого человека и поняла, что он действительно должен довести дело до конца, каким бы этот конец ни оказался.

— Я просто испугалась, что ты улетишь, не попрощавшись со мной, — солгала она.

— Я и не прощаюсь, — поправил ее Лютиен. — Просто хочу поцеловать тебя и попросить, чтобы ты была цела и невредима к тому времени, когда я вернусь к тебе сюда, во владения королевы Дианы Велворт.

Его оптимизм тронул Кэтрин, хотя девушка понимала, что сам он не до конца верит в свои слова. И все равно она не смогла попросить его остаться. Девушка поцеловала его и сжала губы, чтобы с них не сорвалось ненужного слова.

И вот двое доблестных воинов отправились в путь. Ривердансер неся по воздуху так же уверенно, как и по твердой земле. Конь поднялся высоко над сражавшимся городом — похоже, дела у союзников шли неплохо. Затем Карлайл оказался далеко позади, под ними расстилались бескрайние поля Эйвона.

Впереди ждали топи Солтуоша.

30

КОРОЛЬ-ДРАКОН

Серое и туманное утро встретило друзей, когда могучий крылатый конь опустился на клочок мягкого торфа. Они летели весь остаток дня и ночь прямо на восток, но нигде не увидели стремительного дракона.

Лютиен боялся только одного: а что, если Гринспэрроу на самом деле отправился не в Солтуош, а просто вылетел из Карлайла отдохнуть перед новым нападением?

Бринд Амор даже слышать не хотел о такой возможности.

— Гринспэрроу знает, что все потеряно, — объяснил он. — Злой колдун открыл свою истинную сущность, и теперь население Эйвона никогда не примет его как своего короля. Нет, тварь отправилась к себе домой, в болота.

Хотя уверенность волшебника утешала, Лютиен понимал, что прочесывание «дома» Гринспэрроу в поисках бежавшего волшебника — не такое уж легкое дело. Солтуош представлял собой обширные легендарные топи, это название слышали даже в Эриадоре. Топи занимали около пятнадцати тысяч квадратных миль на юго-востоке Эйвона. На востоке они подходили вплотную к Дорсальскому морю, так что иной раз было трудно понять, где заканчиваются топи и начинается море, а на западе, где сейчас стоял Лютиен, простиралось глубокое и мрачное болото, полное ползучих гадов и бездонных трясин.

Лютиену вовсе не хотелось идти туда — сама мысль о том, что придется углубиться в болота и искать там дракона, казалась молодому человеку почти невыносимой.

Но Бринд Амор был настроен решительно.

— Отдохни пока, — приказал он Лютиену. — У меня есть заклинания, с помощью которых я могу обнаружить, где находится король-дракон, и мне надо укрепить заклинание, наложенное на Ривердансера. Мы найдем Гринспэрроу еще до захода солнца.

— И что тогда? — поинтересовался молодой Бедвир.

Бринд Амор прислонился к крылатому коню, подыскивая разумный ответ.

— Я не хотел, чтобы ты шел сюда, — наконец тихо ответил он. — Я не знаю, будет ли от тебя много проку в битве против такого противника, как Гринспэрроу, и я не знаю, смогу

ли я победить короля-дракона.

— Тогда почему мы здесь, мы оба? — спросил Лютиен. — Почему мы не в Карлайле, где мы нужны, чтобы завершить сражение и помочь Диане занять трон?

Бринд Амору не понравился резкий тон молодого человека.

— Сражение не будет завершено, пока не будет покончено с Гринспэрроу, — ответил он.

— Вы только что сказали... — попытался возразить Лютиен.

— ...Что у меня может не хватить сил победить короля-дракона, — закончил за него Бринд Амор, и глаза старого волшебника опасно вспыхнули. — Вполне вероятное допущение. Но, по меньшей мере, я могу ранить тварь, и достаточно серьезно. Нет, мой молодой друг, в Карлайле ничто не может завершиться, пока не будет покончено с истинным источником падения Эйвона. Мы смогли бы победить гарнизон циклопов и поднять народ в поддержку Дианы — и это, без сомнения, происходит сейчас, пока мы здесь разговариваем, — но дальше что? Если мы выведем свою армию и уйдем назад в Эриадор, сможет ли Диана чувствовать себя в безопасности, когда Гринспэрроу затаился и выжидает всего в нескольких десятках миль к востоку?

У Лютиена не нашлось достойных аргументов для ответа.

— Я пойду в топи уже сегодня, — закончил Бринд Амор. — Возможно, будет лучше, если ты подождешь здесь или даже отправишься обратно на запад.

— Я иду с вами, — без колебаний ответил Лютиен.

Едва юноша произнес эти слова, как подумал обо всем, что может потерять. О своих дорогих друзьях Оливере и Сиобе, об Этане и о том, что они могли бы снова стать настоящими братьями, и, конечно, о Кэтрин. Как ему недоставало ее сейчас! Какой притягательной казалась ее теплота в этом холодном и страшном месте! Однако мысли о возможном счастье, о безоблачной мирной жизни не заставили младшего Бедвира изменить решение.

— Мы были вместе с самого начала, — сказал он, положив руку на плечо старого волшебника. — С тех пор, как вы спасли Оливера и меня на дороге, с тех пор, как вы послали меня в логово Балтазара за вашим посохом и дали мне алый плащ.

— С тех пор, как ты начал революцию в Монфоре, — добавил Бринд Амор.

— В Кэр Макдональде, — поправил Лютиен с улыбкой.

— И с тех пор, как ты уничтожил герцога Моргнея, — продолжал Бринд Амор.

— А теперь мы закончим это, — твердо сказал Лютиен. — Вместе.

Они молча отдыхали в течение двух часов. Однако друзья и даже могучий Ривердансер чувствовали такое возбуждение, что просто не могли усидеть на месте дольше, чем требовалось, чтобы восстановить силы. Затем они осторожно отправились в топи. Бринд Амор тихо напевал какой-то звучный мотив, посылая его вперед, в заросшие мхом тени, а затем прислушиваясь к эху, звуки которого могли бы быть искажены присутствием мощной магической силы.

Солтуош впустил обоих путников, сомкнулся у них за спиной и закрыл от них яркий и радостный дневной свет.

Лютиен чувствовал, как грязь сочится через верх его башмаков, слышал протестующее шипение болотных созданий под ногами, чувствовал укусы moskitov. Слева от него на коричневой воде появилась рябь, и какое-то большое животное скользнуло под воду раньше, чем он успел разглядеть его.

Молодой Бедвир сосредоточенно смотрел прямо вперед, в спину Бринд Амора, и старался ни о чем не думать.

Битва в Карлайле продолжалась всю ночь. В городе больше не существовало четких рубежей обороны, просто группы упрямых защитников тут и там держались до последнего. В основном это были циклопы, и они продолжали сражаться просто потому, что знали: им, после двадцати лет жестокого обращения, вряд ли следует ожидать пощады от народа

Эйвона. Одноглазые служили в отборных полицейских частях Гринспэрроу, были палачами и сборщиками налогов, и теперь, когда король сбежал из города, приняв обличье дракона, циклопы должны были стать козлами отпущения за все бесчинства, творимые Гринспэрроу.

Не то чтобы все жители Карлайла приняли сторону вернувшейся королевы. Отнюдь нет. Большинство попрятались в своих домах, желая только одного: чтобы их никто не трогал. Но, хотя многие просто отступили перед событиями, а некоторые даже решили сражаться на стороне Эриадора, немалая часть эйвонцев еще продолжала сражаться, особенно в южных частях Карлайла, против свирепых хьюготов.

Оливеру, Сиобе, Кэтрин и многим другим, пришедшим из Кэр Макдональда, все происходившее напоминало повторение мятежа в Монфоре, только в гораздо более крупных масштабах. Эта троица уже была свидетельницей уличных боев за каждое здание, и, хотя им пришлось разделить этой ночью, все они понимали неизбежность конца и знали, к чему это приведет. Поэтому Оливер ничуть не удивился, когда, подъехав на Тредбаре к главным дверям карлайлского Собора, нашел там Сиобу и Кэтрин — каждая привела туда свой отряд, и сражение уже происходило внутри, между церковными скамьями. Косые лучи восходящего солнца прорезали тускло освещенный Собор, пробиваясь через множество дыр в стенах полукруглой апсиды, там, где рухнула башня.

— Я так рада, что ты решил присоединиться к нам! — крикнула Кэтрин хафлингу, когда он проскакал мимо нее. Копыта его пони грохотали по проходу центрального нефа.

Оливер резко остановил Тредбара, так что пони проехал несколько футов по гладкому каменному полу.

— Мы не можем позволить им занять Собор, — сказал он, эхом повторяя те аргументы, которые привели сюда и Кэтрин, и Сиобу, и многих других. Сушая правда, во всем Карлайле, как и в любом другом крупном городе Эйвонси, не было более укрепленного места, чем Собор. Если бы циклопам удалось укрыться в Соборе Карлайла, могли пройти недели, прежде чем удалось бы выбить их оттуда, и даже тогда армия осаждавших могла понести огромные потери.

Полководцы прекрасно понимали это, и потому не похоже было, что хотя бы одному циклопу удалось скрыться в Соборе. Каттеры Сиобы захватили трифориум и с этого высокого выступа уже поливали дождем стрел циклопов в нефе, так что количество одноглазых неуклонно уменьшалось. Отряд Кэтрин отвоевал две трети рядов скамей в главном нефе, а северный трансепт впереди и слева от Оливера был захвачен полностью. В южном трансепте оборону удалось сломить, и одноглазые в ужасе выскакивали из дверей и разбегались по городским улицам.

— За мной! — крикнул Оливер, направляя Тредбара вперед, на толпу циклопов. Несколько одноглазых бросились бежать, но продвижение Оливера было остановлено другими, сдвинувшими ряды, и хафлинг был вынужден остановиться. Рапира хафлинга блеснула слева, ткнув одного в глаз, затем взмахом справа прочертила красную линию на щеке другого.

Но Оливер вскоре осознал, что его призыв застиг товарищей врасплох и он вырвался слишком далеко вперед, чтобы рассчитывать на скорую поддержку.

— Возможно, я был не прав! — быстро произнес хафлинг, яростно отражая удары в попытке защитить себя и своего пони. Мощные руки циклопов хватались за одежду и сбрую, волосы и гриву, в надежде свалить и всадника, и пони. Другие одноглазые выскочили из-за рядов скамей позади Оливера, отрезая дорогу отряду Кэтрин, который пытался прийти на помощь хафлингу.

— О горе мне! — завопил Оливер, а затем вспомнил, что на него смотрит Сиоба и, что еще важнее, он не должен погибнуть трусом. — Но я должен запеть в момент своего самопожертвования! — объявил он, и так и сделал, затянув древнюю гасконскую песнь о героях и трофеях войны, но не прекращая при этом отчаянно отбиваться:

Мы берем города

И сдаем города
В бою за прекрасных дам.
Трубят рога
На страх врагам
В бою за прекрасных дам.
А ранят нас
В недобрый час
В бою за прекрасных дам.
И они на бинты
Пусть банты
В бою за прекрасных дам.
Закончен бой —
Платья долой,
Шелком тонким
Крови подтеки
Утрите, прекрасные дамы.
А теперь бегите,
Ведь смелый воитель
Не упустит прекрасных дам!

Едва закончив, хафлинг вскрикнул и пригнулся, потому что воздух вокруг него внезапно наполнился жужжанием. На секунду Оливер даже подумал, что каким-то образом угодил в рой пчел, а когда он наконец сообразил, что вокруг него просто свистят стрелы, эта мысль его мало утешила!

Но затем жужжание прекратилось так же внезапно, как началось, и напор циклопов на Оливера и его желтого пони оказался уже не так силен. Потом рядом с ним очутилась Кэтрин, на все корки ругая приятеля за безрассудство.

Оливер вряд ли расслышал хоть одно ее слово. Он поднял глаза на трифорий, на Сиобу и ее эльфов, которые уже двинулись вперед, отыскивая следующую подходящую мишень.

Хафлинг приподнял свою роскошную шляпу перед прекрасной полуэльфийкой, но Сиоба даже не улыбнулась.

— Мои друзья, они не так хорошо стреляют! — крикнула она, подражая гасконскому акценту Оливера.

Хафлинг в изумлении уставился на нее.

— Она слышала твою балладу, — сухо заметила Кэтрин. — Я думаю, она приказала им застрелить тебя.

— А... — понял хафлинг, снова приподнимая шляпу и улыбаясь еще шире.

— Гасконская свинья, — фыркнула Кэтрин и отвернулась.

— Но я так тяжело ранен! — внезапно взвыл Оливер, и Кэтрин обернулась. — Можно мне перевязать раны твоей юбкой?

Пожалуй, Кэтрин еще не случалось любоваться столь впечатляющим искусством верховой езды. Стоило Кэтрин О'Хейл сделать всего лишь один угрожающий шаг в сторону Оливера, хафлинг резко направил Тредбара вбок, заставил его вскочить на узкую деревянную скамью и пробежать по ней, безупречно сохраняя равновесие.

Кэтрин беспомощно взглянула на Сиобу, и обе они широко улыбнулись своему неисправимому маленькому другу.

Затем им пришлось вновь вернуться к делу, приканчивая одноглазых на самом нижнем этаже Собора, защищая неф, трансепты и то, что осталось от апсиды. Вскоре двойные передние башни тоже были взяты, но не раньше, чем циклопам удалось осуществить прорыв под началом огромного и ужасного создания, одетого по-королевски и размахивавшего роскошно изукрашенным мечом. Герцог Крезис во главе свежего отряда прорвался через полукруглую апсиду в восточном конце Собора, затем повернул в южный трансепт. Когда

же предводитель циклопов обнаружил, что путь прегражден стеной эриадорцев, он опять бросился на восток по узкому проходу, а затем в хорошо замаскированные двери в левой стене. Крезис и его двадцать бойцов захватили подвалы.

— Сбросим с лестницы горящие вязанки хвороста, — предложил один из эриадорцев. — Либо мы их выкурим оттуда, либо они там погибнут — пусть выбирают сами!

Другие поддержали его, но у Сиобы нашлись возражения. Она узнала в командире этого отряда герцога Крезиса, и потому полуэльфиика усомнилась в том, что ему следует давать хотя бы призрачную возможность побега.

— Возможно, существует еще один выход из подвалов, — предположила она. — Мы не можем позволить такому могучему циклопу вновь оказаться на улицах Карлайла.

— Неужели кто-нибудь захочет преследовать одноглазых по темным подвалам? — прямо спросил другой воин.

Кто-то сказал, что следует позвать гномов, но Сиоба утихомирила спорщиков.

— У нас нет времени искать воинов Беллика, — объяснила она. — Пойду я.

С десятков эльфов мгновенно присоединились к ней.

— Ужасно не хочется оставлять такого прекрасного коня, — пожаловался Оливер, но тоже подошел к Сиобе. Последней к отряду присоединилась Кэтрин.

— Четыре по три! — скомандовала Сиоба, и двенадцать лучников заняли места перед закрытой дверью; четыре ряда, по три воина в каждом.

— Не дожидайтесь, пока вы кого-нибудь увидите, — объяснила полуэльфиика и кивнула двум мужчинам, стоявшим у двери.

На счет «три» они распахнули двери и отскочили с дороги, а первый ряд лучников выстрелил. Эльфы тут же упали и откатились в стороны, а второй ряд выпустил свои стрелы, в то время как первые побежали назад, вновь натягивая свои луки. Затем выстрелили третий, четвертый ряды, потом снова первый, и так оно и шло непрерывными волнами, и стрелы падали на ступени и бились об камень стен.

И Оливер, и Кэтрин держали фонари, но Сиоба велела им прикрутить фитили.

— Эльфы стреляют в темноте лучше, чем одноглазые, — объяснила она и вдруг замолчала, пристально глядя на своих друзей, которые не принадлежали к эльфийской расе.

— Мы идем вниз вместе с тобой, — решительно сказала Кэтрин, заканчивая спор раньше, чем Сиоба успела начать его. Отряд выстроился в восемь рядов, в каждом из которых стояло по три воина, а затем медленно и осторожно двинулся вниз по грубым, неровным ступеням.

Они прошли мимо нескольких мертвых циклопов, неудачливой первой линии обороны, сраженной стрелами, и очутились на дне подвала.

Фонарь Оливера почти не давал света. Потолки оказались очень низкими, Кэтрин и несколько самых высоких эльфов вынуждены были пригнуться, чтобы не задевать головами за камни. Массивные балки перекрытий опускались еще ниже, и потому все это подземелье, построенное так, чтобы удержать огромный Собор над ним, производило впечатление извилистого лабиринта.

Друзья старались держаться вместе, но им часто приходилось идти цепочкой по одному. Пол был ужасно неровным, а за каждым арочным проходом коридор разделялся на четыре части, так что, идя в затылок другу, можно было не заметить врага. Свет факела был не в силах рассеять вечную мглу, толстая паутина свисала с потолка, а арки были столь многочисленны и впечатляющи и так низки, что подземелье казалось скорее переплетением множества проходов, чем огромным помещением, уставленным колоннами.

— Здесь стояло старое аббатство, — сообщил Оливер, причем голос его прозвучал тихо и приглушенно из-за многочисленных слоев паутины и выпиравших отовсюду камней. — Они построили Собор прямо над ним. — С этими словами хафлинг завернул за угол и уперся в подъем, где три или четыре стертые временем ступени вели к каменной коробке алтаря или, возможно, к подземной часовне. Он обернулся, чтобы спросить мнения Сиобы, и

обнаружил, что каким-то образом отбил от остальных.

— А я так люблю, когда вместо потолка надо мной небо, — вздохнул хафлинг.

— Одноглазый! — раздался отозвавшийся эхом крик откуда-то издали, за ним последовали звон стали и утробное ворчание, а затем голос эльфа:

— Они все еще здесь!

— Сиоба! — тихо позвал Оливер, пытаясь вернуться обратно по своим следам. — Левый поворот, правый поворот, средний проход, все прочее — к черту, — запел Оливер. Затем, как того требовал гасконский обычай, он отправился по тому пути, который вел «к черту».

Хафлинг услышал звуки битвы, вернее поединка, поскольку в сражении явно участвовали всего двое. Циклопы были действительно здесь, прятались поодиночке, рассчитывая напасть на кого-нибудь.

Оливер повернул налево, в следующую низкую арку, затем ему показалось, что он узнал небольшую площадку, и вышел из-за угла с широкой улыбкой, ожидая увидеть лестницу, ведущую назад, на первый этаж Собора.

Но его фонарь вдруг осветил две ноги, слишком длинные, чтобы принадлежать эльфам, и слишком мощные, чтобы принадлежать Кэтрин. Хафлинг вскрикнул и ткнул рапирой вперед, пытаясь одновременно поставить фонарь на пол, чтобы успеть вытащить леворучный кинжал. Он думал, что его тонкое острие дотянется до ближайшей ноги, но их обладатель двигался с безупречной ловкостью прирожденного воина и потому быстро и легко уклонился от удара.

Оливер подумал, что он сейчас погибнет, однако в слабом свете фонаря блеснула загорелая кожа, а вовсе не сероватая, как у циклопов. Кроме того, у его противника имелось два глаза цвета корицы...

— Лютиен... — начал было Оливер, но тут же умолк, поняв свою ошибку.

— Аккуратнее со своей рапирой, глупец! — зарычал Этан Бедвир, живо отстраняясь от все еще торчащего вперед острия.

— Что ты здесь делаешь?

— Мне сказали, что сюда пошла Кэтрин, — мягко ответил Этан. — Я обещал своему брату, что присмотрю за ней.

Хитрая улыбка тронула губы Оливера.

— Твоему брату? — переспросил он.

Но Этану было некогда пускаться в дипломатические игры. Он подал знак двум хьюготам, показывая, что они должны идти направо, а сам еще с одним устремился вперед.

Оливер, наклонившись, чтобы поднять фонарь и сунуть за пояс леворучный кинжал, обнаружил, что снова остался в одиночестве. Он взглянул на лестницу, испытывая искушение вернуться на верхний уровень, но тут услышал в отдалении крик и узнал голос.

Сиоба и один из эльфов спустились вниз на десяток ступеней и завернули за угол, оставив всех остальных далеко позади. Затем они решились согнувшись проползти в низенькую квадратную дверь не выше трех футов, сквозь которую с трудом мог бы протиснуться крупный циклоп. Туннель за дверкой был не намного шире, чем вход, и им пришлось низко нагибаться, кое-где даже ползти.

Тьма была полной даже для чувствительных глаз эльфов, и Сиобе пришлось зажечь ручной фонарик, крошечную лампу, которую она часто использовала в Монфоре, стонавшем тогда под властью Моркнея.

Она кивнула своему товарищу, шедшему впереди, чтобы он продолжал движение.

Наконец они выбрались в более высокую часть подземелья, наверное самую старую во всем Соборе. Открытые склепы смотрели на них со всех сторон, демонстрируя скелеты первых священников и настоятелей Карлайла, а может быть, и всего Эйвонси. Большинство лежало на спине, но некоторые, в наиболее пышных склепах, сидели на каменных тронах.

Сиоба изо всех сил старалась восстановить дыхание, заметив совсем рядом одного из

покойников, гордо и прямо сидевшего много веков. Вот только череп его валялся на полу, вероятно став жертвой голодных крыс, чьи кости, наверное, тоже были разбросаны сейчас в этом пристанище смерти. Полуэльфийка с трудом отвела взгляд от жуткого зрелища и заметила, как ее товарищ сильно ударился головой о закругляющийся верх следующей арки.

— Осторожно, — прошептала Сиоба, но тут же вскрикнула, когда ее товарищ повернулся и упал.

Даже в тусклом свете фонаря Сиоба увидела яркую струю, хлынувшую из груди эльфа, которая оказалась рассечена от подмышки до позвоночника.

Перед Сиобой стоял звероподобный герцог-циклоп, с его легендарного палаша капала кровь. Безобразное лицо Крезиса исказила жуткая ухмылка, словно обещание близкой и неизбежной кончины.

Сперва вдали прозвучал одинокий крик, затем они стали повторяться все чаще и чаще — все больше и больше охотников сталкивалось с прячущимися циклопами. Но Оливер никогда в жизни не был так сосредоточен. Его ум, его душа — все сконцентрировалось на том единственном возгласе, и лабиринт, казалось, расступился перед ним, когда он помчался вперед, прибавив огонь в фонаре так, чтобы видеть трещины в неровном полу.

Он лишь чуть задержался в одном из залов, чтобы воткнуть рапиру в ягодицу сражавшегося с кем-то циклопа. Затем, увидев, что укол отвлек одноглазого в должной мере и его противник-эльф получил неоспоримое преимущество, Оливер помчался дальше.

Он пробежал еще через одну арку, даже не взглянув по сторонам, в ушах звучал этот крик, сердце гнало влюбленного хафлинга вперед.

Кэтрин увидела его, закричала и кинулась следом. Этан с хьюготами помчались за ней.

Но они не смогли догнать юркого Оливера в узких проходах. Друзья добрались до поломанной и неровной лестницы и успели только заметить, как хафлинг нырнул в крохотную дверцу под ней.

Звон стали подсказал им, что они на правильном пути.

Сиоба была лучницей, причем одной из самых искусных во всем Эйвонси. Но в битве на мечах она тоже была не новичком, и герцог Крезис быстро обнаружил это.

Циклоп думал, что застал ее врасплох, поэтому сразу сделал выпад вперед, целясь в сердце полуэльфийки.

Молнией блеснул короткий меч, отводя клинок одноглазого так же мгновенно, как извернулось тело полуэльфийки. Удар прошел мимо цели, и Сиоба стремительно нанесла контрудар, повернув запястье так, чтобы направить свой меч по диагонали в безобразное лицо Крезиса.

Циклоп, споткнувшись о выступ неровного пола, упал назад, в более просторную часть подземелья, где находился самый старый алтарь древнего аббатства.

Сиоба быстро последовала за ним, стремясь развить преимущество, но тот же камень замедлил ее продвижение, и одноглазый успел встать в оборонительную позицию.

— Герцог Крезис? — усмехнулась Сиоба.

Циклоп фыркнул и не потрудился ответить.

— Я предлагаю вам сдаться, — сказала Сиоба. Чистый блеф с ее стороны, и потому она молилась, чтобы могучий одноглазый согласился. — Город наш; вам некуда бежать.

— Тогда я умру с мечом в одной руке и с твоей головой в другой! — пообещал Крезис и перешел в нападение.

Палаш сверкнул справа, слева, снова слева и затем пошел прямо вниз, одноглазый вцепился в него обеими руками, готовясь к последней атаке. Сиоба отбивалась и уворачивалась, низко пригибаясь под ударами, затем резко выпрямляясь, держа меч горизонтально над головой. Она хотела заблокировать палаш и развернуть его, затем сделать шаг вперед, ближе к противнику, и использовать преимущество своего более короткого меча в ближнем бою.

Однако напор Крезиса был слишком силен для такого маневра, и Сиоба почувствовала, что у нее просто подгибаются ноги под тяжестью давящего сверху меча. Но ее закаленный эльфийский клинок не гнулся, задерживая удары прямо над головой, и отважная воительница перекатилась в сторону, нанеся два быстрых укола. Впрочем, только один из них слегка поцарапал бедро циклопа.

Крезис рассмеялся над таким пустяком и снова перешел в нападение, делая один выпад за другим. Сиобе приходилось двигаться с невероятной скоростью, чтобы избежать ударов. Она сильно ударилась о камень, когда-то бывший основанием алтаря, и Крезис, считая, что она в ловушке, бросился вперед.

Но Сиоба обладала прекрасным чувством равновесия, она перепрыгнула через камень, доходивший ей до бедра, и упала ничком по другую его сторону, когда меч циклопа просвистел в воздухе.

Крезис тоже перепрыгнул через камень, но проворная полуэльфийка уже вскочила на ноги. Она тут же развернулась, заняв наступательную позицию, и ударила своим коротким мечом в пах одноглазого, затем бросила клинок вверх так, что меч Крезиса, сужавшийся к концу, не смог удержать удар.

Циклоп упал, поперек его подбородка шла глубокая рана, нос картошкой был разрублен почти пополам. Сиоба могла опять предложить ему сдаться, и он, возможно, согласился бы, но к этому времени ее уже захватил азарт боя. Она вновь пошла в наступление, продолжая наносить удары. На этот раз полуэльфийка вонзила лезвие меча глубоко в левое предплечье циклопа и подошла так близко, что приколола руку Крезиса к его торсу.

Но только на секунду, потому что Крезис взревел от боли и рванулся вперед из всех своих могучих сил, протащив Сиобу футов на десять вперед. Каким-то образом она ухитрилась удержаться на ногах и приготовиться к следующей атаке одноглазого, которую он провел в уже хорошо известной ей манере.

Направо, налево, снова налево и затем вниз, но в этот раз он держал свой палаш только одной рукой.

Сиоба отбила удар, резко отклонилась назад, втянув живот, затем нырнула вниз, выпрямилась и увидела, что одна рука у Крезиса не действует.

Лезвия мечей встретились с оглушительным звоном. Сиоба рванула меч в сторону из всех сил, затем шагнула вперед в предвкушении победы, когда палаш вдруг ушел в сторону.

Свет стал ярче, в помещение вбежал Оливер и увидел, что его дорогая Сиоба сражается в ближнем бою с огромным безобразным циклопом. Меч Крезиса странно отклонился в сторону и замер, но по какой-то непонятной причине занесенный клинок Сиобы тоже не наносил удара по одноглазому.

Оливер все понял, когда его любимая соскользнула с груди одноглазого, а точнее, с левой руки Крезиса, сжимавшей окровавленный кинжал.

Сиоба сумела еще взглянуть на Оливера, затем ее меч с оглушительным звоном ударился о камни, а за ним быстро последовала и его владелица.

Оливер вряд ли мог стать достойным соперником для Крезиса, к тому же могучий одноглазый был не так уж тяжело ранен, но в этот ужасный момент у хафлинга не возникло и мысли об отступлении. Он взревел от ярости, увидев, как падает его возлюбленная, и прыгнул вперед, яростно работая рапирой с такой скоростью, что Крезис не мог заметить отдельных движений и получил несколько жалающих уколов в предплечье, попытавшись отразить удары палашом.

Циклоп отчаянно защищался, но разъяренный хафлинг не прекращал атаку. Им двигала чистая ярость, Оливер наносил удар за ударом, хлестал по палашу леворучным кинжалом, в какой-то момент даже зажав его лезвие поворотом рукоятки кинжала, хотя у него не было возможности сломать оружие циклопа или выбить его из мощной хватки Крезиса.

И все равно не Оливер, а Крезис продолжал пятиться и отступать. Миниатюрный воин увидел свой шанс, когда циклоп приблизился к каменному алтарю. Хафлинг подпрыгнул,

вскочил на камень, и теперь Крезису пришлось потрудиться, отражая удары, потому что рапира Оливера оказалась на одном уровне с уже и так изуродованным лицом циклопа.

— Ты так безобразен! — издевался хафлинг, выплевывая ядовитые слова. — Даже собака не стала бы играть с тобой, не привяжи ты кусок мяса к толстому животу!

— Я бы сам съел собаку! — рявкнул Крезис, но его ответ был прерван еще одной серией молниеносных атакующих ударов.

Крезису хватило ума понять, что ярость хафлинга не шла тому на пользу. Если бы Крезис смог заставить Оливера непрерывно двигаться, нападать и размахивать рапирой, хафлинг скоро выдохся бы.

Поэтому циклоп лишь отражал удары и пятился от алтаря, но затем его единственный глаз широко раскрылся от удивления, когда леворучный кинжал, вращаясь, полетел к нему, но это был не единственный приближавшийся снаряд, потому что Оливер оттолкнулся от края древнего алтаря и бросился на врага.

Крезис опять взвыл от боли, его предплечье горело от удара кинжалом. Он попытался действовать палашиком, надеясь поймать на острие летевшего на него хафлинга, но из-за раны реакция одноглазого замедлилась, так как мышцы были порваны и сведены болью.

Оливер с силой врезался в циклопа, хотя трехсотфунтовый противник успел немного отступить назад. Но это не имело значения, потому что хафлинг прыгнул, выставив вперед рапиру.

Теперь он как будто прилепился к могучей груди Крезиса, точно так же, как малыш прижимается к сильному отцу. Но его рапира попала точно в цель и по рукоять вошла прямо в толстую шею Крезиса.

Циклоп захрипел, кровь хлынула из рта и раны на горле. Он сильно сжимал Оливера, словно пытаясь напоследок выдавить из него жизнь. Но вскоре его силы иссякли, легкие переполнились кровью. Крезис медленно опустился на колени, и Оливер отскочил в сторону, увернувшись от последнего взмаха палашиком противника.

Циклоп рухнул на четвереньки, задыхаясь, пытаясь набрать воздуха в легкие.

Но Оливер больше не обращал внимания на умирающего врага. Он бросился к возлюбленной, подложил руку под голову девушки и зажал другой рукой кровоточащую рану на ее груди.

В помещение ворвался Этан, за ним Кэтрин.

— О моя любовь! — услышали они рыдания хафлинга. — Не умирай!

— Мы не можем дальше идти в этом направлении, — сообщил Бринд Амор Лютиену. Молодой Бедвир пробрался через заросли, подошел к волшебнику и увидел водную гладь, окружавшую их с трех сторон.

Они потратили почти полчаса, пробираясь через густой подлесок к оконечности полуострова.

Лютиен уже собирался предложить отправиться назад, но удержался, когда маг повернулся и направился к коню. Волшебник внимательно осмотрел Ривердансера.

— Жеребец вполне отдохнул, — решил Бринд Амор. — Мы полетим.

Лютиен не стал спорить. Он чувствовал себя совершенно несчастным, ноги вымокли и разболелись, голова чесалась от сотен комариных укусов, а нервы окончательно растрепались. И хотя ни одно чудовище до сих пор не решилось напасть на них, любая из топей Солтуоша выглядела так, словно скрывала самых зловещих тварей.

Так что Лютиен испустил вздох облегчения, наполняя легкие чистым воздухом, когда они, наконец, вырвались из-под влажного полога. Некоторое время он шурился, чтобы глаза привыкли к слепящим солнечным лучам, время от времени прорывавшимся сквозь густые облака. Молодой человек понимал, что они, вероятно, более уязвимы в воздухе, чем в топях; ведь Гринспэрроу мог с легкостью заметить их, стоило ему лишь потрудиться обозреть небеса над своим мрачным домом. Но Лютиен был рад любой перемене, равно как и Ривердансер, радостно вскинувший голову. По просьбе Бринд Амора Лютиен заставил коня

лететь низко над верхушками деревьев.

— Вы видите... что-нибудь? — спросил юноша через несколько минут, оглядываясь на чародея.

Бринд Амор разочарованно покачал головой, затем, после минутного размышления, ткнул большим пальцем вверх.

— Мы не найдем эту тварь в таких зарослях, — сказал он. — Давай посмотрим, увидит ли дракон нас!

Эти слова громом отозвались в мозгу Лютиена, вызвав воспоминания о его предыдущей встрече с драконом, — эти видения до сих пор иногда будили его по ночам. Но он напомнил себе, что они пришли сюда за Гринспэрроу и не могут уйти, пока не найдут злобного короля-дракона и не победят его.

Ривердансер взмыл над деревьями футов на сто, потом на двести, и топи под ними разительно изменились, став мешаниной из сливающихся верхушек деревьев и пятен темной воды. Они поднялись еще выше, Солтуош еще больше расширился, и все оттенки, соединяясь, превратились в огромное серо-зеленое лоскутное одеяло.

Все выровнялось, сгладилось, избавившись от острых углов и отчетливых границ цвета, все смягчилось и расплылось... все, кроме некоего разрыва в общей картине, словно Солтуош, подобно огромному луку, выстрелил своей единственной полосатой стрелой.

Лютиен помедлил, замороженный этим зрелищем.

Как дракон может лететь так быстро, пытался понять Лютиен, ведь могучая тварь лишь время от времени взмахивала крыльями... резкий удар по воздуху, затем крылья прижимаются к бокам, а дракон летит вверх с такой скоростью, словно он не поднимается, а стремительно падает!

Ривердансер фыркнул и шарахнулся в сторону, но слишком поздно. Сердце Лютиена упало, когда он понял, какой ошибкой было его промедление. Он заглянул в пасть приближавшейся твари, как в зев своей судьбы.

Затем мир как будто свернулся вокруг него и втянул в сине-белый вихрь магического туннеля. Он закончился так же внезапно, как и начался, и Лютиен обнаружил, что смотрит снизу вверх на улетающего от него дракона.

Посох Бринд Амора коснулся плеча юноши, и волшебник выпустил поток трескучей черной энергии, которая захватила дракона и встряхнула его.

Крылья Гринспэрроу широко раскинулись в стороны, тварь отчаянно пыталась затормозить.

На этот раз Лютиен отреагировал быстро, резко подняв Ривердансера вверх, надеясь облететь дракона и очутиться позади него.

Но Дэнсаллигнатос, он же Гринспэрроу, в стремительном падении наклонил голову и изогнул змеевидную шею.

Ривердансер сложил одно крыло и сделал полный разворот, когда дракон выдохнул огненный столб. Выпрямившись, пытаясь удержаться на своем месте и не потерять поводья, Лютиен проводил недоверчивым взглядом зеленый бестелесный кулак, вылетевший из-за его плеча. Он преодолел разделявшее противников расстояние в считанные секунды, сильно ударил дракона в брюхо и взорвался там с такой силой, что тварь отбросило на много ярдов в сторону.

— Ха! — фыркнул Бринд Амор и щелкнул пальцами в воздухе. Затем гораздо менее уверенным тоном волшебник прошептал: — Тебе надо держаться поближе к этой твари, парень. Настолько близко, что Гринспэрроу не смог бы дохнуть огнем, не опалив собственные крылья.

Лютиен понимал, что это правильное соображение, но одно дело — сказать, другое — сделать, особенно когда говоришь о драконе!

Волшебник метнул второй магический кулак, затем третий, а вслед за ними помчался к дракону и Лютиен.

Гибкая шея Гринспэрроу дернулась вбок, и второй кулак пролетел мимо. Последний,

однако, попал в цель, так что голова дракона сильно качнулась. Однако Гринспэрроу, похоже, сумел не выпустить из поля зрения главную цель — живой снаряд, состоявший из коня и двух всадников, и Лютиен чуть не потерял сознание от мысли, что он привел себя и своих товарищей прямо в лапы смерти.

— Не сбивайся с курса! — закричал Бринд Амор, и юноша, не в силах сдержаться вскрика ужаса, повиновался.

Второй летающий кулак, тот, что проскочил мимо цели, вернулся, как бумеранг, и крепко ударил дракона по затылку, прежде чем Гринспэрроу успел выдохнуть огонь. Тварь качнуло вперед, Ривердансер оказался как раз у его согнутой шеи. Лютиен даже попытался выхватить меч, ведь теперь он находился достаточно близко для того, чтобы нанести удар по чудовищу, но Бринд Амор снова взмахнул посохом, выпустив еще одну молнию, на этот раз ярко-красную, и по чешуе дракона рассыпались брызги искр.

Дракон взревел и, наклонив голову, стремительно спикировал к болоту. Бринд Амор испустил победный клич, и Лютиен вторил ему, прищипывая Ривердансера, чтобы броситься в погоню, но ни один из них не догадывался, сколь разнообразно оружие, которым может владеть подобная тварь. Да, дракон устремился к надежному убежищу, родным топям, но Гринспэрроу вполне сохранил присутствие духа и с размаха хлестнул преследователей своим чудовищным хвостом.

Ривердансер как раз поворачивал, и это спасло жизнь коня и его седоков, но все-таки крылатый скакун получил мощный удар сзади.

Все трое отчаянно закружились, с трудом удерживаясь от падения. Бринд Амор соскользнул со спины лошади и вынужден был обеими руками уцепиться за плащ Лютиена. Он громко выругался, потому что его посох отлетел и пропал из вида, исчезнув где-то в подлеске Солтуоша.

Лютиен наконец выровнял коня и протянул руку волшебнику, беспомощно болтавшемуся в воздухе у бока Ривердансера.

И тут над ними померкло солнце. Дракон зашел сверху, вытянув свои огромные когтистые лапы. Лютиен резко дернул поводья, уводя коня влево, но когтистая лапа успела полоснуть по правому крылу Ривердансера.

Они опять перевернулись в воздухе, и на этот раз Лютиену не удалось спасти положение. Они камнем летели вниз, а Гринспэрроу, распахнув жуткую пасть, несясь следом за противниками. И вновь возник синий вихрь, Бринд Амор открыл для них магический туннель. Они находились там какую-то долю секунды, но за этот краткий миг успели перенестись на двести футов ниже и чуть в сторону.

Растерянный, заблудившийся во времени и пространстве, Лютиен отчаянно закричал, вцепившись в гриву коня. Двое людей и раненый крылатый скакун с силой плюхнулись в грязную лужу.

Казалось, прошло немало времени, прежде чем мужчины и раненый жеребец выбрались на мягкий дерн у края лужи. Грязь покрывала синие одежды Бринд Амора и превратила белую шкуру Ривердансера в грязно-коричневую. Лютиен тоже перепачкался с головы до ног, но его чудесный плащ остался чистым, он, похоже, сам сбрасывал любые пятна, сразу же возвращая себе пылающий алый цвет.

Однако у друзей вряд ли имелось время, чтобы обращать внимание на грязь. Правое крыло Ривердансера было сломано и разорвано, несчастный конь беспомощно прижимал его к боку. Бринд Амор схватил поводья и повел жеребца в густую рощу, где сотворил какое-то заклинание и дал знак Лютиену следовать за ним.

— Я не могу оставить Ривердансера... — запротестовал молодой Бедвир.

— Конь должен обрести свой естественный вид, — объяснил Бринд Амор, делая пассы руками. — Раны Ривердансера не покажутся такими уж серьезными, когда исчезнут крылья, но все равно ему необходим отдых. К тому же бессмысленно пытаться ехать верхом в этих зарослях да еще и сражаясь с таким противником, как Гринспэрроу.

Как будто в ответ на его слова, раздался оглушительный рев, и над их головами

промчалась огромная тень.

— Пошли, — сказал Бринд Амор, и в этот раз Лютиен не стал с ним спорить.

К удивлению и некоторому облегчению Оливера, Сиоба открыла прекрасные зеленые глаза и даже попыталась улыбнуться.

— Мы его прикончили? — спросила она прерывисто, задыхаясь.

Оливер кивнул, слишком потрясенный, чтобы говорить.

— Герцог Крезис из Карлайла — теперь лишь дурное воспоминание, — наконец удалось произнести ему.

— И это наполовину моя заслуга, — прошептала Сиоба.

— Вся твоя, — поспешно ответил Оливер.

Полуэльфийка с трудом покачала головой.

— Только половина, — прошептала она. — Мне этого довольно.

Оливер оглянулся на Кэтрин и увидел, что по ее прекрасному лицу текут слезы.

— Моя — половина, — продолжала Сиоба. — Сегодня пятнадцать с половиной.

Оливер не знал, что ответить, не понимая смысла ее слов.

— Скажи... Лютиену вот что, — с трудом произносила Сиоба. — Сегодня у меня пятнадцать с половиной. Конечный итог... девяносто три с половиной... у меня... только девяносто три... у Лютиена... даже если он убьет... Гринспэрроу.

Оливер крепко обнял ее.

— Я победила, — прошептала Сиоба, и в ее голосе на мгновение послышались прежние, бодрые нотки. А затем тембр ее голоса внезапно изменился. — Оливер? — позвала она. — Ты здесь?

Свет продолжал гореть, и Оливер знал, что глаза его возлюбленной не пострадали. Но она его не видела, и хафлинг понимал, что это значит.

— Я здесь, любовь моя, — отвечал Оливер, обнимая ее и стараясь сохранить в голосе прежнюю бодрость. — Я здесь.

— Холодно, — сказала Сиоба. — Так холодно...

Прошло чуть больше минуты, и Кэтрин наклонилась и закрыла незрячие глаза Сиобы.

— Пойдем с нами, Оливер, — попросила она потрясенного хафлинга, стараясь говорить твердо, потому что знала, что теперь ей надо быть твердой за двоих. — Мы ничего больше не можем сделать.

— Я останусь с ней, — решительно ответил Оливер.

Кэтрин взглянула на Этана, который лишь пожал плечами.

— Я закончу дела тут, в подземелье, — пообещал Этан, — и вернусь за вами.

Кэтрин кивнула, и Этан ушел обратно тем же путем. Тогда женщина, из уважения к горю Оливера, отошла в сторонку и села на алтарный камень. Ее сердце разрывалось от сочувствия к бедному Оливеру и от потери дорогой подруги.

— Мы должны найти мой посох, — прошептал Бринд Амор.

— Как? — удивился Лютиен, оглядывая бесконечные заросли и тени Солтуоша. — Это нереально.

— Ш-ш-ш! — зашипел Бринд Амор. — Потихе! Драконы обладают превосходным слухом!

И опять, как по сигналу, налетел сильный порыв ветра, и зеленый полог над ними взорвался от яростного вихря. Бринд Амор замер на месте, глядя на внезапно возникший пожар, и только молниеносная реакция Лютиена, который повалил волшебника в неглубокую лужу, накрыв его своим телом и магическим плащом, спасла старика от падающих головешек. Огромные куски древесного мха посыпались на землю, скручиваясь, как змеи, и их верхние концы запылали, словно фитили свечей. Неподалеку от друзей дерево, чей сок вскипел от пожара, взорвалось, рассыпав град миниатюрных огненных шаров, они шипели и разбрасывали искры, попадая в лужи или на сырой дерн.

— Встаем и бежим! — воскликнул Бринд Амор через несколько мгновений, видя, что горящие ветви быстро затухают во влаге болота.

Лютиен попытался последовать этому приказанию, но несколько раз подряд оступился на скользком краю лужи. Вдалеке послышалось отчаянное ржание Ривердансера, и юноша, повернувшись туда, где он оставил коня, увидел приближение смерти.

Он схватился за Бринд Амора, собираясь толкнуть его снова в грязь, но волшебник отпрыгнул в сторону. Укрытие было не таким уж и глубоким — во всяком случае, недостаточно глубоким, чтобы их не обнаружил всепроникающий взгляд дракона, — а Бринд Амор знал, что прятаться — значит быть пойманным.

Нет, решил старый волшебник, они пришли сюда, чтобы сразиться с Гринспэрроу, и они это сделают, встретившись с ним лицом к лицу.

Бринд Амор прижался к стволу древней ивы, огромного прекрасного дерева, которое приняло первый удар дракона так, словно это был всего лишь порыв легкого ветерка...

— Поделись со мной своей силой, — прошептал дереву старый волшебник и осторожно обхватил его руками.

Дракон промчался над их головами, оглядывая жестоко выжженный участок болот. Монстр пронзительно взвыл, пролетая над Бринд Амором, и тут же начал плавный, грациозный поворот.

Лютиен крикнул, предупреждая чародея, но Бринд Амор, казалось, не услышал. Похоже было, что волшебник вообще не обратил никакого внимания на дракона. Он стоял с закрытыми глазами, обнимая дерево и что-то тихо нашептывая.

Лютиен подошел поближе, не желая тревожить его, но и не сводя глаз с возвращавшегося дракона. Он хотел вновь позвать Бринд Амора, но, ошеломленный, остановился, когда увидел, что пальцы рук волшебника исчезли, как будто они просто погрузились в иву! Лютиен посмотрел на лицо друга и повелителя, пораженный его безмятежностью, затем снова взглянул на руки Бринд Амора и увидел, что кисти рук уже целиком ушли в дерево!

— Одолжи мне твою силу, — вновь прошептал Бринд Амор, но на языке, который Лютиен не мог понять, на языке музыки, а не слов, на языке той вечной гармонии, которая вдохнула жизнь во все сущее, которая дала дереву его силу и долгую жизнь, на языке всех тех сил, что питали этот мир.

Лютиен не знал, что ему делать. Вновь подняв глаза на подлетавшего дракона, он смог только беспомощно окликнуть своего зачарованного друга и броситься в сторону от Бринд Амора и ивы, под другое большое дерево.

Гринспэрроу испустил оглушительный рев и огромный язык пламени. В тот же момент Бринд Амор закричал, как будто в экстазе, и зеленое свечение охватило всего волшебника, побежало по его рукам к дереву, затем вверх по стволу, усиливаясь по мере того, как распространялось по веткам.

Горячее пламя дракона окутало их, Лютиен прижался к земле. Глаза жгло, юноша чувствовал, что его легкие вот-вот разорвутся. Он боялся даже представить себе мрачную судьбу Бринд Амора, которого не защищала чудесная алая накидка.

Пламя действительно охватило волшебника, но Бринд Амор ощутил его не больше, чем древняя ива. Ибо маг стал теперь частью дерева, а оно — частью волшебника, и если он взял от дерева его способность восстанавливаться, то оно приобрело его чувства. Изгибаясь, ветки поднялись над болотом, раскачиваясь и оплетая дракона, пролетавшего мимо.

Гринспэрроу был захвачен врасплох, когда одна огромная ветвь размахнулась и ударила его прямо между глаз, а другая вцепилась в левое крыло. Дракон закрутился на месте. Дерево гнулось, изворачивалось и ломалось.

Теперь Бринд Амор вскрикнул от боли, шок от столкновения с драконом разрушил его слияние с деревом, и теперь чародей сидел на земле, удивляясь тому, что от его одежды в нескольких местах идет дым. Маг застонал, взглянув на иву, — многие ее ветви были сломаны, ствол наполовину вывернут из земли и склонился набок, и все древнее дерево

почти выдернуто из земли силой схватки.

Бринд Амору хотелось подойти к иве, поблагодарить и утешить ее, использовать свои силы, чтобы вылечить дерево. Однако у него имелись и более насущные проблемы, потому что дракон тяжело обрушился на землю, проделав просеку ярдов в сто длиной. Однако тварь еще отнюдь не собиралась сдаваться. Гринспэрроу выпутался из сломанных кустов и деревьев и выпрямился, повернувшись лицом к противнику. Одно крыло его было разорвано, и чтобы залечить его, явно требовалось время, а пока что дракон не мог летать. Словно гигантский кот, Гринспэрроу припал к земле, подогнув задние ноги, его желто-зеленые зрачки сконцентрировались на маленьком человеке, который причинил ему такую сильную боль.

Одним прыжком он подобрался достаточно близко, чтобы опять выдохнуть язык огня, окутавший Бринд Амора.

Но старый волшебник был наготове. Своей магией он вытянул влагу из земли под ногами и встретил дракона водяной стеной. Затем чародей выпустил сверкающий заряд энергии, который пролетел сквозь пламя и ударился в Гринспэрроу.

Лютиен, дрожа, свернулся в комок, зажав уши, чтобы не оглохнуть от громоподобного рева чудовища. Рев продолжал нарастать, сливаясь с ревом пламени, секунды казались часами. Юноша страстно мечтал о единственном глотке воздуха, но его не было. Ему хотелось вскочить и убежать, но ноги отказывались его держать. Затем Лютиену показалось, что весь мир скользит в черноту, в бездонную яму, и он сам сползает в бездну.

Рев стал затихать.

Затем он смолк окончательно, исчезло пламя, иссякли заряды энергии, а Гринспэрроу и Бринд Амор стояли лицом друг к другу. По тому, как змеиная шея внезапно качнулась назад, и по расширенным глазам твари Бринд Амор понял, что его стойкость удивила дракона.

— Ты предал все, что было свято для древнего братства, — резко произнес старый волшебник.

— Для древних глупцов! — ответил дракон глубоким, утробным голосом.

Бринд Амор удивился тому, что дракон говорил с трудом, спотыкаясь после каждого слога и перемежая свою речь рычанием.

— Глупцы, говоришь? — бросил волшебник. — Однако именно в братстве ты впервые обрел свое могущество.

— Мое могущество — гораздо древнее! — взревел в ответ дракон. — Древнее, чем ваше братство, древнее, чем ты сам!

И тут Бринд Амор все понял, он догадался, что две воли слившихся существ борются между собой.

— Ты — Гринспэрроу! — воскликнул он, пытаясь форсировать события.

— Я — Дэнсалигна... Я — Гринспэрроу, повелитель Эйвонси! — зарычала тварь.

Затем дракон произвольно содрогнулся, и Бринд Амор поспешил перейти в наступление, отправив еще один заряд, на этот раз белый и сверкающий, как молния. Дракон взревел, волшебник закричал от боли, потому что вся его энергия, вся его жизненная сила ушли в этот заряд. Магия всегда была силой, подчиненной здравому смыслу, но сейчас Бринд Амор не желал сдерживаться, только не в схватке с подобным врагом! Он чувствовал, как бешено бьется его сердце и слабеют ноги, но все же вложил всего себя в этот заряд энергии, собрав все силы своего тела и швырнув их в огромное чудовище.

Он почти не видел ни дракона, ни чего-либо еще, но где-то в глубине сознания Бринд Амор понимал, что он всерьез ранил монстра и тот трансформируется.

Наконец выброс энергии закончился, и волшебник стоял, покачиваясь, в полном изнеможении. Через секунду ему удалось сконцентрироваться на своем противнике, и его глаза расширились.

Перед ним теперь не было ни дракона, ни его врага, надменного короля Гринспэрроу. Гринспэрроу и Дэнсалигнатос были захвачены его последним ударом на середине трансформации, и Бринд Амор увидел двуногое существо в половину человеческого роста,

но с чешуйчатыми черно-зелеными когтистыми руками, с хвостом, яростно рассекавшим воздух, и змеевидной шеей, по длине равнявшейся росту Бринд Амора.

— Ты думаешь, что победил меня? — взывала тварь.

Лютиен услышал этот крик как будто издалека, и сам голос чудовища, воющий, резкий, жужжащий, ранил его, ужалил слух и сердце.

— Ты глупец, Бринд Амор, и глупцами были все твои братья-волшебники, — проревел Гринспэрроу.

— Гринспэрроу когда-то тоже был одним из нас, — с трудом произнес волшебник.

— Нет! — взревела тварь. — Только Гринспэрроу и был достаточно мудр, чтобы дожидаться подходящего момента.

У Бринд Амора не нашлось на это ответа. Он и сам не раз жалел о том, что братство волшебников слишком быстро и слишком беспечно рассталось со своим могуществом.

— А теперь ты умрешь, — небрежно заявила тварь, шагнув вперед. — И весь мир будет открыт для меня.

И опять Бринд Амор нечего было возразить в ответ на слова короля-дракона, по крайней мере на их первую часть, потому что у него не осталось сил даже поднять руку. Однако он не был уверен в том, что притязания Гринспэрроу на мировое господство станут реальностью.

— Теперь все знают, кто ты такой, — вызывающе крикнул он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно тверже и убедительней. — И что ты собой представляешь.

Гринспэрроу злобно рассмеялся, как будто спрашивая, какое это может иметь значение.

— Диана Велворт получит назад свой трон и королевство, а самозванец Гринспэрроу останется ни с чем! — заявил маг.

— Если я могу легко победить таких, как Бринд Амор, то как слабая женщина или кто-то из ее неразумных союзников выстоят против меня?

Гринспэрроу продолжал продвигаться вперед и теперь находился уже в нескольких футах от Бринд Амора, который был просто слишком измучен, чтобы отступить.

— Я заберу назад все, что было моим! — пообещало чудовище, и стало ясно, что время разговоров кончилось.

Змеиная шея Гринспэрроу резко дернулась вперед, пасть широко распахнулась. Бринд Амор жалобно вскрикнул, руки старика взметнулись, прикрывая лицо. Клыки порвали рукава, поцарапали кожу, но благодаря жесту Бринд Амора Гринспэрроу промахнулся и вместо того, чтобы вцепиться в старика зубами, он лишь толкнул его, и волшебник упал на землю.

В тот же миг король-дракон уловил какое-то движение позади, чья-то фигура отделилась от корней дерева и бросилась на него.

«Друг Бринд Амора!» — догадался король-дракон.

Но как же он не заметил его раньше?

Лютиен сделал два огромных прыжка и, держа «Ослепительный» обеими руками, описал им дугу, нанеся удар по вытянутой шее твари. Он рубил снова и снова, пока Гринспэрроу пытался сосредоточиться на этом новом, внезапно возникшем противнике. Зеленая чешуя крошилась и отлетала в разные стороны. Когтистые задние лапы чудовища оставили в земле глубокий след, когда оно попыталось резко развернуться.

Лютиен, ослепленный яростью, выкрикивал десятки проклятий и яростно рубил мечом, не останавливаясь ни на мгновение. Он прекрасно понимал, что если позволит чудовищу опомниться, то подпишет себе смертный приговор. Снова и снова он взмахивал могучим мечом, и каждый взмах заканчивался ударом, иногда прямым, иногда скользящим. Отважный юноша заставлял Гринспэрроу пятиться, неустанно продолжая наносить удары по извивающейся шее твари.

Но затем он поскользнулся, запнулся всего лишь на мгновение, однако этого мгновения королю-дракону хватило на то, чтобы уйти из-под ударов и твердо встать на ноги.

— Алая Тень! — прорычал Гринспэрроу. — Ты вечной занозой торчишь на моем пути!

Лютиен выпрямился и вновь пошел в нападение, но вынужден был резко остановиться, понимая, что нырнуть в этот клубок когтей и клыков означало неминуемую смерть.

— Много месяцев я ждал этого момента, — заявил Гринспэрроу. — Ждал возможности отплатить тебе за все беды. За Белсена Крига и Моркнея, за Бела из Принстауна и за смехотворный клич «Свобода Эриадора!», который достиг моего слуха.

Лютиен шагнул вперед и размахнулся, но обнаружил, что падает на спину раньше, чем лезвие меча проделало полпути, потому что змееподобная шея ударила его. Он упал в грязь и пополз в сторону. Гринспэрроу смеялся так громко, что не мог преследовать его.

— Смотри, как он умирает, Бринд Амор, — взревел король-дракон. — Смотри, как рушатся все твои надежды.

Лютиен оглянулся на мага, молясь, чтобы у того нашлись силы вмешаться в схватку. Но на этот раз Бринд Амор не мог помочь ему. Волшебник сидел на земле, с трудом удерживаясь от того, чтобы не упасть плашмя. Его магические силы иссякли, были полностью растратчены, большая часть ушла в последний удар, в последнюю атаку. Она забрала много сил и у дракона, даже низвела его к нынешней форме, но все-таки не уничтожила Гринспэрроу.

Лютиен внимательно посмотрел на своего врага. Король-дракон, безусловно, был серьезно ранен, его основательно потрепало дерево, ему досталось от зарядов магической энергии, а также от бешеных атак самого юноши. Глубокие рубцы исполосовали шею Гринспэрроу и половину лица. Одно из крыльев было аккуратно сложено на спине, но другое, явно сломанное, торчало под странным углом.

Медленно, очень медленно Лютиен подтянул ноги.

— Или, возможно, мне не стоит убивать тебя, — говорил Гринспэрроу, рассеянно глядя куда-то в пространство. — Возможно, мне следует отвезти тебя обратно в Карлайл, лжеца и врага трона. Возможно, я использую тебя для того, чтобы дискредитировать Диану Велворт, — задумчиво произнесла тварь и, оглянувшись, осознала, что Лютиен вскочил на ноги и собирается напасть.

Гринспэрроу резко выбросил голову на длинной шее вперед, к молодому Бедвиру, но опоздал. Лютиен проскочил под разинутой пастью, выставив перед собой лезвие меча, и собственная инерция движения Гринспэрроу сработала против него, когда «Ослепительный» нанес удар под нижнюю челюсть короля-дракона, пройдя прямо сквозь чешую и кожу, прямо сквозь дрожащий раздвоенный язык в верхнее небо.

Лютиен пролетел вперед, вложив в удар всю свою силу и отчаянно стараясь при этом уклониться от рук монстра.

Гринспэрроу зашипел, заметался, и Лютиен не смог ни удержать меч, ни остаться на ногах. Земля поехала под ним, когда Гринспэрроу метнулся в сторону, но «Ослепительный» засел прочно, и Лютиена потащило следом.

Когтистая лапа прошла по его ребрам, разрывая кольчугу и плотную кожаную куртку с такой легкостью, словно это была сухая, ломкая бумага. Появились яркие полосы крови, одна из ран оказалась такой глубокой, что в ней виднелось ребро.

И все равно он держался, рыча от боли, но затем его настиг еще один удар, прямой, а не скользящий, и настолько сильный, что Лютиен отлетел прочь вместе с мечом.

Голова короля-дракона бешено мотнулась в сторону, когда «Ослепительный» освободился и Гринспэрроу упал на одно колено, давая испуганному Лютиену время отползти в болотные заросли.

Но тварь немедленно кинулась в погоню, фыркая, рыча и рассыпая проклятия, звеневшие в ушах младшего Бедвира.

Никогда раньше он не убегал с поля боя, ни от Моркнея, ни от демона Такнапотина. Но это чудовище, даже раненое, было сильнее тех двоих, вместе взятых, на него надвигалось нечто слишком злобное и слишком ужасное.

И Лютиен бежал, спотыкаясь, прижимая к боку ладонь в попытке остановить льющуюся кровь. Он слышал сопение позади, знал, что Гринспэрроу без труда следует за

ним по дорожке льющейся крови.

Тварь уже находилась у него за спиной. Лютиен побежал изо всех сил, но споткнулся о корень и полетел головой вперед.

Все его чувства кричали о том, что ему пришел конец и сейчас он погибнет.

Прошло мгновение, которое показалось необыкновенно длинным. Лютиен слышал дыхание чудовища не дальше чем в нескольких футах от себя. Почему Гринспэрроу еще не прикончил его?

Плащ. Должно быть, дело в его плаще. Лютиен осмелился выглянуть из-под капюшона и увидел яркий свет чудовищных драконьих глаз, обшаривавших землю. Лютиен задержал дыхание, заставил себя замереть.

Конечно, дракон должен был его найти; Лютиен знал, что Гринспэрроу не понадобится много времени на эту загадку, и так бы оно и случилось, если бы где-то впереди не раздался громкий треск... и мимо Лютиена промелькнула белая шкура Ривердансера.

Гринспэрроу взвыл, решив, что молодой противник каким-то образом опередил его и добрался до своего коня. А если этот чертов конь поднимется в воздух, он окажется вне досягаемости короля-дракона!

Этого Гринспэрроу допустить не мог, поэтому он прыгнул вперед — и споткнулся о какое-то невидимое препятствие.

Гринспэрроу даже не обратил на него внимания, но его тяжелый башмак чуть не вышиб дух из Лютиена. Молодой Бедвир мог остаться на месте, позволив королю-дракону броситься вдогонку за Ривердансером, а затем вернуться к Бринд Амору.

Но Лютиен увидел свой шанс и не собирался упускать его, несмотря на страх и боль. С криком «Свобода Эриадора!» молодой Бедвир бросился вперед и поравнялся с чудовищем. Острие «Ослепительного» сильно ударило между крыльев, разрывая чешую и проникая внутрь до позвоночника.

Лютиен прыгнул на спину Гринспэрроу, крепко вцепившись в поломанное крыло и не выпустив его даже тогда, когда тварь попыталась обернуться.

Гринспэрроу свернулся в клубок, опустив плечо так, чтобы перекатиться прямо через жалкого человечка. Лютиен попытался увернуться, выдернул меч из спины твари и отпустил крыло. Он отлетел прочь, но Гринспэрроу прыгнул следом, и дыхание прервалось в груди Лютиена, когда король-дракон всем своим весом навалился на него.

Лютиен беспомощно распластался на земле, а ужасная морда короля-дракона теперь находилась всего в нескольких дюймах от его лица. Они сохраняли это положение в течение нескольких секунд, и на лице Гринспэрроу появилось странное выражение, похожее на замешательство.

Лютиен понимал, что покалеченная пасть не может укусить его, но руки юноши были прижаты к груди, и он не мог даже заслониться, если бы Гринспэрроу впился в его лицо клыками. Он отчаянно боролся, но тщетно. Лютиен не мог даже вздохнуть как следует, поскольку нечто сильно давило на его грудь... и вдруг он понял, что это рукоять его собственного меча!

Глаза Лютиена расширились. Если это рукоять меча, тогда «Ослепительный» направлен острием прямо вверх. А сверху распластался король-дракон...

— Проклятый сопливый юнец... — пробурчал Гринспэрроу, и его голос прозвучал слабо, а слова сопровождались звуками капающей крови. Тварь издала тихий недоверчивый смешок. — Ты убил меня.

Лютиен был слишком ошеломлен, чтобы ответить.

— Но и тебе не жить, — пообещал Гринспэрроу, а у Лютиена не осталось слов, и он ничего не мог сделать, чтобы защитить себя, потому что рогатая голова высоко поднялась на змеевидной шее и оказалась вровень с лицом юноши. Даже если король-дракон умрет раньше, чем ударит, одного его веса хватит, чтобы прикончить Лютиена.

Он попытался храбро взглянуть в лицо смерти, попытался не кричать. Но тут его мысли разлетелись вдребезги, разбитые оглушительным ржанием, раздавшимся откуда-то сбоку.

Противников окатила струя грязи, Ривердансер встал на дыбы, развернулся, а затем лягнул задними ногами голову дракона как раз в тот момент, когда она начала опускаться.

Шея Гринспэрроу стремительно дернулась в сторону, голова тяжело ударилась о землю.

Король-дракон замер.

ЭПИЛОГ

Лютиену потребовалось некоторое время, чтобы выбраться из-под мертвого чудовища. А освободившись, он потратил несколько минут, просто лежа в грязи и пытаясь восстановить дыхание, молясь, чтобы жгучая боль ослабла. Затем ему как-то удалось встать на ноги. А потом, почти теряя сознание, он привалился к своему драгоценному Ривердансеру, который опять был просто конем (крылья, данные Бринд Амором, бесследно исчезли), и крепко обнял его.

Лютиен оглядел мертвого короля-дракона и увидел, что из спины твари торчит острие «Ослепительного». Подведя поближе Ривердансера и используя силу коня, Лютиен ухитрился перевернуть мертвого короля-дракона так, чтобы освободить меч. Затем Лютиен повел коня обратно к Бринд Амору и почувствовал огромное облегчение, когда увидел, что хотя волшебник и лежит на спине, без сознания, дышит он глубоко и ровно. Потребовалось немалое время, чтобы уложить Бринд Амора на спину Ривердансера. Но наконец труд юноши завершился, и, обуреваемый желанием к ночи оказаться как можно дальше от болота, Лютиен повел коня прочь, прямо на запад.

Удача не отвернулась от него, и вскоре после захода солнца Лютиен вышел из Солтуоша на холмистые поля юго-восточного Эйвона. Он хотел разжечь костер, но без сил рухнул на траву и уснул.

Пробудившись в косых лучах рассветного солнца, он обнаружил, что рядом с ним стоит бодрый Бринд Амор.

— Пора садиться в седло, — подмигнул ему волшебник. — Нас ждет долгий путь, мой мальчик.

Бринд Амор помог ему встать на ноги, и Лютиен понял, что его раны уже не столь болезненны. Он взглянул на свое ребро и увидел на нем толстый слой мази — ему не понадобилось задавать вопросы, чтобы понять, что Бринд Амор добавил к лекарству немножко магии.

— Долгий путь, — повторил волшебник и вновь подмигнул. — Но на этот раз дорога приведет нас в более приятное место!

Так оно и было, потому что к тому времени, как товарищи вернулись в Карлайл, Диана Велворт уже заняла свое законное место королевы Эйвона. Она обратилась к сомневающимся и напуганным жителям с речью ободряющей и примирительной, но твердой. Она заняла трон по праву рождения. Народ признал это право, но Диана оказалась достаточно мудрой, чтобы понять, что реальным испытанием ее могущества и истинной причиной возвращения являлась обязанность изменить к лучшему жизнь тех, кем она собиралась править.

Ее правление, пообещала она, будет таким же, как правление ее отца, мягким и справедливым, во имя всеобщего блага.

Но насколько же увеличились надежды и чаяния новой королевы и тех, кто ее поддерживал, в то утро, когда Лютиен и Бринд Амор проехали верхом на выздоровевшем Ривердансере через сверкающие ворота Карлайла, принеся весть о том, что король-дракон, злобный Гринспэрроу, наконец-то мертв!

Узнав об этом, Диана не стала терять время даром. Она официально объявила Бринд Амора законным королем свободной земли Эриадор и предоставила такую же автономию королю Барандуина Эшаннону Макленни и королю Дун Дарроу Беллику дан Бурсо. Затем эти четверо заключили перемирие с Асмундом из Айсенленда, хотя потребовалось слегка

пригрозить, чтобы убедить яростного и гордого короля хьюготов пойти на это. Дело в том, что три короля и королева Эйвонси выступили единым фронтом, требуя, чтобы воины Асмунда не захватывали в рабство их подданных.

Трюмы его галер опустели, люди, которые не надеялись когда-либо вновь увидеть дневной свет, опустились на колени на берегу Страттона и вознесли благодарственные молитвы Богу.

Теперь воинам Асмунда предстояло самим сесть на весла, чтобы увести корабли домой. Когда с этим было покончено, Бринд Амор обратился к своим собственным делам, организуя достойные похороны павшим эриадорцам, включая храбрую полуэльфийку, которая была его дорогим и бесценным другом и внесла такой огромный вклад в великие перемены, произошедшие на их родине.

Лютиен не мог сдержать слез, когда хоронили Сиобу, и только вид сломленного горем Оливера и Кэтрин, которая держалась с огромным трудом, помог Лютиену понять, что он должен беречь силы, чтобы помочь своему другу-хафлингу.

Первая неделя после восхождения Дианы на трон была полна скорби, вторая началась с празднований, которые, по объявлению королевы Эйвона, должны были продлиться две недели. Празднования начались с прощания с Асмундом и хьюготами, но практичный варвар изменил планы и позволил своим измученным воинам задержаться в Эйвоне подольше.

В первую ночь веселья, после пира, на котором сотни гостей сидели за столами Дианы, Бринд Амор отозвал в сторону Лютиена и Оливера, Кэйрин Калтуэйн и проктора Биллевина.

— Гринспэрроу был прав в одном: в том, что разделил свое королевство между герцогами, — объяснил король. — Невозможно увидеть все государство, сидя на троне в Кэр Макдональде.

— Мы принимаем тебя как короля, — уверил его проктор Биллевин.

Бринд Амор кивнул.

— А я нарекаю тебя снова, и официально, герцогом Гайби, — объяснил он. — А тебя, Кэйрин Калтуэйн, — герцогиней Эрадоха. Правьте своим народом мудро и справедливо и знайте, что Кэр Макдональд поддержит вас во всем.

Двое низко поклонились.

— А теперь вы, мои дорогие друзья, — продолжал Бринд Амор, повернувшись к Лютиену и Оливеру. — Мне сообщили, что в Бедвидрине нет ни герцога, ни графа, а только наместник, временно исполняющий обязанности правителя.

— Это верно, — кивнул Лютиен, стараясь, чтобы его тон соответствовал той чести, которую, как он понимал, ему сейчас окажут, однако сердце юноши воспротивилось. Лютиен уже сполна насладился прелестями обязанностей, командования и ответственности, и больше всего ему хотелось сейчас свободно скакать по бесконечной дороге.

— Итак, я жалую тебе титул герцога Бедвидрина, — провозгласил Бринд Амор, — и власть над всеми тремя островами — Бедвидрином, Марвисом и Карифом.

— Но на Марвисе и Карифе есть свои графы, — попытался протестовать Лютиен.

— Которые будут подчинены тебе, а ты будешь отчитываться передо мной, — спокойно закончил Бринд Амор.

Лютиен ощутил, что его загнали в ловушку. Как он мог не подчиниться приказу своего короля, особенно такому приказу, который каждый счел бы великой честью и наградой? Он взглянул на Оливера, затем его взгляд перешел с хафлинга на Кэтрин, которая танцевала в середине зала. Глядя на мужчину, с которым плясала его подруга, Лютиен нашел решение своей проблемы.

— Я не могу принять подобную честь, — твердо сказал он. Кэйрин и Биллевин изумленно ахнули.

Оливер сильно ткнул его под ребро.

— Он не хочет сказать... он не имеет в виду того, что пытается сказать... — забормотал хафлинг, пытаясь оттащить Лютиена в сторону.

Юноша улыбнулся своему миниатюрному другу; он знал, что больше всего Оливеру

хотелось спокойной и беззаботной жизни, а предложение Бринд Амора обеспечило бы избыток удобств для них всех.

— Это действительно большая честь для меня, — сказал Лютиен королю. — Но я не могу принять титул. Наши пути не подчиняются указам любых королей, наши корни — в обычаях тех давних времен, когда даже ваше братство еще не возникло.

Бринд Амор, не оскорбленный, но очень заинтересованный, склонил голову набок и задумчиво поскреб седую бороду.

— Я не являюсь законным наследником Бедвидрина, — объяснил Лютиен. — Им может стать только старший сын Гахриза Бедвира.

Все взгляды устремились на танцевальную площадку, к Кэтрин и ее партнеру Этану Бедвиру. Бринд Амор призвал к себе молодых людей и Асмунда, вождя хьюготов.

Сперва Этан ответил резко, впрочем, иного никто и не ожидал.

— Я — хьюгот, — заявил он, ничуть не удивив присутствующих.

Кэтрин рассмеялась ему в лицо, и глаза молодого человека, глаза цвета корицы, этот очевидный признак его законного права на титул эрла, вспыхнули, когда он с гневом взглянул на нее.

— Ты — Бедвир, — сказала женщина, не собираясь отступать ни на дюйм. — Ты — сын Гахриза и брат Лютиена, что бы ты ни говорил.

Этан дрожал от гнева, готовый взорваться.

— Ты покинул Бедвидрин только потому, что не мог смириться с тем, что творилось у тебя на родине, — продолжала Кэтрин.

— Теперь ты можешь править по своему собственному усмотрению, — добавил Бринд Амор. — Неужели ты бросишь свой народ сейчас, в эпоху великих перемен?

— Свой народ? — нахмурился Этан, взглянув на Асмунда.

Какая-то часть Оливера де Берроуза, любящего комфорт хафлинга, страстно желала, чтобы Этан отверг это предложение, и тогда Лютиену пришлось бы принять его, а Оливер мог поехать с ним и прожить всю жизнь в истинной роскоши. Но даже этого искушения было недостаточно для того, чтобы любящий хафлинг предал своего лучшего друга и потребовал от него невозможного.

— Даже Асмунд согласится, что неплохо иметь такого друга, как Этан Бедвир, в роли властителя трех островов, — вставил Оливер, увидев свой шанс. — Может статься, именно в этом твое предназначение, Этан, сын Гахриза. Ты, который подружился с хьюготами, можешь скрепить в договоре и в своем сердце союз и дружбу, которая переживет и тебя, и всех твоих будущих кареглазых детей.

Этан открыл было рот, собираясь ответить, но Асмунд крепко хлопнул его по спине и разразился смехом.

— Ты был мне сыном, — громогласно заявил король хьюготов, который явно немного переборщил с выпивкой. — Но если ты думаешь, что у тебя есть шанс усесться на мой трон!.. — И он опять громко захохотал.

— Прими этот титул, парень! — сказал Асмунд, отсмеявшись. — Возвращайся к своему народу, но не забывай и нас!

Этан глубоко вздохнул, перевел взгляд с Кэтрин на Асмунда, затем на Лютиена и, наконец, на Бринд Амора, а затем сдержанно, но благодарно кивнул в знак согласия.

Возможно, причина крылась в надеждах на перемены, которые зародились в душах жителей Эйвонси, но подошедшая зима оказалась вовсе не такой уж суровой. Даже в тех удивительно редких случаях, когда выпадал снег, он казался легким, пушистым и окутывал землю мягчайшим одеялом. И объятия зимы тянулись совсем недолго, последний снег выпал еще до того, как закончился второй месяц года, а к середине третьего месяца поля вновь зеленели и пахло теплым ветром.

И вот как-то ясным утром Лютиен, Кэтрин и Оливер выехали из Карлайла. Бринд Амор и армия Эриадора уже давно вернулись в Кэр Макдональд, Этан Бедвир — в Бедвидрин,

Эшаннон Макленни и его флот — в Барандуин, а Беллик дан Бурсо — в Дун Дарроу; все они были готовы принять на себя свои новые обязанности. Но для Лютиена и двух его друзей обязанности закончились с падением Гринспэрроу и официальной коронацией королевы Дианы Велворт Эйвонской. Поэтому вся троица задержалась в Карлайле, наслаждаясь блеском и роскошью самого большого города Эйвона. Они провели зиму, залечивая боевые раны и позволяя скорби о павших друзьях перерасти в прекрасные воспоминания о них.

Но даже Карлайл, такой огромный, полный развлечений и достопримечательностей, не мог победить жажду приключений, которая жила в сердцах всех троих, а более всего — в сердце Лютиена Бедвира. И потому, когда снега сошли и подули теплые ветры, Лютиен верхом на Ривердансере поскакал впереди своих друзей на север.

Они были в пути уже несколько дней, предпочитая общество друг друга, хотя их ожидал теплый прием в любой деревне и на любой ферме. Они видели зверей, пробуждавшихся от зимней спячки, и каждую ночь их путь освещали яркие звезды, сиявшие над тихими темными полями.

Все трое вроде бы и не думали о том, куда они направляются, но неуклонно продвигались на север, к Айрон Кроссу, за которым лежал Кэр Макдональд. Горы уже были хорошо видны, а озеро Спейтенфергюс осталось далеко позади, когда они, наконец, заговорили о том, куда держат путь.

— Я не думаю, что Кэр Макдональд так уж сильно отличается от Карлайла, — заметил Лютиен однажды утром, вскоре после того, как они свернули лагерь. День опять был не по сезону теплым и приветливым, над головами сияло солнце, а с юга дул мягкий ветерок.

— О да, но ведь Бринд Амор, мой дорогой друг, правит именно в Кэр Макдональде, — весело сказал Оливер, понукая Тредбара и стараясь обогнать гнедого скакуна Кэтрин, чтобы поравняться с Ривердансером.

Кэтрин даже не улыбнулась. Она тоже с грустью размышляла о неизбежной скуке, которую сулило мирное существование.

— Ну, это правда, — заметил Лютиен.

— Поэтому, — начал рассуждать Оливер, — если, например, мы заберемся в дом какого-нибудь купчишки и нас поймают... Нет-нет, я не утверждаю, что кто-то способен поймать прославленного Оливера де Берроуза и его оруженосца Алюю Тень! — быстро добавил Оливер, когда его товарищи резко остановили своих коней и весьма скептически взглянули на него.

— Оруженосца Алюю Тень? — переспросила Кэтрин.

— Мы не вернемся в Кэр Макдональд как воры, Оливер, — сухо напомнил Лютиен, хотя хафлинг и сам отлично это понимал. Оливер пожал плечами; Кэтрин и Лютиен взглянули друг на друга и понимающе улыбнулись, затем вновь пустили своих коней вперед.

— В самом деле, зачем нам это? — сказал Оливер. — Конечно, мы будем жить во дворце, окруженные удовольствиями, роскошной едой и красивыми женщинами! Разумеется, я просто шутил, с чего бы мне отправляться воровать, если мне столько всего дано?

Следующий вопрос Лютиена опять заставил его спутников резко остановиться.

— Тогда что мы будем делать? — спросил молодой Бедвир.

— А что мы, собственно, должны делать? — не понял Оливер.

— Должны ли мы с тобой создать свой семейный очаг и растить детей? — спросил Лютиен у Кэтрин, и ошеломленное выражение ее лица показало, что она вряд ли размышляла об этом больше, чем сам Лютиен. — Тогда должны ли мы все служить Бринд Амору, — продолжал Лютиен, — перетаскивая нескончаемые свитки пергаментов из комнаты в комнату?

Оливер покачал головой, все еще не догадываясь, куда клонит Лютиен.

Однако Кэтрин отлично поняла мысль своего возлюбленного. По правде говоря, Лютиен затронул проблему, которую молодая женщина еще как следует не обдумывала.

— Что же мы должны делать? — спросила она больше у Лютиена, чем у Оливера.

Молодой Бедвир окинул подругу внимательным взглядом. Он явно считал, что их очевидное будущее как-то не сочетается с напряженностью их недавнего прошлого.

— Что нам остается делать в Кэр Макдональде? — спросила женщина.

— Кэр Макдональд — столица Эриадора, а наш друг там правит, — ответил Лютиен, но констатация очевидного факта никак не являлась ответом на вопрос женщины. Кэтрин кивком головы выразила свое согласие, но знаком попросила Лютиена продолжать и объяснить поточнее, что это может для них означать.

— Существуют важные... — начал молодой Бедвир. — Мы можем понадобится... Бринд Амору понадобятся эмиссары, — наконец выговорил он. — Чтобы ездить в Гайби, Эрадох, Дун Карит и Порт-Чарлей. Ему понадобятся гонцы, чтобы доставлять его эдикты в Бедвидрин. Ему понадобятся...

— И что из этого? — Простой вопрос Кэтрин застал врасплох Оливера и прервал произносимую по обязанности речь Лютиена прежде, чем в ней прозвучали какие-нибудь убедительные моменты, — правда, и сам молодой Бедвир не очень старался сделать ее убедительной!

— Война закончена, — просто сказала Кэтрин.

Оливер застонал, наконец осознав, к чему клонят эти двое. Он начал протестовать, напоминая им о роскоши, ожидающей их, обряде посвящения в рыцари, прекрасных дамах... Но, говоря по правде, Оливер вскоре обнаружил, что ему недостает аргументов, потому что в глубине души он был согласен с ними, хотя натура хафлинга, всему на свете предпочитавшая комфорт, громко возмущалась его безрассудством. Война закончилась, угроза со стороны Гринспэрроу миновала навечно. И угроза со стороны циклопов тоже исчезла, во всяком случае, в обозримом будущем. Три королевства самого крупного острова Эйвонси заключили мир и прочный союз, а любые проблемы, которые могли сейчас возникнуть, наверняка показались бы мелкими по сравнению с той великой борьбой, в которую они когда-то вступили и победили.

Вот почему Лютиен отказался от короны Эриадора, когда его имя назвали в качестве возможного претендента вскоре после того, как северное королевство обрело независимость от Эйвона, управляемого Гринспэрроу. Оливер смотрел на своего молодого друга и кивал: вот теперь ему все стало ясно. Вот почему Лютиен уступил Этану высокий пост, предложенный ему Бринд Амором. Вот почему, говоря по правде, Лютиен и Кэтрин согласились провести столько времени в Карлайле. Они потратили много месяцев, ведя справедливую войну, кровь бурлила в их жилах. Они были молоды и полны жажды приключений; что мог дать им Кэр Макдональд?

— Я провела много часов в обществе герцога Макленни... короля Макленни, на борту его флагманского корабля, когда мы огибали западный и южный берега Эйвона, — сказала Кэтрин чуть позже. Все трое снова ехали вперед, но теперь уже не спеша. — Он много рассказывал мне о Барандуине, диком и неукротенном.

Лютиен посмотрел на девушку, на его лице засияла озорная улыбка.

Оливер застонал.

— Неукротенном, — подчеркнула Кэтрин, — и явно нуждающемся в нескольких настоящих героях.

— Мне нравится направление мыслей этой женщины, — заметил Лютиен, резко поворачивая Ривердансера к западу.

Оливер застонал снова. По многим соображениям ему хотелось убедить Лютиена и Кэтрин принять роскошную жизнь, он мечтал, чтобы друзья остепенелись и завели детей, а он бы толстел в роскоши дворца Бринд Амора. Однако Оливер не только понимал, но против собственной воли соглашался с тем путем, на который они свернули. Дикий Барандуин, непредсказуемый и безнаказанный, был как раз тем местом, где хафлинг с большой дороги мог найти и приключения, и сокровища. Внезапно Оливер вспомнил беззаботные дни, которые они проводили с Лютиеном, когда впервые встретились, как они забирались в глубь Эриадора, живя за счет купцов, встреченных на дороге. Теперь хафлинг вновь вообразил

бродячую жизнь с Лютиеном в его чудесном плаще и с Кэтрин — о таких друзьях любой хафлинг с большой дороги мог только мечтать. Они двигались дальше, а он грезил наяву, и его мечты становились все более яркими и восхитительными — до тех пор, пока хафлинг не увидел изъян в своих видениях.

— Ах, моя дорогая Сиоба, — вслух пожаловался Оливер, потому что на самом деле в его фантазиях группа, скачущая по зеленым лесистым холмам Барандуина, состояла не из трех, а из четырех человек. — Если бы ты была с нами...

Лютиен и Кэтрин окинули хафлинга сочувственными взглядами, разделяя его горе. Насколько лучше было бы им всем, находишь с ними прекрасная полуэльфийка!

— Тогда бы мы стали парой пар! — объявил Оливер уже более бодрым тоном, на пухлом лице возникли ямочки и появилась улыбка. — Уж мы вчетвером дали бы прикурить этим купчишкам!

Лютиен и Кэтрин лишь беспомощно улыбнулись — их радость омрачали шрамы войны, которые никогда полностью не зарубцуются.